

2024 № 2

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2(28)
2024

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2024

2 (28)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов

А. К. Аликберов

В. М. Алпатов

С. Э. Бабкин

А. Г. Белова

В. Я. Белокреницкий

С. А. Бурлак

А. В. Воронцов

А. В. Демченко

А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская

А. О. Захаров

Т. А. Карасова

Е. Л. Катасонова

А. И. Кобзев

В. А. Кузнецов

Ю. В. Любимов

Н. М. Мамедова

С. Е. Малых

Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков

В. Н. Настич

В. В. Наумкин

К. В. Орлова

Н. Г. Романова

А. В. Сарабьев

В. Н. Саутов

Т. Л. Шаумян

На обложке: Один из храмов Богдо-гэгэна VIII. Дворец Богдо-гэгэна VIII, Улан-Батор, Монголия.

Фото С. Л. Кузьмина. 2011.

© ФГБУН ИВ РАН, 2024

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2024

2 (28)

Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: One of temples of the 8th Bogd Gegeen's Palace. Ulaanbaatar, Mongolia. Photo by S. L. Kuzmin. 2011.

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2024

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Е. Ю. Гончаров, С. Е. Малых.* Римские монеты из гробницы Усера (Египет) 10
- Д. Текаев.* Взаимоотношения хорезмшаха Султана Текеша (1172–1200)
с последним сельджукским султаном Тогрулом III (1177–1194) 15
- Т. Н. Загородникова.* Путешествие штабс-ротмистра графа
Григория Ивановича Ностица (1862–1926) в Индию в 1895–1896 гг. 22
- Vitaly V. Naumkin.* Soviet Diplomacy and the All-Muslim Congress in Saudi Arabia 30

НАУЧНЫЙ ДЕБЮТ

- С. Э. Султанова.* Зороастрийцы в структуре иранской экономики и общества
во второй половине XIX – начале XX в. 44

ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ

- Ю. Р. Дасни.* Курды и езиды: причина тысячелетнего конфликта и его последствия 56
- Б. Х. Кушхов.* Эволюция понятия «третий сосед Монголии» в 1990–2020-е годы 67
- И. П. Лебедева.* Падение рождаемости в Японии 73

ФИЛОЛОГИЯ

- С. В. Прожогина.* Границы реального в творчестве магрибинцев XX–XXI вв. (эссе) 86
- Е. Л. Клячко, Е. Л. Рудницкая.* Неаддитивное множественное число в эвенкийском языке 96

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

- Н. З. Мосаки.* Вклад Н. А. Халфина в курдоведение. Часть I 104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Д. Васильев, Н. М. Горбунова, О. М. Курникова.* Круглый стол «Н. А. Иванов и его вклад в
развитие отечественного востоковедения. К 95-летию выдающегося ученого» 120
- З. А. Саидов, Л. С. Милокост, О. А. Дибас.* Научная конференция «Проблемы историографии,
источниковедения и истории Востока (к 100-летию со дня рождения В.М. Бейлиса)» 128

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Востоковедение в лицах

- З. А. Саидов.* О В. М. Бейлисе (1923–2001) 130
- Р. Г. Харьковский.* Наставник, историк, международник, востоковед: светлой памяти
профессора М.С. Бурьяна 139

<i>О. А. Дибас, Л. С. Милокост.</i> Влияние конфликта на Украине 2014 г. на развитие научных школ кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета	146
<u>Личность в истории</u>	
<i>А. А. Головлёв.</i> Кавказский герой Николай Иванович Евдокимов (мнения о личности генерала и его роли в замирении горцев)	151
<i>М. А. Бурьян.</i> Нефтяная стратегия Азербайджана в 1990-х гг.: Ильхам Алиев и «контракт века»	159
<u>Источниковедение и источники по истории Востока</u>	
<i>Т. М. Калинина.</i> «Книга чудес и приятное для глаз» XI в.	164
<i>З. Ш. Закарияев.</i> Саййиды из табасаранского селения Зирдаг (по сведениям рукописных, эпиграфических и архивных источников)	168
<i>В. С. Мурзин.</i> Образ Курил и айнов в журнале сотника Ивана Чёрного (1766–1769 гг.)	173
<i>А. П. Пручай.</i> Образ восточного правителя в «Истории» Геродота	181
<i>Д. С. Дударев.</i> Реалии русской и северокавказской истории XIX в. в киноискусстве зарубежных стран середины XX в.	186
<u>Исторические параллели, нарративы и альтернативы в истории Востока</u>	
<i>Н. И. Сериков.</i> Сказка «Репка» по-английски и по-арабски: нарратив в плену ассоциаций	193
<i>Д. Е. Мишин.</i> Ещё одна параллель между Библией и арабской литературой средневековья	200
<i>С. А. Маркарян.</i> Возможная альтернатива принятию ислама в Золотой Орде	204
<i>В. В. Прудников.</i> Норманны и тюрки-сельджуки на Востоке в XI–XII вв.	209
<u>Проблемы колониализма</u>	
<i>В. С. Гребенюк.</i> Британская экспансионистская политика в Индии и ее место во внешнеполитическом курсе Лондона в середине XVIII в.	215
<i>В. М. Шелюто.</i> Концепция «Евроафрики» как основа испанской колониальной доктрины XX в.	220
<u>Актуальные проблемы истории Дальнего Востока</u>	
<i>Т. Е. Лопатина, Н. А. Лопатина, О. А. Васильева.</i> Феномен чосейреку (чосейреоку). Актуальные проблемы развития координационных способностей младших школьников в странах Востока (на примере Японии)	231
<i>С. В. Назаров.</i> Южная Корея между Западом и Востоком: модернизация или вестернизация?	239
<i>В. В. Назарова.</i> Анализ межпоколенных отношений в японском обществе второй половины XX в.	243

CONTENTS

HISTORY

- E. Yu. Goncharov, S. E. Malykh.* Roman Coins from the Tomb of User in Giza (Egypt) 10
- D. Tekayev.* The Relationship of Khorezmshah Sultan Tekesh (1172–1200) with the Last Seljuk Sultan Toghrul III (1177–1194) 15
- T. N. Zagorodnikova.* Journey to India by Staff Captain Count Grigory Ivanovich Nostitz (1862–1926) in 1895–1896 22
- Vitaly V. Naumkin.* Soviet Diplomacy and the All-Muslim Congress in Saudi Arabia 30

ACADEMIC DEBUT

- S. E. Sultanova.* Zoroastrians in the Economic and Social Structure of Iran in the Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Century 44

IDEOLOGY, POLITICS, SOCIUM

- Yu. R. Dasni.* Kurds and Yezidis: the Cause of a Thousand Years Conflict and Its Consequences 56
- B. Kh. Kushkbobov.* Evolution of the Concept of “Mongolia’s Third Neighbour” in the 1990–2020s 67
- I. P. Lebedeva.* The Decline of the Birth Rate in Japan 73

PHILOLOGY

- S. V. Prozhogina.* Borders of the Real in the Maghreb Literature, Twentieth to Twenty-First Century (an Essay) 86
- E. L. Klyachko, E. L. Rudnitskaya.* Non-Additive Plural in Evenki 96

FROM THE HISTORY OF ORIENTAL STUDIES IN RUSSIA

- N. Z. Mosaki.* Contribution of N. A. Khalfin to Kurdish Studies. Part I 104

ACADEMIC LIFE

- A. D. Vasiliyev, N. M. Gorbunova, O. M. Kurnikova.* Round Table “N. A. Ivanov and His Contribution to the Development of Oriental Studies. The 95th Anniversary of an Outstanding Scholar” 120
- Z. A. Saidov, L. S. Milokost, O. A. Dibas.* Conference “Problems of Historiography, Sources, and History of the Orient (Dedicated to the Hundredth Anniversary of V. M. Beylis)” 128

CONFERENCE MATERIALS

ORIENTAL STUDIES PERSONALIZED

- Z. A. Sayidov.* About V. M. Beylis (1923–2001) 130
- R. G. Kharkovsky.* Mentor, Historian, International Affairs Specialist, Orientalist: in Commemoration of Professor M. S. Buryan 139

<i>O. A. Dibas, L. S. Milokost.</i> The Impact of the Conflict in Ukraine in 2014 on the Development of Research Schools of the Department of World History and International Relations, Lugansk State Pedagogical University	146
---	-----

PERSON IN HISTORY

<i>A. A. Golovlyov.</i> Caucasian Hero N. I. Evdokimov (Opinions on the Personality of the General and His Role in Pacifying the Mountaineers)	151
<i>M. A. Buryan.</i> Azerbaijan's Oil Strategy in the 1990s: Ilham Aliyev and the "Contract of the Century"	159

ORIENTAL HISTORY SOURCES

<i>T. M. Kalinina.</i> "The Book of Miracles and Pleasing to the Eyes". Eleventh Century	164
<i>Z. Sh. Zakariyayev.</i> The Sayyids from Tabasaran Village of Zirdag (According to Handwritten, Epigraphic and Archival Sources)	168
<i>V. S. Murzin.</i> Image of the Kuril and Ainu in the Journal of Sotnik Ivan Cherny (1766–1769)	173
<i>A. P. Pruchai.</i> Oriental Ruler's Image in Herodotus' "History"	181
<i>D. S. Dudarev.</i> The Realities of the Russian and North Caucasian History of the Nineteenth Century in the Mid-Twentieth Century Foreign Cinematography	186

HISTORICAL PARALLELS, NARRATIVES AND ALTERNATIVES IN THE HISTORY OF THE ORIENT

<i>N. I. Serikoff.</i> The Russian Fairy Tale "The Enormous Turnip" in English and Arabic. A Narrative in the Foundry of Associations	193
<i>D. E. Mishin.</i> Another Parallel Between the Bible and Medieval Arabic Literature	200
<i>S. A. Markaryan.</i> A Possible Alternative to the Adoption of Islam by the Golden Horde	204
<i>V. V. Prudnikov.</i> Normans and Seljuk Turks in the East, Eleventh – Twelfth Century	209

PROBLEMS OF COLONIALISM

<i>V. S. Grebenyuk.</i> British Expansionist Policy in India and Its Place in London's Foreign Policy in Mid-Eighteenth Century	215
<i>V. M. Shelyuto.</i> The Concept of "Euroafrica" as the Basis of Spanish Colonial Doctrine of the Twentieth Century	220

TOPICAL PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE FAR EAST

<i>T. E. Lopatina, N. A. Lopatina, O. A. Vasilyeva</i> The Phenomenon of Choseyreku (Choseyreoku). Topical Problems of Developing Younger Schoolchildren's Coordination Abilities in the Countries of the East (the Case of Japan)	231
<i>S. V. Nazarov.</i> South Korea Between West and East: Modernization or Westernization?	239
<i>V. V. Nazarova.</i> Analysis of the Intergenerational Relations in Japanese Society in the Second Half of the Twentieth Century	243

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-010-014

РИМСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ГРОБНИЦЫ УСЕРА В ГИЗЕ (ЕГИПЕТ)

© 2024

Е. Ю. Гончаров, С. Е. Малых¹

В статье рассматриваются десять монет-тетрадрахм медного сплава, обнаруженные в 2021–2022 гг. Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН в Гизе при раскопках скальной гробницы древнеегипетского придворного Усера, которой был присвоен номер GE 89. Несмотря на удовлетворительную и среднюю сохранность предметов, удалось определить их принадлежность римским императорам конца III в. н. э. — Пробу, Нумериану, Диоклетиану и соправителю последнего Максимиану Геркулию. При этом монеты были выпущены в Александрии и иллюстрируют финальные этапы функционирования провинциальных монетных дворов. Анализируемым в статье монетам синхронно небольшое количество фрагментов египетских и киликийских амфор Римского периода, обнаруженных в тех же слоях заполнения гробничной часовни Усера, что и монеты. Археологические работы в гробнице не завершены, поэтому еще рано пытаться ответить на вопрос о путях и причинах попадания римских монет и керамики в данный гробничный комплекс.

Ключевые слова: греко-римский Египет, Римская империя, Александрия, Гиза, Диоклетиан, римские монеты, тетрадрахма

Для цитирования: Гончаров Е. Ю., Малых С. Е. Римские монеты из гробницы Усера в Гизе (Египет). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 10–14. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-2-010-014

ROMAN COINS FROM THE TOMB OF USER IN GIZA (EGYPT)**Evgeny Yu. Goncharov, Svetlana E. Malykh**

The article examines ten copper alloy tetradrachms discovered in 2021–2022 by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Giza during the excavations of the rock-cut tomb GE 89 of the ancient Egyptian official User. Despite the satisfactory and average preservation of the objects, it was possible to determine their belonging to the Roman Emperors of the late 3rd century A.D. — Probus, Numinian, Diocletian and Maximian Herculeus. Moreover, the coins were minted in Alexandria and illustrate the final stages of the functioning of the provincial mints. A number of fragments of Egyptian and Cilician amphorae of the Roman Period discovered in the same layers of filling of the tomb chapel, together with the coins. Archaeological investigation in the tomb of User has not yet been completed, so it is difficult now to answer the question of how and why Roman coins and ceramics got into this tomb complex.

Keywords: Graeco-Roman Egypt, Roman Empire, Alexandria, Giza Necropolis, Diocletian, Roman coins, tetradrachm

For citation: Goncharov E. Yu., Malykh S. E. Roman Coins from the Tomb of User in Giza (Egypt). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 10–14. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-2-010-014

¹ Гончаров Евгений Юрьевич, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lowvolga@gmail.com
Evgeny Yu. Goncharov, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lowvolga@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3006-1774

Малых Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. Malykh, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2077-7285

В 2020 г. Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН в Гизе (рук. — д. и. н. Э. Е. Кормышева) обнаружила вход в ранее неизвестную гробницу, высеченную в скале к западу от гробницы Кахерптаха (G 7721), ей был присвоен номер GE 89. В 2021 г. удалось установить имя владельца гробницы — им был представитель древнеегипетской знати Усер, живший во второй половине III тыс. до н. э. В течение двух полевых сезонов 2021 и 2022 гг. экспедиция исследовала гробничную часовню, состоявшую из трех помещений А, В и С, заполненных грунтом до потолка².

Десять монет медного сплава были обнаружены рассеянными по помещениям А и В гробницы GE 89 в разных слоях и на разных глубинах. Монеты в удовлетворительной и средней сохранности, покрыты продуктами коррозии меди, были подвергнуты кислотной очистке в полевых условиях.

Описание и атрибуция монет

1. Проб (276–282 гг. н. э.), Александрия, 5-й год правления (279/280 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.1*)
Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΜΑΥΡ ΠΡΟΒΟΣ ΣΕΒ*.
О. с. — идущая вправо богиня Ника, в вытянутой руке венки, другой держит пальмовую ветвь, в правом поле ϵ — обозначение года.
Медный сплав. Вес 8,11 г, размеры 19 мм.
Полевой номер 22/89/m1. Место находки: гробница GE 89, помещение А, рядом с северной стеной, на границе слоев 13 и 15а, глубина 45,68–45,70 м. Сезон 2022 г.
Аналоги: [Milne, 1983, no. 4601].
2. Нумериан (282–284 гг. н. э.), Александрия, 1-й год правления (282/283 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.2*)
Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΜΑΝΟΥΜΕΡΙΑΝΟΣ ΚΣ*.
О. с. — богиня Дикеосина (Эквитас), обращенная влево, в одной руке держит весы, в другой рог изобилия. У плеча обозначение года чеканки L^A .
Медный сплав. Вес 6,87 г, размеры 18–19 мм.
Полевой номер 22/89/m11. Место находки: гробница GE 89, помещение В, за северной колонной, слой 26 и 27. Сезон 2022 г.
Аналоги: [Milne, 1983, no. 4664].
3. Диоклетиан (284–305 гг. н. э.), Александрия, 1-й год правления (284 г.), тетрадрахма (*илл. 1.3*)
Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΤΟΥΑΙ ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ*.
О. с. — обращенная влево богиня Эвсебия одной рукой приносит жертву на алтарь, другой держит рог изобилия, у ее плеча слева дата выпуска L^A .
Медный сплав. Вес 6,87 г, размеры 19–20 мм.
Полевой номер 21/89/m3. Место находки: гробница GE 89, помещение А, к северу от южной колонны, слой 20. Сезон 2021 г.
Аналоги: [Milne, 1983, no. 4752].
4. Диоклетиан (284–305 гг. н. э.), Александрия, 1-й год правления (284/285 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.4*)
Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΤΟΥΑΙ ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ*.

² Подробнее об открытии и исследовании скальной гробницы Усера в Гизе см.: [Кормышева, 2023, с. 14–20].

О. с. — богиня Тюхе, лежащая на драпированной кушетке, одной рукой поддерживает голову, другой держит рулевое весло. В верхнем поле L^A — обозначение даты.

Медный сплав. Вес 7,75 г, размеры 19–20 мм.

Полевой номер 22/89/m2. Место находки: гробница GE 89, помещение А, рядом с северной стеной, слой 15а, глубина 45,67 м. Сезон 2022 г.

Аналоги: [Milne, 1983, no. 4756].

5. Диоклетиан (284–305 гг. н. э.), Александрия, 2-й год правления (285/286 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.5*)

Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΤΟΥΑ ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ.*

О. с. — обращенная влево богиня Дикеосина (Эквитас), в вытянутой руке держит весы, в другой — рог изобилия. По сторонам фигуры буквы L и B — обозначение даты.

Медный сплав. Вес 8,96 г, размер 20 мм.

Полевой номер 22/89/m12. Место находки: гробница GE 89, помещение В, между северной стеной и северной колонной, слой 15b. Сезон 2022 г.

Аналоги: [Milne, 1983, no. 4769].

6. Диоклетиан (284–305 гг. н. э.), Александрия, 4-й год правления (287/288 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.6*)

Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΥΓΟΥΑ ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ.*

О. с. — стоящая фигура богини Афины, обращенная влево, на правой руке богиня Ника, левой придерживает щит. В левом поле буквы L^d — обозначение даты.

Медный сплав. Вес 6,14 г, размеры 18x19 мм.

Полевой номер 22/89/m3. Место находки: гробница GE 89, помещение А, проход между колонной и северной стеной, слой 13, глубина 45,80 м. Сезон 2022 г.

Аналоги: [Milne, 1983, no. 4851].

7. Диоклетиан (284–305 гг. н. э.), Александрия, 5-й год правления (288/289 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.7*)

Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΤΟΥΑ ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ.*

О. с. — орел, обращенный вправо, слева от него звезда, пальмовая ветвь и буква L ; справа полумесяц и буква E — обозначение года выпуска.

Медный сплав. Вес 7,25 г, размеры 17–18 мм.

Полевой номер 22/89/m10. Место находки: гробница GE 89, помещение В, слой 23. Сезон 2022 г.

Аналоги: [Milne, 1983, no. 4920].

8. Диоклетиан (284–305 гг. н. э.) или Максимиан (первое правление, 286–305 гг. н. э.), Александрия, тетрадрахма (*илл. 1.8*)

Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда.

О. с. — богиня Тюхе (?) одной рукой придерживает корабельный руль, в другой рог изобилия, справа A .

Медный сплав. Вес 8,33 г, размеры 17–19 мм.

Полевой номер 22/89/m13. Место находки: гробница GE 89, помещение В, между северной стеной и северной колонной, слой 15b, на границе со слоем 32. Сезон 2022 г.

Аналоги не приводим, т. к. император точно не определен.

9. Максимиан Геркулий (первое правление 286–305 гг. н. э.), Александрия, 2-й год правления (287/288 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.9*)

Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΜΟΥΑ ΜΑΞΙΜΙΑΝΟΣ ΣΕΒ.*

О. с. — обращенная влево богиня Элпида (Elpis) одной рукой протягивает цветок, другой придерживает подол одежды.

Медный сплав. Вес 8,52 г, размеры 18–20 мм.

Полевой номер 22/89/m9. Место находки: гробница GE 89, помещение В, слой 23. Сезон 2022 г.

Аналоги: [Milne, 1983, no. 4814].

10. Максимиан Геркулий (первое правление 286–305 гг. н. э.), Александрия, 3-й год правления (288/289 гг.), тетрадрахма (*илл. 1.10*)

Л. с. — голова императора в венке вправо. Вокруг легенда *ΑΚΜΟΥΑ ΜΑΞΙΜΙΑΝΟΣ ΣΕΒ.*

О. с. — орел грудью влево, голова повернута назад, в клюве держит венок. Слева буква *Λ*, справа, вероятно, *Γ*.

Медный сплав. Вес 6,23 г, размеры 19–20 мм.

Полевой номер 21/89/m3. Место находки: гробница GE 89, помещение В, слои 15е и 16. Сезон 2021 г.

Аналоги: [Milne, 1983, no. 4824].

Историко-нумизматический комментарий

По датировке десять обнаруженных в скальной гробнице Усера римских монет мелкого номинала представляют собой компактную группу, выпущенную в Александрии в интервале от 279/280 до 288/289 гг. н. э., пришедшемся на время правления императоров Проба, Нумериана, Диоклетиана и Максимиана Геркулия, которые почти последовательно управляли Римской империей. Первый из них — Проб являлся «солдатским» императором, т. к. был провозглашен войсками, а Максимиан был назначен Диоклетианом своим соправителем.

Расшифровка монетных легенд выглядит следующим образом:

ΑΚΜΑΥΡΠΡΟΒΟΣ ΣΕΒ: Α (αὐτοκράτωρ) Κ (καῖσαρ) Μ (Μάρκος) ΑΥΡ (Αὐρήλιος) ΠΡΟΒΟΣ ΣΕΒ (σεβαστός) — «Император цезарь Марк Аврелий Проб Август».

ΑΚΜΑΝΟΥΜΕΡΙΑΝΟΣ Κ Σ: Α (αὐτοκράτωρ) Κ (καῖσαρ) Μ (Μάρκος) Α (Αὐρήλιος) ΝΟΥΜΕΡΙΑΝΟΣ Κ (καῖσαρ) Σ (σεβαστός) — «Император цезарь Марк Аврелий Нумериан Август».

ΑΚΓΟΥΑΔ ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ: Α (αὐτοκράτωρ) Κ (καῖσαρ) Γ (Γαῖος) ΟΥΑΔ (Οὐαλήριος) ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ (σεβαστός) — «Император Гай Валерий Диоклетиан Август».

ΑΥΓΟΥΑΔ ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ: ΑΥ (αὐτοκράτωρ) Γ (Γαῖος) ΟΥΑ (Οὐαλήριος) ΔΙΟΚΛΗΤΙΑΝΟΣ ΣΕΒ (σεβαστός) — «Император Гай Валерий Диоклетиан Август».

ΑΚΜΟΥΑ ΜΑΞΙΜΙΑΝΟΣ ΣΕΒ: Α (αὐτοκράτωρ) Κ (καῖσαρ) ΟΥΑ (Οὐαλήριος) ΜΑΞΙΜΙΑΝΟΣ ΣΕΒ (σεβαστός) — «Император цезарь Валерий Максимиан Август».

Анализируемые монеты медного сплава иллюстрируют «Кризис III века» Римской империи и серьезные изменения в ее денежной системе — когда прежде серебряные тетрадрахмы начинают чеканиться из сплава серебра и меди (биллона), а к концу III в. н. э. практически без примеси драгоценного металла. В попытке выйти из экономического кризиса и вернуть стабильность монетной системе римские правители проводили сознательную порчу монеты, фактически обесценив ее (подробнее см.: [Абрамзон, 1995, с. 53–58; Гончаров, Малых, 2021, с. 149]). В 286 г. император

Диоклетиан начал денежную реформу, в результате которой во всей империи была унифицирована денежная система, введены общие номиналы, в это время и прекратилась чеканка деградировавших тетрадрахм в Александрии. На ее монетном дворе стали выпускаться общеимперские монеты, которые могли обращаться и в других провинциях Римской империи.

Весьма показательно, что в помещениях А и В гробницы Усера присутствует синхронная керамика — 19 фрагментов египетских винных амфор типа *AE 3/LR 7* и два фрагмента киликийской винной амфоры типа *proto-LRA 1 21/89/23, 24*, причем на фоне подавляющего доминирования в керамическом материале фрагментов сосудов I тыс. до н. э. указанные типы единичны. Если датировка непрофильных фрагментов амфор *AE 3/LR 7* широка (I–VII вв. н. э.), то морфологические параллели амфоре типа *proto-LRA 1* датируются концом III в. н. э. (подробнее см.: [Малых, 2023, с. 9–10]), что отлично согласуется с нумизматическим материалом из гробницы.

С учетом того, что археологические работы в гробнице не завершены, на данном этапе исследований сложно выдвинуть какую-либо обоснованную интерпретацию нахождения римских монет и синхронного им малочисленного керамического материала. Можно лишь отметить, что вряд ли его можно связать с использованием гробницы Усера в качестве жилья, так как характерных следов обитания в ней не обнаружено, тогда как в некоторых других скальных гробницах на территории российской концессии они отчетливо читаются в виде копоти на стенах и потолках и значительных скоплений битой бытовой керамики [Kormysheva et al., 2015, pp. 21–22, 91, 149–153, 238; Kormysheva et al., 2018, pp. 46, 194; Kormysheva et al., 2021, p. 40].

Литература / References

Гончаров Е. Ю., Малых С. Е. Античные монеты из раскопок Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (Египет). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 3. С. 144–151 [Goncharov E. Yu., Malykh S. E. Antique Coins from the Excavations of the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies RAS in Giza (Egypt). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2021. No. 3. Pp. 144–151 (in Russian)].

Кормышева Э. Е. Раскопки Института востоковедения РАН в Гизе (Египет). Сезон 2021. *Востоковедные полевые исследования. Материалы Всероссийской научной конференции (2021–2022 гг.)*. Т. 2. *Избранные доклады*. Отв. ред. Ю. А. Пронина. М., 2023. С. 13–22 [Kormysheva E. E. Excavations of the Institute of Oriental Studies RAS at Giza (Egypt). Season 2021. *Oriental Field Researches. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (2021–2022)*. T. 2. *Selected reports*. Ed. Yu. A. Pronina. Moscow, 2023. Pp. 13–22 (in Russian)].

Малых С. Е. Мемфисский регион и Восточное Средиземноморье в I-м тыс. н. э.: к вопросу о провинциальной торговле Римской и Византийской империй. *Восток (Oriens)*. 2023. № 4. С. 6–22 [Malykh S. E. The Memphite Region and the Eastern Mediterranean in the 1st Millennium A. D.: More on Provincial Trade of the Roman and Byzantine Empires. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 4. Pp. 6–22 (in Russian)].

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufubotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis V. Tombs of Perinedju and Nefersefekhtab*. Moscow, 2021.

Milne J. G. *Catalogue of Alexandrian Coins*. New York, 1983.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ХОРЕЗМШАХА СУЛТАНА ТЕКЕША (1172–1200) С ПОСЛЕДНИМ СЕЛЬДЖУКСКИМ СУЛТАНОМ ТОГРУЛОМ III (1177–1194)

© 2024

Д. Текаев¹

В годы правления хорезмшаха Султана ‘Ала’ ад-Дина Текеша (1172–1200) государство Хорезмшахов-Ануштегинидов превратилось в одну из могущественных держав Центрально-Азиатского региона наряду с державой Гуридов и Кара-китаев. Султан Текеш в течение всего своего правления проводил успешную внешнеполитическую линию в отношении всех государств региона. Немаловажную негативную роль для Султана Текеша в проведении внешнеполитической активности сыграла борьба со своим братом Султан-шахом Махмудом за Хорезмшахский престол. Но после смерти Султан-шаха Махмуда в 1193 г. Султан Текеш смог выйти за пределы Хорасана и начал бурную военно-политическую и дипломатическую деятельность в западном направлении. Политические амбиции Султана Текеша столкнули его с другим энергичным политиком и государем в лице последнего султана Иракского Сельджукского государства Рука ад-Дин Тогрула III, который хотел вывести свое государство из-под контроля атабеков Ильденизидов и вернуть ему былую славу Великих Сельджукидов. Эпизоды с отрубленной головой Тогрула III и отправкой головы последнего сельджукского султана к халифу, где голова убитого султана в течение нескольких дней была выставлена у Нубийских ворот, а тело было вздернуто на виселицу на базаре Рея, нашли устойчивое отражение в сельджукской и хорезмшахской историографии. В рамках данной статьи с новой точки зрения будут проанализированы особенности внешней политики Султана Текеша в отношении Иракского Сельджукского государства и в целом некоторые моменты взаимоотношений с султаном Тогрулом III.

Ключевые слова: Султан Текеш, Тогрул III, Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, Иракские сельджукиды

Для цитирования: Текаев Д. Взаимоотношения хорезмшаха Султана Текеша (1172–1200) с последним сельджукским султаном Тогрулом III (1177–1194). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 15–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-015-021

THE RELATIONSHIP OF KHOREZM SHAH SULTAN TEKESH (1172–1200) WITH THE LAST SELJUK SULTAN TOGHRUL III (1177–1194)

Dinmuhammet Tekayev

During the reign of Khorezmshah Sultan Ala al-Din Tekesh (1172–1200), the Khorezmshahs-Anushteginids state turned into one of the powerful powers of the Central Asian region, along with the power of the Gurids and Kara Kitai. Throughout his reign, Sultan Tekesh pursued a successful foreign policy towards all States in the

¹ Текаев Динмухаммет, аспирант кафедры истории Туркменистана с методикой ее преподавания Туркменского государственного педагогического института имени Сейитназара Сейди, Туркменистан; zulyamineyin@yandex.ru
Dinmuhammet Tekayev, Postgraduate of the Department of History of Turkmenistan with the methodology of its teaching at the Turkmen State Pedagogical Institute named after Seyitnazar Seydi, Turkmenistan; zulyamineyin@yandex.ru

region. An important negative role for Sultan Tekesh in conducting foreign policy activity was played by the struggle with his brother Sultan Shah Mahmud for the Khorezmshah throne. But after the death of Sultan Shah Mahmud in 1193, Sultan Tekesh was able to go beyond Khorasan, and began a rapid military, political and diplomatic activity in the western direction. The political ambitions of Sultan Tekesh confronted him with another energetic politician and sovereign in the person of the last sultan of the Iraq Seljuk state, Rukn al-Din Toghrul III, who wanted to withdraw his state from the control of the Atabeg Ildenizids and return his state to its former glory of the Great Seljukids. The episodes with the severed head of Toghrul III, and the sending of the head of the last Seljuk sultan to the caliph, where the head of the murdered sultan was displayed at the Nubian Gate for several days, and the body was hung on the gallows in the Rey bazaar, found its strong and stable place in Seljuk and Khorezmshah historiography. This article will analyze the features of Sultan Tekesh's foreign policy towards the Iraq Seljuk state and, in general, some aspects of the relationship with Toghrul III from a new point of view.

Keywords: Sultan Tekesh, Toghrul III, Khorezmshahs-Anushteginids state, seljukids of Iraq

For citation: Tekayev D. The Relationship of Khorezmshah Sultan Tekesh (1172–1200) with the Last Seljuk Sultan Toghrul III (1177–1194). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 15–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-015-021

Борьба Султана Текеша и его младшего брата Султан-шаха Махмуда за Хорезмшахский престол в период 1172–1193 гг. не помешала Султану Текешу вести активную дипломатическую деятельность. Для государства Хорезмшахов-Ануштегинидов 90-е годы XII в. стали определяющими, потому что именно в эти годы государство Султана Текеша превратилось в могущественную державу. Этому немало поспособствовали политические события в Персидском Ираке, которые произошли в период 1192–1194 гг. В то время Султан Текеш хотел воспользоваться нестабильной политической ситуацией на западных границах своего государства. Политический и экономический кризис Иракского Сельджукского государства, разногласия и вражда внутри Ильденизидской династии создали Султану Текешу много возможностей для дальнейшего расширения границ своего государства в западном направлении.

Ситуацию в Персидском Ираке турецкий историк И. Кафесоглу охарактеризовал так: «Ситуация в Ираке была тяжелой. Все признаки указывали на то, что это государство Сельджукидов падало в яму смерти. В этом отношении весьма примечательны наблюдения Равенди, который жил в тот период. Информация, которую мы предоставляем, основанная на работе этого автора и других современных источниках, о переходах, которые иракские сельджуки прошли с самого начала, также поучительна с точки зрения указания пути, по которому шло государство при развале, и показа этапов, через которые оно прошло. Причины неудач в любом обществе, большом или маленьком, обычно ничем не отличаются от этих.

Султан Тогрул, которому было всего двадцать лет, был слишком молод и слишком некомпетентен, чтобы держать бразды правления администрацией, которая уже давно отклонилась от своей оси и страдала от бесконечных злоупотреблений со стороны многих чиновников-оппортунистов, которые не могли думать ни о чем, кроме своих повседневных интересов, и не знали дисциплины. Он был охвачен волнением, проявил нетерпение и, не колеблясь, заключил в тюрьму или истребил тех, чью благосклонность он возвысил сегодня, или конфисковал и разграбил их добро на следующий день. Большим несчастьем Тогрула, не имевшего качеств государственного деятеля, было то, что он был лишен зрелого, осторожного и добропорядочного визиря» [Kafesoğlu, 1984, s. 123]. Оценки Кафесоглу явно негативны по отношению к Тогрулу III. Но важно отметить то, что Султан

Тогрул III действовал в очень трудных и враждебных условиях. С одной стороны Багдадский халиф с Ильденизидами, с другой стороны хорезмшах Султан Текеш давили на Тогрула III.

Тогрул III дважды становился султаном Иракского Сельджукского государства. Но самые драматические и трагические события начинаются именно при втором восхождении Султана Тогрула III на трон в 1192 г. В апреле-мае 1192 г. он вышел из заточения, арестованный еще атабеком Ильденизидов Кызыл-Арсланом. После того как Тогрул III освободился, он быстро собрал войско из числа своих преданных сторонников и 28 июня 1192 г. разгромил армию Ильденизидского атабека Кутлук-Инанч Махмуда в битве при Кермане. Кутлук-Инанч Махмуд с помощью своей матери Инанч-Хатун тоже претендовал на главенствующее положение на Ближнем Востоке. Поражение войск Кутлук-Инанч Махмуда стало важным толчком для Султана Тогрула III, который очень хотел восстановить мощь Иракского Сельджукского государства, сопоставимого только с Великой Сельджукской империей. Но проигравший битву при Казвине Кутлук-Инанч Махмуд не согласился со своим поражением и отправил к хорезмшаху Султану Текешу делегацию с сообщением о том, что Тогрул III овладел Персидским Ираком. Султан Текеш, воспользовавшись удобным для себя моментом, решил вмешаться в конфликт Тогрула III с Ильденизидом Кутлук-Инанч Махмудом.

В начале 1193 г. Султан Текеш направил свои войска на захват Персидского Ирака. Но Тогрул III, оценив свои возможности, не решился выступить против Султана Текеша. Он отправил богатые подношения хорезмшаху и попросил его помощи в борьбе против Кутлук-Инанч Махмуда. А также Тогрул III выдал свою юную дочь за сына Текеша Юнус-хана и даже обещал чеканить монеты и читать хутбу с именем хорезмшаха. Все это означало, что сельджуки были готовы признать вассальную зависимость. Если бы течение тех политических событий шло именно таким путем, то можно предположить, что Иракский Султанат еще мог бы существовать в политической географии региона. Но вмешательство Султан-шаха Махмуда в дела Хорезма изменило эту ситуацию. Этот факт заставил Султана Текеша возвратиться обратно в Хорезм.

Воспользовавшись уходом Султана Текеша, Тогрул III нарушил соглашение и дал приказ атаковать хорезмский гарнизон. И этот момент можно считать началом конца для Тогрула III. Потому что уже и Багдадский халиф ан-Насир тоже начал действовать против него. У Багдадских халифов была давняя мечта вернуть в свои руки утерянную светскую власть в Ираке и мусульманском мире в целом, устранив в первую очередь последних сельджукидов. Халиф ан-Насир отправил Текешу послание и указ о даровании ему в качестве икта всех земель, находившихся под властью Тогрула III [Буниятов, 1986, с. 52]. Для Султана Текеша послание халифа ан-Насира имело большое значение. Потому что у халифа в мусульманском мире был огромный авторитет, и признание со стороны халифа легализовало бы власть Султана Текеша на всех завоеванных и не завоеванных территориях.

С другой стороны, для хорезмшаха возможная битва с Тогрулом III имела и символическое значение. Хорезмшахи после смерти Великого Сельджукского султана Ахмада Санджара (1118–1157) считали себя преемниками великих сельджукидов. Мы считаем, что Султан Текеш хотел присоединить земли Иракского Сельджукского государства в качестве одной из подвластных Хорезму областей изначально, и это Султан Текеш согласовал с Тогрулом III. Если раньше Хорезм был частью владений Великих Сельджукидов (1038–1157), то перспектива превращения Иракских сельджукидов в вассалов Хорезма могла бы показать всему мусульманскому миру силу и могущество хорезмшахов.

Для Султана Текеша, на наш взгляд, уничтожение Иракского Сельджукского государства не было главной целью. Можно привести такой пример. Перед началом сражения, которое

произошло в 1194 г., Султан Тогрул III получил от старшего хаджиба хорезмшаха Султана Текеша Шихаб ад-Дина Масуда послание, в котором тот уговаривал Султана Тогрула III пойти на мир с Текешем и уступить его требованиям. Старший хаджиб писал: «Хотя я и мамлюк султана Ала ад-Дина Текеша, возвращен его благодеяниями и милостью и являюсь игрушкой в его руках, это обстоятельство не мешает мне дать тебе добрый совет. Нет ни одного воина, надевшего на голову калансуву, который бы не повиновался тебе в силу твоего права на власть: ведь твои предки — султаны и сыновья султанов, их власть распространялась на различные страны, они завладели всеми землями и на службе у них находилось множество людей. Я советую тебе отойти от Рея к Саве, остаться там и заключить мир с султаном Ала ад-Дином Текешем, а мы будем посредниками между тобою и им. Пределом его требований к тебе будет твой уход из Рея. Это нужно ему для того, чтобы люди знали, что его престиж и честь в его стране непоколеблены в глазах владык неверных (мулук ал-куффар). Ведь им известно, что Рей принадлежит ему, но люди его изгнаны из города и им владеет другой. У него нет, кроме этого, никакого другого стремления, и, если ты откажешься от Рея в его пользу, он удовлетворится этим и снова уйдет в Хорезм, оставив в Рее своего сына. А сын его, если он будет в Рее, окажется под твоей властью, будет подчиняться твоему приказу и соблюдать твои запреты. Получится, что султан вернулся по доброй воле и без кровопролития, и все останется так, как оно есть» [ал-Хусайни, 1980, с. 162].

Обратим внимание на некоторые моменты в написании этого письма. Во-первых, если бы Султан Текеш намеревался уничтожить Иракское Сельджукское государство, то один из его влиятельных эмиров не написал бы Султану Тогрулу III письмо с предложением урегулировать спор по поводу города Рей мирным путем. Во-вторых, нам кажется маловероятным, что хорезмийский эмир Шихаб ад-Дин Масуд самостоятельно написал бы письмо Султану Тогрулу III без разрешения Султана Текеша. Если бы Шихаб ад-Дин Масуд действовал самостоятельно и захотел договориться с Султаном Тогрулом III за спиной Султана Текеша, то весьма вероятно, что эмир Хорезма навлек бы на себя гнев Хорезмшаха. И вот поэтому мы считаем, что все свои действия старший хаджиб Шихаб ад-Дин Масуд согласовывал с Султаном Текешем. В-третьих, Тогрула III и Султана Текеша связывали брачно-родственные отношения. В-четвертых, текст послания старшего хаджиба Султана Текеша, который Садр ад-Дин ал-Хусайни приводит в своем сочинении «Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя», не встречается в других памятниках «сельджукской историографии» [Тимохин, 2021, с. 50].

Получив письмо старшего хаджиба Шихаб ад-Дина Масуда, Султан Тогрул III стал советоваться с эмирами, и эмир Нур ад-Дин Кара сказал султану следующее: «Это верная мысль, нам так и нужно поступить: отправиться в Саве и оставаться там до тех пор, пока к нам не придут наши войска из Исфахана и Занджана. А если хорезмшах Ала ад-Дин Текеш станет преследовать нас, мы остановимся перед ним в узком проходе между Саве и Мушкуйа и воспрепятствуем ему в этой попытке. Если же это нам не удастся, мы уйдем в Исфахан, а если он нападет на нас в Исфахане, то вернемся в Хамадан. Он не сможет покинуть свою страну и не станет следовать за нами с места на место, и тогда мы сможем заключить с ним мир на благо мусульман» [ал-Хусайни, 1980, с. 163]. Здесь надо обратить внимание на то, что иракские военачальники положительно приняли мирные предложения Шихаб ад-Дина Масуда. Это говорит о том, что иракские военные не были готовы к генеральному сражению и их устраивал мирный исход возникшего конфликта. Но Султан Тогрул III отверг предложения своих военачальников и заявил: «Это хорошее мнение! О, если бы сердце мое позволило мне поступить так, не думая о том, что народ скажет обо мне, мол, я бежал от этого человека из трусости! Кроме того, хорезмийцы войдут в Рей и станут управлять его жителями, а эти люди высказали мне свою любовь и приверженность. Хорезмийцы будут властвовать

там, станут притеснять их и чинить им обиды. Поэтому я не поступлю так!» [ал-Хусайни, 1980, с. 163]. Наверное, Султан Тогрул III не до конца был уверен в преданности своих эмиров, ибо он тоже согласился бы с предложениями хорезмийцев. Султан Тогрул III много раз видел предательства со стороны своих эмиров. Здесь надо обратить внимание и на характер самого Султана Тогрула III. Он был военным человеком, в большей степени искусным воином, нежели политиком, и мог поставить себя и в целом свой султанат в затруднительное положение, принимая внезапные и необдуманные решения, не задумываясь об их последствиях. Историк Садр ад-Дин ал-Хусайни сообщает: «Когда султан Тогрул ибн Арслан-шах готовился к битве, эмиры спросили у него: “Где будет место нашей встречи, чтобы мы добрались туда, когда наступит время?” Он ответил им: “Я буду лежать мёртвым под копытами коней — вот мое место!” И случилось так, как он предсказал». Эти строки говорят нам о том, что уже тогда Тогрул III перед битвой предчувствовал свою смерть [ал-Хусайни, 1980, с. 164].

Не ожидая подхода основных сил, Султан Тогрул III 4 марта 1194 г. решил вступить в битву с хорезмшахом и близ Рея напал на авангард хорезмийцев, во главе которого стоял Кутлук-Инанч Махмуд. С 60 гулямами Султан Тогрул III бросился на этот авангард и во время стычки был ранен в глаз стрелой и упал с коня. К нему подъехал Кутлук-Инанч Махмуд, и Тогрул III обратился к нему: «О Махмуд! Подними и увези меня. Это будет лучше и для тебя, и для меня!» Но Кутлук-Инанч Махмуд отрубил Султану Тогрулу III голову и отвез ее хорезмшаху. Однако Султан Текеш не одобрил действий Кутлук-Инанч Махмуда и сказал ему: «Для меня было бы желаннее и лучше, если бы ты привез его живым. Увы! Его судьба повелела иначе!» [Буниятов, 1986, с. 54; ал-Хусайни, 1980, с. 164].

Здесь важно отметить один существенный момент. Султан Тогрул III просил Кутлук-Инанч Махмуда отвезти себя в безопасное место, но вместо этого тот отрубил султану голову. Наверное, Кутлук-Инанч Махмуд боялся Султана Тогрула III. Если бы Тогрула III он оставил живым, то он и Султан Текеш могли бы договориться о мирном урегулировании возникшего конфликта. И после этого Султан Тогрул III спокойно мог бы разобраться со своим давним и непримиримым соперником за верховную власть на Ближнем Востоке — с токсичным Ильденизидом Кутлук-Инанч Махмудом. Потому что тот был в числе самых опасных и основных врагов Султана Тогрула III. Наверно, и эти мысли витали в голове ильденизида Кутлук-Инанч Махмуда, и он покончил раз и навсегда с последним сельджукским султаном.

Стоит обратить внимание на тот факт, что сказал хорезмшах Султан Текеш Кутлук-Инанч Махмуду, когда тот привез голову убитого Султана Тогрула III. Он хотел видеть живым Тогрула III, а также хотел установить мирные отношения с ним, и это лишний раз доказывает нашу точку зрения, озвученную ранее. Но после отсечения головы последнего султана сельджукидов Султан Текеш уже начинает действовать как истинный политик и государь, который всегда ищет выгоду и пользу для своего государства. Он отправляет голову убитого Султана Тогрула III Багдадскому халифу ан-Насиру. По приказу халифа голова убитого Тогрула III в течение нескольких дней была выставлена у Нубийских ворот. Тело Султана Тогрула III было вздернуто на виселицу на базаре Рея [Буниятов, 1986, с. 54]. Мы считаем, что это была инициатива Кутлук-Инанч Махмуда, потому что ни в каких арабо-персидских источниках нет информации, что именно Султан Текеш приказал сделать так.

Историк Садр ад-Дин ал-Хусайни символически поставил точку во всей этой истории такими словами: «Когда был убит султан Тогрул III — последний сельджукский владыка, от расклеванных угольев рода Сельджука осталось одна зола, которую развеял ветер!» [Буниятов, 1986, с. 54; ал-Хусайни, 1980, с. 164].

Хотелось бы также обратить внимание на дату сражения, которое произошло в 1194 г. между хорезмийцами и сельджукидами. В разных источниках есть разные данные по дате сражения: у Садр

ад-Дина ал-Хусайни — это 9 раби 590 г. х. (4 марта 1194 г.); Ибн ал-Асира и Макризи — 24 раби 590 г. х. (19 марта 1194 г.); Атамалик Джувейни — 29 раби 590 г. х. (24 марта 1194 г.)²; Ибн Кесира, Ибн Халдуна и Кади Ахмед Гаффари — в месяце раби 590 г. х. (февраль-март 1194 г.); Хамдаллаха Казвини и Мирхонда — конец месяца раби 590 г. х. (апрель 1194 г.); Рашид ад-Дина и Хондемира — в месяце раби 590 г. х. (март-апрель 1194 г.); Равенди — 29 джумада 590 г. х. (16 июня 1194 г.); а у Ибн ал-Ибри записан 590 г. х. (1193–1194) без указания месяца [ал-Асир, 2006, с. 282; Кауа, 2017, с. 136]. Академик З. Буниятов в своей классической работе по истории государства Хорезмшахов-Ануштегинидов приводит дату, которую дает Садр ад-Дин ал-Хусайни, турецкий историк И. Кафесоглу приводит дату Атамалика Джувейни, а В. В. Бартольд приводит дату Ибн ал-Асира [Бартольд, 1963, с. 411; Буниятов, 1986, с. 54; Kafesoğlu, 1984, s. 126]. Но самой точной можно считать дату, приведенную Садр ад-Дином Хусайни. Этот историк был близок к хорезмшаху Султан Текешу, и данные события, связанные с Тогрулом III, не встречаются в других арабо-персидских источниках.

Молодость Султана Тогрула III, неопытность, недоверие к своим военачальникам, самоуверенность и, следовательно, недооценка своих врагов, и особенно его пристрастие к пышным торжествам и развлечениям в последние годы жизни подготовили его конец. Этот конец означал, что Великое Государство Сельджуков, как и Иракское Государство Сельджуков, было стерто со сцены истории. Важнейшим фактором исчезновения Иракского государства Сельджуков стало не вторжение хорезмшаха Султана Текеша, а неспособность пришедших к власти султанов сохранить и укрепить центральную власть. В этом случае султаны были отодвинуты на второй план, а государственное управление перешло в руки Ильденизидских атабеков, эмиров и полководцев. Борьба Багдадского халифа ан-Насира и Султана Тогрула III, деятельность государства Хорезмшахов-Ануштегинидов и его окончательный удар по Иракскому государству сельджуков привели к краху Султана Тогрула III. В этом и заключалась вся трагедия Султана Тогрула III.

Возвышение государства Хорезмшахов-Ануштегинидов в период правления Султана Текеша в некоторой степени обусловлено тем, что Текеш сумел обратить хаос на западе своих границ в свою пользу и укрепить свое положение в регионе с помощью политических маневров. Хотя Султан Текеш изначально не ставил перед собой цель уничтожить Иракских сельджукидов. Но возникшее выгодное политическое положение в Персидском Ираке заставило Султана Текеша действовать очень быстро и уверенно. Таким образом, события 1192–1194 гг. стали для государства Хорезмшахов-Ануштегинидов началом превращения в империю.

Литература / References

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Бартольд В. В. *Сочинения*. М., 1963. Т. 1. С. 45–597 [Barthold V V. Turkestan during the Mongol invasion. Barthold V V. *Works*. Moscow, 1963. Vol. 1. Pp. 45–597 (in Russian)].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231*. М., 1986 [Bunijatov Z. M. *The State of Khorezmsbahs-Anushteginid*, 1097–1231. Moscow, 1986 (in Russian)].

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира*. Пер. Е. Е. Харитоновна. М., 2004 [Dzhuvejni. *Chingiz-khan. The history of World Conqueror*. Tr. by E. E. Haritonova. Moscow, 2004 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. «*ал-Камил фи-т-тарих*» «*Полный свод по истории*». *Избранные отрывки*. Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолитдина. Ташкент, 2006 [al-Asir ibn. *Al-Kamil fi-t-tarikh*. 'Complete Set of History'. *Selected passages*. Tr. by P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].

² В русском переводе труда Атамалика Джувейни указано 29 апреля 1194 г., см.: [Джувейни, 2004, с. 210–211].

Тимохин Д. М. Особенности описания правления хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Текиша в арабо-персидских источниках XII в. *Арабский и исламский мир в Средние века: от Иберийского полуострова до Средней Азии*. Отв. ред. Д. Е. Мишин; Институт востоковедения РАН. М., 2021. С. 44–67 [Timokhin D. M. Features of the description of the reign of Khorezmshah ‘Ala’ al-Din Tekish in the Arab-Persian sources of the XIIth century. *The Arab and Islamic World in the Middle Ages: from the Iberian Peninsula to Central Asia*. Ed. by D. E. Mishin; Moscow, 2021. Pp. 44–67 (in Russian)].

ал-Хусайни, Садр ад-Дин ‘Али. Ахбар ад-Даулат ас-Селджукиййа (Зубдат ат-таварих фи ахбар алу-мара ва-л-мулук ас-селджукиййа) («Сообщения о Сельджукском государстве». Сливки летописей, сообщающих о сельджукских эмирах и государях. Пер. З. М. Буниятов. М., 1980 [Sadr ad-Din ‘Ali al-Husajni. *Ahbar ad-Daulat as-Seldzhukijja* (Zubdat at-tavarikh fi ahbar al-umara va-l-muluk asseldzhukijja) (‘Reports on the Seljuk state’. *The Best Chronicles about the Seljuk Emirs and Rulers*. Tr. by Z. M. Bunyatov. Moscow, 1980 (in Russian)].

Kafesoğlu I. *Harezmşahlar devleti tarihi (485–617/1092–1229)*. Ankara, 1984 (in Turkish).

Каа Р. *Arslanşah ve II. Tuğrul dönemi Irak selçukluluları tarihi (1164–1194)*. *Doktora tezi*. Istanbul, 2017 (in Turkish).

ПУТЕШЕСТВИЕ ШТАБС-РОТМИСТРА ГРАФА ГРИГОРИЯ ИВАНОВИЧА НОСТИЦА (1862–1926) В ИНДИЮ В 1895–1896 гг.

© 2024

Т. Н. Загородникова¹

В истории российской разведки в Индии наряду с успешными командировками А.Е. Снесарева, Л.Г. Корнилова, Д.И. Ливкина, М.С. Андреева и многих других были и неудачные поездки военных. Они не принесли значимой информации о дислокации войск, их боеспособности, взаимоотношениях в подразделениях между офицерами-англичанами и рядовым составом из индийцев и о многом другом. В конце XIX в. в период Большой игры в Центральной Азии такие сведения, регулярно обновляемые, были насущной необходимостью, а первое дипломатическое представительство — Императорское генеральное консульство в Бомбее — открылось только в конце декабря 1900 г. Такие малозначимые поездки редко удостоиваются внимания исследователей, тем не менее они показали, что было сделано неправильно, на что и было обращено внимание при планировании дальнейших посещений Индии военными. Примером такой неудачной командировки может служить визит в Индию штабс-ротмистра графа Григория Ивановича Ностица (1862–1926) в 1895–1896 гг. Стремление не вызвать подозрения и возмущения со стороны британских властей, неправильно выбранный маршрут следования (выбор Доброфлота в качестве перевозчика и дальнейший путь с юга на север страны), стремление сэкономить на этом и, наконец, невнимание к отбору самой личности разведчика — все эти ошибки планирования были учтены впоследствии. Положительными результатами поездки графа Г.И. Ностица можно считать опубликованные монографию «Восстание горцев на северо-западной границе Индии в 1897 году» и альбом с фотографиями достопримечательностей Индии.

Ключевые слова: военная разведка в Индии, Большая игра в Центральной Азии, Г.И. Ностиц, И.Г. Ностиц, фотографии Индии

Для цитирования: Загородникова Т. Н. Путешествие штабс-ротмистра графа Григория Ивановича Ностица (1862–1926) в Индию в 1895–1896 гг. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 22–29. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-022-029

JOURNEY TO INDIA BY STAFF CAPTAIN COUNT GRIGORIY IVANOVICH NOSTITZ (1862–1926) IN 1895–1896

Tatiana N. Zagorodnikova

Mid-to-late XIX c. was the time of the Great Game in Central Asia. The intelligence was one of the main methods of the game playing. At that time the information about troops contingent, military hardware, track capacity et cetera was very valuable for Russian War Ministry, it was to be updated regularly, however, Russian Imperial

¹ Загородникова Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tnzag@mail.ru

Tatiana N. Zagorodnikova, PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tnzag@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7210-834X

Consulate General was established only in December 1900. The History of the Russian intelligence in India narrates the examples of successfully fulfilled missions, namely the trips of A. Ye. Snegarev, L. G. Kornilov, D. I. Livkin, M. S. Andreev and others. Nevertheless, some missions failed. Historians so far have not given much consideration to such failures, whereas such cases reveal the flaws and possible remedies. The trip to India of Grigoriy Ivanovitch Nostitz (1862–1926) in 1895–1896 was an example of no success. Russian military authorities, trying their best not to disaffect the colonial administration and seeking to save some money, chose the wrong route (from South to North avoiding North-Western regions). Moreover, they failed to devote proper attention to the personality of the officer chosen to be sent to India. The aforementioned flaws were taken into account while planning the future trips of the officers to India. Speaking of the positive outcomes of Count Nostitz's trip one can mention the book "Hill-People Uprising of North-Western Frontier in 1897" and the album of photos of the places of interest in India.

Keywords: Great Game in Central Asia, intelligence, G. I. Nostitz, I. G. Nostitz

For citation: Zagorodnikova T. N. Journey to India by Staff Captain Count Grigoriy Ivanovich Nostitz (1862–1926) in 1895–1896. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 22–29. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-022-029

Вторая половина XIX в. — период непростых отношений Великобритании и России в Центральной Азии. Шла Большая игра, порой ее обострения грозили перерасти в открытые военные столкновения. В этих условиях информация о вооруженных силах противника была необходима обеим сторонам, притом она должна была постоянно пополняться и обновляться. У Российской империи не было дипломатического поста в Индии, хотя переговоры об этом велись с середины века. Российское императорское генеральное консульство в Бомбее откроется только в конце 1900 г. А пока... «С целью дать возможность нашим офицерам ознакомиться с Крайним Востоком предположено командировать туда ежегодно несколько человек под видом отпуска на срок до двух лет, с сохранением всего содержания и служебного положения, а в случае надобности и с выдачей денежного пособия или билета для проезда на пароходах Добровольного флота.

На этом основании по всеподданнейшему докладу за Военного Министра Генерал-Адъютанта Обручева 11 августа сего года [1895 г. — Т.3.] последовало высочайшее соизволение на командирование исправляющего должность старшего адъютанта 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии Кавалергардского Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полка штабс-ротмистра графа Ностица в Индию на шесть месяцев без расходов для казны, но с сохранением жалования по чину и всех прав и преимуществ действительной службы» [РГВИА. Д. 58. Л. 6]. В справке о нем говорилось, что «он кандидат физико-математического факультета Московского университета, владеет собственной яхтой, плавал на военных судах и имеет звание штурмана дальнего плавания. С августа 1893 года по февраль 1894 года он совершил кругосветное путешествие, т. е. проехал через С. Америку в Японию и оттуда через Шанхай, Гонконг и Сингапур в Индию, где посетил Мадрас, Бомбей, Дели, Лагор и Курачи» [РГВИА. Д. 56. Л. 2 и об.].

Григорий Иванович Ностиц был не первым российским офицером, посланным в Индию для «ознакомления», т. е. для разведки. Такие поездки начались еще в самом конце 70-х гг. XIX в. [Загородникова, 2023], но они были единичными и нерегулярными. Именно с командировки Ностица начинается череда легальных и нелегальных регулярных командировок российских офицеров-разведчиков, которая постепенно сойдет на нет с подписанием в 1907 г. ряда соглашений с Великобританией о разделе сфер влияния в Азии.

Официально граф отправлялся в отпуск и «...офицерам² было предписано не сноситься с Главным Штабом, а писать исключительно родственникам» [РГВИА. Д. 58. Л. 1], и Григорий Иванович посылал письма-отчеты отцу, генерал-лейтенанту в отставке Ивану Григорьевичу Ностицу. В предписании Ностицу-младшему цель поездки была сформулирована так: «Дать Вам возможность ознакомиться с этою странюю и пополнить имеющиеся в Главном Штабе военно-статистические и картографические сведения об Индии, ограничиваясь исключительно материалами, находящимися в продаже. В Индии Вам следует остерегаться всего, что могло бы возбудить подозрение английских властей, не входить в сношения с туземными правительствами и не посещать местностей, куда доступ не открыт иностранцам» [РГВИА. Д. 56. Л. 18 и об.]. Иными словами, это было практически туристическое путешествие русского офицера, хоть и в невысоких чинах, но Г. И. Ностиц, носивший высокий дворянский титул графа, светский, более чем состоятельный и высокообразованный человек прекрасно подходил для завязывания знакомств в офицерской среде и в английском колониальном обществе. Кроме того, он уже побывал в Индии и мог там как-то ориентироваться.

Поездка началась с посещения Англии и Франции, здесь граф Ностиц получил рекомендательные письма к вице-королю и другим высшим чинам Британской и Французской Индии [РГВИА. Д. 58. Л. 9]. На это ушел целый месяц, два месяца занимал путь в Индию и обратно, поэтому отпуск штабс-ротмистра был продлен на 2 месяца. Поскольку корабли Добровольного флота не заходили в порты Индии, а ближайшим портом захода был Коломбо, то поездка графа Ностица началась с юга: в конце ноября 1895 г. он высадился на Цейлоне. Маршрут его поездки трудно установить, но в документах, которые готовились предварительно, стояло: «Граф Ностиц предполагает посетить Бомбей, Бароду, Джайпур, Агру, Дели, Лагор, Бенарес, Калькутту, Дарджилинг, Пуну, Гейдерабад, Майсур, Мадрас и Цейлон» [РГВИА. Д. 56. Л. 16].

Первое, что бросается в глаза в письмах графа Ностица, — это описание того, как его встречали и чествовали в том или ином городе. Лучше всего его принимали в Мадрасе (губернатор предложил остановиться в его резиденции и пригласил на бал, а начальник гарнизона устроил завтрак в честь русского гостя) [РГВИА. Д. 58. Л. 9] и во французском анклав Маэ (на торжественном обеде в его честь католический хор даже исполнил «Боже, царя храни» на русском языке, провозглашались тосты за здоровье русского самодержца) [РГВИА. Д. 58. Л. 9 и об.]. В столице графа Ностица ждал прием совершенно иного рода: несмотря на рекомендательные письма из Лондона, вице-король не удостоил его аудиенции. Это было воспринято как личное оскорбление [РГВИА. Д. 58. Л. 33]. Будучи человеком светским, он тратил много времени на всякого рода обязательные визиты. Судя по его письмам отцу, все эти мероприятия занимали столько же, если не больше времени, сколько потребовалось для выполнения поставленной перед ним цели — знакомства с вооруженными силами Индии.

Только с описания пребывания графа в Бангалоре появились заметки о выполнении им собственно задач, связанных с военной разведкой: осмотр 19-го Гусарского полка, стоявшего на биваке. Граф отметил хорошее состояние коней арабской породы и оригинальный способ их привязи: за чумбур³ лошадь была привязана к коновязному колу и арканом за одну из задних ног — к другому колу. Полк вооружен карабинами Генри-Мартина, все военнослужащие одеты в «каки» (хаки). Затем графу показали бивак шестиорудийной легкой 12-фунтовой батареи. Ностиц особо отметил образцовый порядок на маневрах [РГВИА. Д. 58. Л. 9 об. — 10 об.]. В Хайдарабаде он осмотрел

² Вместе с графом Ностицем в подобную же командировку, но в Китай и Японию, отправлялся поручик А. Н. Казнаков (1871–1933).

³ Чумбур — ремешок или веревка, с помощью которой привязывают лошадь, когда она находится в недоуздке.

21-й Гусарский полк, отметив отличное состояние полковых казарм, австралийскую породу лошадей и хорошее питание личного состава [РГВИА. Д. 58. Л. 9 об. — 10 об.]. И это практически все, что содержится в письмах графа, относящиеся к военной составляющей, т. е. к основной цели его путешествия.

В целом письма отцу очень поэтичны (даже с цитатой из А. С. Пушкина) и похожи на описания путешествия какого-нибудь литератора, но никак не военного разведчика. Письмо из Французской Индии, из города Маэ: «Стройные кокосовые пальмы, медленно кивая своими огромными опахалами, словно стремятся вырваться на простор...» [РГВИА. Д. 58. Л. 11 об.]. В другом месте он довольно подробно описал традиционный брак у касты наяров с объяснением церемоний, ему сопутствующих: «Меня интересовали нравы и обычаи племен этого берега» [РГВИА. Д. 58. Л. 16 и об.]. На одном из первых писем стоит помета, по-видимому, Ностица-старшего: «Статья, которую сын желал бы поместить в Нов. Времени или в СПб. Ведомостях» [РГВИА. Д. 56. Л. 11]. Более того, он ходатайствовал «о разрешении напечатать в Новом Времени описание пребывания его сына в Маэ, дабы сделать у нас общеизвестным особое сердечное внимание и любезность, оказанные русскому офицеру представителями французских властей в малоизвестном уголке Индии» [РГВИА. Д. 58. Л. 10]. 16 февраля 1896 г. генерал-адъютант Н. Н. Обручев, начальник Главного штаба и председатель Военно-учёного комитета, посчитал, что «к сему печатанию препятствий не встречается» [РГВИА. Д. 58. Л. 10], но публикации по каким-то причинам так и не последовало. В целом складывается впечатление, что Г. И. Ностиц готовил описание своей командировки не столько для прочтения в Главном штабе, сколько для публикации в общедоступном журнале.

Среди бумаг, относящихся к поездке графа Ностица в Индию, есть копии его писем отцу (в конце стоит: «С подлинным верно. Иван Ностиц» [РГВИА. Д. 58. Л. 11]) и несколько Извлечений из каждого его письма на одну-две страницы, подготовленные для прочтения высшего командования. Один документ без заглавия и без подписи был или неким извлечением из всех писем, или отчетом самого графа, главное — он касался только военных вопросов без многословных описаний светской составляющей путешествия. Поскольку официального отчета штабс-ротмистра Ностица в архивном деле нет, то примем за него этот документ. Он состоит из четырех параграфов. Первый и самый обширный посвящен санитарному состоянию англо-индийской армии, вернее — обилию венерических заболеваний в ней [РГВИА. Д. 58. Л. 28 и об.]. Второй констатировал плохое качество ружей Ли и их непопулярность в армии. Третий, самый короткий по объему и самый важный, судя по подчеркиванию на полях, касается широкого распространения в войсках «пулеметки Максима»: «для действия ими при полку сформирована особая команда» [РГВИА. Д. 58. Л. 29]. Последний параграф относится к строительству железнодорожных веток: вводу в эксплуатацию обходной линии в Кветту через долину Машкеф и линии Дели — Самасата. Кроме этого, граф Ностиц еще из Коломбо прислал подробную карту железных дорог Индии [РГВИА. Д. 58. Л. 2] и привез текст соглашения от 1893 г. между эмиром Афганским и полковником М. Дюрандом, секретарем по иностранным делам англо-индийской колониальной администрации, касающегося проведения границы через земли племен, живущих между Афганистаном и Британской Индией, разделяя их сферы влияния [РГВИА. Д. 58. Л. 30–31].

Поездку штабс-ротмистра Ностица нельзя назвать успешной. Из восьми месяцев, отведенных на эту командировку, один он провел в Европе, потом на одном из кораблей Доброфлота приплыл в порт Коломбо. Переправившись на континент, граф начал свое путешествие, постепенно продвигаясь на север. Судя по его письмам, можно предположить, что первым пунктом, который он посетил на континенте, был Пондишери (Французская Индия), потом — Мадрас, Каликут, Маэ (Французская Индия), Кочин, Траванкор, Бангалор, Хайдарабад, Бомбей. Затем он поехал

в Калькутту, оттуда в Дарджилинг (курортное место на северо-востоке в предгорьях Гималаев), Бенарес, Лакхнау, Агру, Раджпутану (Джодхпур, Удайпур, Адждмер), Ахмадабад, Бомбей.

Итак, граф Ностиц не побывал и не увидел интересовавший военное ведомство регион Индии — северо-запад. Нельзя ставить это обстоятельство ему в вину: он лишь соблюдал данные ему предписания «остерегаться всего, что могло бы возбудить подозрение английских властей». В письме из Агры он писал: «Итак, я опять близ Таджа... Севернее я не еду, дабы не было бы сказано, что моя нога была в Пенджабе (Пятиречье), что, вероятно, очень встревожило бы англичан» [РГВИА. Д. 58. Л. 33 об.]⁴.

Но именно здесь, на северо-западе, были возможны столкновения российской и англо-индийской армий, именно Пенджаб мог стать театром военных действий. Следовательно, интересы военного ведомства были сосредоточены географически именно в этом регионе и «ознакомление» или разведка должна была вестись именно здесь, а не на юге и тем более не во Французской Индии. Об этом были прекрасно осведомлены военные власти Российской империи. В «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», который издавался в Петербурге с 1883 г. Военно-ученым комитетом Главного штаба под грифом «Секретно» или «Не подлежит оглашению», наряду с общими материалами по Индии⁵ уже с 1884 г. печатались материалы конкретно по северо-западной Индии: «Северо-западная граница Индии» (по английским источникам) (16-й выпуск за 1884 г.), «Реки Пенджаба» генерала Маклагана (перевод с английского л.-гв. Преображенского полка подпоручика Шипова) (21-й выпуск за 1886 г.), «Белуджистан и “Новая индийская провинция”» Т. Г. Торнтон (Из Asiatic Quarterly Review за январь 1888 г.) (33-й выпуск за 1888 г.) и другие.

В Индии того времени были три армии⁶, существенно различавшиеся по составу и боеспособности. При возможном столкновении на северо-западной границе российские войска имели бы дело с наиболее боеспособной бенгальской армией, поэтому наблюдения штабс-ротмистра Ностица в южной Индии, будь то бомбейская или мадрасская армии, были совершенно бесполезными и могли интересовать военное ведомство только чисто теоретически.

По-видимому, по своим личным качествам Григорий Иванович Ностиц не подходил на роль разведчика, человека предприимчивого и готового идти на риск ради добычи нужной информации. Вот как характеризует его граф Алексей Алексеевич Игнатьев, который позднее, в 1912 г., принимал от графа Ностица должность военного агента во Франции и хорошо знал его еще по Петербургу: «Загадочным человеком долгое время казался мне Гришок. Я был еще юным корнетом, а он уже польсевшим раньше времени генштабистом, которого я встречал или в кавалергардском полку, где он начал службу, или в домово́й церкви у бабушки, куда почему-то допускался его отец, давно нигде не служивший генерал. ...Старик Ностиц рано овдовел, был несметно богат и, конечно, мог дать единственному своему сыну блестящее образование. Выходило, однако, так, что все, к чему готовил себя Гришок, как раз не соответствовало или его призванию, или его вкусам. Избалованный домашним воспитанием, от природы не пригодный к военной, а особенно к кавалерийской службе из-за своей крайней близорукости, Гришок, окончив Московский университет, стремится сделать военную карьеру, но вместо хороших коней он заводит яхту и чувствует непреодолимое влечение

⁴ Подчеркнуто автором.

⁵ Статья «Войска полунезависимых туземных владений в Индии» была напечатана в 16-м выпуске за 1885 г., статья «Индия». Перевод статьи из Encyclopaedia Britannica, vol. 12, 1881. (Переведено и дополнено Генерального штаба подполковником бароном Тизенгаузеном) — в 22-м выпуске за 1886 г. и др.

⁶ Накануне визита Г. И. Ностица в 1895 г. три армии президентств были официально слиты воедино и образовали Британскую индийскую армию, но реальное реформирование началось только с назначением в 1902 г. главнокомандующим вооруженными силами Британской Индии генерал-лейтенанта Г. Г. Китченера (1850–1916).

к морскому делу. ... Он отлично оканчивает Академию Генерального штаба, исправно маневрирует на полях Красного Села, все сослуживцы находят его милым, вид в пенсне он имеет серьезный, а подчас даже таинственный, особенно, когда он хочет заинтересовать собеседника какой-нибудь военно-придворной интригой, до которых он большой охотник» [Игнатъев, 2013, с. 115–116]. В этом смысле в выборе кандидатуры для такого рода командировок эта поездка тоже дала урок: надо смотреть на психо-физические качества человека — далеко не каждый пригоден для такого рода деятельности. Кроме того, не стоит ориентироваться на то, что человек уже побывал в Индии и что он сам, из собственных средств, может финансировать поездку. Лучше платить командировочные и оплачивать проезд, но зато иметь результат и отчет о проделанной работе с нужной информацией.

Представляется, что поездка графа Ностица в Индию была малорезультативной, но далеко не напрасной. Она показала, что в дальнейшем посланные для «ознакомления» с вооруженными силами Индии офицеры императорской армии должны плыть прямо до Бомбея, несмотря на то, что корабли Доброфлота не заходили в гавань этого порта. В конечном счете выгоднее было следовать на французских или английских пароходах прямо до Бомбея, чтобы не тратить время на путешествия через всю Индию с юга на север, и сосредоточить свое внимание на Северо-Западной Индии, что и показали последовавшие командировки А. Е. Снесарева и А. А. Полозова (1899), И. К. Серебренникова (1901–1902), Л. Г. Корнилова (1903–1904) и т. д.

Эта командировка не была бесполезна и для самого графа Г. И. Ностица. В 1900 г. он стал младшим делопроизводителем канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, то есть начал работать в учреждении, непосредственно занимавшемся разведкой, прослужил там недолго, и с 1901 г. — он уже штаб-офицер для поручений при штабе генерал-инспектора кавалерии. В 1901 г. под грифом «Не подлежит оглашению» он опубликовал книгу «Восстание горцев на северо-западной границе Индии в 1897 году» [Ностиц, 1901] с пометкой на титульном листе «Сообщение, читанное в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа». Автором был дан достаточно подробный анализ причин восстания, характеристика театра военных действий, шагов англо-индийской армии по подавлению восстания (того, что в историографии называется Тирахской кампанией 1897–1898 гг.). Эта книга уже непосредственно касалась интересовавшего российские военные власти района и всего того, что там происходило, с чем могла столкнуться при походе на Индию русская армия. В издаваемом штабом Туркестанского военного округа периодическом издании *Сведения, касающиеся стран, сопредельных с Туркестанским военным округом* было напечатано несколько статей на эту тему [Грулев, 1898 и др.]. «Восстание горцев на северо-западной границе Индии в 1897 году» было первым русским монографическим исследованием по этой проблематике с характеристикой вооруженных сил Британской Индии. Притом если при описании операции автор опирался на английские источники, список которых он поместил в конце книги, то при анализе вооруженных сил Ностиц подчеркнул, что с ними он «имел случай несколько ознакомиться во время моего пребывания в Индии в 1896 г.» [Ностиц, 1898, с. 61], т. е. непосредственно накануне описываемых событий.

Примечательно, что автор не ограничивается показом численности английских офицеров в туземных войсках согласно штатному расписанию или списочному составу, но на нескольких примерах показал реальное их количество, когда тот или иной батальон должен был выступить в поход.

Последнее, о чем следует упомянуть в связи с поездкой графа Г. И. Ностица в Индию. Отец Григория Ивановича, генерал-лейтенант граф Иван Григорьевич Ностиц (1824–1905), был известным фотографом-любителем, притом слово «любитель» ставили в кавычки, показывая тем самым его высокий профессионализм. С 1863 г. он состоял в свите императора Александра II, часто фотографировал царскую семью, а также Ливадию, Крым, флот, морские пейзажи, виды Москвы,

Севастополя⁷. В 1859 г. им был сделан сохранившийся до наших дней знаменитый фотографический портрет Шамяля в Чир-Юрте⁸. Он внес заметный вклад в развитие и усовершенствование светописы, изобрел объектив, впоследствии запатентованный в Англии. Он был действительным членом V (фотографического) отдела Императорского Русского технического общества (ИРТО). По воспоминаниям графа А. А. Игнатъева: «Он был известен тем, что занимался фотографированием не только своего роскошного дворца в Крыму, но и красот далекой Индии, куда он совершал специальные путешествия» [Игнатъев, 2013, с. 115]. К сожалению, документы, касающиеся поездки в Индию Ностица-старшего, не обнаружены. Его единственный сын по примеру отца тоже увлекался фотографией и во время пребывания в Индии фотографировал понравившиеся ему виды. На одном из заседаний ИРТО Ностиц-старший демонстрировал свои работы, выполненные им за 30 лет. «На этом же заседании его сын показал собственные снимки, сделанные в Индии» [Тюнина, 1991, с. 36]. К сожалению, никаких фотографий или документальных подтверждений этому найти не удалось. Сохранился альбом Ностица-старшего с портретами Александра II и царской семьи, видов Москвы и Крыма [Ностиц, 1896], который является библиографической редкостью. В Российском государственном архиве кинофотофонодокументов (Красногорск) в реестр уникальных документов РФ внесен «Личный семейный альбом Александра II», 1860–1870 гг., один из авторов — Ностиц И. Г.; в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов (СПб.) хранится много его фотографий, в Государственном литературном музее — 11 фотографий И. Г. Ностица⁹, но все по той же тематике.

В 2009 г. на аукцион Christie's был выставлен на продажу фотоальбом Grigorii Nostits. India. Photographs by Count G. I. Nostits, Berlin: Wübben and C°. 1896. Альбом имеет форму небольшого прямоугольника размером 31 на 41,5 см. с десятью фотогравюрами, напечатанными на китайской бумаге¹⁰. Далее следует подробное описание сохранности этого лота. *Провенанс (происхождение лота)*: Принц Guidotto von Donnersmarck (1888–1959). Перешел по наследству нынешнему владельцу. Лот был продан за 1625 фунтов¹¹. На приведенных на сайте Инвестиции в искусство (Artinvestment.ru) фотографиях из этого альбома — Тадж Махал (Агра), вид Бенареса и Майсура. На бордового цвета обложке с золотым и черным тиснением по краям стоит: Индия. Светописы гр. Г. И. Ностица. 1896 г.¹²

В России этот альбом пока обнаружить не удалось.

Литература / References

Грулев М. В. Восстание на северо-западной границе Индии в истекшем 1897 году. *Сведения, касающиеся стран, соприкасающихся с Туркестанским военным округом*. Ташкент, 1898. Вып. 1. С. 15–77 [Grulev M. V. Uprising on North-Western Frontier of India in past 1897. *Information about Countries Bordering Turkestan Military District*. Tashkand, 1898. Issue 1. Pp. 11–77 (in Russian)].

⁷ Фотограф Иван Григорьевич Ностиц. URL: <https://www.photographer.ru/resources/names/photographers/183.htm> (дата обращения: 12.03.2024).

⁸ Иван Григорьевич Ностиц, генерал русской армии. URL: <https://www.peoples.ru/art/photo/nostits/> (дата обращения: 12.03.2024).

⁹ Сведения предоставлены заведующим отделом фотографий Государственного литературного музея В. Е. Высоколовым.

¹⁰ Китайская бумага — достаточно тонкий, но прочный и довольно жесткий сорт бумаги, более блестящий с одной стороны; изготавливается из молодых побегов бамбука, луба, шелковичного дерева и т. п.

¹¹ Christie's. Russian Art. URL: <https://www.christies.com/lot/lot-5208962/?from=searchresults&intObjectID=5208962> (дата обращения: 12.03.2024).

¹² URL: https://artinvestment.ru/auctions/85550/records.html?work_id=1395580 (дата обращения: 12.03.2024). Автор благодарит сотрудницу Русского музея И. А. Панченко за предоставленную информацию.

Загородникова Т. Н. Российские военные разведчики в Индии. Поездка по северо-западной Индии подполковника Лавра Георгиевича Корнилова. *Восточные ветви российской диаспоры*. Т. 6.: коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2023. С. 20–52 [Zagorodnikova T. N. Russian Officers' Intelligence Missions to India. Lieutenant-colonel Lavr Georgievitch Kornilov in North-West India. *Oriental Branches of the Russian Diaspora*. Т. 6.: multi-authored monograph. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2023. Pp. 20–52 (in Russian)].

Игнатъев А. А. *Роковые дни. 50 лет в строю*. М.: Вече, 2013 [Ignatiev A. A. *Fatal Years. 50 Years in the Ranks*. Moscow: Veche, 2013 (in Russian)].

Ностиц. *Восстание горцев на северо-западной границе Индии в 1897 году*. СПб.: типография штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1901 [Nostitz. *Hill-People Uprising of North-Western Frontier in 1897*. Saint Petersburg: Printery of the Headquarters of the Guards and Petersburg Military District, 1901 (in Russian)].

Ностиц И. Г. *Светонисы графа Ностица (Photographies du Comte Nostitz)*. Вена: И. Блехингер, 1896 [Nostitz I. G. *Photographies of Count Nostitz*. Vien: J. Blechinger, 1896 (in Russian)].

Тюнина О. Фотолюбитель граф Ностиц. *Советская фотография*. М., 1991. Вып. 6. С. 36 [Tyunina O. *Amateur Photographer Count Nostitz*. Soviet Photography. Moscow, 1991. Issue 6. P. 36 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military History Archive]. Фонд Ф. 401. Оп. 5, 1895. Д. 58, д. 56.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-1-030-043

SOVIET DIPLOMACY AND THE ALL-MUSLIM CONGRESS IN SAUDI ARABIA

© 2024

Vitaly V. Naumkin¹

The article presents little-known episodes of the history of all-Muslim congresses and the caliphate movement of the ninetieth — first third of the twentieth century. The author reveals the close relationship between the concept of the caliphate and the ideas of Muslim unity, as well as the reasons for the failure of attempts to implement such projects in practice in the Ottoman era. The historical picture of the preparation and holding of the first all-Muslim congresses in Cairo and Mecca in 1926 is presented in the context of the changing system of international relations and the process of formation of a new geopolitical space in the Middle East. The author comes to the conclusion that the Islamic factor became an effective tool in the foreign policy of the USSR, which allowed, in the 1920s, to strengthen Soviet positions in Arabia and the Islamic world.

Keywords: All-Muslim Congress, Muslim unity, the concept of the Caliphate, USSR, Great Britain, Saudi Arabia, Ibn Saud, diplomacy

For citation: Naumkin V. V. Soviet Diplomacy and the All-Muslim Congress in Saudi Arabia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 30–43. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-030-043

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И ВСЕМУСУЛЬМАНСКИЙ КОНГРЕСС В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

В. В. Наумкин

Статья представляет малоизвестные страницы истории Всемусульманских конгрессов и движения за халифат XIX — первой трети XX в. Автор раскрывает тесную взаимосвязь концепции халифата и идей мусульманского единства, а также причины неосуществимости подобных проектов в Османскую эпоху. Историческая картина подготовки и проведения Всемусульманских конгрессов в Каире и Мекке в 1926 г. помещена в контекст меняющейся системы международных отношений в процессе формирования нового геополитического пространства на Среднем Востоке. Автор приходит к заключению о том, что исламский фактор стал эффективным инструментом внешней политики СССР, что позволило в 1920-е годы укрепить советские позиции в Аравии и в мусульманском мире.

Ключевые слова: Всемусульманский конгресс, единство мусульман, концепция халифата, СССР, Великобритания, Саудовская Аравия, Ибн Сауд, дипломатия

Для цитирования: Наумкин В. В. Советская дипломатия и Всемусульманский конгресс в Саудовской Аравии. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. № 2. С. 30–43. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-030-043

¹ Vitaly V. Naumkin, Full Member of RAS, President, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; director@ivran.ru

Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН; director@ivran.ru
ORCID: 0000-0001-9644-9862

FROM THE HISTORY OF MUSLIM CONGRESSES AND THE CALIPHATE MOVEMENT

The idea of holding all-Muslim congresses appeared long before the liquidation of the Ottoman Caliphate, but was in one way or another went hand in hand with the concept of the Caliphate, which was extremely important for Islam. Although in 1516 the Ottoman Sultans simultaneously possessed the titles of Caliphs (the first to carry this title was Selim I), their right to supreme spiritual power in the Muslim world was not supported by all Muslims. Since they did not originate from the Qurayshi tribe, the Sultans always, and especially during the decline of the empire, needed to legitimize their claims to the Caliphate. Although, as Martin Kramer, a well-known American-Israeli researcher of the history of Muslim congresses, rightly noted, “the theory of the caliphate as circulated in the Ottoman Empire contained hardly any allusion to Qurayshi descendant election, and substituted the enforcement of the holy law and the militant defense of Islam as valid criteria for measurement of any claim to the Muslim Caliphate.” [Kramer, 1986, p. 3; Gibb, 1961, p. 141–150]

The Ottoman Sultans' Caliphate, as well as the very idea of rallying all Muslims, undermined the sharp contradictions between Sunnis and Shiites, and this primarily concerned Turkey's relation with its closest neighbor and rival, Persia. Speaking of hostility between these two main areas in Islam, English Orientalist E. G. Brown wrote how one Persian derwish at Khoi in northwestern Persia boasted to him that, along with his fellow derwishes, he accompanied the Russian army during the Russian-Turkish war, helping the Russians with their prayers. [Brown, 1904, p. 323]. Nevertheless, a point on which many Western Orientalists agreed, was that the expansion of the West into the Islamic world forced the Sunnis and Shiites, even for a short time, to reconcile, pushing their doctrinal differences away.

Doubts about the legitimacy of the Ottoman Caliphate were already being expressed in the 1870s. One of the first to publicly question the Caliphate was the not-very-well-known English poet of the Victorian era, Wilfrid Blunt [Blunt, 1920]², who spoke in favor of the liberation of Egypt from colonial dependence, whom Kramer calls “social non-conformist and political romantic.” We know that such idealistic romanticists, who found charm in the harsh life of Hijaz at that time, which they contrasted with the luxury and splendor of Constantinople, and often inspired by Islamic values, could be found among the English. With all this, most of them faithfully served the imperial interests of Britain. After returning to England in 1879, Blunt developed his idealistic constructions, blaming the Turks for the decline of Islam, which, he argued, could only be reformed under the auspices of the Arabs, and advocating the transfer of the Caliphate from Istanbul to Mecca, from Othman's house to Arab Qurayshites. [Kramer, 1986, p. 10] Blunt's ideas on Islamic reform and the Caliphate found support from the famous Egyptian Muslim thinker and reformer, who in 1899 became the Supreme Mufti of Egypt, Muhammad Abdo³, whom the British poet met in 1881 [Kramer, 1986, p. 26], Another reformer close to Abdo, Rashid Rida⁴, in 1898 began to publish the religious-political magazine «Manar», in the first issue of which was set out the idea of convening a congress, which the Sultan-Caliph Abdul Hamid did not support.

Formerly worked in the British India Office, George Birdwood (1832–1917), in a series of letters to the Times, back in 1877, called the Ottoman Caliphate “usurpation”, arguing that he should belong

² See more on him: [Longfold, 1979]

³ Abdo, Muhammad (1849–1905) — famous Egyptian public and religious figure, enlightened reformer of Islam, the supreme mufti of Egypt in 1899–1905, student and colleague of another popular reformer and ideologue of Pan-Islamism, Jamal al-Din al-Afghani (1839–1897), with whom he founded the Al-Uruwwa al-Wuthqa Society in Paris (“The Tightest Connection”) and the well-known newspaper under the same name.

⁴ Rida, Muhammad Rashid (1865–1935) — Syrian-Egyptian social and religious leader, Islam reformer, who is close to the Salafis, considered the forerunner of the Muslim Brotherhood, the author of Tafsir (the interpretation of the Quran). Born in Ottoman Syria, in the city of Kalamuna near Tripoli, he moved to Egypt, advocated the revival of the Arab Caliphate, a state that would live according to Sharia law.

to the Meccan Sharif and Muslims “should begin their rebirth from the election of the Sharif of Mecca as the Caliph of Islam.” [*The Times*, 1877]

Like-minded to Blunt and on friendly terms with him, was the British diplomat, James Zohrab, who was appointed consul to Jeddah in 1878 [Kramer, 1986, p. 13–17]. Zohrab, in January 1880 in one of his dispatches, convinced the Foreign Office that the Meccan Sharif, as a direct descendant of the Prophet Muhammad, had more weight in the Islamic world, than the Ottoman Caliph [FO 78/3131, 1880]. The Consul even advocated the “separation of the Hijaz from the Ottoman Empire and its affiliation with Great Britain, which would be an enviable position to influence Muslims in India and elsewhere.” [Kramer, 1986, p. 13]. In addition, he claimed that he had found some “extensive underground organization of Muslims of all nationalities in the Hijaz, the purpose of which was to restore the Caliphate of the Arabs of the Hijaz, [FO 78/3314, 1881] and the Sharif of Mecca“ is as good for Muslims as the pope is for the Roman Catholic Church.” [FO 78/3131, 1880] However, these appeals, at a time when the Ottomans strengthened their positions in Hijaz, whose well-being depended on financial assistance from Constantinople, and the Sharif, being appointed by the Sultans, had no real power, was not held in high esteem in the Muslim world, were very distanced from reality. At the same time, this insight into history makes it possible to better understand the ambitions of Sharif Hussein during the First World War: his dream of restoring the Hashemite Caliphate, based on the conviction of his sacred right to power as a descendant of the Prophet, lay at the heart of his plans. It can be assumed that getting recognition as a Caliph for Hussein was no less important than becoming King in a part of the Arab world.

If we move forward to our time, it should be noted that, according to the author of this book, some members of the Hashemite family are still remorse, although they do not demonstrate it publicly, over the loss of control of Hijaz, which happened about a hundred years ago. Even tens of years after the events described, the British were afraid of “Hashemite revanchist intent.”

Rereading the dispatches of the aforementioned officials stored in the National Archives of Great Britain in London’s Kew Gardens, it is difficult rid yourself of the thought that this was a somewhat unusual practice, when people with formal diplomatic status allowed themselves in the official correspondence (and not only) to come up with rather risky proposals regarding London’s regional policies. It is not difficult to assume that their position was inspired by conversations with the most vivid, extraordinary representatives of the Arab intellectual elite and could not help but affect their daily work. Official stamps, which the department heads placed on their dispatches, were far from always being favorable. This is very similar to the situation in the Soviet diplomatic and other departments of that time.

As for the idea of convening an all-Muslim Congress, according to Kramer, it first reached the masses in writing thanks to the same Blunt, who actively distributed it among influential Muslims.

The concept of an all-Muslim congress was combined with a Caliphate project and the concept of a well-known Arabian thinker of Syrian origin, Abdul Rahman al-Kawakibi (1854–1902), who, as is commonly believed, described for the first time such an imaginary congress in his popular in the Arab world treatise *Umm al-Qura*⁵, which he published under the pseudonym “al-Sayid al-Furati” (“Master from the Euphrates”) in Cairo in 1900. Al-Kawakibi demanded that the existing Ottoman Caliphate be replaced by the Arabian Qurayshi one, which was centered in Mecca “in close alliance with the Great Muslim congress.” [Kramer, 1986, p. 30] Can we call this concept Pan-Islamic? Of course — with some reservations.

⁵ *Umm al-Qura* (Arabic) — “Mother of all Cities,” the well-known name of Mecca in the Islamic world.

SULTAN-CALIPH

It is also necessary to recall the attempt to convene an all-Muslim Congress that was undertaken by the leaders of the “Unity and Progress” Committee⁶. After the Kemalists soundly defeated the Young Turks in Turkey in 1918, those leaders and party activists who maintained their freedom departed for Europe and created the League of Islamic Revolutionary Societies (another common translation of the name is the “Society for the Unity of Revolution with Islam”) led by the apologist of Pan-Islamism and Pan-Turkism Enver Pasha⁷ (1881–1922), who in 1921 managed to gather a small number (a little more than a dozen) of Islamic representatives in Moscow. While at modest-sized event, the participants agreed to hold such congresses regularly in the future and to establish League branches. The Charter of the League said: “The aim of the Society is to make the Muslims — who are used like slaves, enslaved and dominated by the imperialists and capitalists — masters of their own fate under the leadership of Turkey; to ensure their free and independent organization within their national culture and to liberate them from captivity. The aim of the Society is to create an organization necessary to realize the aforementioned goal, by uplifting and uniting the Muslims spiritually. In places where Muslims are in the minority, the Society shall try to safeguard their civil rights.” [Karabekir, 1967, p. 123–125]. The leadership of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) and the NKID naively believed that, because of the popularity of the ideas of Pan-Turkism, which Enver Pasha had been preaching, and which at that stage worked closely with the Bolsheviks, the movement could be used in the struggle against the Basmachis in Turkestan.

Kramer writes about a meeting organized in Germany in 1918 by German mediators consisting of Committee leaders and the Secretary of the Comintern, Karl Radek, who had decided that after the organization was defeated, they all could “serve the goals of Soviet politics in Muslim lands. The task was not very noticeably different from the one that the ‘Unity and Progress’ Committee set for itself: the spread of anti-imperialist and, in particular, anti-British propaganda, but served in an Islamic context, on the territory of Anatolia, the Fertile Crescent, Iran, Afghanistan and India. Few at that time thought about the paradox of the existence of a purely Islamic movement, directed from Moscow under the auspices of the Soviets.” [Karabekir, 1967, p. 70]. In fact, there was nothing paradoxical in the fact that Muslims sympathized with Soviet Russia, whose leaders published the secret treaties of the Entente, declared war on the imperialists and supported the Muslim people’s slogans of self-determination [Karabekir, 1967, p. 2]. Radek invited two Committee leaders to Russia, one of whom — Talaat — refused to come, and the other — Enver Pasha — who along with several of his like-minded associates arrived in 1920.

In British India, the Caliphate movement emerged during the First World War in order to protect the Turkish Sultan-Caliph, as well as within the framework of solving the problems facing Indian Muslims

⁶ İttihat ve Terakki — created in 1889, first as a society, then as the party of the Young Turks, which advocated the overthrow of Sultan Abdul Hamid II and the return to the 1867 Constitution, which in 1908 staged an armed coup in Turkey.

⁷ Enver, Ismail, known as Enver Pasha (1881–1922), was a Turkish military and political figure, one of the leaders of the Young Turkish Revolution of 1908, a military minister the Ottoman Empire during the First World War, an ideologist of Pan-Turkism, one of the leaders of the Basmachis movement in Central Asia. In 1903 graduated from the Military Academy of the General Staff, after the victory the Young Turks proclaimed the restoration of the Constitution in 1876, in 1909–1911 was military attaché in Germany, admired the German army. In 1913, organized a coup, after which the country began to actually rule the triumvirate of Enver Pasha, Talaat Pasha and Jemal Pasha, during the First World War he served as Deputy Commander to the Sultan himself. He was one of the organizers of the Armenian genocide. In 1918 he fled to Germany. In 1920 he came to Moscow, made statements on an alliance with Bolshevism, in 1921 was sent by the Soviet authorities to Bukhara to participate in negotiations with the local clergy, but soon decided to raise an anti-Bolshevik pan-Islamist uprising, after uniting with the Basmachis he became Commander-in-Chief of all Basmachis groups, in 1922 he was killed in battle with the Red Brigade Army near Baldzhuhan (present-day Tajikistan, Khatlon region), his burial place became the Mazar of Hazrati Shah. In 1996, his ashes were handed over to the President of Turkey Demirel by the former Prime Minister of Tajikistan, a native of Kulob, Izatullo Khayoyev.

in local politics⁸. The sympathies of the Caliphists to the Turks were associated with widespread anti-British sentiment, its very existence spoke of the possibility of liberation from colonial dependence. In addition, according to the American researcher Gail Minault, “the Caliphate symbolized the eternal superiority of Islamic law in the world. For moderately educated [figures], he embodied the principles of freedom and self-determination of peoples. For the radicals, he was the embodiment of the impossibility of borrowing Western culture and political institutions.” [Minault, 182, p. 209–210] At the All India Muslim Conference held in Lucknow in July 1919, which opposed the colonial division of the Ottoman Empire and for the preservation of the power of the Turkish Sultan-Caliph, Indian Caliphists created the Caliphate Committee, in which two wings stood out – one radical and the other moderate.

It was not unreasonable for the Soviet leadership to believe that Great Britain wanted to use the Caliphate movement and, having supported it, to acquire additional levers for spreading its influence on the Islamic world. Documents from the British archives confirm that such calculations really existed. There were several contenders for the title of Caliph of the faithful, including the ousted Ottoman Sultan, Meccan Sharif Hussein bin Ali, the loser of the war with Ibn Saud for control of Hijaz, as well as the King of Egypt and Sudan, Fuad I⁹. The discredited Hussein, however, could not get the support of key Muslim states. A number of leaders came up with the idea of convening a new world Muslim congress, during which they would raise the question of the fate of the Caliphate and, perhaps, elect a new Caliph. The already-mentioned Indian Caliphate Committee was very vocal in support of this particular option. The Egyptians, who campaigned for holding the congress in Cairo, also actively called for this. Led by the ulama of the Al-Azhar University, an organizing committee for such a congress was organized in the Egyptian capital back in 1924, and was originally to be held in March 1925. It was then postponed for a year [*Revue du monde musulmane*, 1926].

But at this time, Ibn Saud became one of the important players in the Islamic world. He created a state that was gaining strength in Arabia. In 1926, the Soviet Union was the first of all the states in the world to officially recognize Ibn Saud as the king of Hejaz, the Sultan of Najd and the annexed regions — that was the name of the future Saudi Arabia. The capital of this dual state was then located in Mecca, and the Soviet diplomatic mission headed by the Consul General and diplomatic agent Kerim Hakimov operated in Jeddah.

Statements made by the leaders of the Indian Caliphate Committee Abdul Kalam and Shaukat Ali in made in February 1926 were indicative¹⁰. Referring to the attitude of Muslims of India toward Ibn Saud after he declared himself Sultan, Abdul Kalam said that most of the Indian Muslims will support the policy of the committee, which seeks to hold an All-Muslim Congress in Hijaz, which would decide the future form of government in the country. Shaukat Ali, in turn, stressed that the purpose of the congress should be to free Arabia from the influence of non-Muslims, and explained further what Kalam had

⁸ On the Caliphate Movement in British India in 2007 under the leadership of A. L. Safronova, student M. V. Petrushina of the Institute of Asian and African countries of Lomonosov Moscow State University wrote a term paper from which some facts from the history of this movement were taken. This paper cites interesting works of the Indian ideologues of Caliphism.

⁹ Fuad I, Ahmed (1968–1936) — the seventh son of Ismail Pasha, the first Egyptian Khedive (the title Khedive was given to those Egyptian Vice-Sultans who were dependent on the Ottomans, from 1867 to 1914), who ruled from 1867–1879. In 1914, the occupying British forces overthrew the third Khedive of Egypt and Sudan, Abbas II Helmy and declared the Sultanate established in Egypt as a British protectorate, in which power really belonged to the head of British administration, the High Commissioner. In 1917, after the death of his brother Hussein Camille, Ahmed Fuad was proclaimed the new Sultan, who established contacts with Egyptian nationalists. From the moment of the formal proclamation of independence of the country by the British in February 1922 until his death, he was King of Egypt and Sudan.

¹⁰ These statements were made during a conversation between the heads of the committee and a representative of the Burmese newspaper Rangoon Daily News and reprinted by the Indian newspaper Hamdard on February 18, 1926 (hereafter in the Information Bureau of the Middle East NKID: [*Foreign Policy Archive*, 1926, p. 75–78]). Caliphists traveled to Burma to familiarize themselves with the situation of the Muslim population.

meant, saying that the Caliphatisers want to turn Hijaz into a republic: “Maybe Ibn Saud is a good person, but that does not mean that his son will be anything like him, and even more likely that his grandson would be completely useless. And in the Holy Hijaz there is no place for such people. Therefore, there should be a republic, a president who should be elected and should be under the control of the Muslim world.” Abdul Kalam argued that the military force of Ibn Saud is not enough to protect Hijaz. A future congress might decide to ask Ibn Saud to take over the protection of the Hijaz until the population “will be to defend itself. Of course, it would be better for this decision to pass through the World Muslim Congress. Hijaz’s population has been too hasty.”

And when asked about the possibility of electing Ibn Saud as Caliph, Abdul Kalam replied: “In my opinion, Sultan Ibn Saud cannot be proclaimed Caliph; the Muslim world is also not going to recognize him as such. Shaukat Ali put it quite definitively: “As for my personal opinion, I recognize the deposed Sultan Abdul Mejid as Caliph, although he is no longer in Turkey, but rather lives as an emigrant abroad.” Here the anti-Kemal line of Indian Caliphatisers was closely followed. The complete opposite of this were statements Soviet Muslims made. Mufti Zuhridin Alam, on behalf of the Tashkent Spiritual Administration, responded about the former Ottoman Caliph in the following manner: “When Turkish troops, Anatolian peasants and Egyptian and Syrian Arabs under Sevastopol and Balaclava died ‘for their homeland, religion and Caliph,’ and when wives, mothers of their children were dying of cold and hunger, on these bloody days the Sultan Abdul Mejid sat in his palace and gave into debauchery with Circassian women.” [*Foreign Policy Archive*, 1926, p. 78]

At The People’s Commissariat of Foreign Affairs (NKID) USSR led by Georgy Chicherin they considered it less than accidental that most of the active supporters of the All-Muslim Caliphate Congress in Cairo were representatives of the clergy of countries under British control. Despite the reluctance of the Muslim clergy of many states to participate in this event, the Cairo Congress did take place, from May 13 to 19, 1926. A charter was adopted at the meeting of the preparatory committee, the first chapter of which said confirmed that the Chairman of the Congress meetings would be Shaykh al-Azhar, and his deputy, appointed by the administrative committee of the congress, will replace him during his absence [Sekaly, 1926, p. 42–45]. The organizers of the event believed that under the patronage of Shaykh al-Azhar the Congress would receive needed legitimacy. However, due to the absence of delegations from a number of influential Islamic states (Persia, Turkey, Afghanistan etc.) and sharp disagreements between the participants, the organizers had to stop its work after four sessions, not having achieved any results.

This gave rise to satisfaction in Moscow. Even before the convocation of the congress in Cairo, the report to the head of the Agitation and Propaganda Department of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks), V. G. Kornin, prepared on the basis of special materials and other sources of foreign press, the Eastern Department of the Joint State Political Directorate (OGPU), in regards this event noted that “after the liquidation of the Caliphate in Turkey, the British developed enhanced activities, which were targeting the recreation of the Caliphate, but one that would be under their full influence and control... The appointees in Arabia, as is known, ended in failure, forcing them to transfer their activities to Egypt. A whole series of data indicated that this time the candidate for Caliph was King of Egypt Fuad. The formal initiators of the issue of restoring the Caliphate in Egypt were the ulama from Al-Azhar [*Russian State Archive*, 1926, p. 85–94]. The report mentioned the acute dissatisfaction that the campaign for the Caliphate gave rise to in Turkey, and the Indian Caliphate Committee and the Indian Nationalists joined the opposition to the Cairo Congress, because “mock independence will be a great humiliation for Muslims if the future Caliph is under foreign influence.” The Syrians criticized the actual idea of having the Congress, the Persians refused to participate in it at all, and the Soviet Muslim

clergy, represented by the Central Muslim Spiritual Board leadership, published their protest against the Congress's convocation. As a result, the question of electing a Caliph was removed from the agenda.

DELEGATION OF SOVIET MUFTIS AT THE ALL-MUSLIM CONGRESS IN MECCA

In opposition to the plans of the pro-English Caliphats, Ibn Saud in 1925, even before taking over Medina, intended to hold a congress under his aegis in Mecca, but the situation then did not allow him to realize his plan. Now however, in the new conditions, he returned to this idea. Now, he had almost already achieved recognition from the Islamic world as the guardian of Islamic shrines, although there were still many supporters of their transfer from his control to that of an international Islamic committee. It was necessary only to consolidate the successes he had achieved and at the same time reassure Muslim public opinion of other countries who were concerned about aggressive Wahhabi puritanism (as mentioned above, Indian Muslims were particularly displeased). In addition, Ibn Saud developed a completely different agenda for his congress, which corresponded to his purely public interests. Having received support from representatives of the Muslim clergy in many countries, he decided to hold an All-Muslim Congress in the summer of 1926.

The attitude of the Soviet leadership toward the concept of a Caliphate, as already noted, was not decisively negative. The Caliphate was unconditionally rejected only if pro-British forces were the one promoting it (and this was the case with the Cairo Congress). The Comintern Executive Committee even came up with the utopian idea of "a Caliphate indirectly influenced by the Comintern," which, as stated in a document prepared in the Eastern Department of the same Executive Committee in September 1921 and sent to the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) signed by the head of Department, C. Brike-Bestuzhev [Brike-Bestuzhev, 1921], would be "in today's current situation of outstanding revolutionary significance." It is not clear how this could have happened if the same document stated that "the Caliphate, generally, is a reactionary factor." But, apparently, any movement, even "reactionary" especially if it was directed against Britain, could be interpreted as "revolutionary." The task was to "yank the Caliphate out of Britain's grasp." This would be "a victory for the Comintern in the East." However, there is reason to believe that the naive enthusiasm of the authors of the document was still not shared in the top leadership of the USSR.

Naturally, the sympathies of Moscow were on the side of the Mecca, rather than the holding the Congress in Cairo, since Egypt was under British control.

In this context, several theses contained in one of the Chicherin's letters to Hakimov from his archive, dated April 3, 1926 and marked "top secret", are worth noting [*Foreign Policy Archive*, 1926, p. 1-7]. The People's Commissar writes: The most recent events on the Arabian Peninsula largely confirm our assessment of the relationship between Ibn Saud and the British. In spite of the conciliatory line apparently taken by Saud towards Britain, and despite the attempt the British press to present Saud as a friend of Britain's, it becoming increasingly clear that these relationships are based on mutual fear. Britain fears that Ibn Saud will be able to mobilize around them the opinion of anti-British Muslims and, having strengthened their position in Hijaz, will begin an expansion towards Palestine".

Premised on the above, a task was set: "Saud, based on a whole series of recent facts, must become convinced the British will not only obstruct his further gains in power, but will also try to deprive him of the fruits of his most recent victories. An extremely illustrative document is an article in the Times of Mesopotamia, dated February 21 of this year the cover story, written about the rumors of Saud's invasion of Transjordan, states that Saud's attack on Transjordan were not unexpected for people familiar with

the situation in Hijaz and the justification for it was Ibn Saud's fear of Transjordan and Iraq's plotting against him. The story exposes Britain's distrust of Saud and their hostility towards his success."

Further: "The flair-up in relations between the British and Ibn Saud must have an effect on the latter in the sense that of his tendency, which we've seen before, to find a counterbalance to Britain's pressure on him by seeking rapprochement with other countries. His signing a treaty with France and his rapid and very friendly response to our note on recognizing him prove this point. Saud's position and the tendencies he reveals make it possible to build our policy in Arabia by helping to strengthen Ibn Saud, by concentrating on his aspirations for all elements of the neighboring countries of Syria, Palestine, and Iraq that are dissatisfied with the imperialist states. The situation is favorable for increasing our influence with Ibn Saud, and we must try to make full use of this circumstance."

It is likely that the People's Commissar was right that the situation had really dictated the Soviet Union's rapprochement with Ibn Saud, who at the time needed Moscow's support. But Chicherin understood that in order to achieve this, several tasks had to be solved, and that the Soviet Muslim clergy could play its part at the Muslim Congress in Mecca: "Both to strengthen our relations with Ibn Saud and to counter Britain's plans in Arabia, our sending a delegation to Hijaz to display our Islamism is of serious importance. In sending along a delegation, we have two main goals:

- 1) Opposition to the Britain's plans for supporting a candidate at the All-Muslim Congress;
- 2) Ensuring the participation of our Muslims in those international Muslim bodies that may be created to exercise control over the "Holy Sites." It goes without saying that with this second goal, our main objective is the possibility, thanks to the participation of our Muslims in Hijaz government bodies, of our having constant influence on the Muslim world."

To achieve these goals, the Commissar concocted an interesting plan consisting of two delegations: "Based on invitations from Saud, we will send a delegation from our Muslims, or rather two delegations, to Saud's Congress. Several influential people from the Muslim world will be added to our official Muslim Congress delegation in Mecca to serve on the issues concerning the protection of the 'Holy Sites' and pilgrimages. These persons will not have official mandates, i. e. they will be just pilgrims. The personal weight of persons making up our delegation, it will be able to have serious influence on the formation of sentiment among pilgrims, without being bound at the same time by some official quality, as will be the case with the first delegation. We will try to send both of these delegations as early as possible so that during the Cairo Congress, which is to be held on May 13, representatives of our Muslims were already in Mecca, and if the Cairo Congress is postponed, delegations can be sent a little later."

This plan was presented with such importance that, in conclusion, the People's Commissar emphasized the secrecy of the mission and the very existence of the second "delegation": "... the delegation from the Central Spiritual Administration is official, but it represents only this Office and no one else. This is the delegation that is sent by virtue of Ibn Saud's telegraph invitation addressed to the Central Spiritual Administration. We will only inform the Turks about this delegation, which should not take official part in resolving the Caliphate question, and will only confine itself to questions of the 'Holy Sites' and pilgrimages. The other delegation, which will oppose Britain's plans in resolving the Caliphate question, is secret and will act not as a delegation as a whole, but individually. All its significance will depend on the personal influence of each of its members in the Muslim world. We will not tell the Turks about this delegation, and you also should not tell anyone about it. The members of this 'delegation' are mere pilgrims and no more. We still do not know the personal composition of this delegation, but it is possible that in a certain part these delegations will coincide."

When confronting the unusual idea of sending two Muslim delegations to the All-Muslim Congress, the question inevitably arises of who in fact were the secret pilgrims, whose main task it was to

disrupt the British Caliphate plans. Of course, we are talking about a well-designed special operation to influence an important part of the international Muslim community, using its liberating potential. Its details remain unknown, but the results, as we will see, will speak for themselves.

The main, “open” delegation of Soviet Muslims selected for participation in the Congress in Mecca was led by the head of the Central Spiritual Administration in Ufa, Mufti R. Fakhreddin, and included the following representatives: Kashafetdin Tarjemani (Ufa), Gabderrahman Gomeri (Astrakhan), Tahir Ilyas (Kazan), Moslakhedin Khalil (Crimea), Mahdi ben Maksoud (Siberia), Abdul Wahed al-Qari (Turkestan).

The following foreign representatives attended the Congress: 12 people from India (four each from the Caliphate Committee, the Ulama Association of India and the Ulama al-Hadith Association), 16 people from the Ibn Saud State (five from Najd and 11 from Hijaz) three from Asir, four from Java, two from the Irshad Java Association, four Egyptian ulama in a personal capacity, three from Palestine, three from Syria, two from the ulama of Sudan, three from the Caliphate Association of Upper Nile, two from Turkey, two from Afghanistan and two from Yemen.

At the same time, it was noted that anti-British Caliphitists, such as the Ali brothers, were personally present at the “Luchnow Conference”, and not as representatives of the Caliphate Committee. The Committee, by the end of October, just as instructions had been sent to the Consul General, had not yet made its remarks about its report at the conference in Mecca.

By the way, in the above-mentioned letter, the People’s Commissar made a parallel reference to the issue of signing a treaty with Ibn Saud: “... Our recognition of Saud places on the agenda the issue of concluding a treaty according to the type of contract we intended to conclude with Hijaz. With the arrival of the next post, we are expecting you to provide detailed considerations on this issue.

Unfortunately, we could not prepare in time a letter of commendation and will try to send you the most recent in subsequent mailings. In order to soothe Saud’s possible dissatisfaction with the delay receiving his letter of commendation, I enclose a letter I drafted to Saud myself.

We think that both this letter and our gifts (Pastukhov writes about them in detail) will help you to dispel the misunderstandings that Saud and his confidants may have due to the delays in correspondence. The handing over of gifts should, in our opinion, contribute to strengthening your friendship with Ibn Saud and his associates.”

By the way, “gift diplomacy”, which works particularly well in the East, was actively used by all powers that had diplomatic missions in the Kingdom. Solving questions about gifts, as well as fulfilling those individual practical requests that some Saudi officials addressed to Soviet diplomats, were also part of their daily work and their correspondence with the Center.

Soviet diplomats predicted that a possible compromise might be reached between Ibn Saud and Indian Muslims if their representatives “continue to participate in the Meccan Congress and if he garners the support of Muslims from other countries.” From this it is clear that the Soviet Muslims, whose delegation according to the Soviet Leadership’s plan was to participate in the work of the Congress, were assigned an important role in toeing the line held by opponents of pro-British forces. As mentioned above, one of the main reasons the attitude of the Soviet leadership toward Ibn Saud was so positive (although it was unconditionally positive) was that Ibn Saud was considered by the leadership of the NKID and, probably, the main part of the top party-state leadership, as an antagonist of pro-English forces.

But there was another point of view. on April 8, 1926 in the newspaper Pravda, an article appeared in which the English press commented about the Cairo All-Muslim Congress scheduled for May during which a Caliph was to be elected, who will also be the Chairman of the Muslim League of Nations. The logical conclusion was reached that if the congress were to take place in the capital of a country occupied

by British forces, “it is unavoidable that Britain would be involved in some fraudulent scheme.” However, for some reason, it further claims that Mecca was chosen as the seat by League, and Mecca “is currently in the hands of the leader of the Wahhabis of Ibn Saud, who recently, with the consent of Britain was proclaimed King of the Arabian state Hijaz. Ibn Saud expelled from Mecca King Hussein, who did not please the British, and recently signed an agreement with Britain, under which for a decent subsidy he pledged to faithfully implement British directives.” Even more dissonant with the line of the NKID was the following statement: “Most likely, the same Ibn Saud will be a candidate for the post of Caliph, who will thus try to fulfill Britain’s two primary asks entrusted to him: 1) weakening the prestige of Turkey in the eyes of the Muslim peoples, who abolished the Caliphate and whose members were members of the deposed Turkish dynasty; and, 2) guarantee the influence of Britain on the Muslim peoples, ensuring her future influence on the Caliph.” [*Pravda*, 1926]

Chicherin was furious: in the article everything was turned upside down. In it Ibn Saud was portrayed not as an antagonist of the British, but rather as their protégé. But his reaction needed to be very sensitive. Following the publication of this article two letters were sent to the editor-in-chief of Pravda, F. A. Rothstein.

The first is an internal memorandum by Pastukhov addressed to Chicherin (with a copy to Rothstein) dated April 9, 1926, in which it was reported: “In Pravda on April 8 of this year an item appeared: ‘The revival of the Caliphate under English patronage,’ in which an anonymous author views Ibn Saud as an English agent, whose task it is to facilitate the implementation Britain’s plans for the Caliphate. Noting that the convocation of the Cairo Congress is in the interests of British diplomacy, the author cites the fact that Mecca, which was chosen as the seat of the new League of Nations of Muslim Nations, is in the hands of Saud. The appearance of this kind of item in our press reveals the author’s complete ignorance of the present situation with the Caliphate matter, and can have an extremely adverse effect on the policy we are pursuing on this issue, both in Arabia and among our Muslims. In addition, such attacks against Saud can be brought to his attention by our antagonists and hamper the work of Comrade Hakimov. We find ourselves in an awkward position before the Turks, whom we advised to send a delegation to the Ibn Saud congress. It is necessary to take measures to ensure that even our central newspapers do not contain such ‘reflections’ that undermine the political line we are pursuing.” [*Foreign Policy Archive*, 1926, p. 1–7]

Chicherin attached such great importance to this question that, following Pastukhov’s note, the very next day he also sent his angry letter to Rothstein. Let us recall that the Commissar was always insistent, although unsuccessfully so, about ensuring that all publications in the press on foreign policy issues were coordinated with the NKID. He wrote: “I would consider it of the utmost importance to reach out of our press on the issues raised in Comrade Pastukhov’s April 9 letter. Ibn Saud has long ceased to be an English protégé.

Ibn Saud has become one of the major leading personalities of the East, playing a role in the onset of a new period in the development of these peoples. Britain is now trying to make compromises with him, but he, while giving in to compromise, generally continues to follow his own policies. To speak of him as an English protégé, as Pravda does, can only damage the further development of our relations with him and make our work, by the way, in connection with the forthcoming Congress in the Middle East and with the upcoming pilgrimage much more difficult. It is extremely important that our press bodies do not make statements, that serve to indicate their ignorance of current reality or that are detrimental to the further development of our relations in the Middle East.”

And so, in response to a request from the Central Spiritual Administration of Muslims the Government allowed a delegation of Soviet Muslims to go to Mecca to attend the World Muslim Congress under the auspices of the Saudi monarch.

THE DECISIONS OF THE CONGRESS

The Congress was held in Mecca from June 7 to July 5, 1926. The Foreign Policy Archive of the Russian Federation has in storage, with reference to a TASS report of March 19, 1926, the following text of a telegram of the Central Spiritual Administration of Muslims from Ufa, sent to the Chairman of the Central Election Committee of the USSR, M. I. Kalinin, signed by Mufti Rizaetdin Fakhreddin: “The Muslim population of the RSFSR in subordination to the Central Spiritual Administration fully subscribes to the protest of Indian Muslims against the convening of the Caliphate Congress in Cairo. The Congress should be convened in a country outside the sphere of influence of the imperialist powers. Egypt, which is under the domination of Britain, and where there is no guarantee for the Muslims to freely reveal their true opinions, does not meet this condition. The convening of the Congress in Mecca as a sacred place for all Muslims would be fully consistent with the task facing this Congress.” [*Foreign Policy Archive*, 1926, p. 115] A researcher of this issue, V. S. Romanenko cites a telegram in a version published in the newspaper *Izvestia* [*Izvestia*, 1926], which added at the end: “Provided that this place shall be sheltered from the influence of the imperialists.” It is possible that during publishing the text was thus augmented. The aforementioned author views this position of the leadership of the Muslim community of Russia as a manifestation of its role as an instrument of support for Moscow’s foreign policy in the Islamic world [Romanenko, 2005, p. 18].

One of the appendices to a press briefing prepared by the Middle East Department of the NKID and sent to Hakimov for review, included an interview with Tahir Ilyas, secretary of the delegation of Soviet Muslims from Kazan, given to the Turkish newspaper *Cumhuriyet*, dated August 28, 1926, upon the arrival of a delegation of Russian Muslims in Constantinople and published along with other materials relating to the Congress in Mecca. In it, he, in particular, “ploughed through” the former ruler of the Hijaz:

“Having freed Hijaz from the usurper and the tyrant Hussein and his sons, the Sultan of Najd, Abdul Aziz bin Saud, convened representatives of the entire Muslim world for a congress in Holy City of Mecca to discuss the improvement of Mecca and facilitate the movement of pilgrims.” But his comments were not without tones of propaganda: “Of course, in the era of Tsarism, Russian Muslims could not take part in such a Congress. In those days, in no way was communication between Russian Muslims and Turks, blood-related Turkey, allowed. Northern Turks (should be simply: “Turks” — V.N.), who studied in Turkey, faced many obstacles when trying to convene scientific congresses. But now the entire Muslim world sees how much Russian Muslims have won thanks to the laws of the Soviet government on freedom of belief and religious doctrines.” [*Foreign Policy Archive*, 1926, p. 119]

Unlike Cairo’s, the Congress in Meccas, judging from the list of participants, was very representative. Moscow couldn’t help but be pleased with the fact that Fakhreddin was elected one of the two co-chairs of the Congress.

The question of the Caliphate at the congress was not discussed at all.

By the way, shortly after the All-Muslim Congress in Mecca, namely at the end of October — the beginning of November 1926, a congress of Muslims — Inner Russia, Siberia and Kazakhstan — gathered in the USSR. To some extent the decisions made there echoed those that were made earlier in Mecca.

In one of the interviews, Mufti Fakhreddin described the events in Arabia like this: “After a hard-fought and victorious struggle against the British protégé Hussein and his son Ali, the leader of the Wahhabis, Ibn Saud united a large part of the Arab lands and created an independent Arab state.” [*Russian State Archive*, 1926, p. 43] The sympathies of the Soviet delegation, acting in according with the instructions they had received from the Moscow, were clearly on the side of the Saudis.

It is indicative that the Congress would adopt a number of anti-colonial decrees. In particular, a decision was reached: “On behalf of all Muslims, to appeal to the French and English governments, ruling in Syria on the basis of a mandate from the League of Nations, demanding the transfer of the Hijaz railway, constructed with donations from Muslims from all over the world, to the Hijaz Government and the Executive Committee of the Congress.” [*Russian State Archive*, 1926, p. 44]. At the seventeenth meeting, the participants disagreed on the question of who should be commissioned to build a railway between Jeddah and Mecca. Some thought that in order to implement this project it was necessary to create a special committee, while others thought that the Executive Committee of the Congress could manage this. They agreed upon the following: “The Congress decided to hand over the project to the Executive Committee, in the process selecting a certain number of its members to organize in their respective countries subscription committees, with the condition that the named members would be in contact with the Executive Committee, send them the receipts and will monitor the progress of the funds collected.” [Romanenko, 2005, p. 143]. By the decision of the Congress, the railways were to become waqufs, the revenues from them were placed in reliable financial institutions and should be spent according to the constituent document of the waquf and by decision of the Executive Committee.

The issue of slavery in Hijaz was considered, and at the suggestion of the Indian delegate, who condemned slavery’s preservation in the strictest manner, the Initiative Commission decided to refer it to the Congress, expressing its opinion that “the Hijaz government should prohibit any slavery that takes place in Hijaz and which is contrary to Sharia law». This motion was passed. In the discussions, delegates expressed their concern about the terrible sanitary conditions in Hijaz during the Hajj and discussed in detail measures needed to improve the situation. They spoke about diseases and epidemics raging there during the pilgrimage, reminding those in attendance that the King of Egypt annually sends gifts and donations to Hijaz to help with medical needs. The delegates called on Muslim governments and peoples to send medical missions to Hijaz to receive pilgrims, create and equip hospitals and mobile assistance centers, build special slaughterhouses for sacrifices, public toilets, improve water quality in Mecca by building a drainage system and by installing pumps on tanks and wells. It was also recommended to upgrade the port in Jeddah, to establish a system to account for pilgrims, and to concentrate in one treasury the property of pilgrims who perish in order to ensure their return, etc. [Romanenko, 2005, p. 137–140] The delegation of Soviet Muslims proposed several draft decisions, including one on how to protect the health of pilgrims, which were approved by Congress [Hassan, 1926].

In addition, at the proposal of Shaykh Rashid Rida, the Congress decided: “To declare on behalf of Congress its demand to return to the Kingdom of Hijaz the Aqaba and Maan, which were forced to join Transjordan by the British.” [Romanenko, 2005, p. 146] Thus, Ibn Saud managed to achieve his goal — to get the support of the Muslim world on the inclusion of territories in his state, which the British decided to keep under their control within the framework of the map of the Middle East, which they wrote after the Ottoman Empire collapsed. Nevertheless, the support of this resolution was not unanimous: the Egyptian, Afghan and Turkish delegations left the hall in protest during the last, eighteenth, meeting.

The Chicherin archive contains an unsigned (and, naturally, secret) document from the Consulate General in Jeddah dated April 2, 1927, evaluating the outcome of the Muslim Congress in Mecca (it is not clear why such an important document was sent to the People’s Commissariat so late). In particular, it stated: “Both Muslim congresses, which took place in 1926, found a unanimous support. While the Cairo Caliphate Congress, in the general opinion of both the Eastern and European press, suffered a political collapse, while the very same press was equally unanimous in its recognition of the success of the Mecca Congress ... Most curiously and what is rather glaring when reading numerous types of literature devoted to the Congress, is the fact that the lion’s share of this literature falls on the period before the Congress. On the contrary...

at the end of the Congress, there is no resonance, and no assessment or comments on its results... And this is everywhere, except in India, where the Congress gave rise to a severe controversy and battle, not at all accidental, but stemming from the situation in which the Congress was convened and took place.

The authors of the document, reciting the goals which Ibn Saud set for himself when convening the Congress (according to his address in the newspaper *Umm al-Qura* dated April 2, 1926), stressed that “Ibn Saud considers Hijaz the spiritual achievement of the entire Muslim world... This appeal was to refute the widespread rumors about the intolerance of Wahhabis, their savagery, fanaticism, and thereby deprive Ibn Saud’s enemies of the most important weapon against him... And these motives serve to explain how the Congress’s agenda was set — to focus the attention of Muslims on the situation in Hijaz and the reforms planned there, which undoubtedly would require money.”

“In the event that an attempt to convene a congress was unsuccessful,” the document said, “Ibn Saud could fend off any attacks on his government and on his very stay in Hijaz by indicating the complete indifference of the Muslim world to the fate of the holy country. It should be noted that Ibn Saud has already resorted to such arguments after the failure to convene a congress in Mecca in 1925, before his occupation of Medina and Jeddah.

The authors of the document claimed that the success of the Mecca Congress from the very beginning was not at all guaranteed, since allegedly only the Indian Caliphatisms supported the King, “with whom they had an agreement even before he launched his attack on Hijaz. Referring in his invitation to the Congress to ‘duties he had assumed,’ Ibn Saud is referring precisely to his promises he made twice to Indian delegations who had come to Hijaz after he occupied Mecca.” The essence of his promises was that Ibn Saud promised complete freedom of religion in Hijaz to all forms of Islam.

Diplomats have concluded that the success of the Congress as a whole and the support of the Indian Caliphatisms could be explained by the fact that “regardless of its program, the Mecca Congress was juxtaposition of the Caliphate of Cairo.” The same motive following the statement of the USSR’s Muslims prompted Turkey, after some hesitation, to support Ibn Saud. The document cited as an example the statement of the Turkish ambassador to Egypt Muhiddin Pasha: “We have suffered enough from the Caliphate, the Caliphate question for us does not exist.” [*Al-Siyasa*, 1926] Indeed, the contradictions between the ideas of the Caliphatisms and the anti-Caliphate line of the Kemal leadership of Turkey were very pronounced, but, nevertheless, common interests remained, which would manifest themselves later.

Giving their general assessment of the Congress, the diplomats concluded: “1) The preparation for and convening of the Mecca Congress contributed to and aggravated the collapse of the Cairo Congress and thereby discredited the Anglo-Egyptian Caliphate venture; 2) the Mecca Congress contributed to the consolidation of the authority of Ibn Saud and thus played a positive role in his emancipation from imperialist influences; 3) the Congress carried out some positive work on practical issues relating to Hijaz, but at the same time, as a result of the failure of all the Indian Caliphatisms’ attempts to make it pan-Islamic in a specific sense of the word, what the Congress did proved was the complete groundlessness of Pan-Islamism and the inability to conduct international Pan-Islamic affairs. This last circumstance was confirmed by the utter failure of attempts to create an international Pan-Islamist organization, one which had clearly emerged over the subsequent year from the moment the Congress took place.”

The decisions taken at the Congress actually could not but arouse the satisfaction of the Soviet leadership (after all, Ibn Saud actually underwent a religious rehabilitation). But one cannot say that all its decisions corresponded to Soviet plans. In particular, they were contradicted by the following decision, taken against the objections of the delegation of Soviet Muslims (only it is not clear how resolutely they expressed their dissatisfaction): “To express on behalf of all Muslims the wish that Hijaz, in order to maintain his independence, will not grant foreigners concessions on their territory.” [Brike-Bestuzhev, 1921, p. 61–73]

Speaking about this decision in his interview, Mufti Fakhreddin added: “Ibn Saud fully agreed with this expressed desire.” [*Foreign Policy Archive*, 1927, p. 4–10]

The Soviet leadership’s effective use of the participation of Soviet Muslims in the Meccan Congress at that time helped the Soviet Union strengthen its position in Arabia and the Islamic world.

References

- Blunt W. S. *My Diaries*. London, 1920. In 2 vols.
- Browne E. G. *Pan-Islamism. Lectures on the History of the Nineteenth Century*. Cambridge, 1904.
- Congrès du Monde musulman à la Mecque. Procès — verbaux (Pièces — annexes, No. 9–27). *Revue du Monde musulman*. 1926. No. XXIV. P. 125–212.
- FO 78/3131, January 9, 1880.
- FO 78/3314, February 1881.
- Gibb H. F. R. *Studies on the Civilization of Islam*. Boston, 1961.
- Hassan M. A. *Sabifa mujaza bi-‘amal al-Mu’tamar al-Qalami al-Islam al-awwal bi-Mecca al-Mukarrama*. al-Iskandariyya, 1345 A.H. [Hassan M. A. *A short story about the work of the First World Muslim Congress in Mecca*. Alexandria, 1926 (in Arabic)]
- Karabekir K. *Istiklâl Harbimizde: Enver Paşa ve Ittihat ve Terakki Erkâni*. Istanbul, 1967.
- Kramer M. S. *Islam Assembled: The Advent of the Muslim Congresses*. New York, 1986.
- Longfold E. *A Pilgrimage of Passion: The Life of Wilfrid Scawen Blunt*. London, 1979.
- Minault G. *The Khilafat Movement: Religious Symbolism and Political Mobilization in India*. Delhi, 1982.
- Revue du Monde musulman*. 1926. No. LXIX.
- Sékaly A. *Le Congrès du Khalifat et le Congrès du Monde Musulman*. Paris, 1926.
- Al-Siyasa*. March 16, 1926 (in Arabic).
- The Times*. June 25, 1877.
- Архив внешней политики Российской Федерации*. Фонд 4. 1926. Архив Чичерина, Хиджаз. Письма НКВД. С. 1–7 [*Foreign Policy Archive of the RF*. Fd. 4. 1926. Chicherin Archive, Hijaz. Letters NKID. Pp. 1–7 (in Russian)].
- Архив внешней политики Российской Федерации*. Фонд 190. 1926 [*Foreign Policy Archive of the RF*. Fd. 190. 1926 (in Russian)].
- Брике-Бестужев С. Перспективы работы Коммунистического Интернационала в Анатолии, 14 сентября 1921 г. *РГАСПИ*. Фонд 495. 1921. С. 61–73 [Brike-Bestuzhev S. Perspectives of the Work of the Communist International in Anatolia, September 14, 1921. *Russian State Archive of Socio-Political History*. Fd. 495. 1921. Pp. 61–73 (in Russian)].
- Известия*. 18 марта 1926. № 63(2694) [Izvestia. March 18, 1926. No. 63(2694) (in Russian)].
- Правда*. 8 апреля 1926 [Pravda. April 8, 1926 (in Russian)].
- Романенко В. С. *Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века*. Нижний Новгород, 2005 [Romanenko V. S. Cooperation of Soviet diplomacy and the Muslim clergy of the USSR in the 1920s. Nizhny Novgorod, 2005 (in Russian)].
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)*. Фонд 17. «ЦК РКП(б) — ЦК КПСС». 1926. [*Russian State Archive of Socio-Political History*. Fd. 17. “Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) — Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union”. 1926 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-044-055

ЗОРОАСТРИЙЦЫ В СТРУКТУРЕ ИРАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

© 2024

С. Э. Султанова¹

Вторая половина XIX — начало XX в. стали важным периодом в истории зороастрийской общины Ирана, социальное и правовое положение которой кардинально меняется по сравнению с предыдущими столетиями. Благодаря финансовым и коммуникационным ресурсам единоверцев в Индии — парсов, которые, в свою очередь, были объектом поддержки британской колониальной машины в XIX в., иранские зороастрийцы сумели не просто улучшить свое положение угнетаемого религиозного меньшинства, но и занять собственную нишу в экономической жизни страны. Во взаимодействии с дипломатическим корпусом европейских государств в Иране и при финансовой поддержке парсийского капитала был предпринят целый ряд мер по отмене ограничений, дискриминирующих зороастрийское религиозное меньшинство. В частности, отмена ограничений на ведение экономической деятельности позволила наиболее предприимчивым представителям общины стать частью цепочки транснациональной торговли стратегически важными товарами, в том числе опиумом. Значительная доля ростовщических операций и международных банковских переводов также постепенно сосредоточилась в руках зороастрийских купцов. Зороастрийская община Ирана сыграла немаловажную роль в интеграции национальной экономики в общемировую систему. Их положение обособленного от мусульманского общества религиозного меньшинства, находившегося, однако, в самом сердце иранского государства, сделало их объектом внимания внешних сил. Коммерческое сотрудничество, во многом отвечавшее британским и парсийским интересам, позволило зороастрийцам Ирана качественно изменить свою роль в экономике страны. Тем не менее взять в свои руки реальные экономические и политические рычаги зороастрийцы Ирана не смогли — в долгосрочной перспективе ни одна из вовлеченных сторон не была заинтересована в их усилении.

Ключевые слова: зороастрийцы Ирана, религиозное меньшинство, экономика Ирана, парсы, транснациональная торговля

Для цитирования: Султанова С. Э. Зороастрийцы в структуре иранской экономики и общества во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 44–55. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-044-055

ZOROASTRIANS IN THE ECONOMIC AND SOCIAL STRUCTURE OF IRAN IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH – EARLY TWENTIETH CENTURY

Sumbula E. Sultanova

¹ Султанова Сумбула Эргашбековна, магистр востоковедения и африканистики, выпускница ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова; sultanowa.sumbula@yandex.ru

Sumbula E. Sultanova, Master of Oriental and African Studies, IAAS at Lomonosov Moscow State University graduate; sultanowa.sumbula@yandex.ru

The second half of the nineteenth — beginning of the twentieth century became an important period in the history of the Zoroastrian community of Iran, whose social and legal status has radically changed compared to previous centuries. Due to the financial and communication resources of fellow believers in India — the Parsis, who in turn were the object of support for the British colonial machine in the nineteenth century, Iranian Zoroastrians were able not only to improve their position as an oppressed religious minority, but also to occupy their own niche in the country's economic life. In cooperation with the diplomatic corps of European states in Iran along with the financial support of Parsi capital, a number of measures were taken to abolish restrictions that discriminated against the Zoroastrian religious minority. In particular, the lifting of restrictions on economic activity allowed the most enterprising members of the community to become part of the chain of transnational trade in strategically important goods, including opium. A substantial stake of usurious transactions and international bank transfers also gradually concentrated in the hands of Zoroastrian merchants. The Zoroastrian community of Iran played an important role in the integration of the national economy into the global system. Their position as an isolated religious minority, located, however, in the very heart of the Iranian state, made them the object of attention of external forces. Commercial cooperation, which largely met British and Parsi interests, allowed the Zoroastrians of Iran to qualitatively change their role in the country's economy. Nevertheless, the Zoroastrians of Iran could not capture real economic and political levers — in the long term none of the parties involved was interested in strengthening of their positions.

Keywords: Zoroastrians of Iran, religious minority, Iranian economy, Parsis, transnational trade

For citation: Sultanova S. E. Zoroastrians in the Economic and Social Structure of Iran in the Second Half of the Nineteenth — Early Twentieth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 44–55. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-044-055

Со становлением шиизма в качестве государственной религии Ирана в период первых Сефевидов в XVI в. не только усиливается общее социальное давление на религиозные общины, но и вновь запускается маховик обращения последователей других религий в ислам. Если это было и не насильственное обращение в ислам, то применялось экономическое и социальное давление, которое вынуждало зороастрийцев изменить вероисповедание.

Зороастрийская община существовала в Иране на правах «людей Писания» (араб. *ахл-ал-китаб*) или равнозначной им группы² и была обязана ежегодно платить налог, которым облагались иноверческие общины — *джизью*. Ограничение возможностей для ведения экономической деятельности не способствовало росту благосостояния общины в целом и каждого отдельного ее члена в частности. Бедность характеризовала подавляющее большинство иранского населения вне зависимости от религиозной принадлежности, тем не менее зороастрийцы к началу XIX в. фактически не имели шансов на повышение своего уровня жизни, что не могло не сказаться и на их численности.

Зороастрийцы Ирана на протяжении столетий рождались, жили и умирали в рамках одной общины, которая сосредотачивалась в так называемых зороастрийских городах — Йезде и Кермане и близлежащих к ним поселениях — Шарафабаде, Хасанабаде, Исмаилабаде, Канат-Хасане, Тафте, Ардакане, Мейбоде, Нусрабаде, Маджра-Калантаре до начала поселения зороастрийцев в крупных городских центрах с последней четверти XIX в. Исключением был только Гебрабад — поселение в пригороде Исфахана, где проживали зороастрийцы, выполнявшие в городе не самые благородные виды работ. Это поселение, известное примерно с XVI в., представляло собой не что иное, как гетто, за пределами которого зороастрийцы не могли селиться.

² Подробнее см.: [ал-Куфи, 2001; ал-Балазури, 1987].

Выходец из иранской общины зороастрийцев не мог покинуть родной город или поселение в поисках лучшей доли — община была одновременно защитницей и силками, которые крепко держали общинников и предостерегали их от контакта с враждебным внешним миром.

Подавляющее большинство европейских путешественников, посещавших Персию вплоть до XIX в., свидетельствуют, что зороастрийцы в этой стране задействованы в «гнусных» работах [Sanson, 1695, p. 257; Chardin, 1811, p. 358]. В отдаленных от городских центров поселениях они трудились на земле, фактически обеспечивая себя через натуральное хозяйство. Отдельные группы зороастрийцев могли заниматься ремеслом, переработкой производимой сельскохозяйственной продукции. Зороастрийцы Кермана, например, были широко известны производимыми ими шелком и шерстью. Кроме качественных шелковых и шерстяных тканей, европейцы обращали внимание на существовавшее у зороастрийцев виноделие, которое было нетривиальным видом экономической деятельности в преимущественно мусульманской стране.

Джизья, которую собирали нецентрализованно, а в годы серьезных политических пертурбаций целиком отдавали на откуп местных властей, значительно отягощала жизнь общины еще и потому, что размер налога не уменьшался пропорционально сокращению численности общины, а иногда даже намеренно увеличивался.

Европейские путешественники, посещавшие Иран еще в XVI–XVII вв., также свидетельствуют о том, что *мобеды* — зороастрийские священнослужители — плохо разбираются в ритуалах, ими же самими отправляемых, практически не понимают собственных священных текстов, а многие толкования и термины совершенно точно взяты из мусульманской культуры. Именно поэтому парсы³ старались сохранить как можно больше знаний, которые, возможно, еще не утратили их единой веры на исторической родине.

С 1478 по 1768 г. шла активная переписка и обмен мнениями по религиозным вопросам между двумя общинами Ирана и Индии⁴, и к началу XIX в. Иран перестал быть центром зороастрийской религии — тот сместился на Индийский субконтинент.

Рост численности зороастрийской общины во второй половине XIX в.

Иранский историк Рашид Шахмардан утверждает, что на начало XVIII в. общая численность зороастрийцев в Иране составляла миллион человек [Шахмардан, 1984, с. 177]. По подсчетам европейских путешественников, на начало XIX в. в Иране было не более 7000 зороастрийцев⁵ (и Шахмардан соглашается с этим числом) или, по данным 1833 г. путешественника Дж. Фрейзера, не более 3000 зороастрийских семей [Fraser, 1834, p. 65]. Подробную, хотя и примерную статистическую таблицу населения Ирана приводит Ж.-М. Танкуань: он в своем труде 1820 г., ссылаясь на данные Дж. Малькольма, британского дипломата, указывает, что в Иране проживают 20 тыс. *гебров*⁶. Второй том «Истории Персии» Дж. Малькольма, где и приводится это число, был издан в 1815 г. То есть данные были собраны гораздо раньше, поэтому необходимо этот показатель считать увеличенным.

³ *Парсы* — сложившаяся в Индии этноконфессиональная община, исповедующая зороастризм. В IX–X вв. предки парсов переселились в Гуджарат (Индия) из Персии из-за гонений мусульман.

⁴ Подробнее см.: [Dhabhar, 1932].

⁵ Amighi J. K. Zoroastrians of 19th-Century Yazd and Kerman // Encyclopaedia Iranica, online edition. 07.11.2014. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kerman-13-zoroastrians> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Shaki M. Gabr // Encyclopaedia Iranica, online edition. 15.12.2000. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/gabr> (дата обращения: 15.02.2023).

Разнятся данные о численности общины и на протяжении XIX в. Британский посол Рональд Томсон в своем сообщении от 1868 г. приводил крайне точное число зороастрийцев в стране — 7193 человека [Thomson, 1971, p. 31]. Если Джеймс Бассетт, американский миссионер, который жил в Иране в 1871–1885 гг., оценивал численность зороастрийцев в 4–5 тыс. человек [Bassett, 1887, p. 313], британский востоковед Эдвард Броун в 1887–1888 гг. — в 7–10 тыс. человек [Browne, 1893, p. 370], то в 1899 г. уроженец Ирана Джозеф Кнанишу считал, что «огнепоклонников в Иране не менее 15 тысяч» [Knanishu, 1899, p. 220]. Данные Манекджи Лимджи Хатарии, посланника Общества по улучшению положения зороастрийцев Ирана (Society for the Amelioration of the Condition of Zoroastrians in Persia), организованного в 1853 г. группой парсийских коммерсантов, представляются наиболее соответствующими действительности — он писал о 7–8 тыс. зороастрийцев⁷. Его мнение поддерживает британский путешественник Ч. Дж. Уиллс [Wills, 1886, p. 229]. В 1878 г. губернатор Кермана, производивший перепись населения, насчитал в Кермане 1341 зороастрийскую семью (в каждой семье было в среднем 5–7 человек) [Дорошенко, 1982, с. 84]. Немецкий ученый Х. Шиндлер, посетивший Керман в начале XX в., насчитал 1378 зороастрийских семей в самом городе, 120 семей в его окрестностях и 250 семей в селениях Ганатйасан, Джупар и Исмаилабад [English, 1966, p. 9]. Британский ученый У. Джексон приехал в Йезд в 1903 г. и зафиксировал данные своего осведомителя, агента вышеупомянутого Общества по имени Ардешир, который свидетельствовал о 8000–8500 зороастрийцах, проживающих в этом городе [Jackson, 1906, p. 354]. Английский священник Н. Малькольм, труд которого увидел свет в 1905 г., считает, что зороастрийцев в одном только Йезде было не менее «14 сотен семей» [Malcolm, 1905, p. 44]. Наконец, согласно статистике Общества по улучшению положения зороастрийцев Ирана, за полстолетия общая численность общины выросла до 9300, а число ведущих активную экономическую деятельность зороастрийцев в Тегеране увеличилось с 50 до более 300 человек [Issawi, 1971, p. 63]. Итак, можно предположить, что в период с конца XIX до начала XX в. численность общины составляла не менее 8–9 тыс. человек и, таким образом, на рубеже XIX–XX вв. она постепенно, но устойчиво росла.

По оценке Е. А. Дорошенко, в 40-е гг. XX вв. зороастрийская община в Иране насчитывала примерно 8–10 тыс. человек [Дорошенко, 1982, с. 102].

Для Кермана и Йезда экономическая ситуация и условия жизни зороастрийцев начали улучшаться в 1850-х гг., когда стали ощутимы результаты британской промышленной революции, действий британской колониальной машины по поиску рынков сбыта, а также по мере того, как политическая стабильность способствовала развитию международной торговли. Шерстяные и другие ткани, ковры и товарные культуры (в частности, опиум) экспортировались в обмен на чай, хлопок и многие другие товары, произведенные в Европе [English, 1966, pp. 26–28]. Отдельные европейские путешественники, хотя и не вдаются подробно в описание столь незначительной в количественном отношении группы, отмечают, что зороастрийцы занимаются и коммерческой деятельностью [Fraser, 1834, p. 64; Flandin, Coste, 1854, p. 41; Jackson, 1906, p. 374].

Среди серьезных экономических ограничений были запреты на деятельность или определенные преференции, которые бы ставили представителя религиозного меньшинства в конкурентную позицию по отношению к мусульманам. Это значило, что иноверцы не имели права иметь собственное место на базаре, путешествовать за границу, заниматься торговлей (!) и продажей льняных тканей — считалось, что лен, будучи наиболее натуральным материалом, легко распространял нечистоту иноверцев. Кроме того, торговля льном была достаточно прибыльной, и установление полного контроля иноверцев на этом рынке было бы просто неприемлемым.

⁷ Hataria M. L. Travels to Iran. A Parsi Mission to Iran. 1865. URL: <https://web.archive.org/web/20120210035912/http://www.fravahr.org/spip.php?article84> (дата обращения: 20.03.2023).

Быт и взаимоотношения с мусульманами

Закрытость зороастрийской общины во многом объяснялась крайним уровнем нетерпимости мусульман к зороастрийцам. Так, Манекджи Лимджи Хатария в своем первом отчете перед соотечественниками в 1855 г. свидетельствовал о катастрофическом состоянии общины и бесправии ее членов: ни жизнь, ни имущество зороастрийца в Иране не были ничем защищены. Он сам или члены его семьи могли быть в любой момент покалечены или убиты, а дома могли быть уничтожены до основания.

Мусульманин, убивший иноверца, фактически не преследовался законом, а выплата за погибшего, составлявшая половину от суммы, полагающейся за мусульманина, или, по другим данным, 7% от этой суммы (почти в 5 раз меньше, чем за еврея или христианина) [Кузнецова, 1983, с. 178], чаще всего не выплачивалась вовсе.

Для самой общины наиболее деструктивные последствия имела даже не смерть общинника, а его обращение в ислам, добровольное или насильственное. В первые столетия после прихода на территорию Ирана ислама могущественная и многочисленная зороастрийская община полноправно изымала все имущество человека, который переходил в другую веру. С течением времени и с ослаблением позиций она такое право потеряла. Утратив члена общины, она теряла и собственность, которая принадлежала ему или его семье — новообращенный имел полное право претендовать на эту собственность, что создавало почву для серьезных разногласий людей, еще недавно состоявших в одной общине [Issawi, 1971, p. 65; Browne, 1893, p. 372]. Мусульманин, который насильно обратил в ислам зороастрийскую девушку и женился на ней, также имел право претендовать на имущество ее семьи.

Э. Броун приводит пример влияния человеческого фактора на принятие ислама — во время его пребывания в Йезде в 1887–1888 гг. ему рассказали о молодом зороастрийце, который был влюблен в мусульманку и принял ислам, но позднее пожалел о своем решении. Так как отход от ислама карается смертью, возможно, его семья отправила молодоженов в Индию, где девушка могла беспрепятственно принять зороастризм как бы вслед за мужем-зороастрийцем [Browne, 1893, pp. 381, 387].

Тем не менее представляется, что обращение в ислам иноверцев в целом в позднем Средневековье и вплоть до XIX в. не носило массового характера. Отмечались единичные случаи добровольного принятия ислама или коллективного перехода в новую религию в исключительных, экстремальных случаях [Кузнецова, 1983, с. 176]. Последний документированный случай массового перехода зороастрийцев в ислам зафиксирован в середине XIX в.: группа молодых мусульман ворвалась в зороастрийское поселение Торкабад в пригороде Йезда и под страхом смерти всех членов семьи заставила жителей обратиться в ислам. К концу дня каждый поселенец принял ислам, и в Торкабаде не осталось никаких следов жизни зороастрийской общины [Воусе, 1977, p. 7].

Зороастрийцам на городских базарах нельзя было прикасаться к продуктам, которые, по общему мнению, могли переносить заразу и нечистоты — мясу и фруктам. Также они не могли передвигаться по городу во время дождя, что тоже считалось методом распространения нечистоты. Иноверцам было запрещено носить очки (судя по всему, они считались ярким атрибутом образованной части населения), открывать школы, восстанавливать религиозные сооружения (возводить новые им было запрещено еще в Средние века), носить часы, зонт, ювелирные изделия, оружие или ездить верхом [Jackson, 1906, pp. 374–375]. Зороастрийцы не посещали общественных бань, парикмахерских, водоемов или фонтанов. Существовало множество детализированных ограничений на одежду — по типу ткани, цвету и даже образу ношения. Следует отметить, что особенного дресс-кода или ограничений по отношению к одежде зороастрийских женщин не существовало,

возможно, потому, что их манера одеваться была сама по себе достаточно аутентичной и узнаваемой. Так или иначе, все эти ограничения просуществовали в Персии до 1890–1895 гг., и отменялись они постепенно [Malcolm, 1905, pp. 44–46].

Зороастрийцы в Йезде и Кермане не имели ни формального руководства общины, ни официальных посредников между собой и мусульманским населением или представителем местной администрации. Иногда отдельные зороастрийцы могли пользоваться благожелательным отношением *остандара* — руководителя области — и имели определенный доступ ко двору, но такие случаи носили исключительный характер и никогда не оформлялись официально [Ringer, 2011, p. 38].

В период усиления внутренней нестабильности и политического хаоса, ослабления центральной власти восставшие организовывали погромы поселений религиозных меньшинств, таким образом выражая свое недовольство государственной политикой. В такие времена в Йезде и Кермане зороастрийцы становились объектом множества случайных нападений, часто приводивших к их гибели. «Иногда, когда наступает период междуцарствия, или когда плохой или одержимый [мнением] священнослужителей местный правитель занимает должность, а *лутти* или хулиганы Йезда становятся смелыми, с ними [зороастрийцами] случаются неприятности хуже [чем ограничения в ношении одежды]» [Browne, 1893, pp. 370–371]. В период прихода к власти Насер-ад-Дин-шаха (1831–1896) многие зороастрийцы пострадали от погромов, лишились имущества и были вынуждены принять ислам [Browne, 1893, pp. 370–371]. При укреплении центральной власти ситуация кардинально менялась. Шах, покровитель всех своих подданных, часто выступал в защиту иноверцев, тем самым выполняя несколько своих репутационных задач.

Сложность взаимоотношений между религиозными общностями особую опасность представляла для женщин. Наряду с грабежом и порчей собственности община часто страдала от похищения из деревень зороастрийских девушек. Вплоть до начала XX в. зороастрийские женщины свидетельствовали, что рядом с местом, где они обычно стирали белье, они рыли яму, чтобы прятаться в ней от похитителей. Похищенных девушек насильно обращали в ислам и выдавали замуж за мусульман. В Йезде новообращенных помещали в специальную повозку и провозили по базару, чтобы жители города видели девушек, которые обратились в истинную веру [Bouse, 1977, p. 12]. При возможности родители выдавали своих дочерей замуж за единоверцев в Индии. Впоследствии именно эти девушки, хорошо помнившие ситуацию в родных иранских деревнях, обращали внимание общины парсов на проблемы единоверцев в Иране и стимулировали поток материальной и организационной помощи для них. Фарханг Мехр, ученый и политик зороастрийского происхождения, считал насилие в отношении зороастрийских женщин одним из ключевых факторов некоторого замедления роста численности общины⁸.

Нельзя умалять масштаб опасностей, с которыми сталкивалась зороастрийская община в Иране, однако уходить в «печальное повествование»⁹ было бы некорректно. Современники сохранили отдельные примеры эффективного сотрудничества мусульман с зороастрийцами, которые были опытными фермерами и садоводами [Browne, 1893, p. 387]. Представители общины, работавшие в качестве наемной силы на земле крупных землевладельцев-мусульман, были более защищены от произвола местной власти, так как в этом были заинтересованы сами землевладельцы.

Среди привилегированных слоев общение и добрососедские отношения были более распространенными. Так, Э. Броун свидетельствует о том, что и мусульмане, и приверженцы

⁸ Malcolm D. M. Seth Maneckji Limji Hataria. The Martin Luther King of Zoroastrianism & The Struggle for Zoroastrian Civil Rights in Iran // A Zoroastrian Educational Institute. Historical Events. Historical Figures. URL: http://www.zoroastrian.org.uk/vohuman/Article/Seth%20Maneckji%20Limji%20Hataria.htm#_ednref39 (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Подробнее см.: [Dhalla, 1938; Magnusson, 2014].

бабизма — религиозно-политического движения, появившегося в Иране в XIX в. — были частыми посетителями зороастрийских домов [Browne, 1893, pp. 437, 442].

Российский консул в Систане А. Миллер в своем отчете писал, что зороастрийцы по всей Персии известны как люди деловые и точные в расчетах: «Купцы-мусульмане, вполне признающие за ними эти важные в торговле качества, охотно ведут с ними торговые и банковые дела» [Миллер, 1904, с. 237].

Как бы ни соблюдались установки, взаимно ограничивающие взаимодействие представителей двух групп, полностью его исключить они не могли: зороастриец достаточно свободно мог покупать на базаре фрукты, предусмотрительно не касаясь их, а мусульманин, прибывавший в дом зороастрийца, приносил с собой собственную посуду и чайник. Зафиксировано занимательное свідетельство, согласно которому мусульманин, бывший частым посетителем зороастрийского дома, где вместе со своим другом он вдали от любопытных глаз распивал водку, имел обыкновение тщательно протирать свой стакан и поверхность бутылки — очевидно, чтобы уберечь себя от влияния прикосновения иноверца¹⁰.

Общее историческое и культурное наследие, а также общие черты в религиозных учениях сыграли существенную роль в объединении и усилении взаимодействия, когда зороастрийцы укрепили свои позиции в роли значительной экономической силы.

Зороастрийцы в структуре национальной экономики

С середины XIX в. наблюдаются изменения в жизни зороастрийской общины, связанные с расширением их контактов с индийскими парсами, что способствовало их вовлечению в экономическую жизнь страны. С 1840-х гг. купцы-зороастрийцы из Бомбея ежегодно прибывают не только в Тегеран, но и в Бендер-Бушер, Исфахан, Шираз и, конечно, Йезд и Керман. Парсийский коммерческий потенциал не мог не оказывать влияния на местные торговые потоки. Единоверцы из Индии вместе со своими британскими коллегами, которые внимательно следили за происходящим в политике и экономике Ирана, давали местным зороастрийцам «рекомендации», в результате чего зороастрийцы Ирана постепенно сосредоточили в своих руках торговлю регионального уровня и проведение денежных операций. К концу XIX в. все денежные переводы во все крупные города страны, а также в Карачи и Бомбей осуществлялись через зороастрийских купцов [Миллер, 1904, с. 237].

Большинство представителей общины обеспечивали свою скромную жизнь выращиванием сельскохозяйственных культур, обработкой шелка и ткачеством. Но наращивание торговых отношений между южным Ираном и Индией стало вдвойне выгодным для иранских зороастрийцев. Благодаря общению с материально обеспеченными, предприимчивыми и образованными парсами, которые к тому же разделяли веру в их учение, зороастрийцы стали каналом проникновения в иранскую экономику парсийского капитала.

В условиях устойчивого роста объема внешней торговли Ирана, за исключением отдельных кратковременных сбоев, значительных изменений в структуре иранской торговли и на фоне ухудшения торговых позиций Британской империи и конкуренции с Россией получает начало политика англичан по защите и поддержке религиозных меньшинств внутри Ирана. С середины века и более последовательно с 1870-х гг. британская миссия и консульства предприняли политику выявления случаев преследований в отношении признанных религиозных меньшинств, в частности,

¹⁰ Amighi J. K. Zoroastrians Of 19th-Century Yazd And Kerman // Encyclopaedia Iranica, online edition. 07.11.2014. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kerman-13-zoroastrians> (дата обращения: 20.03.2023).

в отношении несториан, зороастрийцев, армян и евреев и иногда выступали посредниками, принимая их сторону, при общении с иранскими властями¹¹.

Религиозное меньшинство, не принятое социумом, обиженное центральной властью, без ясного будущего и шанса на улучшение условий жизни, которое к тому же находилось в самом сердце иранского государства — зороастрийцы были идеальным инструментом для проведения пробританской политики не «сверху», но «снизу». Некоторые районы центральных провинций представляли предмет особого интереса английских предпринимателей. Парсийские бизнесмены, которые уже регулярно посещали Лондон и обладали финансовыми ресурсами, становились наиболее эффективными проводниками британских интересов. Естественно, единоверцам было легче найти общий язык, чем европейскому дипломату или коммерсанту, с мелким торговцем или крестьянином из среднестатистической иранской деревни.

Рост благосостояния зороастрийской общины начался с ее успехов в усложнении и развитии сельскохозяйственной деятельности.

Центром производства и обработки шелка в Иране на протяжении столетий оставался Гилян, о чем еще в XVII в. писал французский путешественник Жан Шарден. Со второй половины XIX в. в производство шелка более активно включаются центральные районы страны и, в частности, Йезд. Согласно существующим данным, с 1865 г. и далее на Йезд приходилась определенная часть производства шелка-сырца, однако эти объемы с каждым десятилетием уменьшались — возможно, это было следствием влияния климата, который, очевидно, был менее благоприятным по сравнению с северной провинцией [Issawi, 1971, p. 235]. Так или иначе, производимый объем был незначительным и использовался для собственных нужд города и окрестностей [Seyf, 1983, p. 63].

Иначе ситуация складывалась с опиумом. Опиум использовался на Ближнем Востоке с древнейших времен в основном в медицинских целях, но кульминация в его производстве и потреблении наступила в середине XIX в. В 1867 г. сотрудники британского консульства в Тегеране предрекали высокий спрос и уже подсчитывали прибыль от реализации иранского опиума в Китае. С каждым годом объемы производства опиума росли, а рынки Гонконга и Сингапура, которые с готовностью принимали товар, мотивировали удачливых европейцев к его наращиванию. Консул в Бушере сообщал, что все возможные территории в Йезде, Исфахане и их окрестностях полностью засажены опиумом вместо зерновых культур, которые кормили местное население. Правда, он признавал, что вкупе с засухой и другими обстоятельствами, обусловленными климатическими изменениями, это привело к голоду — речь идет о массовом голоде в Иране в 1871–1872 гг. [Issawi, 1971, p. 238].

Впрочем, прибыльное предприятие это никак не остановило. Производство опиума продолжали наращивать, часть продукта уходила в Китай, другая часть — через Керманшах реализовывалась в Багдаде, что-то уходило в Европу и на американский континент, что-то оседало среди местного населения. Организаторов и непосредственно производителей больше беспокоило качество их продукции, чем массовый голод населения, к которому, в частности, приводила их деятельность. Старались следить за отсутствием примесей и правильной концентрацией — это повышало опиум в цене.

Р. Томсон в своем сообщении 1869 г. подтверждает, что основными центрами производства иранского опиума являются Йезд и Исфахан. Кроме того, он отмечает, что персы, вкусив первую прибыль от торговли опиумом, якобы нашли более дешевый путь его перевозки в Китай в обход британских торговых портов. Учитывая состояние иранского флота в тот период и обстоятельства, в которых находился регион Индийского океана, такое замечание кажется явным искажением

¹¹ Amanat A. GREAT BRITAIN iii. British influence in Persia in the 19th century // Encyclopaedia Iranica, Vol. XI, Fasc. 2, PP. 208–218. 15.12.2002. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/great-britain-iii> (дата обращения: 15.02.2023).

действительности [Issawi, 1971, p. 240]. Однако в 1910 г. иранский парламент постановил ввести ограничения на использование опиума до исключительно медицинских и исследовательских целей, но в военное и послевоенное время объем употребления и экспорта опиума увеличился в разы. Опиум утратил свою важную роль в иранском сельском хозяйстве и торговле, которую он приобрел в XIX в., только к 1955 г. Так, с начала XX в. в Кермане, где опиум был основной доходной сельскохозяйственной культурой, начали выращивать замещающие культуры, такие как картофель, сахарная свекла, люцерна и, в меньшей степени, тмин и шафран.

Таким образом, материальное благосостояние зороастрийцев Ирана росло прямо пропорционально предпринимательским успехам их парсийских и британских контрагентов. В источниках нет прямого указания, что именно жители Йезда, Исфахана или любого другого населенного пункта, являющиеся приверженцами зороастрийского учения, оказывали содействие в культивировании опиума на данной территории. Однако, учитывая, что первейшими бенефициарами этих предприятий были именно парсы, несложно догадаться, что без помощи иранских единоверцев тут вряд ли могло бы обойтись.

* * *

В экономическом отношении зороастрийская община Ирана заняла свою нишу в экономической структуре персидского государства и стала силой, которую невозможно было игнорировать.

Изменения в жизни иранских зороастрийцев начались в 1860-е гг. с установления фиксированной ставки налога с зороастрийской общины, свободного выезда зороастрийцев за пределы страны, разрешения на открытие школ в 1870 г. Эти меры сразу же благотворно сказались на уровне материальной обеспеченности иранских зороастрийцев.

Два документа окончательно зафиксировали укрепление позиций зороастрийцев Ирана — фирман об отмене джизьи (1882) и фирман о правах парсов в Иране (1899).

Принятие указанных фирманов стало результатом усилий парсов и английской дипломатической миссии. Только в 1880-х гг., спустя десятилетия взаимодействия с зороастрийской общиной Ирана, Р. Томсон получил шахский фирман о правах зороастрийцев. На основании фирмана 1899 г. в Йезде и Кермане было основано общество зороастрийцев — *Анджоман-е насер-е зартоштиан*.

Зороастрийцы из близлежащих сельских поселений мигрировали в городские центры, жители городов мигрировали в Тегеран. Община в Тегеране, которая в начале XX в. исчислялась сотнями, в 1920–1930-х гг. исчислялась уже тысячами [English, 1971, p. 66].

Об улучшении положения зороастрийцев в рассматриваемый период свидетельствует и появление слоя зажиточных представителей общины. Например, в Йезде человек, имевший дополнительную площадь земли помимо положенной ему доли, уже считался человеком с достатком и получал прозвище «*арбаб*», то есть «*землевладелец*». Прозвище «*арбаб*» носил и один из самых известных коммерсантов, вышедших из зороастрийской общины, Джамшид Джамшидиан, который прошел путь от ученика портного до одного из крупнейших банкиров Тегерана. Начав с торговли текстильными изделиями, он вскоре запустил ростовщическое дело, или *саррафи*, создал отделения в Ширазе и Кермане, открыл представительства в Багдаде, Бомбее, Калькутте и даже Париже. Джамшидиан активно вкладывал свой капитал в сельское хозяйство, приобретая земли в окрестностях Тегерана, а также в таких провинциях, как Хорасан и Фарс [Абдуллаев, 1971, с. 46].

Коммерческие успехи зороастрийского бизнесмена создали условия для его политической деятельности в период Конституционной революции (1905–1911). Джамшидиан в числе влиятельных зороастрийских коммерсантов приобретал в Индии огнестрельное оружие, которое

в результате получили протестующие [Мехр, 1969, с. 7]. Состоятельные зороастрийцы, проживавшие в Тегеране, в 1906 г. передали лидерам первого меджлиса крупную сумму денег для того, чтобы депутаты парламента не препятствовали заключению зороастрийскими купцами выгодных торговых сделок. В знак уважения и, возможно, чтобы умирить опасения улама относительно укрепления прав религиозных меньшинств, Джамшидиан сделал дорогостоящий подарок аятолле Сеиду Абдулле Бехбехани — известному шиитскому богослову и стороннику революции [Ringer, 2011, p. 210].

Зороастрийцы уже имели значительный капитал и выходили на открытые торговые сделки с российскими купцами. Так, А. Миллер в своем отчете даже приводит сводную таблицу с указанием капиталов зороастрийских купцов [Миллер, 1904, с. 237].

1) Шахрияр Худобахш	100 000 тум.
2) Кейхосроу Рустем	50 000
3) Хурмедзиар Джемшид	50 000
4) Рустем Кабули	40 000
5) Бахман Кабули	25 000
6) Серушиар Фулад	20 000
7) Джемшид Джихангир	Каждый по 10 000 тум.
8) Рустем Хосроу	
9) Ардешир Хосроу	
10) Бахман Рустем	
Итого:	325 000 тум.

Значительные изменения в общине в 1890-х гг. как результат взаимодействия с парсами отметил лорд Кёрзон (1859–1925), который писал: «Около пятидесяти лет назад парсы Йезда начали ту торговлю с Индией, которая с тех пор достигла таких значительных размеров и внесла свой вклад в традиционно хорошую коммерческую репутацию города» [Curzon, 1892, pp. 241–242].

За поддержку англичан и парсов иранские зороастрийцы, естественно, питали к Великобритании определенные симпатии. Из числа зороастрийцев англичане вербовали своих агентов, что не могло не вызывать настороженность иранских властей.

В начале XX в. в Тегеране были отлитографированы учебник по зороастризму для детей и книга «Форуг-е маздаясни» («Блеск зороастрийской веры»), написанные Кейхосровом Шахрехом (1864–1939), активным членом зороастрийской общины Кермана. Оба издания были выполнены по заказу зороастрийских общин Тегерана и Бомбея, и печать была организована парсом Джамшидом Раис-ат-Тоджаром. Большое количество копий этих изданий было распространено в Тегеране, что говорит о том, что зороастрийская община в столице стала многочисленнее и богаче [Кузнецова, 1983, с. 251].

Со второй половины XIX в. положение зороастрийской общины стало качественно меняться. Медленно, но верно отменялись запреты и ограничения деятельности в социальной и экономической сфере. Необразованные бедняки, не разделявшие приверженности законам шариата, превратились в полноценных членов иранского общества и вошли в круг деловой элиты.

Зороастрийцы оказались достаточно плотно вовлечены в торговую деятельность, поддерживали и развивали тесные международные контакты. Как ни парадоксально, именно то, что община не была встроена в общую социальную канву, способствовало быстрому и эффективному налаживанию ее связей с внешним миром, появлению в результате этого взаимодействия ресурсов для ее собственного экономического развития.

С середины 20-х гг. XX в. с установлением династии Пехлеви и началом процессов социальной и экономической модернизации в Иране зороастрийцы значительно упрочили свое положение: община стала идеологическим фасадом новообразованного авторитарного режима и поддерживала шаха в его внутренней политике.

Зороастрийская община Ирана внесла определенный вклад в переход иранской национальной экономики на новый уровень развития и в социально-культурную модернизацию.

Литература / References

Абдуллаев З. З. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана в конце XIX — начале XX века. *The Economic History of Persia*. Ed. by Ch. Issawi. Chicago-L., 1971 [Abdullaev Z. Z. Industry and the emergence of the Iranian working class in the late 19th — early 20th centuries. *The Economic History of Persia*. Ed. by Ch. Issawi. Chicago-L., 1971 (in Russian)].

Абу Йусуф Йакуб Ибрахим ал-Куфи. *Китаб аль-Харадж*. Пер. А. Шмидта. *Памятники культуры Востока*. СПб., 2001 [Abu Yusuf Yaqub Ibrahim al-Kufi. *Kitab al-Kharaj*. Trans. by A. Schmidt. *Monuments of Eastern culture*. St. Petersburg, 2001 (in Russian)].

Аснади аз зартоштиан-е моасер-е Иран. Под ред. Т. Амини, 2001 [Documents of modern Zoroastrians of Iran. Ed. by T. Amini, 2001 (in Persian)].

Ахмад ибн Йахья ибн Джабир ал-Балазури. *Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения «Футух ал-булдан»)* Пер. Г. Гоибова. Душанбе, 1987 [Ahmad ibn Yahya ibn Jabir al-Baladhuri. *Conquest of Khorasan (Extract from the 'Futuh al-buldan')*. Trans. by G. Goibov. Dushanbe, 1987 (in Russian)].

Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М., 1982 [Doroshenko E. A. *Zoroastrians in Iran (Historical and ethnographic essay)*. Moscow, 1982 (in Russian)].

Крюкова В. Ю. Зороастрийские храмы Йезда и Тегерана. Чистов Ю. К. (отв. ред.). *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г.* СПб., 2012 [Kryukova V. Yu. Zoroastrian temples of Yazd and Tehran. Chistov Yu. K. (ed.). *Radlov collection: Research and museum projects of MAE RAS in 2011*. St. Petersburg, 2012 (in Russian)].

Кузнецова Н. А. *Иран в первой половине XIX века*. М., 1983 [Kuznetsova N. A. *Iran in the first half of the 19th century*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Отчет о командировке в Керман Российского императорского консула в Сеистане надворного советника А. Миллера. *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Выпуск LXXVII. СПб., 1904 [Report on the business trip to Kerman of the Russian Imperial Consul in Seistan, court adviser A. Miller. *Collection of geographical, topographical and statistical materials on Asia*. Issue LXXVII. St. Petersburg, 1904 (in Russian)].

Сахм-е зартоштиан дар энглаб-е машрутиат-е Иран. Сохраняни-е дженаб ага-е доктор Фарханг Мехр дар данешгах-е Эсфахан. Тегеран, 1969 [The role of Zoroastrians in the Constitutional Revolution in Iran. Lecture by Dr. Farhang Mehr at the University of Isfahan. Tehran, 1969 (in Persian)].

Шахмардан Р. *Тарих-е зартоштиан. Фарзанеган-е зартошти*, 1984 [Shahmardan R. *The History of Zoroastrians. Zoroastrian sages*, 1984 (in Persian)].

Bassett J. *Persia. The Land of the Imams*. Glasgow, Edinburgh, Dublin, 1887.

Boyce M. *A Persian Stronghold of Zoroastrianism (Ratanbai Katrak Lectures, 1975)*. Oxford, 1977.

Browne E. G. *A Year Amongst The Persians*. L., 1893.

Curzon G. N. *Persia and The Persian Question*. Vol. I. L., N.-Y., 1892.

- Dhalla M. N. *History of Zoroastrianism*. N.-Y., 1938.
- English P. W. *City and Village in Iran. Settlement and Economy in the Kirman Basin*. Madison, Milwaukee, L., 1966.
- English P. W. Nationalism, Secularism, and the Zoroastrians of Kirman. *The Economic History of Persia*. Ed. by Ch. Issawi. Chicago-L., 1971.
- Flandin E., Coste P. *Voyage en Perse*. Tome II. P., 1854.
- Fraser J. B. *A Historical and Descriptive Account of Persia from the Earliest Ages to the Present Time*. Edinburg, 1834.
- Jackson A. V.W. *Persia Past and Present*. L., 1906.
- Knanishu J. *About Persia and Its People*. Rock Island, Ill., 1899.
- Magnusson A. *Muslim-Zoroastrian Relations and Religious Violence in Early Islamic Discourse, 600–1100 C. E.* California, 2014.
- Malcolm N. *Five Years in a Persian Town*. N.-Y., 1905.
- Maneck S. S. *The death of Abriman: Culture, Identity and Theological Change among the Parsis of India* [Doctoral dissertation, University of Arizona], 1994.
- Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and Others*. Ed. by E. B. N. Dhabhar. Bombay, 1932.
- Ringer M. M. *Pious Citizens: Reforming Zoroastrianism in India and Iran*. N.-Y., 2011.
- Sanson N. *Voyage, ou Relation de l'etat present du royaume de Perse*. P., 1695.
- Seyf A. Silk Production and Trade in Iran in the Nineteenth Century. *Iranian Studies*, Winter — Spring, 1983. Vol. 16. № 1/2.
- The Economic History of Persia* / Ed. by Ch. Issawi. Chicago–L., 1971.
- Thomson R. Report on Persia // *The Economic History of Persia* / Ed. by Ch. Issawi. Chicago–L., 1971.
- Voyages du Chevalier Chardin en Perse et Autres Lieux de l'Orient*. Vol. VIII. / Ed. by L. Langles Par. P., 1811.
- Wills C. J. *Persia As It Is*. L., 1886.
- Wilson S. G. *Persian Life and Customs*. Edinburgh, L., 1896.

Электронные ресурсы / Electronic resources

- Amanat A. GREAT BRITAIN iii. British influence in Persia in the 19th century // *Encyclopaedia Iranica*, Vol. XI, Fasc. 2, PP. 208–218. 15.12.2002. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/great-britain-iii> (дата обращения: 15.02.2023).
- Amighi J. K. Zoroastrians Of 19th-Century Yazd And Kerman // *Encyclopaedia Iranica*, online edition. 07.11.2014. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/kerman-13-zoroastrians> (дата обращения: 20.03.2023).
- Hataria M. L. Travels to Iran. A Parsi Mission to Iran. 1865. URL: <https://web.archive.org/web/20120210035912/http://www.fravahr.org/spip.php?article84> (дата обращения: 20.03.2023).
- Malcolm D. M. Seth Maneckji Limji Hataria. The Martin Luther King of Zoroastrianism & The Struggle for Zoroastrian Civil Rights in Iran // A Zoroastrian Educational Institute. Historical Events. Historical Figures. URL: http://www.zoroastrian.org.uk/vohuman/Article/Seth%20Манекджи%20Лимджи%20Хатария.htm#_ednref39 (дата обращения: 15.03.2023).
- Shaki M. GABR // *Encyclopaedia Iranica*, online edition. 15.12.2000. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/gabr> (дата обращения: 15.02.2023).

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-056-066

КУРДЫ И ЕЗИДЫ: ПРИЧИНА ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО КОНФЛИКТА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2024

Ю. Р. Дасни¹

Несмотря на то, что курды и езиды имеют общие исторические корни, обычаи, язык и культуру, в современном мире уже много лет ведется дискуссия о том, кто является курдом, а кто — езидом. Примечательно, что в отношении этого вопроса нет устоявшегося мнения и в научной среде. Со стороны кажется, что все просто: одна история, язык и культура — это один народ. При всей очевидности ответа спор между общинами до сих пор не нашел компромисса. Курды-мусульмане утверждают, что езиды — это курды. Езиды разделились на три части: одни утверждают, что курды и езиды — один народ; вторые, что курды — это езиды, которые приняли другую веру; третьи, что езиды — отдельный от курдов народ и имеют свою историю, самобытную культуру и язык. Учитывая, что эти противоречия имеют давнюю и непримиримую историю и в основе их лежат религиозные убеждения, вопрос по сей день остается нерешенным.

Ключевые слова: курды, езиды, езидизм, курдский народ, курдский язык, Курдистан

Для цитирования: Дасни Ю. Р. Курды и езиды: причина тысячелетнего конфликта и его последствия. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 56–66. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-056-066

KURDS AND YEZIDIS: THE CAUSE OF A THOUSAND YEARS' CONFLICT AND ITS CONSEQUENCES

Yury R. Dasni

Despite the fact that Kurds and Yazidis have common historical roots, customs, language and culture, in the modern world there has been a debate for many years about who is a Kurd and who is a Yazidi. It is noteworthy that there is no established opinion on this issue in the academic community. From outside it seems simple – one history, language and culture; thus this is one people. Despite the obviousness of the answer, the dispute between the communities has not yet been closed. Muslim Kurds believe that the Yazidis are Kurds. The Yazidis are divided into three parts: some believe that the Kurds and the Yazidis are one people; second, that the Kurds are Yazidis who adopted a different faith; thirdly, that the Yazidis stand out from the Kurdish people and have their own history, original culture and language. Considering that this contradiction has a long and irreconcilable history, which is based on the cessation of belief, the issue remains unresolved to this day.

Keywords: Kurds, Yazidis, Yazidism, Kurdish people, Kurdish language, Kurdistan

For citation: Dasni Y. R. Kurds and Yazidis: the cause of a thousand years' conflict and its consequences. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 56–66. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-056-066

¹ Дасни Юрий Романович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, Москва; yudasny@gmail.com

Yury R. Dasni, PhD (Politics), Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; yudasny@gmail.com
ORCID: 0009-0001-1463-3592

Современный мир полон этническими и межэтническими конфликтами, некоторые из которых начинаются и продолжаются без каких-либо серьезных оснований. Нежелание противостоящих сторон искать компромиссы часто создает потенциальные условия перехода этих конфликтов в вооруженное столкновение. В условиях глобализации конфликты создают вероятность международных войн, массовых миграций населения и экологических катастроф и могут дестабилизировать ситуацию сразу в нескольких государствах.

В качестве самостоятельной научной дисциплины конфликтология возникла в середине XX в. Ее основателями считают социологов Дж. Бартона, Л. Козера, Р. Дарендорфа. Согласно теории конфликтологии, конфликт неизбежен в любом обществе из-за различия интересов индивидов. В основе конфликта, как правило, лежит межличностное противоречие, которое является первопричиной возникновения любого конфликта. Но наиболее острым способом развития и продолжения противоречий является социальный конфликт. Как правило, причина социальных конфликтов кроется в противоборстве индивидов или групп, преследующих социально важные цели. К таким причинам можно отнести социальное неравенство, политическое преследование, ксенофобию и др. Для того чтобы спрогнозировать, предотвратить или разрешить какой-либо конфликт, нужно четко понимать его причины, поводы и условия [Дарендорф, 1994, с. 142–147].

Очевидно, что в основе курдского мусульманско-езидского противостояния лежат межличностные противоречия в отношениях не просто между отдельными личностями, а между социальными группами, которые выражаются в отсутствии взаимного согласия. Учитывая, что эти противоречия имеют давнюю и непримиримую историю, в основе которой религиозные убеждения, вопрос соотношения курдско-мусульманской и езидской идентичностей представляет собой сложную дилемму и по сей день остается нерешенным. В споре каждая из сторон приводит свои доводы, пытается найти сходства и отличия, причины, приведшие к таким взаимоотношениям. Причем позиция некоторых езидов бывает настолько убедительна, что у непосвященного в этом вопросе человека возникают резонные сомнения относительно курдско-езидской идентичности. Отчасти эта проблема связана со спецификой политических обстоятельств и социальной среды, в которых оказались курды в XX в.; из-за отсутствия национального государства у курдов не сформировалась национальная идея и не существует единого подхода к определению понятия «курдская нация». Все это в совокупности привело к тому, что при попытках выяснения взаимных связей понятий «нация» и «религия» в курдском обществе наблюдается неясность.

В данной работе рассмотрим этот сложный вопрос с позиции конфликтологии и по возможности попробуем найти ответ, удовлетворяющий обе стороны. Исследуя эту тему, неизбежно придется коснуться причины, повода и условий возникновения данного конфликта, проанализировать мотивы, побуждающие субъекты взаимодействия столь решительно противостоять друг другу. Для того, чтобы понять суть данного конфликта, сначала ответим на вопрос: кто такие курды и кто езиды? Затем — кем они являются по отношению друг к другу? Какие у них сходства и отличия?

Курды — автохтонное население Месопотамии², свое прошлое связывают с Шумером, Вавилоном, Мидией и Сасанидской империей. В современной исторической науке есть несколько версий происхождения названия «курд». По одной — после захвата арабами в VII в. Сасанидской империи и образования Арабского халифата персы ушли на земли к востоку от горы Загрос, сменили зороастризм на ислам и образовали этническое государство — Персию. Все остальные иранские племена и народности Месопотамии (а их много), говорящие на разных диалектах, производных

² Месопотамия — историческая область на Ближнем и Среднем Востоке, расположенная в долине рек Тигр и Евфрат; место существования одной из древнейших цивилизаций в истории человечества. Курды считают себя автохтонным населением этого региона. Сегодня на этой территории находятся современные государства — Ирак, северо-восточная Сирия, части Турции и Ирана.

от мидийского и в общем называемых «курманджи»³, оставшиеся после распада Сасанидской империи без государства, персы назвали курдами. Термин «корд» в персидском языке означает «смелый, гордый, герой». Курдский историк Шараф-хан Бидлиси в Шараф-наме пишет, что этноним «курд» означает «наделенный мужеством», «герой» и «храбрец» [Бидлиси, 1976, с. 85]. Наблюдая за историей курдов, их мужественной борьбой за независимость, с этим трудно поспорить. Эти племена были разнородны в антропологическом и религиозном плане. Среди них были представители переднеазиатского, хорасанского и каспийского типов, по религии — езиды, зороастрийцы, иудеи, христиане и др. Приблизительно с X в. для обозначения людей иранского (точнее, мидийско-сасанидского) происхождения в персидской литературе стали применять термин «корд», а в арабской — «акрад». На разных языках это название может звучать по-разному, но суть не меняется.

Таким образом, новая власть персов привела к появлению нового народа — курдов, куда персами были включены в том числе езиды. Персы превратили термин «курд» в этноним, от них это название было воспринято арабами и другими народами региона и приблизительно в X в. название «курд» стало общеизвестным. В истории есть много случаев, когда название народа дано соседями, а в дальнейшем стало его самоназванием. Этот факт не только не противоречит теории этнонимики, но и является мировой практикой. Похожая ситуация прослеживается, например, у турок, чей этноним сходен с наименованием народности туркоман, основавшей Османскую империю. Изначально османами считались только члены османской династии, позже жители бывшей империи в качестве этнонима взяли себе название — турок, хотя подлинными наследниками Османской империи являются османы.

По другой версии, современных курдов связывают с населявшими северную Месопотамию и Иранское плато куртиями и кардухами. Однако эта версия, основанная на созвучии названий, многими востоковедами позже была отвергнута. Возможно, эти народности участвовали в этногенезе курдского народа, но нет никаких оснований полагать, что они являются его основоположниками, так как достоверно известно, что современный курдский народ представляет собой конгломерат древних родственных племен и народностей Месопотамии. Подробнее об этой версии можно узнать в исследовании академика АН Казахстана К. И. Мирзоева: «Историко-литературная теория происхождения курдов» [Мирзоев, 2001, с. 8–17].

Факт о средневековом происхождении этнонима «курд» подтверждают многие выдающиеся ученые и исследователи. Так, известный востоковед В. Ф. Минорский писал, что курды, исконное население Персии, занимают западную окраину страны древних мидийцев и, возможно, являются одними из прямых наследников мидян» [Минорский, 1915, с. 3].

О. Л. Вильчевский отмечает, что мидийцы говорили на нескольких диалектах, которые наряду с персидским диалектом составляли единый древнеиранский язык. Название курд в качестве определения народа появилось очень поздно, а в качестве этнонима еще позднее; ко времени хроники Арбелы, написанной между 540 и 569 гг., т. е. уже в конце Сасанидского владычества, термин курд в качестве названия ираноязычных племен, обладающих военно-племенной структурой, был уже известен. Арабоязычные и персоязычные авторы первых веков ислама прилагают этот термин к обитавшим в Южном и Центральном Иране иранским кочевым племенам, обладавшим аналогичной структурой и объединенным в конфедерации [Вильчевский, 1961, с. 111–112].

Академик Н. Я. Марр, который лично знал курдов-мусульман и езидов, считал, что езидизм был доисламской курдской религией, ее исповедовали большинство курдов до обращения их в ислам [Марр, 1912, с. 143, 147]. Такого же мнения и известные востоковеды [Минорский, 1915; Никитин, 1964; Вильчевский, 1961; Олферьев, 2017 и др.].

³ Термин «кур-ман-джи» в переводе с курдского буквально означает «сыны, оставшиеся на месте», отсюда курдский диалект «курманджи», т. е. диалект коренного населения.

Профессор С. Егиазаров, который посвятил езидам отдельное исследование, делает однозначный вывод, что езиды и курды — один народ [Егиазаров, 1891].

Российский дипломат и востоковед С. П. Олферьев, который в 1912 г. совершил путешествие по Курдистану, пишет: «Иезиды — это курды, в полном смысле этого слова. Общность языка, типа и быта указывает на это. Откуда курды, оттуда и иезиды» [Олферьев, 2017, с. 151].

Ведущие курдологи СССР — РФ М. С. Лазарев, Ш. Х. Мгои, Е. И. Васильева, М. А. Гасра-тян, О. И. Жигалина во Введении к коллективному труду «История Курдистана» утверждают, что курды — все вместе взятое, что было на этой территории в течение тысячелетий [Лазарев и др., 1999].

О том, что курды — народ сборный, в XVI в. писал основоположник курдской историографии, курд по происхождению Шараф-хан Бидлиси. Он утверждает, что курдский народ объединяет племена, говорящие на родственных диалектах. В зависимости от диалекта он делит курдов на четыре части: курманджи, лури, келхури и гурани [Бидлиси, 1976, т. 2].

Известный курдский историк XIX в. Махмуд Баязиди в своем труде «Нравы и обычаи курдов» пишет о своем народе так: «... слово «курд», «акрад» происходит от слова «гирде», что означает «собранный», «смешанный». Племена, собравшиеся с разных сторон, стали называться «курд» и «акрад», и стали они известным народом» [Баязиди, 1963, с. 9–19, 200–202].

Исследователь езидизма Х. Омархали в книге «Йезидизм. Из глубины тысячелетий» пишет, что йезидизм — наиболее древняя и самобытная религия курдов, и сейчас часто можно услышать от курда, независимо от его вероисповедания, что его исконной религией является йезидизм [Омархали, 2005, с. 11, 13].

Курдолог Ф. Хеннербичлер, который много лет провел среди курдов и занимается курдскими исследованиями, в работе «Происхождение курдов» делает однозначный вывод и считает курдов народом, состоящим из различных этнических компонентов, объединяя их под названием «курдский комплекс» [F. Hennerbichler, 2012, p. 78].

Из данного исследования понятно, что курды как народ сформировался приблизительно в X в. н. э. путем консолидации многочисленных автохтонных иранских (точнее, мидийско-сасанидских) племен и народов. Сохранившийся до сих пор клановый уклад (курд. ашират) и традиции в курдском обществе — наглядный тому пример. На протяжении всей последующей истории народа вплоть до начала XX в. термин «курд» в подавляющем большинстве случаев не являлся этнонимом, так как в основном его применяли другие народы, а не сами курды по отношению к себе. Курды предпочитали называть себя по аширатам. Сегодня, по разным оценкам, общая численность курдов в мире составляет более 40 млн человек, большинство исповедуют ислам суннитского толка, также есть шииты, алавиты, ярсани, зороастрийцы, евреи, христиане, последователи различных суфийских и мистических учений; вторая по численности община — езиды.

Езиды⁴ — одна из древнейших общин Месопотамии, исповедуют монотеистическую религию — езидизм⁵, испокон веков автохтонно проживают на этой земле, считают себя потомками шумеров, вавилонян, мидян и Сасанидской империи. Самоназвание «езид» исторически означало религиозную общность, а принадлежность к езидству всегда определялась строго религиозными критериями, основанными на принципе рождения от матери и отца — езидов.

⁴ Самоназвание езид [ezdi] состоит из двух слов: «ez-da», что буквально означает [меня дал], имеется в виду — меня дал (сотворил) Бог.

⁵ Под езидизмом подразумевается религия езидов, возникшая в незапамятные времена, в основе которой — поклонение единому Богу и семи великим ангелам.

После упадка Сасанидской империи в VII в. езиды образовали этническое княжество Дасин⁶ со столицей г. Духок. Это было мощное государство с обширными границами, имевшее влияние в регионе, о чем свидетельствуют арабские и другие источники. Арабский историк Йакут (1178/1179–1229) по этому поводу пишет: «Дасин — огромная гора на севере Мосула, к востоку от Тигра, где живут множество «таифа», которых называют «ал–дасинийа» [Поладян, 1987, с. 77].

В средние века существовало множество независимых и полузависимых езидских княжеств. Население таких эмиратов, как Шейхан, Марван со столицей в Диарбакре, Касер (в Сирии), Хакари, Бадинан, Батман, Ботан в основном состояло из приверженцев езидской религии. Османские султаны уважали и поддерживали добрые отношения с езидскими эмирами. Одному из езидских эмиров — Хусейн-беку Дасни в 1534 г. османский султан Сулейман даже даровал округ Эрбиль и чуть позже весь вилайет Сорана. Границы езидских княжеств простирались от Антакии и Алеппо до Диарбакра и Джизры, включая Мосул, Захо, Эрбиль и Соран. На их территориях проживали также многочисленные мусульманские племена, христианские народы и евреи [Бидлиси, 1976, с. 325–326].

Мусульмане под предводительством своих эмиров систематически совершали опустошительные набеги на езидов с целью обращения их в ислам. Для того чтобы сохранить самобытность и веру предков, езидским духовенством в XII в. было принято решение о полном обособлении от мусульман и категорически было запрещено общение с бывшими единоверцами — курдами. Приблизительно с этого времени, можно сказать, произошло трагическое разделение народа по религиозному признаку на две противостоящие части — езиды, которые сохранили веру предков, и езиды, которые отошли от веры предков и приняли арабскую религию ислам. Езиды перестали считать курдов-мусульман своим народом, а название «курд» ими стало ассоциироваться с названием «мусульманин». С тех пор термины «езид» и «курд» стали устоявшейся дихотомией.

Вплоть до XVIII в. езиды оставались влиятельной силой в регионе. Стремясь сохранить свою независимость, езиды вступали в войны не только с арабами и османами, но и с правителями курдских эмиратов. Вследствие междоусобных войн между курдами и езидами в XVIII в. последнему езидскому княжеству Шейхан, впрочем, как и другим курдским княжествам, суждено было попасть под полную власть Османской и Персидской империй. Процесс исламизации принял массовый характер, многие езидские племена были вынуждены принять ислам. Неизвестно, сколько езидов было на момент нашествия арабов в VII в., но известно, что на протяжении всего последнего тысячелетия миллионы езидов мусульманами были убиты и обращены в ислам. В связи с тем, что всеобщая перепись езидского населения никогда не проводилась и их эмиграция в христианские страны носила стихийный характер, сегодня сложно назвать точную численность общины. По мнению езидских организаций, общая численность езидов в мире на 2023 г. составляет 1,5–2 млн чел., из них около 1 млн живут на исторической родине, в основном в Ираке, также Сирии, Турции и Иране. Остальные рассеяны по всему миру. Наиболее крупные диаспоры живут в Армении, Грузии, России, Германии, Франции, США.

Сходства

Каждому человеку присуща уникальность — это черты лица, телосложение, темперамент, менталитет и множество других признаков. Но есть и то, что объединяет людей в отдельные группы, которые образуют народ. Это — общие корни, история, земля, менталитет, характер, язык, культура, традиции и т. д.

⁶ В XIII в. главным езидским шейхом Браимом княжество Дасин было переименовано в Шейхан. Город Духок, сохранился по настоящее время, находится на севере Ирака и входит в автономный регион Курдистан.

На самом деле и езиды, и курды-мусульмане по коллективной памяти прекрасно знают, что у них общие корни. Обе общины связывают свое прошлое с древними государствами Шумер, Вавилон, Мидия, Сасанидская империя.

Курды — мусульмане и езиды испокон веков живут на одной и той же земле. На сегодняшний день в исторической науке нет ни одного факта, что они пришлый народ, — напротив, многие ученые мира подтверждают их автохтонное проживание. У обеих общин одна история, одни и те же исторические и литературные памятники, известные личности и герои.

В антропологическом отношении курды и езиды является похожими. По внешности и телосложению очень сложно отличить курда от езида и наоборот. Обе общины имеют идентичный менталитет, который проявляется в образе мышления, нравах, чувствах, вкусах, мировосприятии, душевном складе и др.

Курды-мусульмане и езиды имеют одинаковые черты характера, которые описаны многими путешественниками и исследователями. Приведем некоторые из них: непоколебимость в делах чести, верность данному слову, чувство собственного достоинства, высокое чувство гордости, воинственность, мужество, гостеприимство, уважение и ответственность по отношению к родственникам, готовность пожертвовать собой ради своего племени, кровная месть и родовая вражда даже между близкими родственниками, храбрость, непокорность, уважение к женщине, любовь к народным танцам, пению и поэзии и т. д.

Неизвестно, был ли когда-то общий и понятный каждому курду один язык; сегодня они говорят на нескольких диалектах, но основных два — «курманджи» и «сорани». Впрочем, такая участь свойственна истории многих народов мира — англичан, арабов, русских, итальянцев, французов и т. д. До сих пор в мире есть государства, в которых существует языковое разнообразие (Великобритания, Испания, Италия, Китай, Грузия, Швейцария и др.). Езиды говорят на диалекте «курманджи», на котором говорит преимущественное большинство курдов. При этом езидская речь настолько схожа и понятна курдам-мусульманам, что нет никаких оснований называть езидскую речь самостоятельным языком.

Термин «культура» имеет множество определений, но в широком смысле это все, что создал народ в прошлом, имеет в настоящем и то, что он передаст будущему поколению, — материальные и духовные ценности, научные открытия, памятники литературы и письменности, произведения искусства, фольклор, танцы, национальная одежда, кухня и многое другое. Все, что было создано в прошлом и даже в настоящем, обе общины одинаково считают своей культурой. Например, литературные памятники (поэмы «Мам и Зин», «Юсуф и Зулейха», «Златорукий хан», «Замбилфрош» и др.) одинаково почитаются как мусульманами, так и езидами. У них одна письменность и грамматика. Курды-мусульмане с удовольствием слушают «езидские» песни, а езиды — «курдские».

Несмотря на то, что многие курды очень давно приняли ислам, до сих пор у них сохранились доисламские элементы прежней религии и обычаи предков — поклонение солнцу, вера в зикураты, свадебные обычаи, некоторые праздники, например, Науроз, Хидир Наби, Беран-Бердан, обряды, связанные с земледелием, водой, скотоводством и др. Солнце и огонь одинаково признают своими символами как курды-мусульмане, так и езиды. Эти изображения присутствуют на национальном флаге, в домах, на работе и многих предметах быта и интерьера. За тысячелетия существования народа эти символы твердо вошли в курдскую культуру и во всем мире стали ассоциироваться с курдами-мусульманами и езидами.

Наконец, курды-мусульмане и езиды имеют одинаковую трагическую судьбу. Обе общины до сих пор являются народом без государства. В отношении обеих общин на протяжении многих веков совершается геноцид. Разница лишь в том, что в отношении курдов геноцид совершается по национальному признаку, а в отношении езидов — и по национальному, и по религиозному.

Отличия

Сегодня то, что курды-мусульмане и езиды являются одним народом, мало у кого вызывает сомнения. Это подтверждается не только коллективной памятью, но и многими источниками и учеными. Но вместе с тем, как и у любого другого народа, у курдов-мусульман и езидов есть отличия.

Одно из главных отличий — религия. Сегодня большинство курдов являются мусульманами, и это не проблема; проблема в том, что многие из них негативно относятся к езидам. С одной стороны, курды признают свою общность с езидами, называют езидов коренной частью своего народа, а езидизм — религией своих предков, а с другой — делают все, чтобы обратить езидов в свою религию. В езидизме, как известно, нет прозелитизма, в его основе толерантность и милосердие. За всю свою долгую историю езиды первыми никогда ни на кого не нападали, в том числе на мусульман, не убивали и не насиловали, не захватывали чужого имущества, не разрушали ничьих храмов и не превращали населенные пункты в руины. В силу постулатов своей религии езиды по характеру более мягкие и милосердные, чем курды. В отличие от ислама езидизм учит толерантно и с уважением относиться ко всем людям независимо от происхождения и всем религиям, в том числе к исламу.

Езиды от рождения традиционалисты, в религии и быту консервативны, строго соблюдают обычаи предков. В отличие от курдов-мусульман, которые исполняют свои обычаи и молитвы на арабском языке, езиды соблюдают их исключительно на курдском. И все это благодаря религии предков, которая позволила им сохранять не только самобытность, но и чистоту родного языка. В отличие от езидов, курды-мусульмане часто идентифицируют себя как турки, арабы, персы, азербайджанцы и др., так как в исламе считается, что нет отдельных наций и есть одна общая для всех — мусульманская нация. В результате многие из них полностью ассимилированы в арабской, персидской, турецкой, азербайджанской и туркменской среде. До сих пор есть курды, которые превозносят религию над своей нацией, не понимая, что они тем самым приобретают черты подвластного этноса, у которого остается мало шансов на достижение свободной жизни в будущем. Этот факт важен для понимания того, как процесс исламизации в плане самоопределения разрушительно действовал на всех курдов.

Езиды же, напротив, всегда были и остаются сторонниками курдской самобытности. Несмотря на преследования, они героически стараются жить на родине и борются за сохранение национальной идентичности. Следовало бы подчеркнуть, что самобытность езидской общины во многом способствовала сохранению идентичности курдов-мусульман, поскольку благодаря им сохранился значительный пласт этнической истории и культуры. Но этот вклад будет потерян, если езиды покинут родину, что, судя по событиям геноцида езидов 2014 г. и его последствиям, к сожалению, может случиться. Как показывает история, ослабление культурного потенциала курдов-мусульман приводит к тому, что они более подвержены риску окончательной культурно-конфессиональной ассимиляции в мусульманском мире.

Как видим, история, язык и культура курдов-мусульман и езидов в точности совпадают. Они имеют общие исторические корни, землю, антропологический тип, обычаи, менталитет, чувства, вкусы, эмоции, настроения и, наконец, похожий национальный характер, полный жизнелюбия и силы. Особенностью положения обеих общин является то, что они сохранили свойственную им этническую идентичность. Обе общины имеют много общего не только в своем историческом прошлом, но и современном развитии. Приведенные нами выше отличия не являются существенными, чтобы разделить курдов-мусульман и езидов на два отдельных народа.

Причина конфликта

Для того чтобы понять причину данного конфликта, нужно обратиться к истории народа. Современная история курдов — это история выживания езидов в мусульманском окружении. Курды, перешедшие в ислам и поддавшиеся идеологической обработке, в составе мусульманских армий (иногда и самостоятельно) стали постоянно нападать на, по их мнению, «дьяволопоклонников» езидов. На самом деле эта идеология и эпитет «дьяволопоклонник» были выдуманы муллами для вызова ненависти у мусульман к езидам с целью их коллективного преследования и насильственного обращения в ислам. При этом бывшие единоверцы-курды прекрасно знали об единобожье и светлом образе езидской религии, но, поддавшись шовинистической идеологии, умолчали и исказили правду. На езидов буквально началась охота, их повсеместно убивали, женщин и детей похищали, письменные источники и религиозные атрибуты беспощадно уничтожались, дома и имущество присваивались. Езиды подвергались массовому истреблению со стороны арабов и турок при активном участии их соотечественников-курдов только за то, что они хотели сохранить свою религию и культуру. Эта политика проводилась не только в отношении езидов, но и в отношении христиан региона. Начиная с XVIII в. езиды вместе с христианами стали массово покидать родину и искать спасение в христианских странах, где к их религии относились толерантно. Исламизация до сих пор проводится систематическими набегами на езидов с вырезанием их семейств, осквернением святынь, грабежами и тотальным разрушением их селений, чтобы людям некуда было вернуться.

Весьма подробно положение езидов описывает в своей монографии «Ниневия и ее руины» Генри Лаярд: «Езиды в течение столетий были преследуемы мусульманами. Гаремы юга Турции были заполнены ими. Ежегодные экспедиции организовывались губернаторами областей в эти районы. Мужчины и женщины были вырезаны без милосердия, а дети обоих полов были пленены и выставлены на продажу в основных городах. Преданность езидов своей религии так же замечательна, как у евреев. Они всегда стоят перед выбором измены (религии) и мечом. И я не знаю ни одного случая, чтобы взрослый человек отказался от своей веры. Они неизменно предпочитают смерть от пыток» [Layard, 1848, p. 49].

Известный курдолог Е. И. Васильева пишет: «Эмир Равандуза Мухаммад-бег с шеститысячной армией напал на земли племени дасни. С тем племенем произошла жестокая битва, он разгромил их войска, тысячи были убиты, более 10 тысяч мужчин и женщин захвачены в плен. Из них те, кто принял ислам, были освобождены, остальные жестоко убиты. Установлено, что за время этого похода у даснийцев было награблено столько добра, что невозможно было сосчитать. От такого изобилия богатства Мухаммад-бег обрел величие» [Васильева, 2016, с. 167].

Историк Рашад Миран пишет: «В 1800 г. эмир Бабана Ибрагим-паша нанес езидам тяжелое поражение. Наиболее разрушительным и опустошительным был поход на езидов, совершенный в 1832 г. эмиром Сорана Мухаммад-паша Равандузи» [Рашад Миран, 2003, с. 74]. Тогда, по езидским преданиям, было убито более 500 тыс. езидов, их трупы сбрасывали в реку Тигр, из-за чего от их крови вода в реке несколько дней стояла красной.

Весьма примечателен диалог курдских беев на встрече с езидским героем Чангир-ага, записанный российским дипломатом Олферьевым: «Что же это за вера такая? Пророка не признают, в черта веруют!» — «Их бы передуть всех, как собак», — сказал курд, сидевший рядом с Омар-беем. — «А ты думаешь их мало перебили? Много, ой как много!» — «Придет время, и остатки вырежем, во славу аллаха, всемогущего и всемилостивого», — сказал Омар-бей и, похлопав в ладоши, крикнул, чтобы принесли кальян [Олферьев, 2017, с. 150].

И таких примеров можно привести множество. Согласно езидским источникам, с VII в. н. э. в отношении общины было совершено 74 преступления геноцида, последний из которых был

совершен ИГ⁷ в 2014 г. И если посмотреть хронику событий геноцида 2014 г. и сравнить с предыдущими (в частности, с описаниями Лаярда), то увидим, что тактика и стратегия джихадистов точно повторяется. Стереотип ненависти к езидам до сих пор существует в мусульманском обществе. Несмотря на общность трагической судьбы, и сегодня отношение курдов-мусульман к езидам неоднозначно. Многие курды-мусульмане, которые на протяжении многих столетий сами были в бесправном и унижительном положении в мусульманском мире и сполна испытали на себе ужасы несправедливого отношения к ним со стороны их единоверцев, сегодня продолжают дискриминацию по отношению к своим соотечественникам-езидам. До сих пор в Курдистане встречаются случаи ксенофобии, публичные антиезидские выступления, иногда даже слышны призывы к уничтожению езидского меньшинства. От многих езидов Ирака и Турции можно услышать, что курды не берут их на работу, а если и берут, то на меньшую заработную плату; они не ходят в езидские кафе, рестораны и магазины и не едят у них дома, так как считают их пищу и произведенные ими продукты «харам»; можно встретить высокомерное и неуважительное отношение курдов к езидам — те считают езидов второсортными людьми, часто в гневе оскорбляют и унижают их.

Подводя итог исследованию, можно вделать вывод, что причиной данного социального конфликта является враждебное и несправедливое отношение курдов-мусульман к езидам на протяжении всего последнего тысячелетия, проявляющееся в убийствах, насилии, ксенофобии, моральном и психологическом давлении на религиозной почве. На протяжении многих столетий на родине курды создавали езидам не просто ужасные, а невыносимые условия для жизни. Из-за чего за это время миллионы езидов погибли и приняли ислам, тысячи ради спасения жизни бежали в христианские страны. Поводом для конфликта было и есть желание мусульман любыми способами обратить езидов в ислам.

В ответ на это в XX в. среди езидов зарождается движение национализма, объявившее езидов самостоятельной нацией и категорически отвергающее связь с курдами. Эта часть езидов утверждает, что езиды — отдельный от курдов народ, имеют свою историю, самобытную культуру и язык, который называют «эзиди», и выступают с призывами о создании езидского национального государства на исторической родине или автономии за ее пределами. По их мнению, только государство, живущее по езидским законам, может защитить права езидов. Такие подходы вызывают критику среди курдов-мусульман, которые видят в езидах своих соотечественников. Хотя справедливости ради нужно заметить, что именно благодаря замкнутой и оборонительной религиозной политике часть езидов по сей день смогла сохраниться. И сегодня курды-езиды продолжают называть себя езидами не потому, что они против курдов или мусульман вообще, а потому, что они хотят сохранить свою самобытность.

Социальный конфликт курдского общества породил множество политических и гражданских проблем для всех курдов, и самая главная проблема — народ остался без государства. Между тем, как показывает практика, национальные государства, разделившие Курдистан, по своей природе не способны рассматривать интересы граждан другой национальности как своей. А в условиях нарастающего численного, социально-экономического и военного превосходства более крупных соседних народов (арабов, турок, персов) продолжение личных и социальных противоречий, отсутствие поиска эффективных методов решения этих противоречий представляют собой серьезную угрозу перспективе сохранения идентичности как для курдов-мусульман, так и для езидов. Эта проблема может быть преодолена, только если внутренний курдский фактор будет работать

⁷ Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ или ИГ), целью которого было установление всемирного халифата. ИГ многими странами мира, в т. ч. РФ, признана террористической организацией. 03.08.2014 ИГ напала на мирных езидов региона Синджар (Ирак) с целью обращения их в ислам и включения в состав халифата.

не на продолжение конфронтации, а на поиск путей сближения. Если считать, что конечной причиной курдского социального конфликта является ущемление религиозных прав езидов, то понятен и подход к его урегулированию. Прежде всего нужно устранить объективные причины нарушения прав езидов, социальное неравенство и установить справедливый порядок в обществе, чтобы не ущемлялись ничьи интересы. Многое в этом деле зависит от прогрессивной части курдского общества. В свою очередь, политика правительства Иракского Курдистана по формированию плюралистического мировоззрения и развитию толерантности в автономии служит эффективным способом для достижения межнационального и межконфессионального согласия в курдском обществе. В национальном аспекте езиды как подлинные наследники курдской цивилизации в религиозном сопротивлении с исламом, можно сказать, действуют в интересах всего курдского народа, так как фактически выступают за сохранение курдской самобытности. Курды-мусульмане как субъект, который не позволил в свое время создать национальное государство, сейчас хорошо себя проявляют в политических действиях за самоопределение. В этом контексте воссоединение курдов независимо от вероисповедания можно назвать восстановлением исторической справедливости.

Литература / References

- Аристова Т. Ф. *Курды Закавказья (историко-этнографический очерк)*. М., 1966 [Aristova T.F. *Kurds of Transcaucasia (historical and ethnographic essay)*. Moscow, 1966 (in Russian)].
- Баязиди М. Махмуд. *Нравы и обычаи курдов*. М., 1963 [Bayazidi M. Mahmoud. *Morals and customs of the Kurds*. Moscow, 1963 (in Russian)].
- Бидлиси Шараф-хан. *Шараф-наме. Памятники письменности Востока. Т. I–II*. Пер. Е.И. Васильевой. М., 1976 [Bidlisi Sharaf Khan. *Sharaf-nameh. Monuments of Eastern Literature Vol. I–II*. Trans. E.I. Vasilyeva. Moscow, 1976 (in Russian)].
- Васильева Е. И. *Юго-Восточный Курдистан в XVI–XIX вв.* СПб., 2016 [Vasilyeva E.I. *South-Eastern Kurdistan in the 16th–19th centuries*. St. Petersburg, 2016 (in Russian)].
- Вильчевский О. Л. Очерки по истории езидства. *Атеист*. 1930. №51. С. 81–113 [Vilchevsky O.L. Essays on the history of Yazidism. *Atheist*. 1930. No. 51. Pp. 81–113 (in Russian)].
- Вильчевский О. Л. *Курды. Введение в этническую историю курдского народа*. М., 1961 [Vilchevsky O. L. *Kurds. Introduction to the ethnic history of the Kurdish people*. Moscow, 1961 (in Russian)].
- Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта. *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 142–147 [Dahrendorf R. Elements of the theory of social conflict. *Sociological studies*. 1994. No. 5. Pp. 142–147 (in Russian)].
- Дасни Ю. Р. *Путешествие из Москвы в Курдистан*. М., 2010 [Dasni Y.R. *Journey from Moscow to Kurdistan*. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Дасни Ю. Р., Вертяев К. В. *В поисках забытого прошлого: сборник материалов конференции*. М., 2018 [Dasni Y.R., Vertyaev K.V. *In Search of the Forgotten Past: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- Дашков С. Б. *Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях*. М., 2008 [Dashkov S. B. *Kings of kings – Sassanids. Iran III–VII centuries, in legends, historical chronicles and modern research*. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Дьяконова И. М. *История Древнего Востока. Ч 1. Месопотамия*. М., 1993 [Dyakonova I.M. *History of the Ancient East. Part 1. Mesopotamia*. Moscow, 1993 (in Russian)].
- Егиазаров С. А. *Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриванской губернии*. Тифлис, 1981 [Egiazarov S.A. *A brief ethnographic and legal sketch of the Yezidis of the Erivan province*. Tiflis, 1981 (in Russian)].

Козер Л. А. *Функции социального конфликта*. М., 2000 [Coser L.F. *The Functions of social conflict*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдский вопрос (1981–1917)*. М., 1984 [Lazarev M. S. *Kurdish question (1981–1917)*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Лазарев М. С., Мгой Ш. Х., Васильева Е. И., Гасратян М. А., Жигалина О. И. *История Курдистана*. М., 1999 [Lazarev M. S., Mgoi Sh. H., Vasilyeva E. I., Gasratyan M. A., Zhigalina O. I. *History of Kurdistan*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Лерх П. И. *Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеев*. СПб., 1856–58 [Lerkh P. I. *Research on the Iranian Kurds and their Northern Chaldean ancestors*. St. Petersburg, 1856–58 (in Russian)].

Марр Н. *Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии)*. Т. 20. СПб., 1910 [Marr N. *More about the word 'chelebi' (On the question of the cultural significance of the Kurdish people in the history of Western Asia)*. Vol. 20. St. Petersburg, 1910 (in Russian)].

Ментешавили А. М. *Курды. Очерки общественно-экономических отношений, культуры и быта*. М., 1984 [Menteshashvili A. M. *Kurds. Essays on socio-economic relations, culture and life*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Минорский В. Ф. *Курды*. Петроград, 1915 [Minorsky V.F. *Kurds*. Petrograd, 1915 (in Russian)].

Мирзоев К. И. *Курды, малая энциклопедия*. Алматы, 2001 [Mirzoev K. I. *Kurds, small encyclopedia*. Almaty, 2001 (in Russian)].

Никитин В. *Курды*. Пер. с франц. М., 1964 [Nikitin V. *Kurds*. Trans. from French. Moscow, 1964 (in Russian)].

Олферьев С. П. *В верховьях тигра*. М., 2017 [Olferev S.P. *In the upper reaches of the tiger*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Омархали Х. Р. *Йезидизм из глубины тысячелетий*. СПб., 2005 [Omarchali Khanna. *Yezidism from the depths of millennia*. St. Petersburg, 2005 (in Russian)].

Поладян Аршак. *Курды в VII–X вв. по арабским источникам*. Ереван, 1987 [Poladyan A. *Kurds in the 7th–10th centuries. according to Arabic sources*. Yerevan, 1987 (in Russian)].

Рашад Миран. *Этно-конфессиональная ситуация в современном Курдистане*. СПб., 2003 [Rashad Miran, *Ethno-confessional situation in modern Kurdistan*. St. Petersburg, 2003 (in Russian)].

Allison F. C. *The Yezidi oral tradition in Iraqi Kurdistan*. London, 2001.

Ferdinand Hennerbichler. Origin of Kurds. *Advances in Anthropology*. 2012. Vol. 2. No. 2. Pp. 64–79.

Kreyenbroek Ph. G. *Yezidism: its Background, Observances and Textual Tradition*. Lewiston, N.Y., 1995.

Layard A. H. *Nineveh and its remains*. Vol. I–II. N.Y., 1849.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Мосаки Н. З. Почему «курды-езиды» не думают репатриироваться в Южный Курдистан? [Mosaki N.Z. Why don't the 'Yezidi Kurds' think about repatriating to South Kurdistan? (in Russian)]. URL: <https://regnum.ru/article/1441718> (дата обращения: 07.10.2023).

Пирбари Д., Рзгойян Р. К вопросу об идентичности езидов [Pirbari D., Rzgoyan R. On the issue of the identity of the Yazidis (in Russian)]. <https://www.ezidipress.com/ru/2014/01/31/%D0%BA-%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%83-%D0%BE%D0%B1-%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2-3/> (дата обращения: 07.10.2023).

Ali Majid Hassan. The identity controversy of religious minorities in Iraq: the crystallization of the Yazidi identity after 2003. *British Journal of Middle Eastern Studies*, Feb., 2019. URL: <https://doi.org/10.1080/13530194.2019.1577129> (дата обращения: 07.10.2023).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТРЕТИЙ СОСЕД МОНГОЛИИ» В 1990–2020-е ГОДЫ

© 2024

Б. Х. Кушхов¹

В статье рассматривается история зарождения, становления и эволюции такого значимого понятия во внешней политике современной Монголии, как «третий сосед», вошедшего во внешнеполитический «обиход» страны на заре демократического периода её существования. Концепция «третьего соседа» до сих пор занимает одно из центральных мест в большинстве внешнеполитических документов страны, в договорах, заявлениях руководства страны, в общественном и экспертном пространстве. Традиционно считается, что данное понятие остаётся не только незыблемым, но и неизменным в плане отсутствия в нём и в его употреблении каких-либо изменений. В данном исследовании путём изучения контекстов упоминания, а также объяснений этого понятия в основных внешнеполитических документах страны, в выступлениях и заявлениях высокопоставленных государственных представителей, а также в материалах экспертов по истории и внешней политике делается вывод о наличии не принципиальных, но заметных трансформаций данного понятия, которые особенно отчётливо прослеживаются в первой половине — середине 2010-х годов. Эти изменения заключаются в постепенном размывании ценностно-идеологической детерминанты понятия, а также в расширении круга государств, подходящих под понятие «третьего соседа» за счёт заметного отхода от таких критериев его определения, как статус образцовой западной демократии, высокоразвитая либерально-рыночная экономика, большой вес в глобальных международных отношениях. Выделяются основные причины такой трансформации понятия, которые сводятся к наслоению ряда внешних и внутренних факторов в начале — середине 2000-х годов, определивших возникновение новых тенденций и приоритетов во внешней политике Монголии. Понимание особенностей и характера эволюции данного понятия представляется важным для отечественной науки и внешней политики с точки зрения понимания механизмов реагирования Монголии на внешние вызовы, отражения внутренних процессов на внешнеполитическую линию этой страны, а также для определения современного состояния отношений Монголии с географически удалёнными странами. В исследовании задействованы материалы на русском и монгольском языках.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, дипломатия, Монголия, Запад, эволюция, политика

Для цитирования: Кушхов Б. Х. Эволюция понятия «третий сосед Монголии» в 1990-е – 2020-е годы. Вестник Института востоковедения РАН. 2024. № 2. С. 67–72. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-067-072

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF “MONGOLIA’S THIRD NEIGHBOUR” IN THE 1990–2020S

Boris Kh. Kushkhov

¹ Кушхов Борис Хабижевич, аспирант, лаборант-исследователь отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; boris.kushkhov@yandex.ru

Boris Kh. Kushkhov, postgraduate, laboratory researcher of the Department of Korea and Mongolia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; boris.kushkhov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5976-7749

The article examines the history of the origin, formation and evolution of such a significant concept in the foreign policy of modern Mongolia as the “Third Neighbour”. Having entered the country’s foreign policy at the dawn of the democratic period of its existence, the concept of the “Third Neighbour” still occupies a central place in foreign policy documents, in treaties, statements, in the public and expert space. It is traditionally believed that this concept remains not only unshakable, but also unchanged in terms of the absence of any changes. In this study, by studying the contexts of mention, as well as explanations of this concept in the main foreign policy documents of the country, in the introductions and statements of high-ranking government representatives, as well as in the materials of experts on the history and foreign policy of the country, it is concluded that there are noticeable transformations of this concept, which are visible in the first half to mid-2010s. These changes consist in the gradual erosion of the value-ideological determinant of the concept, and in a noticeable departure from such criteria for its definition as the status of an exemplary Western democracy, a highly developed liberal market economy, great weight in global international relations. The main reason for this transformation is the layering of a number of external and internal factors in the early to mid-2000s, which determined the emergence of new trends and priorities in Mongolia’s foreign policy. Understanding the features and nature of the evolution of this concept seems important for domestic science and foreign policy — especially in understanding the mechanisms of Mongolia’s response to external challenges, the reflection of internal processes on the foreign policy of this country, as well as for determining the current state of Mongolia’s relations with geographically distant countries. The study includes materials in Russian and Mongolian languages.

Keywords: foreign policy, international relations, diplomacy, Mongolia, West, evolution, politics

For citation: Kushkhov B. K. Evolution of the concept of “Mongolia’s third neighbor” in the 1990—2020s. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 67–72. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-067-072

Введение

«Третий сосед» — внешнеполитический концепт, выработанный в Монголии в начале 1990-х годов для комплексного определения одного из наиболее приоритетных для страны направлений во внешней политике, наряду с отношениями с «вечными соседями» — Россией и Китаем. Несмотря на то, что данная концепция так же широко, как и в начале 1990-х годов, используется в современном внешнеполитическом планировании Монголии, равно как и в выступлениях ключевых монгольских политиков, представляется необходимым проанализировать то, насколько она передаёт в современных реалиях те смыслы, которые были заложены в неё изначально. Подобный анализ представляется важным для изучения реакции политического руководства страны на международные и внутривнутриполитические события последних лет, а также для определения нынешних приоритетов Монголии в её отношениях с географически удалёнными государствами.

История появления понятия

Фактически данная концепция, пусть и не в виде устойчивого понятия, присутствовала во внешней политике Монголии ещё в кратковременный период существования автономной теократической монархии (1911–1919). Тогда в поисках новых партнёров, способных обеспечить Внешнюю Монголию вооружением, деньгами и политической поддержкой против Китая, не признававшего её независимость, из Урги (название столицы страны в то время — нынешний город Улан-Батор) были отправлены телеграммы, а несколько позже — и дипломатические посланники в такие страны, как Франция, Англия, Германия, США, Бельгия, Япония, Дания, Нидерланды и Австрия [Батбаяр, 2011, с. 29]. Тем

не менее это внешнеполитическое мероприятие не дало существенных результатов, и теократической монархии так и не удалось наладить отношения с внерегиональными державами [Батбаяр, 2008, с. 60].

Нечто похожее на понятие «третьего соседа» наблюдалось во внешнеполитической линии Монголии и в поздний социалистический период — так, в 1986 г. на XIX съезде Народно-революционной партии Монголии было объявлено о решении «развивать отношения с капиталистическими странами» [Лхам, 2016, с. 11]. Современный аналог данного понятия берёт начало в августе 1990 г., когда госсекретарь США Бейкер назовёт свою страну в ходе своего визита в Монголию «третьим и большим соседом Монголии»², а также с визита премьер-министра Японии Т. Кайфу в Улан-Батор в этом же году³.

Введение подобного понятия во внешнеполитическое планирование Монголии было обусловлено стремлением страны, высвободившейся из-под влияния крупного соседа по итогам распада мировой социалистической системы, расширить свои возможности во внешней политике, а также обеспечить эффективное балансирование в условиях «географической зажатости» между двумя крупными соседями в лице КНР и РФ, снижая степень их влияния на политическую и экономическую деятельность Монголии путём расширения взаимодействий с географически удалёнными партнёрами. Немаловажной причиной продвижения концепции «третьего соседа» стал и выбор постсоциалистической Монголии в пользу демократической и парламентарной модели управления, которая, по оценкам монгольских специалистов того времени, значительно отличалась от политических систем стран-соседей, что делало актуальным выстраивание отношений с государствами, имеющими политические и гражданские ценности, схожие с монгольскими.

Понятие «третий сосед» в 1990–2010 гг.

По состоянию на начало 1990-х годов понятие «третьего соседа» имело следующее смысловое наполнение: внерегиональные центры мировой политики и экономики, демократии с либерально-рыночной экономикой (с фокусом на США и Европу) [Игнатов, 2020, с. 44]. Понятие образовалось в контексте стремления Монголии преодолеть географическую «зажатость» страны путём развития политических, экономических и культурных связей с крупными удалёнными партнёрами — с целью привлечения инвестиций и помощи на постсоциалистические реформы и преодоление масштабного экономического кризиса [Лхам, 2016, с. 12], а также уравнивания влияния КНР и РФ — непосредственных соседей.

Впервые понятие «третьего соседа» было отражено в таких официальных документах, как «Концепция внешней политики Монголии» и «Стратегия Национальной Безопасности Монголии» 1994 года⁴, и стало неотъемлемой частью так называемой «политики многоопорности» страны, связанной с равным распределением значимости отношений Монголии и с РФ, и с КНР, и с «третьим соседом» [Монгол Улсын Үндэсний аюулгүй..., 1994].

В утверждённой в 2010 г. «Концепции национальной безопасности Монголии»⁵ в рамках политики «третьего соседа» говорится о развитии двусторонних и многосторонних отношений

² Хишигжаргал Б. Гуравдагч хөршийн бодлого ба үндэсний аюулгүй байдал. Trends.mn. URL: <https://www.trends.mn/n/8765> (дата обращения: 19.11.2023).

³ Гуравдагч хөрш ба Монголын гадаад орчил. Шилдэг нийтлэлчдийн клуб. URL: <http://www.baabar.mn/article/gurawdagch-khursh-ba-mongoliin-gadaad-orchil> (дата обращения: 20.11.2023).

⁴ Гуравдагч хөрш ба Монголын гадаад орчил. Шилдэг нийтлэлчдийн клуб. URL: <http://www.baabar.mn/article/gurawdagch-khursh-ba-mongoliin-gadaad-orchil> (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ Үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал. Гадаад харилцааны яам. URL: <https://mfa.gov.mn/trade/61525> (дата обращения: 14.11.2023).

и сотрудничества с передовыми демократическими странами в области политики, экономики и культуры. Из подобной формулировки следует предположить, что понятие не претерпело значительных изменений с 1994 г. и сохранилось в своём изначальном виде.

Понятие «третий сосед» в 2010–2023 гг.

В дальнейшем «третьими соседями» в выступлениях официальных представителей Монголии стали называться всё больше государств. В последние годы (с конца 2010-х) это понятие употребляется в отношении практически всех партнёров страны, не имеющих с ней общей границы. Так, «третьим соседом» были за эти годы неоднократно названы Польша⁶, Венгрия, Бразилия, Иран⁷, Индия, Турция⁸, Узбекистан, а также страны АСЕАН [Dashtsevel, 2015, p. 72] и т. д.

В Концепции внешней политики Монголии 2011 г., увидевшей свет через 17 лет после предыдущего аналогичного документа, понятие «третий сосед» сформулировано уже несколько иначе. В статье 14.2 Концепции указано, что в рамках политики третьего соседа необходимо расширять и развивать взаимодействие с различными странами Запада и Востока — такими как США, Япония, Европейский Союз, Индия, Южная Корея и Турция [Монгол Улсын гадаад бодлогын..., 2011, ст. 14.2]. Тем не менее «другие страны Азии», а также Организация Объединённых Наций, указанные в пп. 3 и 4 той же статьи, по-прежнему отделены от этого понятия [Монгол Улсын гадаад бодлогын..., 2011, ст. 14.3; 14.4].

В так называемой «Синей книге по внешней политике Монголии в 2018 году» понятие «третьего соседа» размывается ещё сильнее. Так, оно, в отличие от Концепций 1994 и 2011 гг., уже не отражено в структуре документа — если в Концепциях ему уделялся отдельный пункт в ключевой главе, то в «Синей книге» оно упомянуто в разделе «внешнеполитическая среда Монголии» в качестве «политики развития отношений с США, ЕС, Индией, Японией, Республикой Корея и другими странами», а обзор двусторонних связей с самими «третьими соседями» распределен по отдельным параграфам главы номер два [Монгол Улсын гадаад бодлогын хөх ном, 2019, с. 32]. Теперь внерегиональные партнёры Монголии классифицируются по географическому признаку: в подпункте один речь идёт об отношениях страны со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в подпункте два — об отношениях с ЕС, в третьем — со странами Европы, в четвёртом — со странами Америки, Африки и Ближнего Востока [Монгол Улсын гадаад бодлогын хөх ном, 2019, с. 8]. Таким образом, в «Синей книге» внерегиональные партнёры Монголии уже не разделяются на «третьих соседей» и «другие страны».

Примечательна и постепенная трансформация лингвистической составляющей понятия. Если до начала — середины 2010-х годов оно выражалось на монгольском языке как «гуравдахь»⁹ [Батбаяр, 2011, с. 6]; [Dashtsevel, 2015, p. 71], то в более позднее время оно чаще обозначается словом «гуравдагч»¹⁰. Если первое можно перевести на русский как «третий (по счёту) сосед», что подразумевает или одну страну, или же чёткую и консолидированную общность стран, то второй

⁶ Польш Улс нь манай улсын гуравдагч хөрш, дотно түншийн нэг болохыг онцлон тэмдэглэв. URL: <https://montsame.mn/mn/read/317618> (дата обращения: 13.11.2023).

⁷ Монголын "Гуравдагч хөрш"-ийн бодлого цэцэглэж байна. URL: <https://montsame.mn/mn/read/19135> (дата обращения: 20.11.2023).

⁸ Гуравдагч хөршийн бодлого. Гадаад харилцааны яам. URL: <https://mfa.gov.mn/mongolian-foreign-policy/дипломат-харилцаа/third-neighbors> (дата обращения: 14.11.2023).

⁹ Гурав дахь хөрш ба гурван хөрш. Баабар. Шилдэг нийтлэлчдийн клуб. 2014. URL: <http://www.baabar.mn/article/6377> (дата обращения: 20.11.2023).

¹⁰ Хишигжаргал Б. Гуравдагч хөршийн бодлого ба үндэсний аюулгүй байдал. Trends.mn. 2019. URL: <https://www.trends.mn/n/8765> (дата обращения: 19.11.2023).

вариант эквивалентен русскому «третьи (или третьестепенные) соседи», то есть все, кроме первых двух. Представляется, что такое изменение семантики понятия также отражает определённые выше тренды эволюции понятия и подразумевает более широкую его интерпретацию.

В это же время примечательным является тот факт, что по отношению к «старым третьим соседям» современные монгольские политики используют данное понятие в его старом, более целостном, эксклюзивном и идеологизированном смысле. Это обстоятельство также подтверждает весьма фрагментированный характер понятия «третий сосед Монголии» на современном этапе.

Движущие силы эволюции понятия

Такое резкое изменение в определении «третьего соседа» — сначала между 2010 и 2011 годами, а потом и между 2011 и 2018, выглядит как некоторая аномалия при сопоставлении с почти двадцатилетним периодом между началом 1990-х и 2010 г., за который расхождения в его интерпретации были минимальными. Тем не менее целый ряд факторов, появившихся во внешне- и внутривнутриполитической и экономической обстановке в Монголии, говорит о закономерном отражении в этих трансформациях динамично меняющейся контекстуальной среды.

Изменилась обстановка во внешней политике Монголии — преодолевшая к концу 2000-х годов кризисные явления 1990-х [Гольман, 2014, с. 232] страна начинает нуждаться не столько в средствах для реформ и построения демократии, сколько в инвестициях в промышленность и инфраструктуру. С развитием «горнорудного бума» в Монголии с начала 2010-х годов [Кузьмин, Козырская, 2023, с. 16], совпавшего с началом эпохи доминирования КНР во внешней торговле страны¹¹, актуальной стала также проблема поиска новых внерегиональных рынков сбыта. В эти же годы на фоне развития экономики страны происходит и рост национального благосостояния, который поставил задачу поиска новых партнёров по импорту.

Всё это можно получить не только от крупных партнёров с либерально-демократической ориентацией и развитой экономикой, но и от менее значительных, а также менее экономически развитых стран, часть которых могут и не соответствовать образу эталонного либерально-демократического государства.

Свои коррективы внесло и образование в 2000–2010-е годы новых центров силы, не являющихся частью «коллективного Запада», и даже имеющих с ним те или иные противоречия. К ним можно отнести динамично развивающиеся в это время Индию, Казахстан, страны АСЕАН, Турцию. Стремление Монголии развивать с ними отношения развилось на фоне активизации континентальных транспортно-инфраструктурных проектов, которая выпала на середину 2010-х годов [Родионов, 2018, с. 17]. В этой связи стоит упомянуть концепцию «Пояса и Пути», выдвинутую лидером КНР в 2013 г. Таким образом, географически удалённые партнёры стали обретать и транспортно-инфраструктурную ценность для Монголии, о которой не было и речи в начале 1990-х годов, во времена складывания исходной концепции «третьего соседа».

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о постепенной трансформации концепции «третьего соседа» во внешней политике Монголии. Эта трансформация является реакцией внешнеполитического руководства страны на наложение ряда внутриэкономических, а также

¹¹ Данные по доле КНР в монгольском экспорте. URL: https://1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (дата обращения: 18.05.2023).

международно-экономических и политических факторов, которое начало проследиваться в конце 2000-х и окончательно оформилось к середине 2010-х годов. В результате прослеженных в данном исследовании корректировок понятие «третьего соседа» частично утратило свою некогда основную ценностно-идеологическую составляющую, стало более инклюзивным и широким, перестав ограничиваться лишь крупными странами с развитыми рыночными экономиками в лице государств Запада и Японии.

Литература / References

Батбаяр Ц. *Олноо Өргөгдсөн Монгол улсын гадаад харилцаа*. Улаанбаатар, 2008 [Batbayar Ts. Foreign policy of Bogdokhan Mongolia. Ulaanbaatar, 2008 (in Mongolian)].

Батбаяр Ц. *Богд Хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд*. Улаанбаатар, 2011 [Batbayar Ts. Bogdokhan Mongolia Searching for the Third Neighbour. Ulaanbaatar, 2011 (in Mongolian)].

Гольман М. И. *По пути демократических реформ. Избранные статьи и доклады*. Улан-Батор, 2014. [Golman M.I. *On the Way of Democratic Reforms. Selection of papers and speeches*. Ulaanbaatar, 2014 (in Russian)].

Дашцевел С. Монгол улсын гуравдахь хөршийн бодлого дахь Зүүн Өмнөд Азийн Холбоо (АСЕАН)-ны орон зай [Dashtsevel, S. The ASEAN track in the Third Neighbor Policy of Mongolia. *Journal of International Studies*. 2015 (in Mongolian)].

Игнатов И. А. Американско-монгольские отношения в контексте концепции «третьего соседа». *США & Канада: экономика – политика – культура*. 2020. № 9. С. 44–57 [Ignatov I. A. The Relations Between Mongolia and the United States in the Context of Third Neighbour Policy. *USA&Canada: Economy, Politics, Culture*. 2020. №9. Pp. 44–57 (in Russian)].

Кузьмин Ю. В., Козырская И. Е. *Россия – Монголия – Китай: сотрудничество, вызовы, противоречия*. Иркутск, 2023 [Kuzmin Yu. V., Kozyrskaya I. E. *Russia-Mongolia-China: cooperation, challenges, contradictions*. Irkutsk, 2023 (in Russian)].

Лхам Ц. Монгол Улсын Гадаад Бодлогын. *Гуравдагч хорш-ийн асуудалд*. 2016. №54 (2). С. 10–14. [Lkham. Ts. To the Question of the Third Neighbor in Foreign Policy of Mongolia. *Proceedings of the Mongolian Academy of Sciences*. 2016. №54 (2). Pp. 10–14 (in Mongolian)].

Монгол Улсын Үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал. Улаанбаатар, 1994 [National Security Strategy of Mongolia. Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].

Монгол Улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал. Улаанбаатар, 2011 [Foreign Policy Strategy of Mongolia. Ulaanbaatar, 2011 (in Mongolian)].

Монгол Улсын гадаад бодлогын хөх ном. Улаанбаатар, Монгол Улсын Гадаад харилцааны яам, 2019 [The Blue Book of Mongolian Foreign Policy. Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. 2019. 212 p. (in Mongolian)].

Родионов В. А. «Меж трёх соседей» – внешние факторы политического процесса в постсоциалистической Монголии. Улан-Удэ, 2018 [Rodionov V. A. *Between the Three Neighbours – External Factors of Post-Socialist Mongolia's Foreign Policy*. Ulan-Ude, 2018 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Баабар МН. Шилдэг нийтлэлчдийн клуб. URL: <http://www.baabar.mn/article/6377> (дата обращения: 20.11.2023).

Гадаад харилцааны яам. URL: <https://mfa.gov.mn> (дата обращения: 14.11.2023).

Монгол Улсын Статистикийн Мэдээллийн Нэгдсэн Сан. URL: <https://1212.mn> (дата обращения: 18.05.2023).

Монцамэ Мэдээ. URL: <https://montsame.mn> (дата обращения: 13.11.2023).

Trends.mn. URL: <https://www.trends.mn/n/8765> (дата обращения: 19.11.2023).

ПАДЕНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В ЯПОНИИ

© 2024

И. П. Лебедева¹

Проблема падения рождаемости в последние годы приобрела особенно острое звучание, поскольку население Японии не только быстро стареет, но и сокращается. В статье рассмотрены два аспекта этой проблемы: изменения в сфере брака и в отношении молодежи к семейным ценностям; причины снижения «фертильности» японских семей. Практически неуклонное сокращение числа заключаемых в стране браков является одним из главных факторов падения рождаемости, поскольку в Японии не принято обзаводиться детьми вне брака. Главная причина роста показателей безбрачия молодых мужчин — начавшееся с 1990-х годов сокращение среди них доли имеющих постоянную работу (с которой ассоциируются благополучие и возможность планировать жизнь на годы вперед). Что же касается молодых японок, то рост безбрачия среди них объясняется прежде всего значительным повышением их уровня образования и расширением возможностей для получения хорошей (постоянной) работы с перспективой карьерного роста. Снижение «фертильности» японских семей, помимо общих для высокоразвитых стран причин, объясняется и особой моделью занятости японских женщин. Она сложилась под влиянием целого ряда факторов, в том числе вследствие укоренившихся в общественном сознании представлений о гендерном разделении ролей в семье. Понимая, что без изменения этой модели добиться повышения рождаемости невозможно, правительство предприняло целый ряд мер, направленных на сокращение гендерного неравенства в разных областях жизни. Специалисты ожидают, что эффект от этих мер может проявиться довольно скоро. Что же касается роста доли незамужних и неженатых молодых японок и японцев, то здесь вряд ли можно рассчитывать на скорые положительные изменения ввиду многогранности и деликатности этой проблемы.

Ключевые слова: брак, семья, фертильность, гендерное неравенство, модель занятости женщин

Для цитирования: Лебедева И. П. Падение рождаемости в Японии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 73–85. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-073-085

THE DECLINE OF THE BIRTH RATE IN JAPAN

Irina P. Lebedeva

The problem of falling birth rate has become particularly acute in recent years, as Japan's population is not only rapidly aging, but also declining. The article examines two aspects of this problem: changes in the sphere of marriage and in the attitude of young people to family values; the reasons for the decline in the "fertility" of Japanese families. The almost steady decline in the number of marriages in the country is one of the main factors in the decline of the birth rate, since it is not customary in Japan to have children out of wedlock. The main reason for the increase in celibacy rates among young men is the decrease in the proportion of those, who have permanent

¹ Лебедева Ирина Павловна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; iplebedeva2019@mail.ru

Irina P. Lebedeva, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow; iplebedeva2019@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0273-2689

jobs (which is associated with well-being and the ability to plan life for years ahead), which began in the 1990s. As for young Japanese women, the increase in celibacy among them is explained, first of all, by a significant increase in their level of education and increased opportunities to get a good (permanent) job with the prospect of career growth. The decline in the “fertility” of Japanese families, in addition to the reasons common to highly developed countries, is also explained by the specific employment model of Japanese women. It was formed under the influence of a number of factors, including rooted in the public consciousness ideas about the gender division of roles in the family. Realizing that it is impossible to achieve an increase in the birth rate without changing this model, the Government has taken a number of measures aimed at reducing gender inequality in various areas of life. Experts expect that the effect of these measures may manifest itself quite soon. As for the growing share of unmarried young Japanese, it is unlikely that positive changes can be expected here soon due to the complexity and sensitivity of this problem.

Keywords: marriage, family, fertility, gender inequality, women’s employment model

For citation: Lebedeva I.P. The Decline of the Birth Rate in Japan. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 73–85. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-073-085

Введение

Одной из наиболее острых социальных проблем современной Японии является падение рождаемости. Страна, известная своим трепетным отношением к детям, в конце XX в. по показателю фертильности (измеряемому средним числом детей, рожденных женщиной репродуктивного возраста) оказалась в едва ли не самом худшем положении среди высокоразвитых государств. Об этом можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1. Динамика показателя фертильности в странах G7

Годы	1990	2000	2010	2020	2022
Япония	1,52	1,37	1,39	1,29	1,30
США	2,07	2,05	1,93	1,64	1,66
Канада	1,81	1,49	1,63	1,46	1,47
Великобритания	1,83	1,64	1,92	1,56	1,57
Германия	1,44	1,38	1,39	1,52	1,53
Франция	1,78	1,88	2,02	1,79	1,79
Италия	1,33	1,25	1,45	1,26	1,29

Источник: Deta bukku kokusai ro: do: hiko: 2023 [Databook of International Labour Statistics 2023], p. 195. *Japan Institute for Labor Policy and Training*. URL: <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/index.html> (дата обращения: 07.01.2024).

Коэффициент рождаемости, т. е. число родившихся в расчете на 1 тыс. человек, в 1970 г. составлявший 18,8, снизился до 10,0 в 1990 г., 8,5 в 2010 г. и 6,8 в 2020 г.² В 2005 г. он впервые оказался ниже коэффициента смертности (число смертей на 1 тыс. человек), и естественным следствием последующего увеличения разрыва между ними стало постепенное сокращение численности населения. При этом население Японии не только сокращается, но и быстро стареет, так как снижение рождаемости происходит на фоне значительного роста продолжительности жизни

² Japan statistical yearbook 2023, table 2–16. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431–02.html> (дата обращения: 13.11.2023).

ее граждан. В настоящее время японское общество уже является самым старым в мире (с почти 30%-ной долей людей старше 65 лет) и по прогнозам останется таковым и в будущем. По расчетам японских специалистов население страны, в 2022 г. составившее 124,3 млн человек, к 2030 г. сократится до 119,1 млн, а к 2040 г. — до 110,9 млн. Число детей (в возрасте до 14 лет) сократится за 2022–2040 гг. на 2,8 млн (с 14,7 млн до 11,9 млн), число лиц работоспособного возраста (от 15 до 64 лет) уменьшится на 13,4 млн (с 73,1 млн до 59,8 млн), а число пожилых граждан (от 65 лет), напротив, возрастет на 2,7 млн человек (с 36,5 млн до 39,2 млн)³. Очевидно, что такая динамика крайне неблагоприятна не только с точки зрения перспектив социально-экономического развития страны, но и в плане сохранения ее позиций и роли в мире⁴.

Поворотным моментом в отношении японского общества к проблеме снижения рождаемости стал 1989 г., когда показатель фертильности опустился до 1,57, т. е. оказался ниже «проевального» показателя 1966 г. (1,6) — года *хинозума* (огненной лошади). В этот год, по поверью, следует избегать рождения детей, поскольку девочки, появившиеся на свет в год *хинозума*, могут превратиться в чертей и принести в будущем много бед своим семьям. Однако ни возросшее в последующие годы внимание к этой проблеме со стороны властей и общества, ни принятие целого ряда законов и мер так и не смогли переломить устойчивой тенденции к падению рождаемости в стране.

Япония относится к числу стран, где не принято обзаводиться детьми вне брака. Если в некоторых европейских странах до половины детей появляются на свет либо в гражданских браках, либо вообще вне брака, то в Японии эта доля не превышает 1–2%. Поэтому целесообразно прежде всего обратиться к ситуации, сложившейся в области брака и брачных отношений.

Браки, нарастание безбрачия среди молодежи

Число заключаемых браков достигло пика в начале 1970-х годов, когда в брачный возраст стали вступать японцы, рожденные в период первого послевоенного бэби-бума (1947–1949), а затем начало постепенно снижаться. Второй всплеск этого показателя пришелся на вторую половину 1990-х — начало 2000-х годов и на этот раз был связан со вступлением в брачный возраст молодых людей, родившихся в годы второго бэби-бума (1971–1974). Однако затем началось практически неуклонное снижение числа заключаемых браков, о чем дают представление приводимые ниже данные (тыс.)⁵:

1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.
1029,4	941,6	774,9	735,9	722,1	791,9	798,1	714,3	700,2	635,2	599,0	525,5

О том, что японцы все менее активно стремятся к вступлению в брак, свидетельствует и снижение более чем в два раза коэффициента брачности (число заключенных в течение года браков в расчете на 1 тыс. населения): с 10,0 в 1970 г. он опустился до 6,4 в 2000 г. и 4,3 в 2020 г.⁶

Снижение числа заключаемых браков стало одним из главных факторов резкого сокращения числа новорожденных. Так, в 1947 г. на свет появились 2 млн 679 тыс. младенцев,

³ Japan statistical yearbook 2023, table 2–2. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html> (дата обращения: 13.11.2023).

⁴ О социально-экономических последствиях старения населения см.: [Лебедева, 2023, с. 94–116].

⁵ Japan statistical yearbook 2023, table 2–16. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html> (дата обращения: 13.11.2023).

⁶ Japan statistical yearbook 2023, table 2–16. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html> (дата обращения: 13.11.2023).

в 1970 г. — 1 млн 934 тыс., в 1990 г. — 1 млн 222 тыс., в 2010 г. — 1 млн 71 тыс., в 2021 г. — 812 тыс.⁷ Понятно, что «ответственность» за такую неблагоприятную динамику несут прежде всего молодые японцы.

Нельзя сказать, что отношение современной молодежи к браку сильно отличается от взглядов предшествующих поколений. Так, согласно результатам масштабного обследования, проведенного Национальным институтом изучения проблем населения и социального обеспечения, в 2021 г. 81,4% японцев и 84,3% японок в возрасте от 18 до 34 лет ответили, что в будущем они хотели бы вступить в брак. Свои намерения они объяснили «желанием иметь семью и детей» (на это указали 31,1% мужчин и 39,4% женщин), «стремлением к экономическому благополучию» (8,4% и 21,0%), «желанием обрести место, где можно чувствовать себя спокойно» (33,8% и 25,3%). Правда, в целом для двух последних десятилетий характерна тенденция к снижению доли молодежи, планирующей в будущем вступить в брак, и к повышению доли тех, кто, напротив, намерен никогда не вступить в брак (%)⁸:

	намерены вступить в брак в будущем		намерены никогда не вступать в брак	
	2002 г.	2021 г.	2002 г.	2021 г.
<i>мужчины</i>	87,0	81,4	5,4	17,3
<i>женщины</i>	88,3	84,3	5,0	14,6

При этом возросла и доля тех, кто считает, что одиночество также имеет свои преимущества, и главное из них — сохранение свободы действий и привычного образа жизни. Если в 2002 г. этот аргумент поддержали 63% мужчин и 70% женщин, то в 2021 г. — уже 70,6% и 78,7% соответственно⁹. Характерно, что примерно 2/3 неженатых молодых японцев и 3/4 незамужних молодых японок проживают совместно с родителями, что позволяет им вести весьма комфортную жизнь, сохраняя свободу действий и экономя на аренде жилья, оплате коммунальных услуг, расходах на питание и т. д.

Хотя, как было показано выше, подавляющее большинство современных молодых японцев поддерживает институт брака, тем не менее доля не состоящих в браке среди них уже достигла критических значений, что особенно заметно при сравнении с тем, как обстояли дела несколько десятилетий назад (табл. 2).

Таблица 2. Доля не состоящих в браке японцев обоих полов по возрастным группам (%)

Возрастные когорты	Мужчины			Женщины		
	1980	2000	2020	1980	2000	2020
20–24 года	91,8	92,5	95,7	77,8	88,7	93,0
25–29 лет	55,2	69,4	76,4	24,0	59,1	65,8
30–34 года	21,5	42,9	51,8	9,1	26,6	38,5
35–39 лет	8,5	26,2	38,5	5,5	13,9	26,2

Источник: Reiwa yonnen ko: sei ro: do: hakusyo [White Paper on Health Labor and Welfare 2022], table 1–1–9. *Ministry of Health Labor and Welfare*. URL: <https://www.mhlw.go.jp/stf/wp/hakusyo/kousei/22/backdata/01-01-01-09.html>. Table 1–1–9 (дата обращения: 08.01.2024).

⁷ Statistical Handbook of Japan 2023, p. 17. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2023all.pdf#page=23> (дата обращения: 08.01.2024).

⁸ Dai jurukkai syusse do: ko: kihon chyo: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 18, 22. National Institute of Population and Social Security Research. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

⁹ Dai jurukkai syusse do: ko: kihon chyo: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 23. National Institute of Population and Social Security Research. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

А что касается тех, кто все-таки вступает в брак, то они стремятся оттянуть это событие: отчасти по материальным соображениям, но главным образом — чтобы не обременять себя насколько возможно дольше обязательствами и ответственностью, связанными с семейной жизнью. Вот как менялся средний возраст заключивших брак женихов и невест¹⁰:

	1950 г.	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2021 г.
<i>мужчины</i>	25,9	27,2	26,9	27,8	28,4	28,8	30,5	31,1	31,0
<i>женщины</i>	23,0	24,5	24,2	25,2	25,9	27,0	28,8	29,4	29,5

Соответственно повысился и возраст рождения японками первенцев: с 25,6 лет в 1970 г. до 27,0 в 1990 г., 29,9 в 2010 г. и 30,9 в 2021 г.¹¹ Этот фактор также влияет на сокращение числа детей в японских семьях: статистика показывает достаточно высокую степень корреляции между возрастом замужества и рождения первого ребенка и числом детей в семье.

Очевидно, что непростая ситуация в сфере рождаемости и брака, наблюдаемая в последние десятилетия в Японии, сложилась под влиянием целого комплекса факторов — как объективных, так и субъективных. Если говорить о молодых мужчинах, то с начала 1990-х годов на их решение о вступлении в брак сильное влияние стали оказывать изменения, происшедшие в экономике и на рынке труда.

Известно, что в течение нескольких послевоенных десятилетий долговременная занятость японских мужчин (наиболее полной формой которой стала система пожизненного найма, применявшаяся прежде всего в крупных промышленных компаниях и государственном секторе) была не просто практикой управления, но составляла основу жизненного уклада миллионов японских семей. Мужчина был добытчиком средств к существованию семьи, причем его доходы возрастали из года в год и достигали максимума к 50–55 годам, когда наступало время обзаводиться собственным домом и давать высшее образование детям. А женщины, даже если они работали, увольнялись после замужества и родов и занимались домашним хозяйством и воспитанием детей. Как отмечают японские специалисты, в таком обществе долговременная занятость мужчин играла роль своего рода «сетки безопасности», а вступление в брак рассматривалось как нечто само собой разумеющееся¹².

Однако с начала 1990-х годов ситуация стала меняться. С одной стороны, продолжал развиваться процесс сервисизации японской экономики, т. е. повышения в ее структуре отраслей третичного сектора, во многих из которых масштабы долговременной занятости были незначительны и основной формой найма была непостоянная занятость. С другой стороны, в условиях депрессии 1990-х годов компании, прежде ориентировавшиеся на долговременную занятость, с целью экономии средств расширили наем непостоянных работников. Оба эти тренда привели к быстрому росту в структуре японской рабочей силы, в том числе и среди молодых мужчин, доли и числа непостоянных работников, чья заработная плата значительно ниже, да и возможности для карьерного роста и объем социальных гарантий несопоставимы с теми, что имеют постоянно занятые.

При этом в обществе, несмотря на все происшедшие за последние два-три десятилетия изменения, по-прежнему преобладают представления о том, что именно мужчина должен быть основным добытчиком средств в семье. Показательно, что так считает большинство молодых японок, в том числе и с высшим образованием, и даже те, кто на момент замужества получал более высокую зарплату, чем

¹⁰ Statistical Handbook of Japan 2023, p. 18. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2023all.pdf#page=23> (дата обращения: 08.01.2024).

¹¹ Statistical Handbook of Japan 2023, p. 17. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2023all.pdf#page=23> (дата обращения: 08.01.2024).

¹² Ikeda S., Tagami K., Sakai K. The Future of the Japanese Long-Term Employment Society: The Consequences of Post-Industrialization and Increase of Unmarried Workers, p. 24–25. Japan Labor Issues. Vol. 6. No. 36. March-April 2022. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2022/037-04.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

будущий муж. Так, по данным одного из обследований, половина японок с высшим образованием полагают, что муж должен быть единственным добытчиком средств, а еще 1/3 считают, что он должен обеспечивать основной доход семьи. Среди тех, кто на момент замужества зарабатывал больше, чем муж, такие представления разделяют 42,4% и 30,3% соответственно. Как замечает по этому поводу японский исследователь С. Икэда, образованные японки далеко не всегда стремятся занять высокое положение на рынке труда и сделать карьеру. Их скорее интересует брачный рынок, а хорошее образование дает больше шансов удачно выйти замуж¹³. Между тем в 2022 г. доля непостоянных работников среди мужчин 25–29 лет составила 21,1%, 30–34 лет — 18,5%, 35–39 лет — 17,7%¹⁴.

Что касается японок, то помимо сокращения на брачном рынке числа молодых людей, которые могли бы соответствовать их представлениям о достойном доходе и достойной работе, их удручает от замужества еще целый ряд обстоятельств. Прежде всего нужно упомянуть о значительном повышении уровня образования девушек. Сейчас по завершении 12-летнего обучения в средней школе более половины японок поступают в университеты, причем в отличие от прошлых лет, когда были популярны краткосрочные (трехгодичные) университеты, теперь они отдают предпочтение полноценным четырехгодичным университетам. Очевидно, что уже само по себе удлинение периода обучения влечет за собой отдаление момента замужества. Кроме того, более высокий уровень образования неизбежно приводит к повышению самооценки, а, следовательно, и уровня требований к потенциальным избранникам. И, наконец, принятие в 1986 г. Закона о равных правах мужчин и женщин при найме на работу, который запретил какую-либо дискриминацию по признаку пола при найме на работу и на самом рабочем месте, создало формальные условия для трудоустройства женщин на места постоянных работников с перспективой карьерного роста. И немало молодых японок с хорошим образованием решили воспользоваться открывшимися возможностями. По данным за 2022 г. 60% японок в возрасте 24–29 лет являлись постоянными работниками. Поскольку постоянная занятость в Японии сопряжена с весьма жестким режимом труда (ранний приход и поздний уход с работы, укороченный отпуск, сверхурочные работы и т. д.), очевидно, что выбор в пользу карьеры сильно затрудняет принятие решения о замужестве, тем более что, несмотря на разного рода меры по сглаживанию гендерного неравенства, женщинам для продвижения по служебной лестнице приходится прилагать гораздо больше усилий, чем мужчинам.

Помимо названных выше факторов к росту безбрачия среди молодых японок и японцев ведет наблюдающееся в последние годы снижение интереса к противоположному полу, о чем с возрастающей тревогой говорят японские специалисты. Так, согласно результатам обширного обследования, проведенного Национальным институтом проблем населения и социального обеспечения, за два последних десятилетия во всех молодых возрастных когортах снизилась доля мужчин и женщин, имеющих возлюбленных (%)¹⁵:

	<i>женщины</i>		<i>мужчины</i>	
	2002 г.	2021 г.	2002 г.	2021 г.
20–24 года	37,1	27,8	25,1	21,1
25–29 лет	41,6	32,6	30,0	26,1
30–34 года	31,0	20,6	18,6	14,2

¹³ Ikeda S. Women's Employment Status and Family Responsibility in Japan: Focusing on the Breadwinner Role, p. 51. Japan Labor Issues. Vol. 3. No. 17. August-September 2019. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2019/017-06.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

¹⁴ The White Paper on Gender Equality 2023, p. 23. Cabinet Office. June 2023. URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r05/gaiyou/pdf/r05_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

¹⁵ Dai jurokkai syusseido: ko: kihon chyo: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 27. National Institute of Population and Social Security Research. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/jdoukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

Более того, по данным того же обследования, 36% незамужних японок и 40% неженатых японцев в возрасте от 18 до 34 лет и не хотят романтических отношений с противоположным полом, хотя порядка 60% из них имели в прошлом такой опыт¹⁶.

По-видимому, именно из-за пассивности молодых женщин и мужчин в последние годы возросла роль *миаи* — старой формы брака, заключаемого по договоренности и при содействии родителей или родственников жениха и невесты (обычно в пределах одной социальной группы). До начала текущего столетия наблюдалась устойчивая тенденция к снижению роли *миаи*: если еще в 1970 г. их доля в общем числе заключенных браков составляла почти половину, то к 2005 г. она снизилась до 6%, а более 90% пришлось на «браки по любви». Однако к настоящему времени ситуация изменилась: в 2020 г. на *миаи* пришлось уже 10% от общего числа заключенных браков, на «браки по любви» — около 3/4. Новым веянием стали браки, заключенные через знакомство по интернету: их доля повысилась с 0,8% в 2005 г. до 15% в 2020 г.¹⁷

Результаты социологических обследований показывают, что значительная часть неженатых и незамужних японцев и японок придерживаются взглядов на брак, довольно сильно отличающихся от тех, что в еще недавнем прошлом считались «нормой». Вот, например, как выглядит структура их ответов на некоторые вопросы.

Таблица 3. Взгляды на брак и семью не состоящих в браке японок и японцев в возрасте от 18 до 34 лет (2021 г., %)

Согласны ли вы с тем, что:	мужчины		женщины	
	да	нет	да	нет
можно иметь детей, не заключая брака	45,2	53,5	51,2	47,2
необязательно вступать в брак	72,0	26,5	88,3	10,4
в браке человек должен сохранять интересы, отличные от интересов партнера	86,0	12,6	88,1	10,4
если женщина и мужчина живут вместе, они должны пожениться	60,5	38,1	47,5	51,4
провести всю жизнь в одиночестве — нежелательный образ жизни	51,1	47,8	39,3	59,3
если люди поженились, но не сходятся характерами, им все равно не следует разводиться	54,3	44,3	38,6	60,1
в браке обязательно нужно иметь детей	55,0	43,2	38,6	61,7
в браке нужно часть своих интересов приносить в жертву интересам семьи	46,4	52,1	29,1	69,5

Источник: Dai jurokkai syussei do: ko: kihon chyō: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 92. National Institute of Population and Social Security Research. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.11.2023)

При взгляде на эти ответы поражает не столько то, что они выглядят весьма нетрадиционно для Японии, сколько то, что мужчины в своих предпочтениях в целом оказались более

¹⁶ Dai jurokkai syussei do: ko: kihon chyō: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 29. National Institute of Population and Social Security Research. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

¹⁷ Dai jurokkai syussei do: ko: kihon chyō: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 41. National Institute of Population and Social Security Research. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.11.2023).

консервативны, чем женщины. По-видимому, своими ответами молодые японки пытались выразить протест против устоев современного общества, которое, формально придерживаясь принципов гендерного равенства, в реальной жизни оказывается по отношению к женщинам далеко не таким «дружественным», как по отношению к мужчинам. Об этом, в частности, можно судить и по позициям Японии в мировом рейтинге гендерного равенства Всемирного экономического форума. В 2023 г. Япония заняла в нем 125-е место (среди 146 стран), оказавшись далеко позади не только всех высокоразвитых государств, но и стран со средним уровнем развития и даже представителей глобального юга¹⁸.

Снижение «фертильности» японских семей

Помимо отмеченных выше негативных тенденций в области брака на падение рождаемости в Японии оказало влияние и снижение «фертильности» японских семей, т. е. сокращение числа детей, которыми обзаводятся семейные пары (табл. 4).

Таблица 4. Изменение структуры японских семей по количеству детей (%)

Годы	Число детей в семье*				
	Бездетные	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка и больше
2002	3,4	8,9	53,2	30,2	4,2
2021	7,7	19,7	50,8	18,6	3,2

Источник: Dai jurokkai syusseido: ko: kihon chyo: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results], p. 43. *National Institute of Population and Social Security Research*. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.11.2023)

*Данные по супружеским парам, прожившим в браке 15–19 лет.

Тенденция к сокращению числа детей в семье характерна практически для всех стран, достигших достаточно высокого уровня развития. Экономисты обратили на это внимание еще в конце XIX в., когда в европейских странах и США на фоне экономического подъема и роста уровня доходов населения началось снижение рождаемости. В еще большей степени эта тенденция проявила себя в послевоенный период, и Япония не стала исключением. Профессор Х. Ёсикава объясняет ограничение числа детей супружескими парами следующими вполне очевидными мотивами. Во-первых, молодые супруги стремятся как можно дольше насладиться ставшими доступными плодами цивилизации, откладывая обзаведение детьми на будущее и даже вовсе отказываясь от этого. Во-вторых, решаясь на рождение детей, они сознательно ограничивают их число, чтобы не снижать достигнутый уровень потребления. И, наконец, в-третьих, при планировании семьи они принимают во внимание необходимость значительных трат в будущем на высшее образование детей и ограничивают их число с учетом своих материальных возможностей [Yoshikawa, p. 11].

Но в Японии есть и свои специфические обстоятельства, ведущие к сокращению числа детей в семьях. Речь идет прежде всего о проблемах, существующих в сфере женской занятости.

Как уже отмечалось, за последние десятилетия значительно повысился уровень образования молодых японок. И не только незамужние, но и многие замужние женщины стремятся использовать свой потенциал и реализовать себя в профессии. Но принятие решения о рождении даже первого ребенка, не говоря уже о втором, для многих из них означает завершение карьеры, а в лучшем

¹⁸ The Global Gender Gap Index 2023, table 1–3. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/in-full/benchmarking-gender-gaps-2023/#global-results> (дата обращения: 15.01.2024).

случае — потерю темпа в профессиональном росте. В концентрированном виде эту ситуацию описывает график, отражающий степень экономической активности женщин разных возрастных групп и соотношение между двумя формами занятости — постоянной и непостоянной.

Долгое время этот график имел форму буквы М с резким провалом доли работающих женщин в возрасте 30–39 лет, на который как раз и приходится замужество и рождение детей. К настоящему времени благодаря целому ряду стимулирующих мер, принятых в рамках *вименомики*¹⁹, форма этого графика сгладилась и стала напоминать спину лошади. В 2022 г. доля занятых среди женщин 30–39 лет составила порядка 80%, т. е. оказалась лишь на несколько процентных пунктов ниже, чем в когорте 25–29 лет. Но после 30 лет резко уходит вниз линия, отражающая долю постоянных работников среди работающих женщин. Если в возрасте 25–29 лет (т. е. до среднего возраста вступления в брак) 60% работающих женщин являются постоянными работниками, то в возрасте 30–34 года — 48,3%, 35–39 лет — 40,2%, и далее этот показатель продолжает снижаться²⁰. Это значит, что многие женщины, выйдя замуж и родив детей, покидают места постоянных работников и расстаются с мечтой о карьере, а если и возвращаются на рынок труда, то уже в качестве непостоянных работников (что предполагает укороченный рабочий день, неполную рабочую неделю, гибкий график работы, но в то же время и значительно более низкую зарплату и ограниченный пакет социальных гарантий).

С экономической точки зрения это означает, что общество несет значительные потери, недоиспользуя потенциал этих женщин, особенно тех, кто получил высшее образование, притом что все это происходит в условиях острой нехватки рабочей силы в стране.

Японское правительство никак нельзя упрекнуть в бездействии. После принятия в 1986 г. Закона о равных правах при найме (продвижении, обучении и т. д.) вступил в силу еще целый ряд поправок и законов, направленных на улучшение условий труда женщин и создание возможностей для совмещения ими работы и домашних обязанностей. Среди наиболее важных из них — принятый в 2009 г. Закон об отпуске по уходу за ребенком. Впоследствии в него были внесены поправки, улучшившие условия предоставления отпуска, и сейчас его продолжительность доведена до 18 месяцев (в случае необходимости — до двух лет), а размеры компенсации составляют от 50% до 2/3 от заработной платы. Кроме того, в соответствии с поправками 2021 г. отцы новорожденных также могут брать четырехнедельный оплачиваемый отпуск в течение первых 8 недель после рождения ребенка. По данным за 2020 г. этим отпуском воспользовались порядка 80% женщин, но лишь 12,7% мужчин²¹. При этом на время отпуска за женщинами сохраняется рабочее место и накапливается стаж, что имеет немаловажное значение, так как одним из главных элементов, учитываемых при определении размеров заработной платы в японских фирмах, является стаж работы.

Одной из последних мер стало принятие в 2022 г. постановления, обязывающего все предприятия с числом занятых свыше 300 человек размещать в открытом доступе подробную информацию о позициях, которые занимают в их фирмах женщины, о мерах, предпринимаемых для сглаживания гендерного неравенства, и даже о причинах разрыва в заработной плате между женщинами и мужчинами²².

¹⁹ Подробно см.: [Лебедева, 2021, с. 101–120].

²⁰ The White Paper on Gender Equality 2023, p. 23. Cabinet Office. June 2023. URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r05/gaiyou/pdf/r05_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

²¹ Uchida D., Urakawa K., Yu Yonnan. The Diffusion of Parental Leave for Fathers in Japanese Firms: Exploring Antecedents and Performance Outcomes, p. 1. Japan Labor Issues. Vol. 8. No. 46. Winter 2024. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/044-01.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).

²² Tagami K. What Causes the Gender Wage Gap in Japan?, p. 64. Japan Labor Issues. Vol. 7. No. 42. April 2023. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/045-06.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

С целью содействовать возвращению женщин на свои рабочие места по окончании отпуска правительство в рамках *вименомики* не только существенно расширило сеть муниципальных детских садов (за 2013–2021 гг. число мест в них увеличилось на 850 тыс.), но и полностью отменило плату за пребывание детей в них. В мае 2019 г. был принят Закон о бесплатном дошкольном образовании, в соответствии с которым пребывание в муниципальных детских садах для всех детей в возрасте от 3 до 5 лет стало бесплатным, а родителям детей, посещающих лицензированные частные детские сады, выплачиваются субсидии. Бесплатным стало и пребывание в детских муниципальных центрах детей в возрасте до 2 лет из семей с низкими доходами, а родители, чьи дети посещают частные учреждения, получают субсидии, покрывающие часть их расходов.

Тем не менее пока усилия правительства не смогли переломить устойчивой тенденции к резкому снижению доли постоянных работников среди женщин 30–39-летнего возраста и старше. Сами замужние японки при ответе на вопрос о том, при каких условиях они согласны были бы работать в качестве постоянных работников, ранжировали приоритеты следующим образом: «если бы работа предполагала гибкий график по согласованию с менеджментом» (51,2%); «если бы на работе осознавали необходимость баланса между рабочим временем и моими домашними обязанностями» (33%); «если бы бремя моих домашних забот было облегчено» (30,9%); «если бы работа не была связана с длинным рабочим днем и сверхурочными работами» (30,0%)²³.

Как видно из этих ответов, помимо достаточно жесткого режима труда постоянных работников японских фирм более полному использованию женщинами своего потенциала мешает и лежащее на них бремя домашних дел и забот. Действительно, несмотря на широко пропагандируемую кампанию *икумэн* (т. е. отец, участвующий в воспитании детей), модель распределения домашних дел в японских семьях практически не меняется. Так, за 15 лет — с 2006 по 2021 г. доля женского труда в общем объеме домашней работы в семьях, где трудятся оба супруга, снизилась с 88,5% до 77,4%, а в семьях, где работает только муж, — с 90% до 84%. При этом сам объем домашней работы (измеряемый затрачиваемым на нее временем) в первом случае вырос с 579 до 675 минут в неделю, а во втором — с 393 до 505 минут²⁴. Некоторым оправданием низкой степени участия японских мужчин в домашней работе служит длинный рабочий день. Так, по данным за 2022 г., более 49 часов в неделю работали 27–29% мужчин в возрасте 30–44 лет, а более 60 часов — примерно каждый десятый. А ведь именно на этот возраст приходится рождение и воспитание детей.

Конечно, свое влияние на ситуацию с женской занятостью оказывают и укоренившиеся в обществе представления о гендерном разделении ролей в семье. Как отмечалось выше, даже среди японок, получивших высшее образование, более 80% полагают, что муж должен быть единственным или главным добытчиком средств в семье. А среди тех, кто на момент замужества получал более высокую зарплату, чем муж, с этим согласны почти 3/4. Более того, практически не снижается степень поддержки замужними женщинами традиционной модели семьи: «муж — на работе, жена — дома, занимается воспитанием детей и домашним хозяйством», о чем можно судить по приводимым ниже данным (табл. 5).

Таблица 5. Взгляды замужних японок на традиционную модель семьи (по годам рождения,%)

Годы рождения	поддерживаю	скорее поддерживаю	не поддерживаю	скорее не поддерживаю
1955–1964	4,5	42,9	14,5	36,0
1965–1974	7,8	41,2	15,1	34,6

²³ The White Paper on Gender Equality 2023, p. 24. Cabinet Office June 2023. URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r05/gaiyou/pdf/r05_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

²⁴ The White Paper on Gender Equality 2023, p. 18. Cabinet Office June 2023. URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r05/gaiyou/pdf/r05_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

Годы рождения	поддерживаю	скорее поддерживаю	не поддерживаю	скорее не поддерживаю
1975–1984	3,9	40,5	21,6	32,3
1985–1994	5,9	40,0	20,0	33,3

Источник: Chyo: ki ko: yo: shyakai-no yukue. Dakko: gyō: ka to mikonka-no kiketsu [The Future of the Japanese Long-Term Employment Society. The Consequences of Post-Industrialization and Increase of Unmarried Workers]. JILPT Research Report. No. 210, p. 105. *Japan Institute for Labor Policy and Training*. March 2021. URL: <https://www.jil.go.jp/institute/reports/2021/documents/0210.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).

Таким образом, целый комплекс факторов повлиял на формирование нынешней модели женской занятости в Японии. И именно значительные ее отличия от мужской модели послужили основанием для отведения Японии 125-го места в мировом рейтинге гендерного равенства в 2023 г. Между тем применительно к высокоразвитым странам прослеживается следующая закономерность: чем выше степень гендерного равенства, тем выше и рождаемость. Иными словами, без изменения нынешней модели женской занятости вряд ли возможно повышение «фертильности» японских семей.

Заключение

Таким образом, под влиянием факторов, как общих для всех высокоразвитых стран, так и специфически национальных, в Японии происходит неуклонное падение рождаемости. Если говорить о модели женской занятости, то, по мнению некоторых японских специалистов, уже в ближайшие годы можно ожидать эффекта от всех тех мер, которые предпринимает и планирует предпринять правительство. Но вряд можно рассчитывать на перемены в отношении молодежи к браку. Ни кампании по пропаганде семейных ценностей и равенства полов, ни попытки властей стимулировать браки путем выплаты молодоженам довольно значительных сумм (с апреля 2021 г. — 600 тыс. иен при условии, что обоим супругам не больше 40 лет) пока успеха не имели. Проживающий в Японии и хорошо знающий ее реалии публицист Микаэл Хоффман считает, что и в будущем вряд ли возможны позитивные сдвиги в этой области, и объясняет это следующим образом: «Появление стилей жизни, отличных от брака, сексуальность в пределах одного пола или вообще ее отсутствие, новые удовольствия, новые развлечения и свободы приводят к тому, что брак и воспитание детей представляются молодым людям чем-то скучным, гнетущей помехой для жизни с такими широкими возможностями... Кроме того, молодежь задается вопросом: стоит ли приводить ребенка в этот мир, если глобальное потепление и другие проблемы ставят под вопрос существование человечества? В Японии и повсюду в мире молодые поколения отвечают — нет»²⁵. Хотя, на наш взгляд, М. Хоффман слишком сгущает краски, безусловно, часть японской молодежи придерживается именно таких представлений о жизни. Однако, как было показано выше, большинство молодых японцев все-таки женятся, выходят замуж и обзаводятся детьми. Поскольку существенная часть проблем, ведущих к росту безбрачия, связана с условиями работы, представляется, что все более обостряющаяся нехватка молодой рабочей силы неизбежно приведет к созданию более благоприятных условий для найма, работы и карьерного роста как мужчин, так и женщин, и это позволит хотя бы в некоторой степени повысить показатели брачности и фертильности. Но ощутимых сдвигов в этой области ожидать не приходится, поскольку, помимо экономических, на ситуацию влияют и другие факторы (социальные, психологические и проч.), воздействовать на которые крайне сложно.

²⁵ Japan Today. 14.07.2023. URL: <https://japantoday.com/category/features/kuchikomi/Japan-must-accept-population-decline-as-inevitable-and-devise-strategies-to-adapt-to-japan-today>.

Литература/ References

Лебедева И. П. «Вименомика: достижения и проблемы». Научный электронный журнал «Японские исследования». 2021. № 1. С. 101–120 [Lebedeva I. P. Womenomics: Achievements and Problems. Scientific Electronic Journal *Japanese Studies*. 2021. No. 1. Pp. 101–120 (in Russian)].

Лебедева И. П. «Социально-экономическое измерение старения населения Японии». Научный электронный журнал «Японские исследования». 2023. № 4. С. 94–116 [Lebedeva I. P. Socio-Economic Dimension of Japan's Population Ageing. Scientific Electronic Journal *Japanese Studies*. 2023. No. 4. Pp. 94–116 (in Russian)].

Yoshikawa Hiroshi. *Population and the Japanese Economy*. Tokyo, 2020.

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Chyo: ki ko: yo: shyakai-no yukue. Dakko: gyo: ka to mikonka-no kiketsu [The Future of the Japanese Long-Term Employment Society. The Consequences of Post-Industrialization and Increase of Unmarried Workers]. JILPT Research Report. No. 210. Japan Institute for Labor Policy and Training. March 2021. URL: <https://www.jil.go.jp/institute/reports/2021/documents/0210.pdf> (дата обращения: 18.01.2024).

The Global Gender Gap Index 2023. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/in-full/benchmarking-gender-gaps-2023/#global-results> (дата обращения: 15.01.2024).

Daijurokai syusseido: ko: kihon chyo: sa. Kekka-no gaiyo: [Sixteen Japanese National Fertility Survey. Summary of Results]. National Institute of Population and Social Security Research. URL: <https://www.ipss.go.jp/ps-doukou/j/doukou16/JNFS16gaiyo.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

Deta bukku kokusai ro: do: hiko: 2023 [Databook of International Labour Statistics 2023]. Japan Institute for Labor Policy and Training. URL: <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/index.html> (дата обращения: 07.01.2024).

Ikeda S., Tagami K., Sakai K. The Future of the Japanese Long-Term Employment Society: The Consequences of Post-Industrialization and Increase of Unmarried Workers. *Japan Labor Issues*. Vol. 6. No. 36. March-April 2022. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2022/037-04.pdf> (дата обращения: 12.01.2024).

Ikeda S. Women's Employment Status and Family Responsibility in Japan: Focusing on the Breadwinner Role. *Japan Labor Issues*. Vol. 3. O. 17. August-September 2019. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2019/017-06.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

Japan Today. URL: <https://japantoday.com/category/features/kuchikomi/Japan-must-accept-population-decline-as-inevitable-and-devise-strategies-to-adapt-to-Japan-today> 14.07.2023 (дата обращения: 14.07.2023).

Japan statistical yearbook 2023. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html> (дата обращения: 13.11.2023).

Reiwa yonnen ko: sei ro: do: hakusyo [White Paper on Health Labor and Welfare 2022]. Ministry of Health Labor and Welfare. URL: <https://www.mhlw.go.jp/stf/wp/hakusyo/kousei/22/backdata/01-01-01-09.html>. Table 1–1–9 (дата обращения: 08.01.2024).

Statistical Handbook of Japan 2023. Statistics Bureau of Japan. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2023all.pdf#page=23> (дата обращения: 08.01.2024).

Tagami K. What Causes the Gender Wage Gap in Japan? *Japan Labor Issues*. Vol. 7. No. 42. April 2023. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/045-06.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

Uchida D., Urakawa K., Yu Yonnan. The Diffusion of Parental Leave for Fathers in Japanese Firms: Exploring Antecedents and Performance Outcomes. *Japan Labor Issues*. Vol. 8. No. 46. Winter 2024. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/044-01.pdf> (дата обращения: 11.12.2023).

The White Paper on Gender Equality 2023. Cabinet Office. June 2023. URL: https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r05/gaiyou/pdf/r05_gaiyou_en.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

https://www.gender.go.jp/about_danjo/whitepaper/r04/gaiyou/pdf/r04_gaiyou_en.pdf.

<https://www.weforum.org/publications/global-gender-gap-report-2023/in-full/benchmarking-gender-gaps-2023/#in-focus-country-perform>.

12.11.23. О сокращении среднего класса. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/044-01.pdf>.

12.11.23. Об использовании отпуска отцами. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/044-01.pdf>.

12.11.23. О женской занятости и равенстве. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/045-06.pdf>.

12.11.23. Причины гендерного разрыва в з/пл. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2023/045-06.pdf>.

12.11.23. Политика занятости (вплоть до посл. времени). URL: https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2022/038_04.pdf.

12.11.23. Обследование MHLW: сколько мужчин брали отпуск в 2020 г. URL: https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2022/038_01.pdf.

12.11.23. Работа и семья в Японии. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2019/017-06.pdf>

12.11.23. Почему женщины уходят с работы после родов. URL: <https://www.jil.go.jp/english/jli/documents/2019/017-06.pdf>.

12.11.23. Проект об изменении демографии, эк. структуры и стиле работы 2022 г. URL: <https://www.jil.go.jp/institute/reports/2022/documents/0221.pdf>

13.11.23. Statistical yearbook of Japan 2023. Table 2–16. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/72nenkan/1431-02.html>.

Japan Today (о нежелании заводить детей). URL: <https://japantoday.com/category/features/kuchikomi/Japan-must-accept-population-decline-as-inevitable-and-devise-strategies-to-adapt-to-Japan-today>.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-086-095

ГРАНИЦЫ РЕАЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ МАГРИБИНЦЕВ XX–XXI вв. (ЭССЕ)

© 2024

С. В. Прожогина¹

В эссе прослежена эволюция жанров, стилей и методов в способах отражения окружающей реальности в творчестве франкоязычных писателей-магрибинцев из Алжира, Марокко и Туниса, так или иначе сопряженном с вызовами колониальной и постколониальной эпох. Особо отмечено обращение современных прозаиков и поэтов к проблемам радикализации религии и политизации ислама, а также понимание ими концепта «возвращения к истокам».

Ключевые слова: Магриб, ориентализм колониальной литературы, франкоязычные автохтоны, бытописание, романтизм, социальный реализм, символизм, метафора, аллегория, утопии, антиутопии постколониальной эпохи, традиционализм в современности

Для цитирования: Прожогина С. В. Границы реального в творчестве магрибинцев XX–XXI вв. (эссе). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 86–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-086-095

BORDERS OF THE REAL IN THE MAGHREB LITERATURE, TWENTIETH TO TWENTY-FIRST CENTURY (AN ESSAY)

Svetlana V. Prozhogina

The essay traces the evolution of genres, styles and methods of reflecting the surrounding reality in the works of Maghreb French-speaking writers and poets from Algeria, Morocco and Tunisia, works in varying degrees associated with the challenges of colonial and postcolonial eras. The emphasis is on their appeal to the issues of religious radicalization and politicization of Islam, as well as their comprehension of the notion of the “return to the roots”.

Keywords: The Maghreb, the Orientalism of colonial literature, French-speaking autochthons, national rules and morals, romanticism, social realism, symbolism, metaphor, allegory, utopia, dystopia of the post-colonial era, traditionalism in contemporaneity

For citation: Prozhogina S. V. Borders of the Real in the Maghreb Literature, Twentieth to Twenty-first Century (An Essay). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 86–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-086-095

Можно сказать сразу, что эти границы беспредельны, как и многообразие мира, нас окружающего. А значит, и в творчестве художников слова или любых других видов искусства, в том числе и архитектуры, запечатленных во всех доступных формах выражения как способа постижения, освоения, преобразования или даже наоборот — неприятия реальности.

¹ Прожогина Светлана Викторовна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svetlana.projogina@mail.ru
Svetlana V. Projogina, D.Sc. (Philology), Principal Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; svetlana.projogina@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8276-0289

Это не означает, что *реализм* сам по себе, как художественный метод — «без берегов»²: горизонты движения так или иначе просматриваются в том или ином его *направлении*.

Однако при этом классификационные *штампы* (вроде «академизм», «модернизм», «пост-модернизм», «абсурдизм», «беллетризм», «абстракционизм», «структурализм», «постструктурализм» и пр.), особенно в отношении литературного творчества, — опасны. Они не всегда раскрывают богатство нюансов и красок, оттенков смысла, исторический контекст и даже «затекст», особенности психологии, социологии и даже политологии, влияющих на проявления художественного творчества.

Разве что убогие «*фэнтэзи*», лишенные всякого смысла, да и подобные им образцы так наз. поп-культуры, шоу и др. развлечений, предназначенных *только* для рынка (порой даже становящиеся опасным), могут быть «отштампованы», ибо другого не заслуживают.

А вот фантазии, игра воображения на основе, на фундаменте *реального* — это заслуживает анализа. Можно вспомнить о ранних романах-фантазиях алжирца М. Диб «Кто помнит о море» и «Бег по дикому берегу» [Dib, 1962; 1964]... В них — чистая игра воображения, но в его основе — реальная надежда писателя на встречу с новым миром, с вольным простором моря, с дыханием нового времени, свободы и открытых человеку горизонтов.

Тунисец Абдельваххаб Меддеб, тоже, как и М. Диб, долго живший во Франции, питает свой идеал не туманным Будущим, но воспоминаемым Прошлым, создавая некий «текстовый» поток памяти, в ассоциациях — по сходству ли или по контрасту, — определяя для себя и свои взаимоотношения с Настоящим.

«Талисман» [Meddeb, 1979], написанный Меддебом в 1979 г., приглашал читателя к разгадке некоей тайны — завета, оставленного в далекой истории, к путешествию вместе с автором в глубины довольно сложного романного пространства, которое размещалось в разных географических, исторических и культурных «широтах», походило порой на лабиринт неразрешимых сюжетных ходов, заводило в тупики, оттягивая развязку, или уводило читателя вместе с героем произведения далеко в сторону от главной цели, наполняясь философскими, филологическими, искусствоведческими размышлениями. Однако Меддеб, умело используя формальные элементы свободного от определенных жанровых границ художественного «письма», или «чистого текста», в целом создал вполне законченную историю мысленного путешествия своего героя к родной стране и возвращения его «к себе», в свою собственную «внутреннюю страну», рассказав о его душевных переживаниях и сомнениях. Строя произведение на постоянном чередовании компонентов формулы «здесь — там», на социально-психологической альтернативе, определяемой пространством «своего» и «чужого», индивидуального и общественного, исторического и политического, разных временных пластов, писатель убедительно показывает импульс и самого «путешествия» вглубь памяти, и «возвращения» героя назад, в реальность повседневности. В истоке причин движения в прошлое — невозможность переносить окружающее, ощущаемое постоянно как время «человеческого разлучения», «отлучения» от Жизни, как предчувствие близкой опасности, тягостного погружения «во мрак».

Героя манит к себе и зовет образ «выжженной солнцем земли», где «царила когда-то отвага», где когда-то кочевники не знали усталости и были подобны «летучим огням» в пустыне

² Это выражение принадлежит французскому философу Р. Гароди (1913–2012). «О реализме без берегов» — так называлась одна из его многочисленных книг, издававшихся и в русских переводах (М., 1966). Р. Г. отличался многообразием своих взглядов и убеждений — от марксизма до исповедания суфизма и прочими крайностями в своей общественно-политической деятельности — от активного участия в движении французского Сопротивления фашизму до отрицания холокоста, от борьбы за идеи модели «французского социализма» до выхода из рядов французской компартии, от отрицания государства Израиль до борьбы с антисемитизмом.

и, совершая набеги, неслись легко вперед, уверенные в победе. Этот образ родины «клеился к телу», «лип к коже», «вращал в клетки организма», как бы восстанавливая «разрушенное» чужбиной само естество героя, его собственное единство, равновесие его души.

И текст «Талисмана», раскручивая спираль Времени вспять, укрепляя воображение реальными историческими фактами, показывая нашествие на тунисскую землю финикийцев, римлян, галлов, арабов, испанцев, турок, французов, воссоздавая картины пленения людей, рабства, мятежей, бунтов, избавления от гнета и вновь — «предательство» усилий народа, его нового восстания против навязанных ему новых «идолов», против несправедливой Власти, уподобляет эту последнюю, воображаемую, разбушевавшуюся стихию народного гнева, выплеснувшуюся на улицы родного города (Туниса), народному празднику, радости предвкушения Свободы и возрождения Надежды.

Развивая темы «Талисмана» в дальнейшем в романе «Фантазия» [Meddeb, 1986], Меддеб снова вернется к свободной, почти эссеистской форме, сохранив и в этом произведении принцип совмещения воображения и реальности, хроникальных свидетельств и философских и эстетических авторских размышлений. Однако, в отличие от «Талисмана», в «Фантазии» более заметен стержень любовного повествования, хотя и без особой сюжетной канвы, очевидно метафоризируя главную цель жизни героя книги, мечтающего об «универсуме, где будут навсегда побеждены все формы агрессии» и где будет царствовать «только Гармония». Бесконечные видения и размышления погружают героя как в прошлое, так и в настоящее, не останавливая поиски Прекрасного. Всё кружение текста «Фантазии» вокруг фактов истории, впечатлений от произведений искусства, памятников архитектуры, музыкальных шедевров, переплетение разнородных тем, их разветвление в разных ассоциативных связях истории и современности подчинено Меддебом в общем простой и определенной задаче — отрицанию везде и повсюду безобразного, антигуманного и утверждению всегда и везде Красоты, Справедливости, Добра. И Свет, на который идет герой «Фантазии», — его любовь, его Возлюбленная, которая для него «как Земля», по которой он путешествовал, «как лес», где он вкушал «диковинные плоды», «как море», в котором он плывал. Она — как «утоление жажды» после «перехода через пустыню» жизни, она — одновременно и «оазис», и «спасительная тень», но и разбухшая в сердце ностальгия по родной земле, где сверкают под солнцем пески, где обжигает дыхание ветер, несущий запах пальм и далекого моря, и она — как мечта о Солнце, помогающая выжить и прервать надоевшую «мелодию смерти» на чужбине.

Если «Фантазия» (как и «Талисман») позволяла Меддебу работать в свободной от жестких жанровых границ форме, превращая свои произведения (называемые им самим романами) в особый, синтетический тип прозы, то тунисец Альбер Мемми, исходя из тех же основ, используя ту же тематическую доминанту (неприятие чужбины, ностальгия по утраченной родине), пишет в 1988 г. «Фараон» [Memmi, 1988], формально определенный как романное повествование с логически четко выстроенным сюжетом, с однородной структурой, с узнаваемыми по прежним книгам Мемми мотивами, героями, персонажами. Но «Фараон», в котором Мемми, мастерски воспользовавшись джойсовым «ключом» — схемой путешествия длиной в один день из жизни главного героя, отражает, в сущности, совокупность многих жизней и эпох. Поэтому роман этот многоплановый, уместивший в себе признаки и исторического, и любовного, и социально-психологического жанра, он тесно связан с реальностью, переживаемой Мемми также в пространстве чужбины.

Живые свидетельства своей эпохи — кануна независимости в Тунисе, романтически возвышенный показ отношений с любимой женщиной, бытописательски точно сделанные зарисовки «своего» и «чужого» социума, глубокие психологические мотивировки поведенческой модели и характеров каждого персонажа — все эти качества только закреплены в этом произведении Мемми. Новым является сам тип героя, с которым соотносится название произведения

и весь метафорический план романа. Человек, изменивший гражданским порывам своей юности, идеалам борьбы за общественное переустройство, волновавшим молодежь его поколения в годы национально-освободительного движения в Тунисе, в прошлом — талантливый студент-археолог, в настоящем — удачливый профессор Парижского университета, пытавшийся всю жизнь уберечь свое «убежище» в границах «дома — семьи — работы — науки», воздвигнуть вокруг себя «прочные стены» самодостаточного мира, на исходе дней понимает, что прожил не в прочной «цитадели фараонизма», но в «гробнице», разделившей его с настоящей Жизнью. И теперь, понимая, что счастье — не в глубинах жизни духовной, не в комфорте обретенного на чужбине благополучия, не в верности своему призванию, герой сожалеет, что утратил способность остаться верным «розе» своих юношеских надежд и мечтаний, которые были подобны цветку, распустившемуся, как сказано в древней притче, в безжизненных песках Пустыни, окружавшей пирамиду некоего Фараона...

Мотив боли «откорененности», ностальгии по утраченной Родине, но только в еще более драматической окраске, прозвучал и в романе тоже тунисца — Фавзи Меллаха, воссоздавшем старинную легенду об «Элиссе — царице-скиталице». Роман, написанный в 1988 г., так и называется: «Elissa, la reine vagabonde» [Mellah, 1988]. История основания финикийцами на североафриканской земле Карфагена с помощью авторской фантазии сростается с историей греховной любви царицы пунического Тира к своему брату и обретает форму «романа в письмах» сосланной навечно Элиссе к нему, оставшемуся по ту сторону навсегда разделившего их моря. Но скитания Элиссе в морском просторе до принятия, наконец, старейшинами, сопровождавшими ее, решения «пристать к берегу и основать Новый Город», казались единственным утешением опальной царицы, иллюзией своей освобожденности в опьянении вольным ветром, бескрайности горизонтов, успокаивающей душу колыбельной песней волн. Отвергнутая своей страной, познавшая горечь любви, но испив и иллюзорный глоток свободы, царица-скиталица взойдет, основав свой Город, на костер для добровольного самосожжения, чтобы не стать ни пленницей, ни рабой, не бросить якорь в чужой земле, но сохранить в себе навсегда, унеся с собой, память о Море и о родном берегу. Так тема «изгнанничества» как вариация давно звучащей в магрибинской литературе темы «чужбины» обретает новый оттенок — внутренней неподвластности человека чужому для него Закону существования, несмирения с темницей бытия, похожего на медленную смерть.

Алжирец Рашид Буджедра³ создал в середине 70-х годов XX в. роман «Упрямая улитка» [Boudjedra, 1977] на материале известного всем «Превращения» Ф. Кафки, известного как «отец модернизма». Только если у Ф. Кафки герой становится насекомым, не вынеся груза и тягот жизни, обрушившихся на него, издавна давивших человека и постепенно изничтоживших его человеческое существо, заставивших его ползать по земле и зависеть от абсурда окружавшего его бытия, то у абсолютного реалиста Буджедры в его романе-вымысле герой — улитка, выползающая «погреться на солнышке» из своей ракушки, где ей и сыто, и удобно, и хорошо, и уютно. А получить «лишний кусочек тепла, солнышка», погреться в лучах его власти над землей — разве не типичная картинка мира, который превращает «личный комфорт» чуть ли не в единственный идеал человечества?

В 80-е годы в тунисской литературе появляется роман М. Тлили «Гора льва» [Tlili, 1988] — вроде бы чистая фантазия на тему о том, как люди еще помнят о «заветах предков», пытаются сохранить традиции прошлого, которые они считают «священными»: *свою землю, свой источник воды*, т. е. жизни, защищают снова *свой мир* всеми способами от нашествия «чужеземцев» (а на самом деле «своих», но ставших «чужими»), ибо они решили строить гостиницы для туристов и разрушать

³ О творчестве Рашида Буджедры, крупного алжирского писателя, пишущего и по-французски, и по-арабски, см. подр.: [Прожогина, 2014; 2021].

старые селения, т. е. снова *колонизировать* землю, на которой издревле жили эти люди). Разве это не реальность свершающегося?

И не случайно, что уже в XXI в. все тот же М. Тили напишет свою утопию «Послеполуденный отдых в пустыне» [Tili, 2008], где герой-почтарь, перечитывая старые письма в оазисе, существовавшем когда-то в глухом краю, уже почти занесенном песками *повсюду наступавшей «пустыни жизни»*, когда люди уже совсем забыли о том, что такое любовь, дружба, взаимопомощь, когда они *разделены* не только религиями, но и бездной несправедливости, когда забыты *все идеалы* «добра и братства», вдруг вспоминает о былом времени, сожалея, что не избежали *войны* за независимость...

Мираж в пустыне? Быть может, но оснований для сожалений немало...

Да и повсюду сегодня известный алжирец Ясмина Хадра⁴ создает подобный «мираж» в своем романе «Что должен ночи день» [Khadra, 2008], отдавая дань некоей надежде (так и не состоявшейся) на *возможность любви и взаимопонимания* с французами эпохи колониализма и избегания *кровавой пролития* в долгой войне за независимость, когда и герой произведения Хадры сам остался на стороне алжирских партизан... Но *Ночь* колониализма в *День* наступившей новой эпохи все еще манила его к себе возможностью поиска некоего Рассвета...

Продолжив поиски своего героя и в другом романе — «Что должен мираж оазису» [Khadra, 2015], Ясмина Хадра уже свяжет этот Рассвет с тем миром Знания о жизни, постижением ее горизонтов и возможностей, которые были почерпнуты в *библиотеке* при французской школе (а их колонизаторы создавали почти повсюду в Алжире, сохраняя и начальные — арабские при мечетях, и это надо признать, как и то, что строили и больницы, и дороги, и пр. инфраструктуру для *своего* дальнейшего существования на завоеванной когда-то ими земле). И это Знание, собственно, и привело героя и самого писателя в ряды борцов Сопrotивления, вдохновленного когда-то почерпнутым в трудах великих французских гуманистов и просветителей лозунгом «Свобода, Равенство и Братство!»

Так что вроде бы не «мираж», а вполне реально осуществленная антиколониальная борьба, хотя в постколониальную эпоху наметились совсем другие тенденции. И с «родоначальниками» Сопrotивления расправились почти сразу же...

Но воображение может уносить писателя и в Будущее. В случае с алжирцем Буалемом Сансальем⁵ — это создание *антиутопий*, т. е. таких утопий, но как мест, которых не просто не существует, но и *не должно существовать* на земле никогда. А начинал он как истинный реалист и однажды метко запечатлел тот реальный факт, что во Франции резко увеличилось не только количество мечетей, но и проповедников и вербовщиков в свои ряды тех, кто не отличал ислама от крайних форм исламского политического радикализма. И сравнил это явление с *нацизмом*. Получив за свой роман «Деревня немца» [Sansal, 2008] Большую премию франкофонии, Буалем Сансаль, окунувшись в 90-е гг. в алжирскую реальность — в годы гражданской войны и после, обращаясь и к европейской реальности, создает свои произведения «2084, или конец света», «Поезд в Эрлингэн, или метаморфоза Бога» [Sansal, 2015; 2018] и др. в стиле антиутопии, не переставая при этом размышлять о реальной возможности наступления торжества т. н. «исламского фундаментализма», эры возврата к истокам и т. п. явлениям, связанным с террором, с актами насилия над всем, что кажется несовместимым с «Заветами Аллаха» ...

⁴ Ясмина Хадра — псевдоним М. Молессеуля, известного ранее как автора многочисленных детективных романов о Ближнем Востоке и Алжире бывшего полковника Алжирской армии (и бывшего выпускника одной из военных академий СССР), ушедшего в отставку и ставшего впоследствии, в конце 90-х — начале 2000-х гг., руководителем Алжирского культурного Центра в Париже, потом вернувшегося в Алжир.

⁵ Буалем Сансаль — автор многочисленных романов об Алжире, работает физиком в одном из алжирских университетов. За роман «Деревня немца» был награжден одной из самых престижных литературных премий, и на его чествовании оказалась и я, получившая это произведение с лестным для меня автографом о «глубоком знании алжирской литературы»...

Радикалисты их понимают особо. Вот и в романе «2084» (где в подзаголовке: «или конец света») много философских размышлений о том, как изменялся с веками, годами, эпохами ислам. Но возврат «к истокам», к которому нынче призывают радикалисты, запечатлен в произведении как метафора всеобщего Мрака, жития человека в почти первобытных условиях, где люди разжигают огонь и сидят у старых котелков в ожидании, когда приготовится «пища», полученная из какой-то «бурды по карточкам» или выпрошенная у «верховных правителей», которые находятся где-то «там, за чертой, откуда начинаются бесконечные коридоры», ведущие куда-то, где, как говорят, правит нечто, похожее на Аллаха. А еще люди говорили, что ведутся порой где-то, неведомо где, но *рядом*, какие-то раскопки, и там попадаются интересные вещи вроде книг, стульев, столов и прочих предметов, когда-то существовавших на этой земле... Но это все «совершенно секретно»... А еще ходили слухи о том, что где-то далеко есть какая-то гора, а там — с вершины, если добраться, то можно увидеть *вообще другой мир*, но до него доберутся только те, у кого есть *самолет*...

Так и живут: надеждой, что когда-то доберутся...

Да и герои «Поезда», где в подзаголовке — «или метаморфоза Бога», тоже живут надеждой на какой-то «экспресс», только железнодорожный, который когда-то их, жителей небольшого городка, что в центре Европы, увезет «подальше от тех, кто завоевывает их пространство жизни — каких-то носителей «другой религии», где все должны подчиняться только их Богу...

Ну, а старая учительница, уже предупреждавшая их об этом, когда-то жившая в Париже, реально испытала насилие «чужого» (ей, немке, «белой», в метро не уступили место два молодчика-араба, сославшись на то, что «здесь никто никому места не уступает», а при выходе из вагона попытались «просто сбросить ее на рельсы», но их остановили...) [Sansal, 2018].

Теперь повсюду в Европе, и не только, теракты — дело, ставшее привычным. Пока не остановят.

Крайности любого радикализма сходятся. Когда-то алжирец Р. Буджедра запечатлел насилие молодых французских фашистов, свирепствовавших в метро, избивавших цепями случайно забредшего сюда после блуждания в его лабиринте араба, искавшего — бесплодно — какой-то адрес... Роман «Идеальная топография для характерной агрессии» создан еще в 1975 г. [Boudjedra, 1975]. Написанный Б. Сансалем роман «Поезд в Эрлингэн» — в 2018 г. Все как бы «наоборот». Но «агрессия» — все та же...

На подобный акт терроризма, но уже в мае 2023 г. на острове Джерба, что рядом с Тунисом, совершенный местными «силовиками» против еврейской синагоги, где собрались многочисленные паломники взглянуть на лежащую здесь с VI в. «Тору», откликнулся своими гневными статьями тунисский поэт Тахар Бекри, осудивший тех, кто разжигает межэтническую и межконфессиональную вражду в родной стране, издавна известной как хранительница следов разных цивилизаций и культур, присутствовавших на этой земле...⁶

Однако когда исламисты призывают к «истокам», забывая об истоках и своей религии [Dib, 2004], не стоит полагать, что само слово не означает что-то абсолютно ушедшее в прошлое и только ему принадлежащее. В «истоках» как таковых — и основы того устоявшегося способа бытия человека и его народа, где есть и вечно живые традиции жизни: сохранение семьи (а у многих и до сих пор — рода, племени), семейных *ценностей*, т. е. непреходящих ценностей, атрибутов жизни, среди которых — и мораль, этика отношений поколений, необходимость воспитания любви к своей земле, ее особенностям, ее, в конце концов, просторам и их *границам*, если, естественно, люди живут в *государстве* и т. д., и т. п. Можно только бесконечно восхищаться теми, кто соблюдает те *правила*

⁶ См. *Bekri T. Poème de Tahaar Bekri écrit en réaction à l'attaque de Djerba. Kapitalis. 10 mai 2023. URL: <https://kapitalis.com/tunisie/2023/05/10/poeme-de-tahaar-bekri-ecrit-en-reaction-a-lattaque-de-djerba/> (дата обращения: 15.02.2024).*

жизни, где сохраняется баланс, гармония между необходимостью прогресса, *продвижения* по пути обретения и прав (не забывая об обязанностях) и возможностью обретения, получения новых знаний и новых достижений в сферах и общественной, и научной жизни, не забывая при этом и то, что «хранили предки», и о том *достоянии прошлого*, где и богатство культуры, и «святые традиции», где много того, что невозможно *отвергнуть*. Даже если в уроках Истории и было много ошибок. Это — нормально. И спорить с этим бессмысленно.

Вот и марокканцы, писатели, еще в 50-е гг. призывавшие только «забыть Прошлое», устремиться в Будущее, позже изменили свои взгляды. Так, Дрис Шрайби, прославившийся повсюду своим первым романом «Простое прошедшее», запрещенным в королевстве Марокко, а в 60-е вызвавший только к «Прогрессу» (см. его роман «Это цивилизация, мама!» [Chraïbi, 1954; 1972]), в конце XX и в начале XXI вв. уже больше опирался на те ценности, которые хранит и сберегает его народ, питая и по сей день надежду, что если восторжествует на его земле только *чужое*, то лучше уж *уйти в горы* — туда, где вечная *свежесть*, в «Поднебесье», сохранить веру в Солнце — источник Света как Надежды и в Воду как источник *Жизни* (см. его романы «Мать Весны», «Расследование на месте», «Инспектор Али» и др. [Chraïbi, 1982; 1981; 1991])⁷.

И молодые марокканки, ставшие в эпоху прогресса образованными, «цивилизованными» — учителями, журналистами, врачами, телеведущими и даже «звездами» экрана, вдруг взялись за перо и, представьте себе, стали разоблачать и критиковать существующий миропорядок, где все еще много «цепей», социальных противоречий, *косных устоев*, где властвуют только догмы религии, а не ее суть, где все еще 40% населения — особенно в глубинке — неграмотные, где королевский двор все еще охраняет свой особый способ существования; где власть коррупции, где все «торгуют людьми», где многих женщин продают в гаремы в арабские эмираты; где пропускают потоки⁸ беженцев из Африки на Запад, где множество и собственных желающих уехать на Запад, эмигрировать любой ценой, даже зная, что они могут «по дороге» утонуть в лодке и т. д., и т. п.⁹. К этим «женским историям» можно добавить и книгу молодого марокканца Хишама Тахира «Джаабук» («Присоединившийся») [Tahir, 2012]¹⁰.

Но одновременно с критикой появляется и *ностальгия*. По тому *настоящему*, что было обретено когда-то и в «отчем доме»: вкусом к охранению *всего заветного*, что берегла Мать, к тем *обычаям* жизни, когда еще устраивались свадьбы, где невесте доставались в приданое драгоценности, что носила когда-то мать, а раньше — ее мать, из века в век передававшиеся по *наследству*; те старинные *ткани*, которые тоже хранила Мать, чтобы сшить наряд дочери-невесте; где в том же шкафу стояли старинные духи; где запахи и звуки, которыми были полны комнаты, где сидели гости и ждали *танец невесты*, еще не надевшей чадор, что должен покрывать голову замужней мусульманки...

Да, они, женщины, теперь многие *свободны*, и марокканки могут и сами выбирать себе женихов, и разводиться с мужьями, и быть архитектором и своей *судьбы*, а не только *дома*, который они построили по своему плану для своего «вечно занятого своими делами» современного мужа... [Djebar, 1996; 1997]¹¹.

Конечно, *реальность* бывает всякой, но все запечатленное и марокканками — правда и только правда.

⁷ О творчестве Дриса Шрайби см. подр.: [Прожогина, 1986; 2015] и мн. др.

⁸ См.: [Le Recit feminin au Maroc, 2006; Прожогина, 2020].

⁹ См., напр., повесть Ясины Шама «Церемония», фрагменты которой опубликованы в моей книге [Прожогина, 2020].

¹⁰ Подробнее см. в нашей работе [Прожогина, 2023].

¹¹ Отрывки из первой книги опубл. на рус. яз. в разных моих работах, в т. ч. [Прожогина, 2017]). О романах Ассии Джеббар «Жажда», «Дети Нового мира», «Наивные жаворонки» и мн. др. см.: [Прожогина, 2004; История национальных литератур..., 1993] и в др.

Для алжирских женщин-писателей реальность «обернулась» той стороной, хуже которой не бывает, — той, где царила *Смерть*, затмевающая все. Эпоха 90-х — начала 2000-х была отмечена гражданской войной, развязанной исламскими радикалистами, где было столько жертв, что не сказать всю правду о том, во имя чего, зачем и как расправлялись с людьми, означившими и прогресс, и просвещение, и образование, было невозможно, и Ассия Джебар, когда-то написавшая свою «Жажду Жизни» [Джебар, 1990], свободы и воли и когда-то, однако, все-таки вернувшая героиню своего первого романа с «вольных просторов моря» в *лоно семьи*, а потом и предназначившая своих других героев и героинь служению Идеалам Независимости от колониализма, в последние годы жизни отдала свой могучий талант на документальное увековечивание памяти жертв исламского террора, развязанного *против своей страны*, давно шагавшей по дороге «свободы и прогресса»¹²...

Но сегодня в Алжире (разве что я не знаю всей массы рыночной литературной продукции) пишут в основном детективы или «фэнтези», а если и создают *антиутопии*, то они все — *про реальность*, как это делает замечательный художник Буалем Сансаль.

Да и в Тунисе, если кто-то даже еще пишет о далеком уже прошлом, — о 20–30-х годах, о начале 50-х, когда еще теплились идеалы Независимости, то это все тоже из области «ностальгии по настоящему», но наполненной *реальностью*. Хотя и той, когда еще, как казалось, была уверенность в том, что лучшее в жизни — это «гармония взаимопонимания» (см. приложение в моей книге «Тунисская элегия» [Прожогина, 2016]).

Возможно, что это — лучшая из лучших иллюзий Будущего.

Хотя я не могу не заметить, поскольку пишу для Вестника Института востоковедения, что одна из сегодняшних иллюзий будущего сопряжена и с горечью осознания существования *другой реальности*, предлагаемой живущему на земле человечеству теми, кто полагает себя хозяевами мира и его судьбы. Некой предназначенности людей для абсолютной власти на нашей планете — только тех, которые способны совершать отбор среди народов и определять, которые «лучше», дабы сократить рождаемость повсюду, уменьшить число обитателей планеты Земля почти вдвое, как минимум, причем любой ценой, вплоть до распространения тяжелых болезней, пандемий всякого рода, до насаждения искусственного интеллекта в таких масштабах, которые сеют иллюзии о его создателе, о возможности его торжества над самим человеком, над его разумом; или, что еще хуже, уверяют, что земляне вообще — это инопланетяне и их удел — вернуться во Вселенную к манящим вдаль «своим звездам», к космическим улетам туда, куда их пошлют, тоже отобрав, те, кто отсчитывает последние дни и часы в существовании Земли, которая «вот-вот» должна погибнуть любой ценой, вплоть до всемирной, тоже искусственно развязанной, ядерной катастрофы... Обо всем этом — в январе 2024 г. вышедшая новая книга вышеупомянутого алжирца Буалема Сансаля, его новый роман-фантазия, названный им просто и значительно — «Жить» [Sansal, 2024]. Там есть подзаголовок: «Д-780. Или обратный отсчет» (j-780 ou compte à rebours). «780 дней» — это название особого Комитета мирового устройства (или взявшего на себя роль «мирового правительства»), рассчитывающего и количество людей, должных существовать на Земле или покинуть ее, и срок существования самой планеты, на которой будет легко и просто править миром, где все «очищено» и где истреблено все ненужное...

Что можно сказать писателю, озабоченному всем происходящим сегодня? Только согласиться с ним в том, что, когда кто-то пытается устроить мир только *по своим законам*, тогда наступает мрак разума. А безрассудство всегда лежало в основе всех преступлений против человечности.

¹² См. книгу тунисской писательницы Хафсии Джелилы «Пепел на заре» [Djelila, 1957].

Список литературы / References

- Джебар А. *Избранное*. М., 1990 [Dzhebar A. *Selected Works*. Moscow, 1990 (in Russian)].
- История национальных литератур стран Магриба*. Кн. 1–3. М., 1993 [*History of National Literatures of Maghreb*. 3 vols. Moscow, 1993 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Дрис Шрайби, или Новое время в литературе Марокко*. М., 1986 [Prozhogina S. V. *Dris Shrajbi, or New Times in the Literature*. Moscow, 1986 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Любовь земная (Концепт Родины в творчестве франкоязычных магрибинцев)*. М., 2004 [Prozhogina S. V. *Love Terrestrial. The Concept of Motherland in the Works of the Francophone Maghreb Writers*. Moscow, 2004 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Алжирская сюита (эпоха Рашида Буджедры)*. М., 2014 [Prozhogina S. V. *The Algerian Suite. The Epoch of Rashid Budjedra*. Moscow, 2014 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Марокканский ноктюрн (колониальное, постколониальное и современное Марокко в художественном творчестве франкоязычных писателей)*. М., 2015 [Prozhogina S. V. *Moroccan Nocturne (Colonial, Postcolonial, and Modern Morocco in the Creations of Francophone Writers*. Moscow, 2015 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Тунисская элегия*. М., 2016 [Prozhogina S. V. *Tunisian Elegy*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Смятение (отражение террора исламизма в художественной литературе Алжира XX–XXI вв.)*. М., 2017 [Prozhogina S. V. *Turmoil. Islamist Terror as Reflected in Algerian Fiction*. Moscow, 2017 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Магрибинки рассказывают (Очерки о судьбах женщин и об особенностях прозы писательниц Алжира, Марокко и Туниса XX–XXI вв.)*. М., 2020 [Prozhogina S. V. *Women of Maghreb Narrate. The Essays on Women's Destinies and Specificities of Prose by the Algerian, Tunisian and Moroccan Female Writers, XX–XXI centuries.*. Moscow, 2020 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Время не жить, и время не умирать*. М., 2021 [Prozhogina S. V. *Time not to Live, Time not to Die*. Moscow, 2021 (in Russian)].
- Прожогина С. В. *Свой путь (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе)*. М., 2023 [Prozhogina S. V. *One`s Own Way. Maghreb: Towards the Problem of Identity in the Francophone Literature*. Moscow, 2023 (in Russian)].
- Boudjedra B. *La Topographie idéale pour l'agression caractérisée*. Paris, 1975.
- Boudjedra R. *L'escargot entêté*. Paris, 1977.
- Chraïbi D. *Le Passé simple*. Paris, 1954.
- Chraïbi D. *La Civilisation, ma Mère!* Paris, 1972.
- Chraïbi D. *Une enquête au pays*. Paris, 1981.
- Chraïbi D. *La Mère du printemps*. Paris, 1982.
- Chraïbi D. *L'Inspecteur Ali*. Paris, 1991.
- Dib M. *Qui se souvient de la mer*. Paris, 1962.
- Dib M. *Cours sur la rive sauvage*. Paris, 1964.
- Dib M. *L'arbre à dire*. Paris, 2004.
- Djelila H. *Cendre à l'aube*. Tunis, 1957.
- Djebar A. *Le blanc de l'Algérie*. Paris, 1996.
- Djebar A. *Oran, Langue morte*. Paris, 1997.
- Hicham T. *Jaabouk*. Casablanca, 2012.
- Khadra Y. *Ce que le jour doit à la nuit*. Paris, 2008.
- Khadra Y. *Ce que le mirage doit à l'oasis*. Paris, 2015.

- Le Recit feminin au Maroc*. Paris, 2006.
Meddeb A. *Talismano*. Paris, 1979.
Meddeb A. *Fantasia*. Paris, 1986.
Memmi A. *Le Pharaon*. Roman, 1988.
Mellah F. *Elissa, la reine vagabonde*. Paris, 1988.
Sansal B. *Le village de l'Allemand*. Paris, 2008.
Sansal B. *2084 (ou le fin du monde)*. Paris, 2015.
Sansal B. *Le train d'Erlingen ou la methamorphose du Dieu*. Paris, 2018.
Sansal B. *Vivre*. Paris, 2024.
Tlili M. *La montagne de lion*. Paris, 1988.
Tlili M. *L'apres midi dans le desert*. Paris, 2008.

НЕАДДИТИВНОЕ МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2024

Е. Л. Клячко, Е. Л. Рудницкая¹

В статье рассматриваются случаи употребления множественного числа в эвенкийском языке (тунгусо-маньчжурские) в неаддитивных контекстах. Неаддитивное множественное число сравнительно недавно стало изучаться на широком языковом материале. В настоящее время не существует работ по этой теме, основывающихся на тунгусо-маньчжурских данных, что обуславливает актуальность работы. Исследование выполнено на корпусных данных, а также на материалах эксперимента по элицитации, проведенного в 2023 г. в п. Усть-Нюкжа (Тындинский район Амурской области). Сложность вызывает большое количество различий между диалектами эвенкийского языка, а также социолингвистический статус эвенкийского языка. В настоящее время можно говорить о повсеместном языковом сдвиге эвенков в сторону русского и (реже) якутского языков, что способствует языковой аттриции.

В отдельном разделе рассматривается особый показатель ассоциативной множественности *-jA*. Данные элицитации позволяют выявить ограничения на его употребления (показатель употребляется только с именами собственными и терминами родства по восходящей линии). Авторы используют как аппарат формального синтаксиса, так и семантический и прагматический анализ примеров. Делается предварительный вывод о возможном изменении позиции показателя в синтаксическом дереве в диахронии.

В другом разделе рассматриваются нестандартные употребления показателя множественного числа *-l*. Данные эвенкийского сопоставляются с типологически выделенными случаями неаддитивных употреблений: сортовые и дистрибутивные употребления, множественное изобилия, а также случаи симилятивного множественного числа. Помимо этого, приводятся примеры приблизительной локализации. Делается вывод о том, что категория множественного числа в эвенкийском языке является семантической, а не синтаксической.

Ключевые слова: множественное число, эвенкийский язык, ассоциативная множественность, сортовое множественное число, дистрибутивное множественное число, множественное изобилия, множественное приблизительной локализации, симилятивное множественное число

Для цитирования: Клячко Е.Л., Рудницкая Е.Л. Неаддитивное множественное число в эвенкийском языке. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 96–103. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-096-103

NON-ADDITIVE PLURAL IN EVENKI

Elena L. Klyachko, Elena L. Rudnitskaya

In this paper we study the cases of non-additive plurality in Evenki (a Tungusic language). Typologists have only recently started to look into non-additive plurality in a broad context. For instance, it has not been studied for

¹ Рудницкая Елена Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; erudnitskaya@gmail.com

Elena L. rudnitskaya, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; erudnitskaya@gmail.com

Клячко Елена Леонидовна, независимый исследователь, Москва; elenaklyachko@gmail.com

Elena L. klyachko, independent researcher, Moscow; elenaklyachko@gmail.com

Tungusic languages, which justifies the novelty of this paper. We have carried out our research using oral corpora data, as well as data from elicitation experiment undertaken in 2023 in the village of Ust-Nyukzha (Amur oblast, Russia). There are certain difficulties in studying Evenki data, in particular, on one hand, the richness and heterogeneity of its dialects, and, on the other hand, the endangered sociolinguistic status of Evenki. Nowadays, the speakers of Evenki are shifting to Russian or Sakha (the latter is happening more rarely). In one of the sections, we describe how *-jĀ*, the associative plural marker, is used in Evenki. Elicitation shows that it can only be used in combination with proper names as well as ascending kinship terms. We use formal syntax methods as well as semantic and pragmatic analysis to show that the syntactic position of the marker could have changed over the diachronic process. In another section of the paper, we look into the non-standard cases when *-l*, the plural marker is used. We contrast Evenki data with typologically known cases of non-additive plurality, such as varietal and distributive plural, as well as plural of abundance and simulative plural. We also analyze cases when the plural marker is used for vague localization. We conclude that the plural category in Evenki is not syntactic but semantic.

Keywords: plural, Evenki, associative plurality, varietal plural, distributive plural, plural of abundance, plural of approximate localization, simulative plural

For citation: Rudnitskaya E. L., Klyachko E. L. Non-additive Plural in Evenki. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 96–103. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-096-103

Введение

В настоящей статье рассматривается неаддитивное множественное число в эвенкийском языке. Исследования по неаддитивному множественному числу появились недавно (большинство работ по этой теме относятся к XXI в.). Этот вопрос затрагивается в работе [Corbett, 2000], также одним из базовых теоретических исследований является работа [Даниэль, 2000]. Если исходить из этих работ и других исследований по типологии [Daniel, Moravcsik, 2005], то можно сделать вывод, что в достаточно большом количестве языков есть специальный показатель для обозначения неаддитивного множественного числа или же для этой цели используется стандартный показатель. В эвенкийском кроме показателя PL (*-l*) есть отдельный показатель ассоциативного множественного ASC *-jĀ* (о нем пишут [Константинова, 1964, Nedjalkov, 1997, p. 190–191] и другие авторы грамматик). В турецком языке [Görgülü, 2011] показатель множественного числа *-lar* стоит перед посессивным показателем. Однако если *-lar* стоит после посессивного показателя, он приобретает ассоциативное значение.

Ассоциативное множественное обозначает не множество объектов с определенным свойством (*omolgi-l* сын-PL = ‘несколько сыновей’), а множество лиц, определенным образом связанных с одним выделенным объектом (*petrowič-jā* Петрович-ASC ‘Петрович и лица, которые связаны с Петровичем’ — Петрович и его семья, Петрович и его спутники и т. д.).

В работах [Corbett, 2000; Даниэль, 2000; Moravcsik, 2003] отмечаются важные характеристики ассоциативной множественности: выделенность одного объекта в множестве объектов, только коллективное осмысление множества, отнесенность объектов к лицам (людям) (или наиболее высокая позиция на шкале иерархии одушевленности) и др.

Мы использовали два источника данных: корпус устных рассказов на эвенкийском языке (URL: <http://gisly.net/corpus/>)² и анкетирование носителей в поселке Усть-Нюкжа, относящемся к восточному диалекту.

² Сайт «Малые языки Сибири: наше культурное наследие». Корпус устных рассказов на эвенкийском языке. Создан Е. Л. Клячко (2010–2023 гг.). URL: <http://minlang.srcc.msu.ru/> (дата обращения: 28.10.2023).

В п. 2 будет рассмотрено употребление ассоциативного показателя *-jĀ* и структура слов с этим показателем. В п. 3 рассматриваются случаи неаддитивного употребления показателя *-l*.

Ассоциативная множественность

Рассмотрим примеры аддитивного множественного числа и ассоциативного множественного (1а-б):

- (1) а. *ətirkō-ŋi-n* старик-INDPS-PS.3SG *tala* туда *is-kānam* достичь-CVB.NSIM *girki-l-wi...* друг-PL-ACC.RFL
ulə-kənəm выкопать-CVB.NSIM *ō-śa* сделать-PTCP.ANT *guluwun-a* костер-PART
 ‘Её муж там, дойдя до своих товарищей, чтобы её убить, сделал костер, раскопав [землю]’ (Корпус)
- б. *tar* тот *gribok-jā* Грибок-ASC *amākā-tin* дедушка-PS.3PL *ə-śə* NEG-PTCP.ANT
ə-śə NEG-PTCP.ANT *əmə-də-rə* прийти-IPFV-PTCP.NEG
 ‘Дедушка Грибка и его родственников не приехал’ (Корпус)

В эвенкийском языке наблюдается почти прототипический случай ассоциативной множественности: показатель *-jĀ* может присоединяться только к имени собственному (не нарицательному). Личные местоимения и имена собственные находятся в самом верху шкалы одушевленности (2) [Comrie, 1981; Даниэль, 2000, с. 97]. В (1б) мы видим пример с именем собственным, а в (3) — с личным местоимением. В некоторых языках с категорией ассоциативности с *-jĀ* также сочетаются имена родства. В эвенкийском можно сказать *Voloda-jā* ‘Володя и его семья, Володя и те, кто с ним’, но нельзя сказать, например, **omolgi-jā* ‘сын и его родственники; сын и его спутники’ (имя родства, сын — это родственник по нисходящей линии). Для слова *amī/amā* ‘отец’ (родственник по восходящей линии)³ сочетание с *-jĀ* возможно ([Мыреева, 2004], (4а)); в некоторых диалектах слово *amā-jā/amī-jā* может иметь дополнительное значение ‘родители’ ([Мыреева, 2004]; Усть-Нюкжа, анкетирование, (4б)).

(2) *личные местоимения* > *им. собственные* > *им. родства* > *им. лиц* > *им. одушевл.* > *им. неодушевл. объектов* > *им. веществ*

- (3) *hələ* вот *dəp-dəŋō-w* съестъ-FUT-1SG *niŋa-ja-wa-n* 3SG-ASC-ACC-PS.3SG *gun-də-nə* сказать-IPFV-CVB.SIM
 {«Саркисан попал в мой капкан.» ‘Вот съем его и его родню», говорит’ (Корпус, северный диалект (илимпийский))

- (4) а. *śas* сейчас *əkun=ka* что=FOC *minə ori-rə-ø* я.ACC позвать-NFUT-3PL *ami-jā* отец-ASC
 ‘Сейчас, это самое, меня позвали отец с родней’ (Корпус, северный диалект (илимпийский говор))

- б. *amī-ja* отец-ASC *laŋi-l-wər* ловушка-PL-ACC.RFL *o-də-pki-l* сделать-IPFV-PTCP.HAB-PL

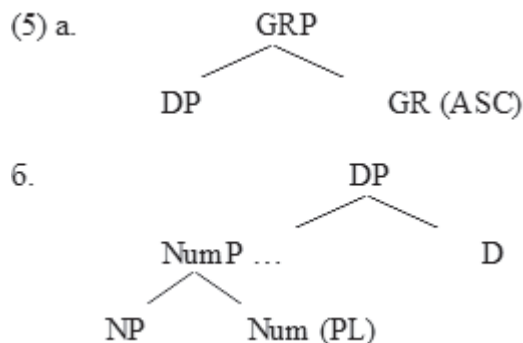
- а *bu* 1PL(EXCL) *dundə-wə* земля-ACC *dugu-di-ŋnə-rə-wun* перенести-IPFV-HAB-NFUT-1PL(EXCL)
 ‘Родители пасти делают, а мы землю таскали’ (Корпус, илимпийский говор)

³ Как отмечает М. А. Даниэль [Даниэль, 2000, с. 54], родственники по восходящей линии имеют приоритет над родственниками по нисходящей линии.

В работе [Görgülü, 2011] на материале турецкого языка показано, что ассоциативное множественное в турецком языке соответствует коллективной интерпретации множественного числа⁴. В эвенкийском языке это подтверждается свидетельствами информантов. Например, о Белке и другой собаке можно сказать *Belka-jā* ‘Белка и другая собака’ только в случае, когда обе собаки относятся к одному двору.

Относится ли ассоциативное множественное число к категории числа или к какой-то другой категории? В работе [Даниэль, 2000, с. 6] обосновывается тот ответ, что это другая категория, в частности из-за того, что показатель ассоциативности сочетается только с именами собственными и с именами родства. Также важно то, что множество, на которое указывает показатель ассоциатива, структурировано по-другому, чем при употреблении показателя множественного числа. В первом случае один объект множества выделен и назван (*Gribok* ‘Грибок’ в (16)), а во втором называется свойство (*girki* ‘друг’ в (1a)) и сообщается, что речь идет о нескольких объектах с этим свойством.

[Görgülü, 2011] предлагает структуру (5a) для существительного с показателем *-lAr* в ассоциативном значении:

В этой структуре показана проекция GRP, вершиной которой является GR (показатель ассоциативности ASC). Показатель PL в турецком языке стандартно стоит в другой позиции, внутри DP (существительного) в качестве вершины Num (5б).

В эвенкийском языке глагол в предложении с подлежащим в ассоциативе согласуется с этим подлежащим по множественному числу (6а).

- (6) а. *tur amur-jā uklā-dā-ra-ŋ* / **uklā-dā-ra-n*
 вон Амур-ASC лежать-IPFV-NFUT-3PL / лежать-IPFV-NFUT-3SG
 ‘Вон лежит/лежат Амур и другие собаки’ (Анкета)

В корпусе рассказов встретилось только такое же согласование (6б).

- (6) б. *pətom tarγit alik-jə əmā-čō-tin dīγit oro-r-d'i*
 потом тот-ELAT Алик-ASC приехать-PST-3PL из.леса олень-PL-INSTR
 ‘Потом Алик и его семья приехал/приехали из леса на оленях’

Глагол в (6а) может согласовываться с подлежащим только одним способом, в отличие от русского перевода. Такая ситуация, как в русском, то есть с возможностью двух типов согласования, бывает, когда в случае согласования PL согласование семантическое, а не синтаксическое, а в случае SG — синтаксическое. В эвенкийском же обязательно согласование PL (а не SG) с подлежащим

⁴ В предложении *Мальчики пришли*, если мальчики пришли вместе, интерпретация у *мальчики* групповая, а если каждый по-отдельности — дистрибутивная.

на *-jĀ*: значит, ASC стоит в синтаксическом дереве в позиции, соответствующей Num в схеме (56); в той же позиции, что и PL⁵.

В эвенкийском языке порядок словоизменительных показателей такой: Number-Case-Possessive. Примеры (7а-б) (и также (3) и (6б)) показывают, что позиция ASC *-jĀ* в эвенкийской словоформе та же, что и у PL *-l*, то есть перед падежным показателем. Таким образом, структура (56) подходит и для показателя PL, и для ASC.

(7) а. *sawōda-l-wər* *bā-l-wa-tin* *этэн-мэт-кэл*
 вещь-PL-ACC.RFL.PL часть-PL-ACC-PS.3PL оставить-INTS-IMPER.2SG

‘А вещи некоторые оставьте’ (Корпус)

б. *nuŋan* *volodā-jā-duk* *этэ-рэ-н*
 3SG Володя-ASC-ABL прийти-NFUT-3SG

‘Он пришел от Володи и его родни’ (Анкета)

Есть и другой факт, который говорит о том, что *-jĀ* стоит в той же позиции, что и *-l* (NumP): у некоторых существительных и местоимений (разных в зависимости от диалекта) множественное число образуется с помощью *-jĀ*:

(8) а. *эки-жэ* старшая.сестра-ASC ‘старшие сестры’ [Nedjalkov, 1997, p. 142]
 (полигузовский диалект)

б. *ŋi-jā* кто-ASC ‘кто?’ (подразумевается, что речь идет о нескольких человеках)
 (Анкета, усть-нюкжинский диалект)⁶

в. *ŋina-ja-wa* собака-ASC-ACC ‘собак’ [Романова, Мыреева, 1964, с. 87]
 (тогтинский диалект)

В поселке Усть-Нюкжа показатели PL и ASC употребляются вместе только в одной словоформе: *amā-jā-l* отец-ASC-PL ‘родители’ (см. выше примеры (4а-б)); в именах собственных PL *-l* не употребляется. Слово *amā-jā-l* признается возможным не всеми носителями. В стихотворном/песенном языке (не в разговорном языке) есть слово *mata-jā-l* гость-ASC-PL/гость-RIME⁷-PL ‘гости’. Порядок ASC-PL в этих словах говорит о деривационном статусе *-jĀ*: *-jĀ* находится слева от *-l* PL — самого левого словоизменительного аффикса. [Болдырев, 2007, с. 103] считает *-jĀ* словообразовательным аффиксом⁸. Тогда можно говорить о следующей структуре (9):

⁵ Важно заметить, что в эвенкийском языке, как и в русском, есть семантическое согласование по PL, например, в (i):

(i) *voloda təhal-nun-mi tar du-wa ga-ča(-l)*
 Володя родня-COMIT-RFL тот дом-ACC купить-PTCP.ANT-PL

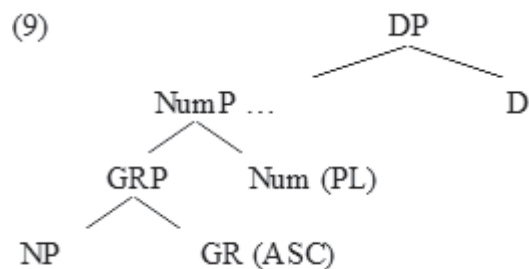
‘Володя с его родней купил/купили этот дом’ (Анкета)

Этот пример показывает, что, даже если подлежащее предложения (*voloda*) стоит в единственном числе, глагол может согласовываться по множественному при наличии комитативной группы. Это значит, что семантический фактор при согласовании может доминировать над синтаксическим, и в случае согласования глагола по множественному числу имеет место семантическое согласование.

⁶ В полигузовском диалекте *ŋi-jā*, а в некоторых восточных диалектах, упоминаемых [Василевич 1958, с. 799], — тоже *ŋi-jā*.

⁷ Слово *mata-jā-l* встретилось в песне, сочиненной носительницей эвенкийского из Усть-Нюкжи. В словаре Г. М. Василевич [Василевич, 1958, с. 799] отмечается, что, кроме *-jā* ASC, имеется еще омонимичный *-jā* RIME «суффикс ритма».

⁸ В. А. Плунгян [Плунгян, 2003, с. 281] пишет, что множественное число часто является грамматикализацией словообразовательного показателя сингулятивности или собирательности, то есть эта категория по происхождению словообразовательная. Кроме того, он замечает, что как семантическая категория число ближе к словообразовательным категориям, чем такие чисто синтаксические категории, как род.

Таким образом, если на более ранней стадии развития языка у *-jĀ*, скорее всего, была отдельная позиция GR (вершина GRP) в (9), то в настоящее время эти две позиции сближаются; *-jĀ* ASC стоит в вершине Num (вершина проекции NumP в (56)). Также согласование по множественному числу обязательно, и тогда *-jĀ*, как и *-l*, будет анализироваться как находящееся в Num.

Неаддитивные употребления показателя PL

Категория числа семантическая, она должна отражать количество объектов (один или больше), в то время как многие существительные обозначают объекты, которые нельзя посчитать, в первую очередь недискретные объекты, которые обозначаются неисчисляемыми существительными. В эвенкийском языке существительные, обозначающие недискретные объекты, могут стоять во множественном числе, не обозначая множество объектов.

Поэтому неаддитивные употребления показателя *-l* PL — это прежде всего случаи присоединения *-l* к неисчисляемым существительным, таким как *burduk* ‘мука’, *ulumnī* ‘молоко’, *ullə* ‘мясо’, *ari* ‘масло’. [Corbett, 2000, p. 30 и далее; Даниэль, 2007, с. 287] перечисляют основные случаи, в которых неисчисляемые существительные могут стоять во множественном числе: сортовая множественность, дистрибутивная множественность и множественное изобилия (второй случай иногда трудно отличить от третьего).

В эвенкийском языке есть, судя по экспериментальным данным, все эти виды неаддитивной множественности. Так, если в магазине продается эфирное масло разных сортов, можно сказать *ari-l* масло-PL (сортовая множественность, ср. русск. *эфирные масла*). *Burduk-il* мука-PL может значить (в магазине) ‘мешки муки’ (дистрибутивная множественность). Также *burduk-il* соответствует очень большому количеству муки (множественное изобилия). Эти две ситуации ‘мешки муки’ и ‘большое количество муки’ при совмещении создают ситуацию, при которой трудно разделить дистрибутивную множественность (когда объект хранится порциями в разных местах или контейнерах) и множественное изобилия. Кроме того, форма множественного числа типа *burduk-il* мука-PL может рассматриваться как сингулятив (когда имеются в виду отдельные элементы или порции вещества, которые можно посчитать). Также про куски мяса⁹ можно сказать *ullə-l* мясо-PL.

Симилятивная множественность (similative plural, см. [Mauri, Sansò, 2018]) — это множественное число со значением ‘X и похожие на него объекты’, например, русск. *Пушкины* в значении ‘Пушкин и похожие на него авторы’, в предложении *Пушкиных я давно не читаю*. Если ассоциативное множественное число образуется от одушевленных существительных и в первую очередь

⁹ В восточных диалектах в таком контексте не употребляется слово *biŋčə* ‘кусочек’, которое есть в подкаменно-тунгусском диалекте и в литературном эвенкийском языке.

от имен собственных (см. выше), то симилиативное не зависит от значения основы по признаку одушевленности [Даниэль, 2007, с. 303–304]. В примере (10) представлено такое множественное¹⁰:

- (10) *ekspəditʃijə* *načalniki-n* *tadū* *d'əptilə-l-ə-tin*
 экспедиция начальник-PS.3SG там продукт-PL-ACC-PS.3PL
bu-t-čə *tušonka-l-bə* *ukunmi-l-bə* *huwul-bo-n*
 дать-DISTR-PTCP.ANT тушенка-PL-ACC молоко-PL-ACC весь-ACC-PS.3SG
čirinda-wa *ibi-wuna-tin*
 Чиринда-ACC достичь-CVB.INT-3PL
 ‘Начальник экспедиции там продукты выдал: тушенку, молоко и прочее, все, чтобы они доехали до Чиринды’ (Корпус)

В эвенкийском языке также встречаются примеры типа (11) — множественное число от топонимов со значением приблизительной локализации [Даниэль, 2007, с. 306]: этот случай М. А. Даниэль также относит к случаям неаддитивного множественного числа.

- (11) *jəbə-l-duk* *š'irinda-l-duk*
 Ессей-PL-ABL Чиринда-PL-ABL
bajkis'i-l-duk *hiru-l-wə* *m'inaji-ŋki-wun*
 Байкит-PL-ABL бык-PL-ACC менять-PSTITER-1PL(EXCL)
 ‘Из районов Ессея, Чиринды, Байкита (названия близлежащих поселков) меняли быков’

Таким образом, мы видим, что в эвенкийском языке сам показатель множественного не всегда имеет значение множественного числа. Множественное число — это семантическая, а не синтаксическая категория (см. сноску 7). Семантический характер этой категории коррелирует и с нестабильностью ее значения, и с наличием добавочных значений, рассмотренных выше.

Сокращения: ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ANT — конверб предшествования, CVB — конверб, D — детерминатор, FOC — фокус, GR — групповая (проекция), IPFV — имперфектив, INDPS — косвенная принадлежность, N — существительного, NEG — отрицание, NFUT — небудущее время, NUM — числительное, P — проекция, PL — множественное число, PS — посессивный суффикс, PSTITER — прошедшее итеративное время, PTCP — причастие, RFL — рефлексив, RIME — суффикс ритма, SG — единственное число, русск. — русский язык.

Литература / References

- Болдырев Б. В. *Морфология эвенкийского языка*. Новосибирск, 2007 [Boldyrev B. V. *Morphology of the Evenki Language*. Novosibirsk, 2007 (in Russian)].
 Василевич Г. М. *Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка*. Л., 1940 [Vasilevich G. M. *Essays on the Grammar of the Evenki (Tungus) Language*. Leningrad, 1940 (in Russian)].
 Василевич Г. М. *Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка*. Л., 1948 [Vasilevich G. M. *Essays on the Dialects of the Evenki (Tungus) Language*. Leningrad, 1948 (in Russian)].
 Василевич Г. М. *Эвенкийско-русский словарь*. М., 1958 [Vasilevich G. M. *The Evenki-Russian Dictionary*. Moscow, 1958 (in Russian)].
 Даниэль М. А. *Типология ассоциативной множественности*. Дисс. канд. фил. наук. МГУ. М., 2000 [Danel M. A. *The Typology of Associative Multiplicity*. Ph. D. Thesis. MSU. Moscow, 2000 (in Russian)].

¹⁰ Нужно оговориться, что такова наша трактовка примера. Пример найден в тексте, записанном в экспедиции в поселок Чиринда (северный говор), и в настоящий момент нет связи с носителями из этого поселка.

Даниэль М. А. Периферийные значения категории числа. Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татевосов С. Г. (ред.). *Мишарский диалект татарского языка: очерки по синтаксису и семантике*. Казань, 2007. С. 286–308 [Lutikova E. A., Kazenin K. I., Solovyov V. D., Tatevosov S. G. (ed.). *The Mishar Dialect of the Tatar Language: Essays on Syntax and Semantics*. Kazan, 2007 (in Russian)].

Константинова О. А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология*. М., 1964 [Konstantinova O. A. *The Evenki Language. Phonetics. Morphology*. Moscow, 1964 (in Russian)].

Мыреева А. Н. *Эвенкийско-русский словарь*. Новосибирск, 2004 [Myreeva A. N. *The Evenki-Russian Dictionary*. Novosibirsk, 2004 (in Russian)].

Плунгян В. А. *Общая морфология: Введение в проблематику*. Изд. 2-е, исправленное. М., 2003 [Plungyan V. A. *General Morphology. Introduction into the Problematics*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Романова А. В., Мыреева А. Н. *Очерки учурского, майского и тоттинского говоров*. М. — Л., 1964 [Romanova A. V., Myreeva A. N. *Essays on Uchur, May and Tottin Dialects*. Moscow–Leningrad, 1964 (in Russian)].

Comrie B. *Language universals and linguistic typology: syntax and morphology*. Oxford, Chicago, 1981.

Corbett G. *Number*. Cambridge, 2000.

Daniel M., Moravcsik E. A. The associative plural. Ed. by Haspelmath M., Dryer M. S., Comrie B. *The world atlas of language structures*, 150–153. Oxford, 2005. URL: <https://apics-online.info/parameters/24.chapter.html> (дата обращения: 25.09.2023).

Görgülü E. Plural marking in Turkish: Additive or associative? *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*. 2011. No. 21. Pp. 70–80.

Mauri, C., Sansò, A., Linguistic strategies for ad hoc categorization: theoretical assessment and cross-linguistic variation. *Folia Linguistica*. 2018. Vol. 52 (391). Pp. 1–35.

Moravcsik E. A semantic analysis of associative plurals. *Studies in Language*. 2003. Vol. 23, no. 3. Pp. 469–503.

Nedjalkov I. *Evenki*. London — New York, 1997.

Иллюстрации к статье:

Е. Ю. Гончаров, С. Е. Малых. Римские монеты из гробницы Усера (Египет)

Илл. 1. Римские монеты из раскопок 2021–2022 гг. Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (фото С. В. Малых, С. Е. Малых, обработка Е. Ю. Гончарова)

Иллюстрации к статье:

Т. М. Калинина. «Книга чудес и приятное для глаз» XI в.

Илл. 1. Круглая карта мира «Книги чудес»:
Bodleian Library MS. Arab. с. 90. <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/748a9d50-5a3a-440e-ab9d-567dd68b6abb/> (fol. 27b and 28a)

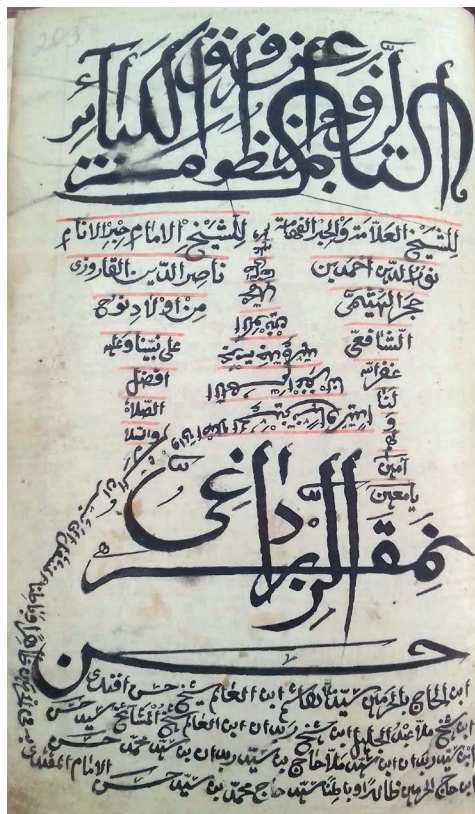
Илл. 2. Круглая карта мира ал-Идриси: *The History of Cartography. Plate 11.*

Илл. 3. Прямоугольная карта мира «Книги чудес»
 Bodleian Library MS. Arab. c. 90. <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/748a9d50-5a3a-440e-ab9d-567dd68b6abb/> (fol. 23b and 24a)

Иллюстрации к статье:

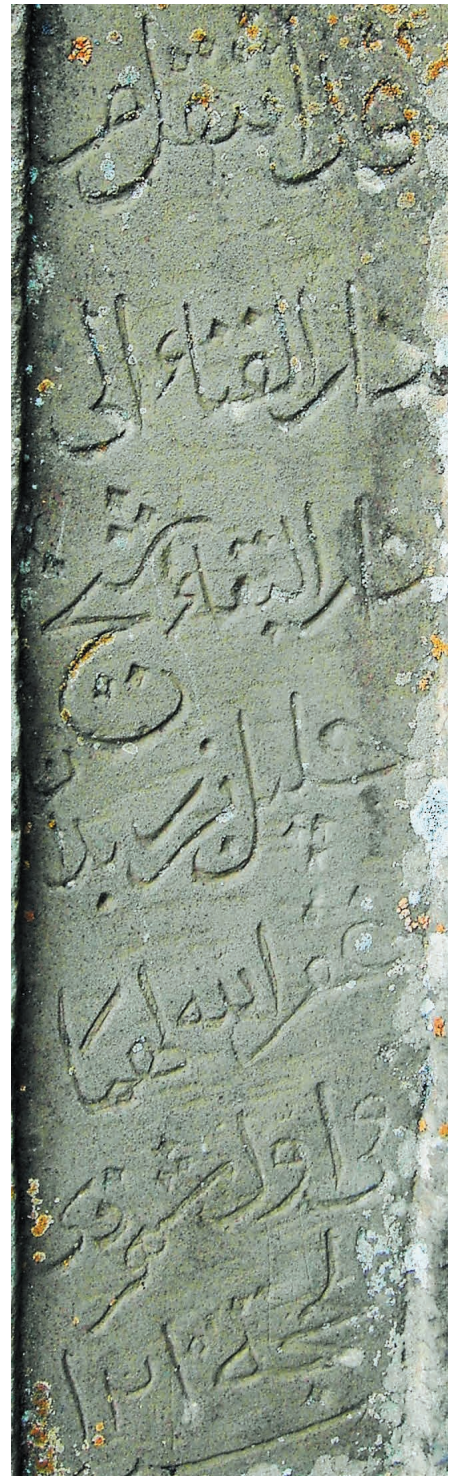
3. Ш. Закарияев. Саййиды из табасаранского селения Зирдаг (по сведениям рукописных, эпиграфических и архивных источников)

Илл. 1. Титул рукописи с генеалогией саййидов Зирдага (фото автора)

Илл. 2. Стела с эпитафией сайида хаджежи
Хашима. 1847-48 г.
(фото автора)

Илл. 3. Эпитафия 1796 г. сайида
шейха Джалила (фото автора)

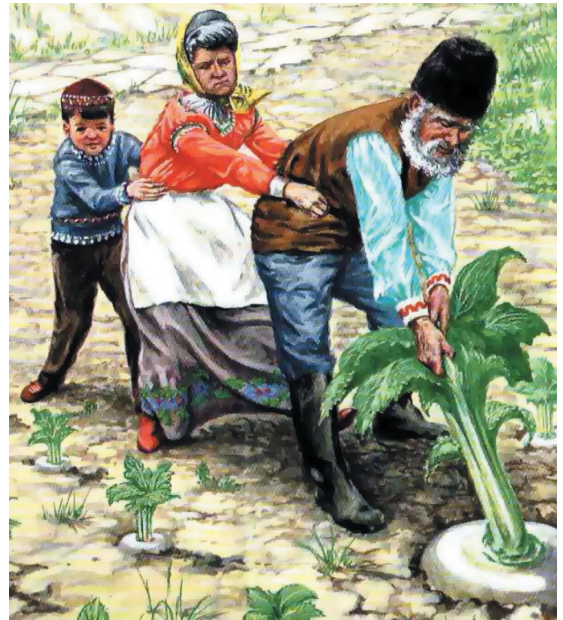
*Илл. 4. Надпись о строительстве мечети в 1776-77 г.
с упоминанием сайида Рабадана (фото автора)*

Иллюстрации к статье:

Н. И. Сериков. Сказка «Репка» по-английски и по-арабски: нарратив в плену ассоциаций

Илл. 1. «Дедка» / The Old Man

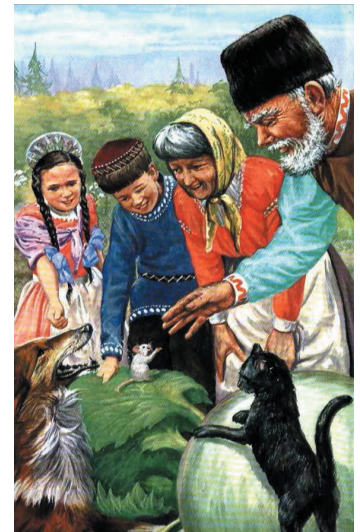
Илл. 2. «Дедка», «бабка» и «мальчик» / The Old Man, the Old Woman and a Boy

Илл. 3. «Бабка», «мальчик» и «внучка» / The Old Woman, the Boy and the Girl.

Илл. 4. «Жучка» / Big Dog

Илл. 5. Все герои сказки / The Personages of the Fairy-tale

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-104-119

ВКЛАД Н. А. ХАЛФИНА В КУРДОВЕДЕНИЕ. ЧАСТЬ I

© 2024

Н. З. Мосаки¹

Настоящая работа является первой частью завершающего цикла статей о выдающемся советском историке-востоковеде Нафтуле Ароновиче Халфине [Мосаки, 2022; 2023а; 2023b], продолжая изучение его научной биографии, и посвящена его вкладу в курдоведение. Н.А. Халфин вместе со своим коллегой по Институту востоковедения АН СССР М. С. Лазаревым стал заниматься курдским вопросом по поручению международного отдела ЦК КПСС и МИД СССР после революции 1958 г. в Ираке и актуализации курдской проблемы в этой стране, имея ряд публикаций по смежным темам. В статье представлен подробный анализ работ Н. А. Халфина, предшествующих его интересу к курдоведению, имевших некоторое сходство с курдским вопросом и подготовивших его к изучению курдов. Этот опыт облегчил быстрое и глубокое понимание курдского вопроса.

В статье впервые вводится в научный оборот проспект планировавшейся совместной монографии Н. А. Халфина и М. С. Лазарева о курдском вопросе в двух частях, отражающей историю зарождения нового направления в курдоведении — исследования историко-международных вопросов курдской проблемы. Однако, как известно, указанная работа так и не была издана, а её планируемые части вскоре вышли в качестве индивидуальных монографий соавторов предполагаемой книги и положили начало изучению историко-международного аспекта курдской проблемы. Кроме того, в статье представлены и проанализированы малоизвестные первые публикации Н. А. Халфина по курдскому вопросу, в которых были выдвинуты утверждения, впоследствии подробно рассмотренные в его известной монографии.

Ключевые слова: Н. А. Халфин, М. С. Лазарев, востоковедение, курдоведение, Институт востоковедения, Курдистан, курдский вопрос, курдская проблема

Для цитирования: Мосаки Н. З. Вклад Н.А. Халфина в курдоведение. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 104–119. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-104-119

CONTRIBUTION OF N. A. KHALFIN TO KURDISH STUDIES.

PART I

Nodar Z. Mossaki

This work is the first part of the final series of articles about the outstanding Soviet historian-orientalist Naftula Aronovich Khalfin [Mossaki 2022; 2023a; 2023b], continuing the study of his scientific biography and dedicated to his contribution to Kurdish studies. N. Khalfin, together with his colleague Mikhail Lazarev, began to deal with the Kurdish issue on the instructions of the international department of the CPSU Central Committee and the USSR Ministry of Foreign Affairs after the 1958 revolution in Iraq and the actualization of the Kurdish problem in this country, having a number of publications on related topics. The article presents a detailed analysis

¹ Нодар Зейналович Мосаки, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nodarmossaki@gmail.com

Nodar Z. Mossaki, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nodarmossaki@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8268-006X

of Khalfin's work, which predated his interest in Kurdish studies, but which explored issues that had some similarities with the Kurdish question and prepared him for the study of the Kurds. This experience facilitated a quick and deep understanding of the Kurdish issue. For the first time, the proposal of the planned joint monograph by N. A. Khalfin and M. S. Lazarev on the Kurdish issue in two parts, reflecting the history of the emergence of a new direction in Kurdish studies – the study of historical and international issues of the Kurdish problem, is being introduced into scientific circulation. However, as is known, this work was never published, and its planned parts were soon published as individual monographs by the co-authors of the proposed book and marked the beginning of the study of the historical and international aspect of the Kurdish problem. In addition, the article presents and analyzes the little-known first publications of N. A. Halfin on the Kurdish issue, in which statements were put forward that were subsequently discussed in detail in his famous monograph.

Keywords: Naftula Khalfin, Mikhail Lazarev, Oriental Studies, Kurdish Studies, Institute of Oriental Studies, Kurdistan, Kurdish issue, Kurdish problem

For citation: Mossaki N. Z. Contribution of N. A. Khalfin to Kurdish Studies. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 104–119. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-104-119

Революция в Ираке 14 июля 1958 г., провозгласившая в этой стране республику, ознаменовала и ряд принципиальных изменений во внешнеполитической ориентации страны: выход из Багдадского пакта, закрытие английских баз, а также резко актуализировала курдский вопрос [Лазарев, 1994, с. 178; Мгои, 1977, с. 41–74; Мгои, 1991, с. 97–125], в значительной степени затухший во второй половине 40-х гг., что привело к усилению внимания к этой ключевой стране Арабского Востока в Москве. Соответственно, Институту востоковедения АН СССР «сверху» было спущено «госзадание» — начать изучение политического аспекта курдского вопроса, что, учитывая его транснациональность, обусловленную разделом этногеографического Курдистана между несколькими государствами и вовлечением внешних держав, подразумевало международную проблематику, то есть речь шла об историко-международном и международно-политическом подходе. В связи с отсутствием курдоведов именно подобного профиля (а в Ленинграде курдоведы, как и всё тамошнее востоковедение, были преимущественно заняты изучением филологии или средневековой истории) неудивительно, что исследование курдского вопроса было поручено М. С. Лазареву и Н. А. Халфину, занимавшимся смежными (Лазарев в большей степени, Халфин — в меньшей) с курдами проблемами. Как вспоминал позднее М. С. Лазарев, он и Халфин «получили задание дирекции Института востоковедения заняться» «изучением» курдского вопроса [Лазарев, 1994, с. 178; Shakely, 1987, s. 4]². В институт, как рассказывал мне М. С. Лазарев, это задание поступило из международного отдела ЦК КПСС и МИД СССР³. Он двумя годами ранее защитил в Московском университете кандидатскую диссертацию по теме «Крушение турецкого господства в арабских странах в годы Первой мировой войны» [Лазарев, 1956], которая хотя и непосредственно не была посвящена курдской проблеме, однако исследовала тесно связанные с ней вопросы и регионы — распад Османской империи, Сирию, Ирак, политику империалистических держав, в первую очередь Англии, а также соответствующие архивные материалы. Он к тому же тогда опубликовал весьма содержательную и подробную рецензию на сразу же получившую известность книгу Л. Н. Котлова о национально-освободительном восстании 1920 г. в Ираке, в которой уже наблюдался его интерес к курдскому вопросу — Лазарев считал необоснованным внимание Л. Н. Котлова лишь к Арабскому Ираку и игнорирование событий «в Верхнем Ираке и Курдистане, где в 1919 г. вспыхнуло мощное антианглийское восстание курдов», ибо «курды внесли

² Также мои беседы с М. С. Лазаревым в конце 90-х гг. XX в. — начале XXI в.

³ Мои беседы с М. С. Лазаревым в конце 90-х гг. XX в. — начале XXI в.

значительный вклад в борьбу с английским империализмом» [Лазарев, 1958а, р. 171]⁴. В том же году в журнале «Новая и новейшая история» вышла, говоря терминологией того времени, фундированная статья Лазарева по теме диссертации — об империалистической политике Антанты в арабских владениях Турции во время Первой мировой войны [Лазарев, 1958б].

Халфин, будучи старше Лазарева почти на десятилетие и перешедший на работу из Ташкента в ИВ АН СССР менее чем за год до июльской революции в Ираке, хотя тоже являлся всего лишь младшим научным сотрудником, но имел уже значительное количество публикаций по истории присоединения Средней Азии к России и, что особенно важно, английской политике в отношении этого края и Афганистана, а также русско-английского соперничества. Противоборство за различные районы Центральной Азии в XIX в. имело некоторое сходство с историей вокруг курдского этноареала. В этом смысле в первую очередь, видимо, следует отметить кандидатскую диссертацию Халфина «Борьба за Памир» [Халфин, 1945], название которой сходно с названием его *Magnum opus* по курдскому вопросу — «Борьба за Курдистан» [Халфин, 1963а], а также статьи «Провал захватнических планов англо-американских империалистов в Средней Азии» [Бабаходжаев и др., 1951], «Американское проникновение в Индию и Афганистан в первой половине XIX века» [Халфин, 1952], «Туркестанский хлопок и американские миллионы (Из истории американской экспансии в Средней Азии)» [Ниалло, Халфин, 1953а; 1953б], «Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.)» [Халфин, 1955а], «Из истории «сеиستانского вопроса» (конец XIX — начало XX в.)» [Халфин, 1955б], «Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50–80 гг. XIX века)» [Халфин, 1957а], «Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира» [Халфин, 1958а], «Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX в.» [Халфин, 1958б] и монографий «Английская колониальная политика на Среднем Востоке» [Халфин, 1957б], «Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана» [Халфин, 1958с].

В статье об американском проникновении в Индию и Афганистан в первой половине XIX в. [Халфин, 1952] Халфин показывал политику США в этом регионе, деятельность их миссионеров, взаимодействие Соединённых Штатов с Англией, что имело немалое сходство с действиями американцев в компактно населённых курдами районах. При этом он анализировал американскую политику в широком контексте — в рамках всего азиатского континента, особенно в контексте Среднего Востока, касаясь, в частности, со ссылкой на «Обзор главнейших путешествий» Карла Фёдоровича Свенске [Свенске, 1855], в котором приводились сведения о посещении Н. Ханыковым района озера Урмия, где он «встретил американских миссионеров, занятых распространением между несторианами просвещения...» [Свенске, 1855, с. 229], фактически курдистанской тематики. Тем более что приведённая цитата, использованная Халфиным, продолжалась следующим образом: «а оттуда (из района озера Урмии. — *Н.М.*) [Ханыков] вступил в пределы Курдистана» [Свенске, 1855, с. 229].

Халфин, очевидно, небезосновательно политизировал эпизод с американскими миссионерами в Урмии, приводя его следующим образом: «видный русский востоковед Н. Ханыков,

⁴ Следует отметить, что указанный в рецензии М. С. Лазарева этот недостаток монографии Л. Н. Котлова был характерен для отечественных востоковедов в целом (арабистов, туркологов и иранистов) и продолжает оставаться таковым (если они специально не занимаются курдами), как правило, избегавших и избегающих при исследовании стран, в состав которых входят курды, уделить им то внимание, которого они заслуживали исходя из их доли в населении соответствующей страны и различных проблемных вопросов, связанных с ними. Очевидно, подобный подход обусловлен нежеланием раздражать власти изучаемой страны, весьма чувствительно воспринимающие интерес к курдам, представляющим в той или иной степени проблему в каждой из них.

посетивший весной 1852 г. район озера Урмия, встретил даже здесь, в этом отдалённом уголке Азии, американских миссионеров, прикрывавших свою разведывательную и пропагандистскую работу занятиями по “просвещению несториан”...» [Халфин, 1952, с. 78–79]. Причём далее Халфин сделал небольшое геополитическое заключение, указав, что привлечение американской агентуры к району озера Урмия было обусловлено его важным военно-политическим значением, поскольку там скрещивались границы трёх государств: России, Ирана и Турции [Халфин, 1952, с. 79].

В любом случае, прорабатывая приведённую книгу К. Ф. Свенске, Халфин неоднократно на её страницах встречался с Курдистаном и курдами, путешествиями и миссиями в этот регион [Свенске, 1855, с. 175, 183–185, 215, 223–224 и др.], что, скорее всего, не могло не отложиться в его восприятии этой темы. Неудивительно, что работа Свенске использовалась им и в «Борьбе за Курдистан» [Халфин 1963а, с. 158].

В той же статье [Халфин, 1952] Халфин приводил сведения об исследованиях американцев и англичан в населённых курдами районах Османской империи, прилегающих к России, — в 1830 г. калифорниец Саттер вместе с английскими дипломатами изучил район озера Ван и других областей Восточной Анатолии, а англичанин Полингтон — «путь от Эрзурума, являвшегося главной базой англо-американских разведчиков, до Алеппо» [Халфин, 1952, с. 79].

В статье об отношении России к восстанию Исхак-хана в Южном Туркестане [Халфин, 1955а] Халфин, представив подробный анализ этого события, реалистично отразил политику России к нему, не только опровергая сторонников позиции об инспирировании Россией этого восстания, но и объясняя причины отказа России от «использования удобных возможностей для вмешательства во внутренние дела Афганистана», «важнейшей» из которых являлось «нежелание внешнеполитических осложнений открытого конфликта с Англией» [Халфин, 1955а, с. 118], тем более при исключении возможности присоединения спорной с Англией территории, а также отсутствии гарантий перспектив пророссийскости Исхак-хана [Халфин, 1955а, с. 118]. Здесь напрашивается определённая аналогия с политикой России в отношении восстания Езданшира в Курдистане против османских властей в 1854–1855 гг.

В статье по «истории «сеистанского вопроса»» в конце XIX — начале XX в., опубликованной в 1955 г. в Ташкенте [Халфин, 1955b], которую можно в определённой степени назвать классической по теме проникновения Англии в регион, вокруг которого сплелись различные противоречия, Халфин, ещё не предполагая, что ему вскоре придётся заняться курдами, прямо проводил параллели между Сеистаном и Курдистаном, причём и там, где он непосредственно не сравнивал эти два региона, было очевидно сходство между ними. Начав статью с методологического утверждения о раздувании внешними державами, в первую очередь Англией и США, конфликтов и вражды между различными странами и народами, чтобы под видом «миротворчества» и роли «международного арбитра» подчинить соответствующие территории своему контролю, Халфин отмечал выгодное военно-стратегическое положение области Сеистан, входившей в состав Афганистана и Ирана и пересекавшейся с захваченным англичанами Белуджистаном [Халфин, 1955b, с. 157–158], подчинив которую, Англия «получила бы широкие возможности для утверждения своего господства в тыловых районах Ирана и Афганистана» и «превосходный плацдарм для развёртывания враждебной деятельности против России в Средней Азии», а также транспортное преимущество, заключавшееся в нахождении «на пересечении важных дорог» [Халфин, 1955b, с. 158], природно-климатические характеристики, в том числе «плодородие рек», создававшие «благоприятные условия для продуктивного земледелия» [Халфин, 1955b, с. 158]. Он ссылаясь на слова лорда Керзона, подчеркивавшего две особенности Сеистана — «важное географическое положение» и «плодородие местности» [Халфин, 1955b, с. 158] и различных английских представителей

о необходимости управления Англией этим районом. Примечательно, что в «Борьбе за Курдистан», приводя слова лорда Керзона о необходимости управления курдами, находящимися «среди враждебных им “обществ”», сильной, но справедливой рукой, чтобы стать «упорядоченным обществом» [Халфин, 1963а, с. 3–4], Халфин далее в сноске напоминал о той же позиции и почти тех же выражениях Керзона в отношении других областей Востока, в частности, Сеистана [Халфин, 1963а, с. 4].

Халфин утверждал, что Англия стравливала между собой Иран и Афганистан, имевшие противоречия по вопросам водопользования, пытаясь выступать «арбитром», осуществляя проникновение в Сеистан, для подтверждения чего он ссылаясь на работу незадолго до описываемых событий в Сеистане «так называемой Международной комиссии по разграничению Ирана и Турции», которую контролировали англичане, приложившие многочисленные усилия к тому, «чтобы выработанная ирано-турецкая граница явилась постоянной причиной вражды между теми государствами» [Халфин, 1955b, с. 159], утверждая, что при «сеистанском разграничении» английское правительство стремилось применить аналогичные методы [Халфин, 1955b, с. 160]. Далее Халфин приводил слова известного русского путешественника, военного географа и генерала Михаила Ивановича Венюкова (1832–1901) из его «Очерка международных вопросов в Азии» [Венюков, 1877] о том, что комиссия увеличила «турецкие владения за счёт Персии, которая предпочитала русское влияние турецкому», в связи с чем наиболее производительные районы «в бассейне Тигра», а также «места стратегической важности» (Котур и др.) «остались за Турцией», причём мнение курдов было проигнорировано, что приводило к беспорядкам на турецко-иранской границе [Халфин, 1955b, с. 159–160], таким образом предлагая читателю один из важнейших аспектов курдской проблемы — принятие тех или иных решений внешними силами и региональными державами, касающихся курдов, при этом без учёта каких бы то ни было их интересов. Следует отметить, что Венюков в 1874 г., тогда ещё в чине полковника, совершил поездку вокруг Малой Азии и «экскурсии внутрь страны» [Жопоть, 2019, с. 269–270], под которыми имелось ввиду в том числе посещение курдских районов, как видно из названия его работы, составленной в 1874–1875 гг., — «Материалы для изучения Малоазийского и Курдо-Сирийского театра войны» [Жопоть, 2019, с. 269], где при анализе различных военно-стратегических направлений неоднократно упоминается «Курдистан» [Жопоть, 2019, с. 270, 271]. А в обширном «Очерке международных вопросов в Азии» [Венюков, 1877], на который ссылаясь в работе о Сеистане Халфин, Венюков затрагивал один из двух международных вопросов региона — курдский (другим он называл несториано-халдейский), который (курдский вопрос) «по своей сущности и по числу заинтересованных в нём наций имел большую важность и уже не раз тревожил не только азиатский мир, но и две большие европейские державы — Россию и Англию» [Венюков, 1877, с. 519]. Причём несториано-халдейский вопрос также был непосредственно связан с курдским, поскольку население халдеев было сконцентрировано в районах, считавшихся Курдистаном. Несколько страниц работы Венюкова были непосредственно посвящены курдам и Курдистану [Венюков, 1877, с. 519–522]. Всё это предполагало весьма определённое знакомство Халфина с курдским вопросом в международном отношении и политике России и Англии к нему, что, собственно, являлось предметом его изучения, но при исследовании Средней Азии. Указанная работа Венюкова также была использована в монографии Халфина о курдах [Халфин, 1963а, с. 155].

Примечательно, что в статье о Сеистане Халфин затрагивал и вопрос об английском «посредничестве» в разрешении проблемы распределении вод реки Гильменд между Афганистаном и Ираном [Халфин, 1955b, с. 167–170]. Этот вопрос актуален и в настоящее время. Так, 27–28 мая 2023 г. в связи с проблемой вод реки Гильменд между вооружёнными силами «Талибан»

и иранскими пограничниками произошли столкновения на границе населённой преимущественно белуджами афганской провинции Нимроз и иранской провинции Систан и Белуджистан.

Монография «Три русские миссии» [Халфин, 1956а] хотя и непосредственно не касалась каким-то образом курдов, её введение и первая глава, посвящённые социально-политическим и экономическим предпосылкам внешней политики России на Среднем Востоке после Крымской войны [Халфин, 1956а, с. 3–35], предваряющие миссии Ханыкова, Игнатьева и Валиханова, представляли методологический анализ, который, безусловно, впоследствии был полезен при изучении курдской проблемы.

В статье «Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50–80 гг. XIX века)» [Халфин, 1957а], в частности, упоминалась деятельность известных английских деятелей в курдских районах Турции. Так, английский полковник Валентин Бэкер, совершивший в 1873 г. с другими английскими офицерами разведывательную поездку по Ирану и Туркмении, вскоре, в 1877 г., «поступил на турецкую службу и в качестве генерал-майора принимал участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.», после которой «ему был поручен важный военный пост на границе Турции с Россией» [Халфин, 1957а, с. 40]. Другие английские офицеры — майор Троттер, капитан Клейтон и ряд других офицеров, задействованных в различных мероприятиях в Индии и Средней Азии, орудовали в таких городах Османской империи, «расположенных на подступах к русским владениям в Закавказье», как Эрзурум, Муш, Битлис, Ван, Харпут, Диярбакир и Мардин и изучали и готовили «Театр военных действий англо-турецких войск от Трапезунда до Мардина» [Халфин, 1957а, с. 41]. Деятельность англичан в Османской империи, Иране, а также в Средней Азии и Афганистане Халфин анализировал вместе с разработкой ими так называемого плана «Обороны Индии», направленного против России [Халфин, 1957а, с. 41].

В монографии «Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана» [Халфин, 1958с], в главе «Американские миссионеры на Востоке» Халфин, в частности, указывал на проникновение во все области Османской империи американских миссионеров, развернувших «широкую деятельность среди национальных меньшинств — армян, греков, курдов...» [Халфин, 1958с, с. 95], подчёркивая, что «они старались закрепиться в стратегически важных районах страны», к числу которых относились места проживания курдов — Ван, Битлис, Эрзурум, Мараш, Мардин [Халфин, 1958с, с. 95]. При исследовании деятельности американских миссионеров в курдских районах Османской империи Халфиным использовались работы, которые позднее были учтены им и в монографии о курдах, как, например, труд А. М. Колубакина «Деятельность протестантских миссий в северо-восточной части азиатской Турции» (1887), «Записка о Малой Азии» полковника Путяты (1896), указанный «Обзор» Свенске [Халфин, 1958с, с. 96–98; Халфин, 1963а, с. 156, 158].

М. С. Лазарев в своей статье о Халфине, говоря о курдской тематике в его научном творчестве, отмечал, что эта «востоковедная проблема», «казалось бы, географически ... далека от его научных интересов, но Нафтула Аронович всегда умел откликнуться на актуальные запросы нашей жизни. После иракской революции 1958 г., когда курдский вопрос резко актуализировался, он и автор этих строк получили задание дирекции Института востоковедения заняться его изучением. Н. А. Халфин в кратчайший срок освоил совершенно новую для него тему» [Лазарев, 1994, с. 178]. С одной стороны, утверждение М. С. Лазарева о полной новизне курдоведения для Халфина правомерно, поскольку он, как видно из его трудов до конца 50-х гг., являлся специалистом в области различных аспектов новейшей истории Средней Азии, Афганистана и Индии, но не курдов. Однако в различных своих работах касался курдского вопроса, положения в районах проживания курдов, ряд изучаемых им проблем имел определённое сходство с ситуацией в Курдистане

(например, Сеистан, политика Великобритании в отношении Средней Азии и Афганистана), кроме того, им были изучены исследования, включавшие и разделы, содержащие сведения о курдах. Поэтому в этом смысле можно дополнить утверждение М. С. Лазарева о том, что курдская проблематика являлась для Халфина «совершенно новой темой»; скорее, её можно назвать близкой, а по каким-то параметрам даже смежной по отношению к основным научным интересам Халфина.

Вместе с тем необходимо учитывать, что, начав заниматься в 1958 г. курдской проблемой, Халфин продолжал исследовать историю Средней Азии, что ограничивало его возможности для занятий непосредственно курдами. В конце 50-х — начале 60-х гг. по его основной теме было издано большое количество работ. И если публикации, вышедшие в свет в 1958–1959 гг. [Халфин, 1958а; 1958b; 1958c; 1958d; 1959а; 1959b; 1959c; 1959d; 1959e], видимо, были написаны Халфиным ещё до иракской революции (то есть до того, как он приступил к изучению курдов), по крайней мере в какой-то части, то последующие труды — монографии о политике России в Средней Азии (1857–1868) [Халфин, 1960а], о Британской колониальной империи [Халфин, 1961а], а также многочисленные статьи, обзоры, рецензии [Халфин 1960c; 1960d; 1961b; 1961c], судя по всему, он продолжал или начинал готовить, уже занимаясь курдской проблемой. Тогда же им была защищена докторская диссертация [Халфин, 1961d; 1962а], что ограничивало его возможности для занятий курдоведением. Если не знать о других периодах научной деятельности Халфина, можно было бы заключить, что этот промежуток времени (конец 50-х — середина 60-х гг.) является наиболее насыщенным. Немногие историки могли бы похвастаться подобным количеством публикаций в весьма авторитетных изданиях.

Итак, со второй половины 1958 г. Халфин, получив указание руководства Института востоковедения заняться курдским вопросом, стал изучать его, подробно исследуя архивные материалы, а также имевшуюся литературу о курдах. Точная дата этого указания не формализована, однако очевидно, что это было не позднее осени 1958 г. Примечательно, что в отзыве на работу (деятельность) Н. А. Халфина в секторе международных вопросов ИВ руководитель этого подразделения Г. Л. Бондаревский 20 декабря 1958 г. писал, что Н. А. Халфин является «членом авторского коллектива и одним из редакторов подготовленной отделом коллективной работы по курдскому вопросу». Таким образом, получается, что к концу 1958 г., т. е. спустя пять месяцев после июльской революции в Ираке, международным сектором ИВ АН СССР была подготовлена коллективная работа по курдскому вопросу, хотя неясно и трудно предположить, кто, кроме Халфина и Лазарева, мог быть её соавтором. Возможно, им мог бы быть Б. М. Данциг, ставший ответственным редактором впоследствии изданных монографий Халфина и Лазарева [Халфин, 1963а; Лазарев, 1964] и которому, как вспоминал позднее их коллега по «отделу Бондаревского» А. М. Хазанов, Лазарев, отправленный, судя по всему, в числе других молодых сотрудников института на работу в колхоз⁵, в шутку направил телеграмму с содержанием: «Курды приказали долго жить», имея в виду подготавливаемую монографию о курдах [Хазанов, 2009, с. 69]. Однако либо этот труд, о котором в отзыве на научную деятельность Халфина писал Бондаревский, всё же не был завершён к дате его составления, как это нередко бывает, с намерением вскоре окончить работу, либо всё же был издан, но под грифом «ДСП», либо специально подготовлен для политического/партийного руководства страны и не издавался и, соответственно, затерялся, что, впрочем, маловероятно. Скорее всего, работа над упоминаемой «коллективной монографией» была начата и осуществлялась, однако не была завершена. В любом случае о ней ранее не было известно, и вряд ли в настоящее время можно установить какие-либо конкретные сведения.

⁵ Б. М. Данциг, родившийся ещё в XIX в. (в 1896 г.), к этому времени (конец 50-х — начало 60-х гг. XX в.), очевидно, не привлекался на работы в колхозах.

Между тем следует отметить, что, как рассказывал мне М. С. Лазарев, он и Н. А. Халфин планировали написать совместную монографию. М. С. Лазарев в середине «нулевых» годов ХХI в. передал мне рукопись на 4-х листах, напечатанную на печатной машинке и представляющую проспект планировавшейся монографии. Учитывая, что они являются основателями историко-международного направления в курдоведении, их огромную роль в целом в деле изучения различных аспектов истории Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии, а также, можно сказать, методологический характер проспекта, представляется необходимым более подробно остановиться на указанном документе, в какой-то степени положившем начало новому направлению в советском курдоведении, что имеет значение и с точки зрения изучения истории этой отрасли отечественного востоковедения.

К рукописи была прикреплена бумага с надписью «до 1962 г.», что, очевидно, свидетельствует о времени подготовки указанного проспекта, в завершении которого отмечался предполагаемый срок окончания книги — первая половина 1962 г. [Лазарев, Халфин, б. г., с. 4]. Она представляла собой проспект к монографии под названием «Курдская проблема и международные отношения на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв.» объёмом 30 п. л. [там же, с. 1]. В нём авторы отмечали, что курдоведение представляет собой одну «из вечных, но, тем не менее, отстающих отраслей советского востоковедения», хотя и оговаривались, что «в области изучения языка, литературы, этнографии, религии, истории курдов, а также социально-экономических отношений и современных политических событий в Курдистане в последнее время у нас и за рубежом достигнут значительный прогресс», впрочем, не особо влияющий на «общий уровень курдологии», оцениваемый «невысоко» [там же, с. 1]. При этом они подчёркивали, что «особенно плохо обстоит дело с изучением проблемы курдов и Курдистана в аспекте международных отношений на Ближнем Востоке» [там же, с. 1], и «если новейшему периоду» ко времени подготовки проспекта и было «посвящено некоторое количество работ», которые, по справедливому замечанию Лазарева и Халфина, являлись «незначительными» «по объёму», «схематичными», охватывали «только частные вопросы» «и в своём большинстве устарели», а западные труды назывались ими крайне тенденциозными и наполненными фальсификациями, то «по указанной проблеме в Новое время научная литература практически» отсутствовала [там же, с. 1]. Очевидно, здесь под Новым временем они подразумевали XIX в., а не более ранний период. Они считали, что «обращение историков к малоизученной и незаслуженно игнорируемой в прошлом и настоящем курдской проблеме» являлось не просто весьма важной и интересной, но и актуальной задачей, поскольку «в эпоху расцвета колониализма (XIX в.) и на заре империализма на Ближнем Востоке и, в частности, в Курдистане сталкивались противоречия всех великих держав того времени» и происходили конфликты, продолжающиеся к периоду написания проспекта [там же, с. 1–2]. Лазарев и Халфин утверждали, что неразрешённость курдской проблемы, вобравшей «в себя межимпериалистические, турецко-иранские и внутренние противоречия», позволяла «империалистам» и «колонизаторам» организовывать заговоры и провокации, направленные против СССР и «пробуждающихся к свободе и независимости народов Востока», в связи с чем, считали они, «без глубокого изучения международного аспекта курдской проблемы» в XIX в. и в начале ХХI в. «невозможно правильно понять все сложные, драматические и противоречивые процессы, которые происходят в последние десятилетия на стыке территорий Турции, Ирана, Ирака, Сирии и Советского Союза, т. е. в районе, имеющем исключительно важное значение с точки зрения политической, экономической и особенно военно-стратегической» [там же, с. 2]. В готовившейся монографии, заявлялось в проспекте, «будет сделана первая в советской историографии попытка осветить основные аспекты курдской проблемы

в связи с международными отношениями на Ближнем Востоке в XIX и начале XX в., до Октябрьской революции 1917 г.» [там же, с. 2].

В монографии предполагалось исследовать курдскую проблему «в непосредственной связи с политикой великих держав в Османской империи, Иране и на Кавказе», уделив «основное внимание... политике царской России как державе, непосредственно граничащей с Курдистаном, имеющей в числе своих подданных значительное количество курдов и поэтому больше всех заинтересованной в курдском вопросе» [там же, с. 2]. Также подробно планировалось рассмотреть политику «Англии в Курдистане», являющейся «главным антагонистом России на Ближнем Востоке» и всегда проявлявшей «большую активность в курдских делах», кроме того, отразить турецко-иранские отношения, «без которых нельзя рассматривать курдскую проблему ни в прошлом, ни в настоящем», связывая все эти вопросы с изучением «внутренней истории Курдистана, политики турецких и иранских правящих кругов по отношению к курдам и другим национальным меньшинствам, населявшим эту горную страну, а также взаимоотношений этих народов между собой» [там же, с. 2–3].

В проспекте заявлялось, что «монография будет базироваться главным образом на богатейших и в значительной степени уникальных материалах, хранящихся в архивах СССР, в основном в Архиве внешней политики России», а также всей имеющейся «в распоряжении авторов» изданной за рубежом литературы — преимущественно на западноевропейских, но, по мере возможности, и на восточных языках, причём особо внимательно авторы желали изучить прессу и всю печатную документацию [там же, с. 3].

В структурном отношении монография состояла бы из двух частей. Первая — под авторством Н. А. Халфина — должна была рассмотреть курдскую проблему «с начала XIX в., когда Россия приступила к завоеванию Закавказья, до конца 80-х годов этого столетия» и «в связи с русско-турецкими и русско-персидскими войнами и попытками англичан противодействовать с помощью своей агентуры успехам русской политики на Кавказе» [там же, с. 3]. Таким образом, период изучения Халфиным курдской проблемы — XIX в. — был схож с периодом изучения им истории Средней Азии, при изучении которой он исследовал период с начала XIX в., фактически с 30-х гг., но с упором на период от середины века и до Памирского разграничения 1895 г.

М. С. Лазарев во второй части монографии исследовал бы Курдистан с начала 90-х гг. XIX в., когда он стал «ареной бурных и кровавых событий, привлёкших внимание всего мира и сделавших курдский вопрос международным», закончив «1917-м годом, когда в результате Октябрьской революции, крушения Кавказского фронта и начала гражданской войны в России курдский вопрос вступил в совершенно новую фазу» [там же, с. 3–4]. Вторая часть, несмотря на более ограниченный период, вследствие многочисленности внутренних и внешних событий по объёму превосходила бы хронологически более продолжительную первую часть. Лазарев и Халфин планировали также обширное введение, включающее «в себя проблематику темы исследования, обзор источников и литературы, а также исторические, этнографические, географические, демографические и другие сведения по курдам и Курдистану», и заключение, где попытались бы «проследить судьбы курдской проблемы в новейшее время в свете... выводов» из основных глав книги [там же, с. 4].

Однако, как известно, указанная работа так и не была издана, а её планируемые части вскоре вышли в качестве индивидуальных монографий соавторов предполагаемой книги [Халфин, 1963a] и [Лазарев, 1964]. Описание частей предполагаемой монографии в проспекте полностью отражает содержание и объём изданных книг.

Первой публикацией Халфина о курдах, обнаруженной нами, являлись тезисы его доклада [Халфин, 1962b], прочитанного на состоявшейся 22–25 мая 1962 г. научной сессии по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции, организованной Научным советом

по координации научно-исследовательских работ в области востоковедения при Отделении исторических наук АН СССР. Эта публикация осталась практически неизвестной в научной литературе и поэтому не цитировалась, не была отражена в известной «Библиографии по курдоведению» 1963 г. [Мусаэлян, 1963], хотя и включена в изданную уже в постсоветский период «Библиографию» [Мусаэлян, 1996, ч. 1, с. 296].

В сессии, по итогам которой были опубликованы указанные тезисы, приняли участие востоковеды Академии наук СССР и АН союзных республик, а также вузов. Об этой сессии в целом и о выступлении Н. А. Халфина в частности вышло содержательное сообщение в «Вопросах истории» [Попов, 1962], переведённое и опубликованное в журнале *Central Asian Review* [Conference, 1963], причём предваряемое кратким указанием редакции *CAR* о его важности для понимания «сущностно-политической ориентации советских азиатских исследований». Там же указывалось на понятный интерес редакции британского журнала к «содержанию» одного из докладов — выступлению Н. А. Халфина о «британской экспансии в Курдистане в XIX в.» [Conference, 1963, р. 98].

Удивительно, но в главном востоковедческом периодическом издании СССР — «Народах Азии и Африки» — сообщение об этом, весьма крупном, общесоюзном научном мероприятии, посвящённом трём важнейшим и граничащим с Советским Союзом странам Ближнего и Среднего Востока, в котором участвовали несколько десятков виднейших советских востоковедов, было более общим и скудным, без упоминания конкретных докладов [Базиянц, 1963]. Отметим, что непосредственно курдской тематике на этой сессии было посвящено четыре доклада; кроме Н. А. Халфина по курдам выступали бакинский курдовед, перебравшийся в Советский Азербайджан из Ирана после подавления в 1946 г. Мехабадской республики — Р. Г. Гази [Попов, 1962, с. 161; Гази, 1962], а также Г. Б. Акопов [Акопов, 1962] и О. Л. Вильчевский, который посвятил свой доклад вопросу консолидации курдов в нацию [Попов, 1962, с. 161]. Однако доклад О. Л. Вильчевского в тезисах докладов по итогам сессии по неизвестной нам причине опубликован не был.

Тезисы Халфина под названием «Британская экспансия в Курдистане в XIX в.» [Халфин, 1962b] включали в себя четыре пункта и заключались в следующем: 1) возникновение интереса Англии в первой трети XIX в. к Курдистану, заинтересовавшему их благодаря «своему стратегическому положению на стыке границ Османской империи, России и Персии», в связи с чем английские агенты стали изучать Курдистан, чтобы установить влияние над рынками Курдистана и проложить торговые пути на Восток («проект Чесни»); 2) англичане разжигали «споры и конфликты между Турцией и Персией по территориальным вопросам», участвуя в разграничениях между этими странами и таким образом проникая в Курдистан; 3) особенно активно английская экспансия в Курдистан происходила во время Крымской войны и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., во время которых турецкие власти пытались подкупить курдские племена для борьбы против России; 4) в 70-х — 80-х гг. XIX в. наблюдалась активизация подрывной деятельности англичан, создавших разветвлённую «сеть дипломатических и военных представительств», вмешивавшихся «во внутреннюю жизнь курдских племён», подстрекавших «их к междоусобицам» и стремившихся «превратить Курдистан в плацдарм своей борьбы против России на Ближнем и Среднем Востоке», чему способствовало также общее ослабление Ирана и Османской империи [Халфин, 1962b].

Эти тезисы («Британская экспансия в Курдистане в XIX в.» [Халфин, 1962b]), широко раскрытые в изданной в следующем году «Борьбе за Курдистан» [Халфин, 1963a], в какой-то мере перекликались с его тезисами об английском проникновении в Среднюю Азию в XIX в. [Халфин, 1950], а также с названиями других его работ — «...английская экспансия в Средней...» [Халфин, 1957a], «Английская колониальная политика...» [Халфин, 1957b], «Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в...» [Халфин, 1958a], «Английская экспансия в Афганистане»

[Халфин, 1958b], «Провал британской агрессии...» (включавшей главу «Британская экспансия в Афганистане») [Халфин, 1959e], что неудивительно, учитывая сходство английской политики в этих регионах, да и некоторую аналогию их места и роли в международно-политических отношениях XIX в.

Доклад Халфина вызвал недовольство армянских историков, традиционно имевших весьма высокий уровень самостоятельности в советской историографии, указавших ему, «что в XIX в. не одна Англия вела агрессивную политику в Курдистане, где сталкивались интересы России и Англии» [Аванесов, Саакян, 1964, с. 93], подразумевая необходимость утверждений и об аналогичной политике России, что было обусловлено отнюдь не заботой о курдах и отражении империалистической политики в их регионе со стороны всех держав.

Как уже отмечалось, тезисы Халфина, представленные им в Баку и положившие начало его курдоведческим публикациям, не использовались другими авторами и не цитировались. Хотя здесь можно учесть, что тезисы в целом нечасто цитируются, однако в тот период даже они представляли собой одну из редких публикаций по вопросу экспансии великих держав в Курдистане. Впрочем, опубликованная вскоре монография привлекла всё внимание к себе.

Ещё одна небольшая публикация Халфина, ранее не использовавшаяся в курдоведении (по крайней мере, нам не известны ссылки на неё), хотя и отражённая в постсоветской «Библиографии» Ж. С. Мусаэлян [Мусаэлян, 1996, ч. 1, с. 299], также представляла тезисы доклада под названием «Курдская проблема в новое время и её историография», прочитанного на научной конференции по колониальной политике и национально-освободительному движению народов Балканского полуострова и Ближнего Востока, созванной секцией национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки Научного совета при АН СССР по изучению истории международного рабочего и национально-освободительного движения, а также Институтом народов Азии АН СССР и Кишиневским университетом, состоявшейся в этом вузе в октябре 1963 г. [Силин, 1964; Халфин, 1963b].

В сообщении о конференции, опубликованном в «Вопросах истории» [Силин, 1964], говорилось и о докладе Халфина [Силин, 1964, с. 121]⁶, в котором он, отмечая превращение курдской проблемы в одну «из самых острых и животрепещущих ближневосточных проблем», относил её возникновение не к новейшему времени, а к началу XIX в., а само её содержание представлял в качестве освободительного движения «курдских племён против турецкого и иранского гнёта» и стремления «колониальных держав (главным образом Англии, России и Германии) использовать это движение с целью захвата политических, военно-стратегических и экономических позиций в Курдистане» [Халфин, 1963b, с. 39]. Некоторые фразы в этом докладе повторяют положения из приведённого совместного с М. С. Лазаревым проспекта — об актуальности изучения курдской проблемы, находящейся на низком уровне, её причинах, отражении ею межимпериалистических, турецко-иранских и внутренних противоречий, не разрешённых «и в современную эпоху» и предоставляющих возможность империалистам организовывать заговоры и провокации «против СССР... и борющихся за свободу народов Востока», а также о важности изучения этой темы для понимания всех сложных драматических и противоречивых процессов, которые происходили

⁶ Следует отметить, что на конференции с докладом выступал и Г. Л. Бондаревский — «Правда об англо-кувейтском соглашении 1899 г.», осветивший «относительно слабо изученный советскими историками эпизод британской колониальной политики» и «на основании данных советских архивов» показавший, «как посредством провокационных действий британская агентура в 90-х годах XIX в. проникла в северо-западный район Персидского залива и навязала в январе 1899 г. правителю Кувейта шейху Мубаракку соглашение, положившее начало зависимости этой страны от Англии» [Силин, 1964, с. 121]. Правда, в издание докладов на конференции выступление Г. Л. Бондаревского включено не было.

в предшествующие «десятилетия на стыке территорий Турции, Ирана, Ирака, Сирии и Советского Союза, т. е. в районе, имеющем исключительно важное значение с точки зрения политической, экономической и, особенно, военно-стратегической», отсутствии научной литературы по курдской проблеме, тенденциозности западных работ, необходимости исследования уникальных источников, хранящихся в советских центральных архивах [Халфин, 1963b, с. 39–40; Лазарев, Халфин, б. г., с. 1–2]. Хотя эти тезисы были названы историографией курдской проблемы, по сути речь в них шла лишь о необходимости её изучения и отсутствии исследований по этой теме, без каких-либо конкретных сведений.

Таким образом, приступив вместе с М. С. Лазаревым после июльской революции в Ираке 1958 г. по заданию высших партийных органов страны и руководства Института востоковедения АН СССР к исследованию курдской проблемы, Халфин, уже имея значительный опыт изучения вопросов, в какой-то мере имеющих сходство с ней, легко освоил новую тему, изложив вскоре свои положения в тезисах и проспекте планируемой совместно с М. С. Лазаревым монографии, нашедших развитие в книге, положившей начало новому направлению в отечественном и мировом курдоведении.

Литература / References

Аванесов С., Саакян Р. В секторе востоковедения (обсуждение книги Н. Халфина). *Известия АН АрмССР. Общественные науки*. 1964. № 5. С. 91–94 [Avanesov S., Saakyan R. In the sector of oriental studies (discussion of the book by N. Khalfin). *Izvestiya Akademii nauk Armyanskoi SSR. Obshchestvennyye nauki*. 1964. No. 5. Pp. 91–94 (in Russian)].

Акопов Г. Б. Развитие капиталистических отношений в иранском Курдистане. *Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции (1962; Баку). Тезисы докладов / АН СССР. ИНА. М.: ИВЛ, 1962. С. 41–43* [Akopov G. B. The development of capitalist relations in Iranian Kurdistan. *Session on the history and economy of Afghanistan, Iran and Turkey (1962; Baku). Abstracts*. Moscow, 1962. Pp. 41–43 (in Russian)].

Бабаходжаев А., Ланда Л., Станишевский А., Халфин Н. Провал захватнических планов англо-американских империалистов в Средней Азии. *Звезда Востока* [Ташкент]. 1951. № 8. С. 129–156 [Babakhodzhaev A., Landa L., Stanishevsky A., Khalfin N. The failure of the aggressive plans of the Anglo-American imperialists in Central Asia. *Zvezda Vostoka* [Tashkent]. 1951. No. 8. Pp. 129–156 (in Russian)].

Базиянц А. П. Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции. *Народы Азии и Африки*. 1963. № 1. С. 240–241 [Baziyants A. P. Session on the history and economy of Afghanistan, Iran and Turkey. *Narody Azii i Afriki*. 1963. No. 1. Pp. 240–241 (in Russian)].

Венюков М. И. Очерк международных вопросов в Азии. *Русский вестник*. Т. 128. 1877. Апрель. С. 511–559 [Venyukov M. I. Essay on international issues in Asia. *Russkij vestnik*. Vol. 128. 1877. April. Pp. 511–559 (in Russian)].

Гази Р. Г. Разработка истории национально-освободительного движения курдского народа. *Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции (1962; Баку). Тезисы докладов / АН. ИНА. М.: ИВЛ, 1962. С. 9–10* [Gazi R. G. Development of the history of the national liberation movement of the Kurdish people. *Session on the history and economy of Afghanistan, Iran and Turkey (1962; Baku). Abstracts*. Moscow, 1962. Pp. 9–10 (in Russian)].

Копоть Е. М. Российская военная разведка в Азиатской Турции и Сирии во второй половине XIX в. *Исторический вестник*. 2019. Т. 30. С. 266–293 [Kopot' E. M. Russian military intelligence in Asian Turkey and Syria in the second half of the 19th century. *Istoricheskiy vestnik*. 2019. Vol. 30. Pp. 266–293 (in Russian)].

Лазарев М. С. Крушение турецкого господства в арабских странах в годы первой мировой войны. Автореф. дисс... к. и. н. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1956. 15 с. [Lazarev M. S. The collapse of Turkish domination in the Arab countries during the First World War. Abstract of the PhD Thesis. Moscow, 1956. 15 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. [Рец. на:] Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке. М.: Изд-во АН СССР, 1958а. 214 с. *Советское востоковедение*. 1958а. № 5. С. 169–172 [Lazarev M. S. [Rev. on:] Kotlov L. N. *The national liberation uprising of 1920 in Iraq*. Moscow, 1958а. 214 pages. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1958а. No. 5. Pp. 169–172 (in Russian)].

Лазарев М. С. Империалистическая политика Антанты в арабских владениях Турции в 1914–1918 годах. *Новая и новейшая история*. 1958b. № 6. С. 66–87 [Lazarev M. S. The imperialist policy of the Entente in the Arab possessions of Turkey in 1914–1918. *Novaya i novejschaya istoriya*. 1958b. No. 6. Pp. 66–87 (in Russian)].

Лазарев М. С., Халфин Н. А. Курдская проблема и международные отношения на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. (монография, 30 п. л.): проспект. *Неопубл. рукопись*. Без года [но до 1962 г.]. 4 л. [Lazarev M. S., Khalfin N. A. The Kurdish problem and international relations in the Middle East in the 19th — early 20th centuries. (monograph, 30 pp.): Proposal. *Unpublish. Manuscript*. No date [but before 1962]. 4 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. *Курдистан и курдская проблема. (90-е годы XIX в. — 1917 г.)* / АН СССР. ИНА. М.: Наука, 1964. 400 с. [Lazarev M. S. *Kurdistan and the Kurdish problem. (90s of the 19th century — 1917)*. Moscow, 1964. 400 p. (in Russian)].

Лазарев М. С. Путь в востоковедение. Н. А. Халфин (1921–1987). *О коллегах и товарищах: Московские востоковеды 60–80-х годов*. М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1994. С. 169–184 [Lazarev M. S. Path to Oriental studies. N. A. Khalfin (1921–1987). *About colleagues and comrades: Moscow Orientalists of the 60–80s*. Moscow, 1994. Pp. 169–184 (in Russian)].

Мгой Ш. Х. *Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской республике. (1958–1970 гг.)* / АН АрмССР. ИВ. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1977. 329 с. [Mgoi Sh. Kh. *The problem of national autonomy of the Kurdish people in the Iraqi Republic. (1958–1970)*. Yerevan, 1977. 329 p. (in Russian)].

Мгой Ш. Х. *Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время* / АН АрмССР, ИВ. М.: Наука, 1991. 322 с. [Mgoi Sh. Kh. *Kurdish national issue in Iraq in modern times*. Moscow, 1991. 322 p. (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1957–1971 гг.). Статья первая. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 4. С. 120–146. [Mossaki N. Z. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1957–1971). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2022. No. 4. Pp. 120–146 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1971–1987 гг.). Статья вторая. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023а. № 2. С. 136–156 [Mossaki N. Z. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1971–1987). Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2023. No. 2. Pp. 136–156 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Н. А. Халфина — архивиста, историка и востоковеда. *Восточный архив*. 2023b. № 1. С. 55–70 [Mossaki N. Z. To the 100th anniversary of N. A. Khalfin — archivist, historian and orientalist. *Vostochnyj arkhiv*. 2023b. No. 1. Pp. 55–70 (in Russian)].

Мусаэлян Ж. С. [составитель]. *Библиография по курдоведению* / АН СССР. ИНА. М.: ИВЛ, 1963. 184 с. [Musaelyan Zh. S. [compiler]. *Bibliography on Kurdish Studies*. Moscow, 1963. 184 p. (in Russian)].

Мусаэлян Ж. С. *Библиография по курдоведению (начиная с XVI века)*. Ч. I–II. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 448 с., 480 с. [Musaelyan Zh. S. *Bibliography on Kurdish studies (starting from the 16th century)*. Part. I–II. St. Petersburg, 1996. 448 p., 480 p. (in Russian)].

Ниалло А., Халфин Н. А. Туркестанский хлопок и американские миллионы (Из истории американской экспансии в Средней Азии). *Звезда Востока*. 1953а. № 3. С. 99–117 [Niallo A., Khalfin N. A. Turkestan cotton and American millions (From the history of American expansion in Central Asia). *Zvezda Vostoka*. 1953а. No. 3. Pp. 99–117 (in Russian)].

Ниалло А., Халфин Н. А. Туркестанский хлопок и американские миллионы. *Звезда Востока*. 1953b. № 5. С. 99–109 [Niallo A., Khalfin N. A. Turkestan cotton and American millions. *Zvezda Vostoka*. 1953b. No. 5. Pp. 99–109 (in Russian)].

Попов М. В. Научная сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции. *Вопросы истории*. 1962. № 10. С. 161–163 [Popov M. V. Scientific session on history on the history and economy of Afghanistan, Iran and Turkey. *Voprosy istorii*. 1962. No. 10. Pp. 161–163 (in Russian)].

Свенске К. Ф. *Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год*. Том первый. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1855. 525 с. [Svenske K. F. *Review of the most important travels and geographical discoveries in the five-year period from 1848 to 1853*. Vol. I. St. Petersburg, 1855. 525 p. (in Russian)].

Силин А. С. Историческая наука в СССР. В Отделении истории АН СССР и научных советах. Научная конференция по истории национально-освободительного движения на Балканах и Ближнем Востоке. *Вопросы истории*. 1964. № 7. С. 119–122 [Silin A. S. Historical science in the USSR. In the Department of History of the Academy of Sciences of the USSR and scientific councils. Scientific conference on the history of the national liberation movement in the Balkans and the Middle East. *Voprosy istorii*. 1964. No. 7. Pp. 119–122 (in Russian)].

Хазанов А. М. *50 лет в Храме Востоковедной науки*. М. [б. и.], 2009 [Khazanov A. M. *50 years in the Temple of Oriental Science*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Борьба за Памир 1883–1895 (по архивным данным)*. Дисс... к. и. н. — Ташкент: САГУ, 1945 [Khalfin N. A. *The struggle for the Pamirs 1883–1895 (according to archival data)*. Abstract of the PhD Thesis. Tashkent, 1945 (in Russian)].

Халфин Н. А. Английское проникновение в Среднюю Азию в XIX в. *Тезисы научных докладов на Юбилейной конференции Среднеазиатского государственного университета, посвященной двадцатипятилетию УзССР* / Глав. ред. С. У. Умяров / САГУ. Ташкент, 1950. С. 29 [Khalfin N. A. British penetration into Central Asia in the 19th century. *Abstracts of scientific reports at the Anniversary Conference of the Central Asian State University, dedicated to the twenty-fifth anniversary of the Uzbek Soviet Socialist Republic* / Ed. by S. U. Umyarov. Tashkent, 1950. P. 29 (in Russian)].

Халфин Н. А. Американское проникновение в Индию и Афганистан в первой половине XIX века. *Звезда Востока*. 1952. № 11. С. 69–85 [Khalfin N. A. American penetration into India and Afghanistan in the first half of the 19th century. *Zvezda Vostoka*. 1952. No. 11. Pp. 69–85 (in Russian)].

Халфин Н. А. Восстание Исхак-хана в Южном Туркестане и позиция русского царизма (1888 г.). *Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. История стран Востока. Новая серия, выпуск LXVIII [68]. Востоковедческие науки*, книга 9. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955а. 68. С. 107–126 [Khalfin N. A. The revolt of Ishak Khan in South Turkestan and the position of Russian tsarism (1888). *Trudy Sredneaziatskoko gosudarstvennogo universiteta*. Issue 68. Book 9. Tashkent, 1955a. Pp. 107–126 (in Russian)].

Халфин Н. А. Из истории «сеистанского вопроса» (конец XIX — начало XX в.). *Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. История стран Востока. Новая серия, выпуск LXVIII [68]. Востоковедческие науки*, книга 9. Ташкент: Изд-во САГУ, 1955б. 68. С. 157–171 [Khalfin N. A. From the history of the “Seistan question” (end of the 19th — beginning of the 20th century). *Trudy Sredneaziatskoko gosudarstvennogo universiteta*. Issue 68. Book 9. Tashkent, 1955b. 68. Pp. 157–171 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX в.* Ташкент: Изд-во САГУ, 1956а. 86 с. (Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина. Труды. Новая серия. Вып. LXXXVII [87]; Исторические науки. Кн. 13) [Khalfin N. A. *Three Russian missions. From the history of Russian foreign policy in the Middle East in the second half of the 60s of the XIX century*. Tashkent, 1956a. 86 p. (in Russian)].

Халфин Н. А. Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50–80 гг. XIX века). *Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина. Труды*. Вып. 94: Исторические науки. Кн. 14. 1957а. Вып. 94. С. 29–46 [Khalfin N. A. Sultan's Turkey and British expansion in Central Asia (50–80s of the 19th century). *Central Asian State University. Proceedings*. Issue 94: Historical sciences. Book. 14. 1957a. Issue 94. Pp. 29–46 (in Russian)].

Халфин Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). — Ташкент: Изд-во САГУ, 1957б. 251 с. (Труды САГУ. Новая серия, выпуск СХ [110]. Исторические науки, книга 24/ САГУ) [Khalfin N. A. *British colonial policy in the Middle East (70s of the XIX century)*. Tashkent, 1957b. 251 p. (in Russian)].

Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира. *История СССР*. 1958а. № 2. С. 103–112 [Khalfin N. A. British expansion in Central Asia in the 30s-40s of the 19th century and Richmond Shakespeare's Mission. *Istoriya SSSR*. 1958а. No. 2. Pp. 103–112 (in Russian)].

Халфин Н. А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX в. *Независимый Афганистан: 40 лет независимости: Сборник статей / АН СССР*. ИВ. [Отв. ред. Р. Т. Ахрамович]. М.: Изд-во вост. лит., 1958б. С. 180–218 [Khalfin N. A. British expansion in Afghanistan and the liberation struggle of the Afghan people in the first half of the 19th century. *Independent Afghanistan: 40 years of independence: Collection of articles*. Moscow, 1958b. Pp. 180–218 (in Russian)].

Халфин Н. А. Начало американской экспансии в странах Средиземноморья и Индийского океана. М.: Изд-во вост. лит., 1958с. 110 с. [Khalfin N. A. *The beginning of American expansion in the countries of the Mediterranean and the Indian Ocean*. Moscow, 1958с. 110 p. (in Russian)].

Халфин Н. А. Некоторые вопросы международных отношений на Среднем Востоке в XIX веке в индийской историографии. *Советское востоковедение*. 1958д. № 4. С. 146–154 [Khalfin N. A. Some issues of international relations in the Middle East in the 19th century in Indian historiography. *Sovetskoe vostokovedenie*. 1958d. No. 4. Pp. 146–154 (in Russian)].

Халфин Н. А. Миф об «антиколониализме» США и практика их отношений с Востоком. [[Рец. на:] Harin Shah. The Great Abdication. American Foreign Policy in Asia and Africa. Delhi: Atna Ram and Sons, 1957. 327 pp.]. *Мировая экономика и международные отношения*. 1959а. № 2. С. 141–144 [Khalfin N. A. The myth of US «anti-colonialism» and the practice of their relations with the East. [Rev. on:] Harin Shah. The Great Abdication. American Foreign Policy in Asia and Africa. Delhi: Atna Ram and Sons, 1957. 327 pp. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 1959а. No. 2. С. 141–144 (in Russian)].

Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России и его прогрессивные последствия (обзор литературы за 1956–1958 гг.). *История СССР*. 1959б. № 2. С. 196–199 [Khalfin N. A. Accession of Central Asia to Russia and its progressive consequences (literature review for 1956–1958). *Istoriya SSSR*. 1959b. No. 2. Pp. 196–199 (in Russian)].

Халфин Н. А. Объединенная научная сессия, посвященная прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. *Проблемы востоковедения*. 1959с. № 5. С. 284–286 [Khalfin N. A. Joint scientific session dedicated to the progressive significance of the accession of Central Asia to Russia. *Problemy vostokovedeniya*. 1959с. No. 5. Pp. 284–286 (in Russian)].

Халфин Н. А. Проблема Пуштунистана. *Краткие сообщения Института востоковедения*. XXXV (Международные отношения и колониальная политика). 1959д. С. 35–48 [Khalfin N. A. The problem of Pash-tunistan. *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya*. XXXV. 1959d. Pp. 35–48 (in Russian)].

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. — начало XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959е. 210 с. [Khalfin N. A. *The failure of British aggression in Afghanistan (XIX century — the beginning of the XX century)*. Moscow, 1959е. 210 p. (in Russian)].

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М.: Изд-во вост. лит., 1960а. 272 с. [Khalfin N. A. *Russian policy in Central Asia (1857–1868)*. Moscow, 1960а. 272 p. (in Russian)].

Халфин Н. А. Миссия Э. Робертса. *Проблемы востоковедения*. 1960с. № 1. С. 183–189 [Khalfin N. A. Mission of E. Roberts. *Problemy vostokovedeniya*. 1960с. No. 1. Pp. 183–189 (in Russian)].

Халфин Н. А. Новые ленинские материалы по Востоку. *Проблемы востоковедения*. 1960д. № 2. С. 156–160 [Khalfin N. A. New Leninist materials on the East. *Problemy vostokovedeniya*. 1960д. No. 2. Pp. 156–160 (in Russian)].

Халфин Н. А. Создание и распад Британской колониальной империи. М.: ИВЛ, 1961а. 106 с. [Khalfin N. A. *Formation and disintegration of the British colonial empire*. Moscow., 1961а (in Russian)].

Халфин Н. А. Буржуазная историография о некоторых вопросах взаимоотношений Советского Союза со странами Азии и Африки. *Народы Азии и Африки*. 1961b. № 5. С. 140–149 [Khalfin N. A. Bourgeois historiography on some issues of relations between the Soviet Union and the countries of Asia and Africa. *Narody Azii i Afriki*. 1961b. No. 5. Pp. 140–149 (in Russian)].

Халфин Н. А. Англо-синдские отношения в первой половине XIX в. (Из истории захвата Синда). *Краткие сообщения Института народов Азии*. XLV. 1961c. С. 4–17 [Khalfin N. A. Anglo-Sindh relations in the first half of the 19th century (From the history of the capture of Sind). *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii*. XLV. 1961c. Pp. 4–17 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество, 1857–1876*. Дисс... д-ра ист. наук. В 2-х т. М., 1961d [Khalfin N. A. *Russian policy in Central Asia and the Anglo-Russian rivalry, 1857–1876*. Habilitation Diss. In 2 vol. Moscow, 1961d (in Russian)].

Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии и англо-русское соперничество (1857–1876). Автореф. дисс... д-ра ист. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. М., 1962a. 42 с. [Khalfin N. A. *Russian policy in Central Asia and the Anglo-Russian rivalry (1857–1876)*. Hab. Thesis. Moscow, 1962a. 42 c. (in Russian)].

Халфин Н. А. Британская экспансия в Курдистане в XIX в. *Сессия по вопросам истории и экономики Афганистана, Ирана и Турции (1962; Баку)*. Тезисы докладов / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Изд-во. вост. лит., 1962b. С. 18–19 [Khalfin N. A. British expansion in Kurdistan in the 19th century. *Session on the history and economy of Afghanistan, Iran and Turkey (1962; Baku)*. Abstracts. Moscow, 1962b. Pp. 18–19 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.)* / Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1963a. 171 с. [Khalfin N. A. *Struggle for Kurdistan (Kurdish question in international relations of the 19th century)*. Moscow, 1963a. 171 p. (in Russian)].

Халфин Н. А. Курдская проблема в новое время и её историография. Доклады научной конференции на тему: «Колониальная политика империалистических держав и национально-освободительное движение на Балканах и Ближнем Востоке». Кишинев, 22–26 октября 1963 г.: Тезисы / Научный совет при АН СССР по проблеме «История международного рабочего и национально-освободительного движения». Кишиневский гос. ун-т, Ин-т народов Азии СССР. Кишинев, 1963h. С. 39–40 [Khalfin N. A. The Kurdish problem in modern times and its historiography. *Reports of the conference on the topic: 'The colonial policy of the imperialist powers and the national liberation movement in the Balkans and the Middle East.'* Chisinau, October 22–26, 1963: Abstracts. Chisinau, 1963b. Pp. 39–40 (in Russian)].

Conference on the History and Economy of Afghanistan, Persia and Turkey. *Central Asia Review*, 1963. Vol. XI. No. 1. Pp. 98–102.

Shakely F. Lazarev — sovjetisk kurdolog och historiker, intervju: Ferhad Shakely. *Svensk-Kurdisk Journal*. 1987. Nr. 9. S. 4–8 [Shakely F. Lazarev — Soviet Kurdologist and historian, interview: Ferhad Shakely. *Svensk-Kurdisk Journal*. 1987. Nr. 9. S. 4–8 (in Swedish)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-120-127

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«Н. А. ИВАНОВ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ. К 95-ЛЕТИЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО»

© 2024

А. Д. Васильев, Н. М. Горбунова, О. М. Курникова¹

В настоящей статье представлен обзор круглого стола памяти советского и российского историка, востоковеда-арабиста, основателя Отдела истории Востока Николая Алексеевича Иванова. Мероприятие состоялось в Москве, в Институте востоковедения РАН 29 ноября 2023 г. и было организовано Отделом истории Востока. В ходе круглого стола коллеги и ученики обсудили научное наследие Н.А. Иванова, его вклад в изучение истории стран Ближнего Востока и Северной Африки, поделились воспоминаниями о первых годах работы нового Отдела истории Востока и о совместной деятельности с Николаем Алексеевичем. С докладами на круглом столе выступили заместитель директора ИВ РАН В.А. Кузнецов, заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока В.Я. Белокреницкий, заведующий Отделом истории Востока А.Д. Васильев, заведующая Отделом искусства и материальной культуры Д.В. Дубровская, научные сотрудники Отдела истории Востока, Отдела памятников письменности народов Востока, Центра арабских и исламских исследований, а также приглашенные специалисты по истории Северной Африки. Был отмечен большой вклад Н.А. Иванова в изучение истории Арабского Востока и Османской империи в период ее образования. Особое внимание было обращено на его работы по истории Туниса и монографию «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574», впервые опубликованную в 1984 г. и переведенную на арабский, французский и турецкий языки. Оригинальные, впервые выдвинутые Ивановым концепции, по словам выступающих, позволили ученым и дальше развивать его идеи об аграрных отношениях, генезисе капитализма на Востоке, арабо-османском феодализме, исторической роли ислама и многие другие.

Ключевые слова: Николай Алексеевич Иванов, отечественное востоковедение, арабист, Северная Африка, Османская империя, Отдел истории Востока

Для цитирования: Васильев А. Д., Горбунова Н. М., Курникова О. М. Круглый стол «Н.А. Иванов и его вклад в развитие отечественного востоковедения. К 95-летию выдающегося ученого». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 120–127. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-120-127

¹ Васильев Александр Дмитриевич, доктор исторических наук, зав. Отделом истории Востока Института востоковедения РАН, Москва; advasilyev@mail.ru

Alexander D. Vasilyev, PhD (Hist.), Head of Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; advasilyev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2947-4413

Горбунова Наталья Максовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nigorbunov@mail.ru

Natalia M. Gorbunova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nigorbunov@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-3949-0700

Курникова Оксана Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; o.kurnikova@ivran.ru

Oxana M. Kurnikova, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; o.kurnikova@ivran.ru
 ORCID: 0000-0001-9593-8912

ROUND TABLE “N. A. IVANOV AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF ORIENTAL STUDIES. 95TH ANNIVERSARY OF AN OUTSTANDING SCHOLAR”

Alexander D. Vasilyev, Natalia M. Gorbunova, Oхana M. Kurnikova

This article provides an overview of the round table in memory of the Soviet and Russian historian, orientalist-Arabist, founder of the Department of Oriental History Nikolai Alekseevich Ivanov. The event took place in Moscow at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on November 29, 2023 and was organized by the Department of Oriental History. During the round table, academic colleagues and students discussed the scientific heritage of N.A. Ivanov, his contribution to the study of the history of the countries of the Middle East and North Africa, shared memories of the first years of work of the new Department of Eastern History and joint activities with Nikolai Alekseevich. Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences V.A. Kuznetsov, Head of the Center for the Study of the Near and Middle East V.Ya. Belokrenitsky, Head of the Department of Oriental History A.D. Vasilyev, Head of the Department of Art and Material Culture D.V. Dubrovskaya, researchers from the Department of Oriental History, the Department of Written Monuments of the Peoples of the East, the Center for Arabic and Islamic Studies, as well as invited specialists in the history of Middle East and North Africa made presentations at the round table. The participants noted great contribution of N.A. Ivanov in the study of the history of the Arab East and the Ottoman Empire during the period of its formation. Particular attention was paid to his works on the history of Tunisia and the monograph “The Ottoman conquest of the Arab countries. 1516-1574”, first published in 1984 and then translated into Arabic, French and Turkish. The original concepts first put forward by Ivanov, according to the speakers, allowed scientists to further develop his ideas about agrarian relations, the genesis of capitalism in the East, Arab-Ottoman feudalism, the historical role of Islam and many others.

Keywords: Nikolai Alekseevich Ivanov, national oriental studies, Arabist, North Africa, Ottoman Empire, Department of Oriental History

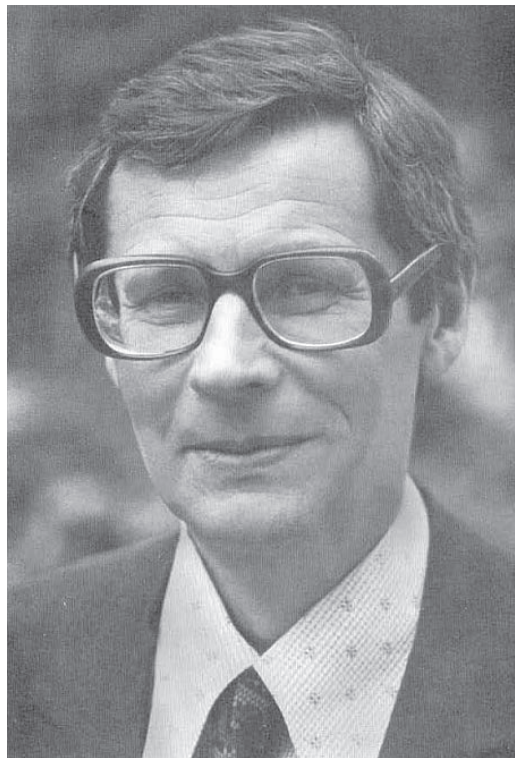
For citation: Vasilyev A. D., Gorbunova N. M., Kurnikova O. M. Round Table “N. A. Ivanov and his Contribution to the Development of Oriental Studies. 95th Anniversary of an Outstanding Scholar”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 120–127. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-120-127

29 ноября 2023 г. в Институте востоковедения РАН прошёл круглый стол «Н. А. Иванов и его вклад в развитие отечественного востоковедения. К 95-летию выдающегося учёного», посвящённый памяти известного востоковеда, специалиста по арабскому Востоку, основателя Отдела истории Востока.

Предваря обзор выступлений, расскажем, каким был Николай Алексеевич Иванов.

Он родился в 1928 г. в семье служащего в г. Вятке (Кирове). Его отца как бывшего офицера русской армии дважды арестовывали, что наложило отпечаток на его мировоззрение на всю жизнь и объясняло его глубокий интерес к истории России с ее крутыми поворотами и трагической судьбой. После окончания школы в 1946 г. Николай Алексеевич поступил на истфак МГУ, где преподавали известные востоковеды И. М. Рейснер, Б. Н. Заходер, Е. А. Беляев. Его первыми шагами в арабистике руководил талантливый учёный Владимир Борисович Луцкий. Полученные фундаментальные знания позволили Н. А. Иванову подниматься все выше к вершинам научного познания арабских стран и Востока в целом. Ему было свойственно критическое отношение к взглядам старшего поколения, неизбежное и одновременно уважительное. Понимая важность

и необходимость объективного исторического исследования крупных событий в восточных странах, он долго обдумывал каждую написанную им фразу и в процессе публикации работы жёстко отстаивал свою правоту.

Первую монографию «Кризис французского протектората в Тунисе» [Иванов, 1971], опубликованную в 1971 г., Н. А. Иванов защитил в качестве докторской диссертации в следующем году. Ею он завершил свой цикл «тунисоведения», заложив основу изучения Туниса в нашей стране. Этот уникальный труд занял достойное место в мировой историографии Туниса. Тунису были посвящены многие его статьи в журналах, сборниках, коллективных монографиях и отдельном справочнике. Он исследовал причины быстрой арабизации местного населения, начиная с VIII в., и красочно описывал процессы легендарного переселения в Тунис бедуинов *бану хильяль* и *бану сулейм*. В своих работах он признавал огромное значение религии, однако резко осуждал клерикализм и мракобесие любых фанатиков.

Николай Алексеевич был знатоком не только новой и новейшей истории стран Магриба, но и арабского средневековья. Об этом говорят его знаменитые работы об Ибн Халдуна, свободных и податных племенах Северной Африки в XIV в. С 70-х годов XX в. он начал разрабатывать концепцию арабо-османского феодализма, опираясь на собственные изыскания и на труды отечественных и зарубежных арабистов и туркологов. Изучал политические и социальные институты Османской империи с точки зрения влияния на них ислама как системы мировоззрения. Исследование специфики арабо-османской общины XVI–XVII вв. завершилось циклом замечательных статей. Особо отметим, что для этого, помимо знания французского, английского, арабского, немецкого и итальянского языков, он овладел турецким языком.

Итогом таких титанических усилий, по замечанию Роберта Григорьевича Ланды, закономерно стало создание «великолепной работы, которая во многом может поспорить с всемирно известным фундаментальным трудом Ф. Броделя “Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II”» [Ланда, 1997, с. 16], — книги «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» [Иванов, 1984]. Она настолько ярко и правдиво описывает внутреннюю жизнь народов и стран востока и юга Средиземноморья, экспансии Западной Европы и Османской империи, что была по достоинству оценена, переведена и издана на арабском и турецком языках. Книга явилась вершиной мастерства Н. А. Иванова как историка и свидетельством его неоспоримого таланта. В ней он впервые дал оригинальную трактовку причин относительной легкости завоевания османами арабских стран как освободительного движения народов.

Николай Алексеевич углубленно занимался теорией аграрных отношений, европейской колонизацией арабских стран, ролью ислама и зарождением капитализма в арабском мире. В последние годы его интерес к феномену восточного деспотизма завершился прекрасным тематическим сборником, выпущенным Отделом истории Востока. Он обращался к проблемам всеобщей

и отечественной истории в поисках ответа на многие нерешённые до сих пор вопросы. Круг его научных интересов был настолько широк, что в рамках небольшой статьи его затруднительно описать.

Большое внимание Николай Алексеевич уделял преподавательской деятельности в ИСАА при МГУ и в Российском открытом университете ИВ РАН, руководил работой дипломников и аспирантов. Курс его лекций по всеобщей истории был издан в 2005 г. А полный список его работ опубликован в книге «Н. А. Иванов. Труды по истории исламского мира» [Иванов, 2008] в 2008 г.

Николая Алексеевича отличали исключительные человеческие качества, доброжелательность к коллегам, готовность помочь разобраться со сложными научными проблемами, порядочность и скромность. В то же время он твердо отстаивал свою точку зрения в спорах по принципиальным вопросам. В Отделе истории Востока у него было много единомышленников, но он был корректен со всеми сотрудниками и уважал их мнение, даже будучи не согласен с ними. Он был заядлым курильщиком и, отлично владея иронией, на замечания, что курить вредно, отвечал, что «жить вообще вредно». Говорил, что научные сотрудники «удовлетворяют собственное любопытство за государственный счет». Любил шутки и анекдоты, заразительно смеялся, при этом считал себя пессимистом. Весельчак и оптимист Петр Михайлович Шаститко всегда находил в нем отличного собеседника. А все обеденные перерывы в столовой института или на доступных так называемых «комплексных обедах» в близлежащих ресторанах Иванов неизменно проводил в компании со своим другом Робертом Григорьевичем Ландой.

В Отделе истории Востока сейчас трудится новое поколение ученых, эта традиция заложена нашими учителями и в немалой степени Н. А. Ивановым, который сумел воспитать многих крупных ученых-арабистов, таких как Д. Д. Баширов, А. А. Коровиков, А. М. Васильев, А. Г. Иванов-Голицын (Князев) и других. Его имя привлекало в отдел многих ученых института. Формируя Отдел истории, Николай Алексеевич обращал внимание не только на научные заслуги будущего сотрудника, но и на его человеческие качества. Значимым пополнением отдельского коллектива стало появление в нем Дмитрия Дмитриевича Васильева, обладавшего отличными организаторскими способностями. Вместе с Александром Александровичем Столяровым они расширили тематику отдела эпиграфическими исследованиями. После ухода из жизни Н. А. Иванова в 1994 г. коллектив отдела единодушно избрал своим новым руководителем Д. Д. Васильева, и с тех пор наш отдел непрерывно развивается и обновляется.

Тематикой круглого стола памяти Н. А. Иванова стало обсуждение научных трудов учёного, его вклад в изучение арабского Востока, воспоминания о личных встречах и совместной работе в Институте востоковедения РАН.

Мероприятие открыл заместитель директора по научной работе, руководитель Центра арабских и исламских исследований, к. и. н. **Василий Александрович Кузнецов** докладом «Современный Тунис в работах Н. А. Иванова».

В своём выступлении Василий Александрович представил нам Николая Алексеевича Иванова как основоположника изучения современного Туниса в России, в Советском Союзе, основываясь на его статьях, работах и докторской диссертации «Кризис французского протектората в Тунисе» [Иванов, 1971], посвящённых данной проблематике, выделив некоторые аспекты, которым уделялось особое внимание в исследованиях.

По словам докладчика, в работах Н. А. Иванова можно увидеть как бы два разных рассказа, повествования о современном Тунисе с точки зрения идеи, идеологии, сути, но переданные примерно одинаковым образом, одной схемой: есть две силы — добро и зло. В первых работах Н. А. Иванова о современном Тунисе, изданных в 50-х, 60-х годах, хорошая сила — это тунисский народ, колонизированный народ, это национально-освободительное движение. Идет развитие, повышение самосознания,

улучшаются методы борьбы, в противовес этому есть нехорошие силы — империалисты, колонизаторы, французы, которым дана негативная оценка. В более поздних работах про современный Тунис картина меняется, а схема остаётся прежней: есть хорошие, есть плохие. Хорошими становятся тунисские коммунисты, а отрицательным героем — авторитарное руководство страны. При этом есть еще один нюанс, как отметил Василий Александрович: Н. А. Иванов в своих работах выбирает подчеркнута неперсонифицированный взгляд на историю, на политический процесс и поэтому мало что говорит про конкретных исторических личностей — например, тот же самый Хабиб Бургиба имеет смысл только как выразитель неких типических черт общих сил. Он важен, потому что выражает типическое.

В заключение В. А. Кузнецов подчеркнул, что вклад Николая Алексеевича Иванова в развитие знаний об арабском мире, в изучение арабских стран в период новой и новейшей истории очень велик и его работы не теряют актуальности в настоящее время.

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий, д. и. н., заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, в своем выступлении особо отметил вклад Н. А. Иванова в отечественное востоковедение, высоко оценил его научную деятельность, уделив более пристальное внимание его работе «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» [Иванов, 1984]. В. Я. Белокреницкий отметил глубокое понимание Н. А. Ивановым отличий Запада от Востока, его мощный теоретический вклад в развитие проблемы сравнительно-сопоставительного исследования истории институтов Востока и Запада, сравнимый с работами широко известного на западе Э. Саида.

В следующем докладе с. н. с. Отдела истории Востока, к. и. н. **Наталья Максовна Горбунова** — главный соратник, друг и товарищ Николая Алексеевича, инициатор и основной организатор этого памятного мероприятия, рассказала слушателям о его научном творчестве.

По инициативе Н. М. Горбуновой была подготовлена книга «Труды по истории исламского мира» [Иванов, 2008], куда вошли основные работы об арабо-исламском мире и Востоке Николая Алексеевича Иванова.

В своем выступлении Наталья Максовна, начав с биографической справки, представила нашему вниманию творческий путь в науке Н. А. Иванова: он писал научные работы по истории Египта и Туниса, изучал историю арабов в древности, средневековье, новое и новейшее время. Глубокое изучение истории Туниса завершилось монографией «Кризис французского протектората в Тунисе» [Иванов, 1971]. Концепция арабо-османского феодализма была изложена Н. А. Ивановым в ряде статей, опубликованных в конце 70-х годов. Интерес Николая Алексеевича к господству османов в арабском мире вылился в монографическое исследование «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» [Иванов, 1984], впервые опубликованное в 1984 г. в скромном бумажном переплете, а через 4 года эта книга была переведена на арабский язык и опубликована в Бейруте. Спустя много лет стараниями Д. Д. Васильева ее смогли прочитать ученые и студенты и на турецком языке. Николай Алексеевич Иванов свыше 40 лет посвятил изучению истории арабского Востока, исследованию проблемы Восток–Запад, работая в Институте востоковедения РАН. В общей сложности его авторству принадлежит более ста научных работ и публикаций.

Заведующий Отделом истории Востока, д. и. н. **Александр Дмитриевич Васильев**, в продолжение слов Н. М. Горбуновой в своем выступлении подробно остановился на монографии Н. А. Иванова «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» [Иванов, 1984]. А. Д. Васильев рассказал о важности и непроходящей актуальности этой монографии для исследователей Ближнего Востока из разных стран. Особое внимание докладчик обратил на идею сделать перевод книги на турецкий язык, на воплощение в жизнь этой задумки и возникающих сложностях при ее реализации. Усилиями Дмитрия Дмитриевича Васильева при поддержке Турецкого исторического общества эта книга была переведена на турецкий язык и в 2013 г. вышла в свет в Анкаре

[Иванов, 2013]. По словам докладчика, с тех пор книга стала неотъемлемой частью турецких исследований по истории Ближнего Востока в XVI–XVII вв. На нее постоянно ссылаются турецкие авторы, которые занимаются этой проблематикой, этим регионом, этим периодом. Александр Дмитриевич отметил, что у Николая Алексеевича получилась книга, написанная по отношению к туркам и османскому завоеванию Ближнего Востока и арабских стран очень комплиментарно, и где-то даже эта книга вступает в гармонию с теми взглядами на роль Османской империи в арабском мире в XVI в., которые сейчас активно пропагандируются турецким правительством и развиваются турецкими учеными. Концепция Николая Алексеевича, в которой он говорит о том, что Османская империя несла с собой социальную справедливость, порядок, справедливый суд и более передовое социально-политическое устройство, туркам, без сомнения, очень близка.

Подводя итог своему выступлению, А. Д. Васильев еще раз отметил, что прекрасный слог написания, близкий к турецкому пониманию историко-политических процессов на Востоке, подход Николая Алексеевича обусловили интерес и популярность его книги, о чем свидетельствует то, что в 2022 г. вышло ее переиздание, что, безусловно подтверждает ее востребованность и актуальность.

В своем докладе «Научное наследие Н. А. Иванова и проблема изучения современной этнографической ситуации в Египте: потомки мамлюков» д. и. н., г. н. с. Отдела памятников письменности народов Востока ИВ РАН **Дмитрий Валентинович Микульский** продемонстрировал взгляд арабиста на монографию Н. А. Иванова «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» [Иванов, 1984] и рассказал о важности этой книги лично для него. Он осветил некоторые моменты, связанные с этнической общностью, указал на соединяющие самосознание и историческую память черты у современных потомков мамлюков, рассказал об интересной эволюции взглядов египетской интеллигенции на книгу Н. А. Иванова, которая первоначально была воспринята в штыки как не соответствующая духу арабского национализма. Однако в последнее время заметна тенденция к более объективному обсуждению прошлого Египта: книга Н. А. Иванова заняла свое достойное место в историографии мамлюков и была переведена на арабский язык.

В своем сообщении «Вклад Н. А. Иванова в изучение арабских провинций Османской империи» **Алевтина Олеговна Дементьева**, представляющая Финансовый университет при правительстве РФ, рассмотрела вопрос развития арабских провинций в составе Османской империи на примере монографии Н. А. Иванова «Османское завоевание арабских стран. 1516–1574» [Иванов, 1984], сделав акцент на идеологической составляющей завоевания арабских стран и заострив внимание на политико-экономической составляющей в работах Н. А. Иванова. Она отметила, что значение этой работы Н. А. Иванова состоит в анализе сложного сочетания религиозно-политических, правовых и социальных аспектов включения значительной части Ближнего Востока в состав Османской империи и того, как османским султанам удалось встроить совершенно различные по своему культурному, хозяйственному и политическому устройству территории в ткань единого государства.

В докладе «Группа по изучению истории Центральной Азии» под руководством Бориса Павловича Гуревича в Отделе истории Востока» д. и. н., заведующая Отделом искусства и материальной культуры ИВ РАН **Динара Викторовна Дубровская** поделилась воспоминаниями с собравшимися о начале своей научной деятельности в Институте востоковедения, сотрудничестве с Б. П. Гуревичем и исследовании вопросов Центральной Азии, рассказала о прекрасных ученых, с которыми ей в дальнейшем удалось поработать в Отделе истории Востока под руководством Иванова Н. А.: Леониде Сергеевиче Васильеве, Олеге Ефимовиче Непомнине, Льве Ивановиче Мирошникове, Святославе Игоревиче Потабенко и, конечно же, самом Николае Алексеевиче Иванове. Д. В. Дубровская отметила, что Николай Алексеевич создал такую благоприятную обстановку

в отделе, в которой все сотрудники могли спокойно работать и выдавать результат, а Дмитрий Дмитриевич Васильев, возглавив после него отдел, сохранил и приумножил сложившиеся при его предшественнике традиции Отдела истории Востока.

Продолжился круглый стол ярким выступлением д. и. н., в. н. с. Отдела искусства и материальной культуры ИВ РАН **Алексея Леонидовича Рябинина**. Его сообщение было наполнено добрыми воспоминаниями о времени создания Отдела истории Востока и той лёгкой и свободной обстановке, которая сложилась в коллективе.

По словам Алексея Леонидовича, первоначально был создан сектор истории народов Востока, который впоследствии и лег в основу Отдела истории Востока во главе с Николаем Алексеевичем Ивановым. Сектор был создан в 1985 г. с целью координировать работу по написанию и дальнейшему изданию шеститомной «Истории Востока с древнейших времён до наших дней». Возглавляла сектор Клара Зармайровна Ашрафян, специалист по средневековой Индии, курировал проект Георгий Федорович Ким, бывший в те времена заместителем директора Института востоковедения. По численному составу подразделение было небольшим и состояло из семи человек, а поставленная задача по написанию многотомной «Истории Востока» была масштабна. В итоге было принято решение о создании Отдела истории. Постепенно здесь собрались корифеи востоковедной науки: Леонид Сергеевич Васильев, Леонид Борисович Алаев, Олег Ефимович Непомнин, Эдуард Салманович Кульпин, Дмитрий Дмитриевич Васильев, Михаил Викторович Горелик и многие-многие другие, о которых можно говорить очень долго. И, конечно же, венчал эту пирамиду творческих талантов, знаний, любви к науке Николай Алексеевич Иванов. Необходимо отметить, сказал докладчик, что управлять такими ярко выраженными индивидуальностями очень трудно, но Николай Алексеевич всегда находил подход и к отдельным личностям, и к группам по интересам — одним словом, с каждым сотрудником у него было понимание и взаимодействие. Он всего себя отдавал работе, все силы вкладывал в организацию и развитие отдела, поэтому внутриотдельская атмосфера была очень благоприятная, хотелось идти на работу и общаться со всеми этими замечательными людьми, узнавать от них новое, обмениваться впечатлениями, обсуждать монографии, советоваться, решать любые вопросы. Такая обстановка в Отделе истории Востока была, несомненно, заслугой Николая Алексеевича: он был всегда тактичен, никогда не повышал голос, каждому давал стимул к дальнейшей работе. Он действительно любил науку, и под его эгидой в значительной степени была создана большая часть той самой шеститомной «Истории Востока».

Завершил свое выступление А. Л. Рябинин стихотворением Эдгара Аллана По «Сонет к науке», которое как раз и говорит о таких подвижниках науки, как Николай Алексеевич Иванов:

Наука! Ты — дитя Седых Времен!
Меня всё вниманьем глаз прозрачных,
Зачем тревожишь ты поэта сон,
О коршун! крылья чьи — взмах истин мрачных!
Тебя любить? И мудрой счесть тебя?
Зачем же ты мертвишь его усилья,
Когда, алмазы неба возлюбя,
Он мчится ввысь, раскинув смело крылья!
Дианы коней кто остановил?
Кто из леса изгнал Гамадриаду,
Услав искать приюта меж светил?
Кто выхватил из лона вод Наяду?
Из веток Эльфа? Кто бред летних грез,
Меж тамарисов, от меня унёс?

Литература / References

Иванов Н. А. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV веке. *Арабские страны: история*. Под ред. Е. А. Лебедева и др. М., 1963. С. 152–159 [Ivanov N. A. Free and Taxable Tribes of North Africa in the 14th Century. Arab Countries: A History. Ed. by E. A. Lebedev et al. Moscow, 1963. Pp. 152–159 (in Russian)].

Иванов Н. А. *Кризис французского протектората в Тунисе*. М., 1971 [Ivanov N. A. The Crisis of the French Protectorate in Tunisia. Moscow, 1971 (in Russian)].

Иванов Н. А. *Османское завоевание арабских стран. 1516–1574*. М., 1984, 2001 [Ivanov N. A. *Ottoman Conquest of the Arab Countries. 1516–1574*. Moscow, 1984, 2001 (in Russian)].

Иванов Н. А. (отв. ред.) *Феномен восточного деспотизма*. М., 1993 [Ivanov N. A. (ed.). *The Phenomenon of Oriental Despotism*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Иванов Н. А. *Труды по истории исламского мира*. М., 2008 [Ivanov N. A. *Works on the History of the Islamic World*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран (1516–1574) [на тур. яз]. Ankara, 2013 [Ivanov N. A. (in Turkish)].

Ланда Р. Г. Николай Алексеевич Иванов. Личность. Историк Востока. *Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. Памяти Н. А. Иванова*. М., 1997. С. 7–19 [Landa R. G. Nikolai A. Ivanov. Personality. The Historian of the Orient. *Moscow Oriental Studies. Essays, Research, and Developments. In Commemoration of N. A. Ivanov*. Moscow, 1997. Pp. 7–19 (in Russian)].

От редакции

В этом номере мы приветствуем и представляем читателям наших коллег из Луганского государственного педагогического университета, где прошла научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения выдающегося арабиста Вольфа Менделевича Бейлиса. Публикуя материалы этой конференции, мы рады интеграции луганских востоковедов в наше общероссийское сообщество и надеемся, что это откроет путь для установления профессиональных контактов и сотрудничества.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-128-129

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ИСТОРИИ ВОСТОКА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. М. БЕЙЛИСА)»

© 2024

З. А. Саидов, Л. С. Милокост, О. А. Дибас¹

Обзор конференции, состоявшейся 19–20 мая 2023 г. в Луганском государственном педагогическом университете и посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося арабиста В.М. Бейлиса.

Для цитирования: Саидов З. А., Милокост Л. С., Дибас О. А. Научная конференция «Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока (к 100-летию со дня рождения В.М. Бейлиса)». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 128–129. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-128-129

¹ Саидов Зиявудин Абасович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета, Луганск; ziyavudin59@mail.ru
Ziyavudin A. Saidov, PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; ziyavudin59@mail.ru

Милокост Любовь Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета, Луганск; lubov.milokost@mail.ru
Lubov S. Milokost, PhD (Hist.), Head of the Department of World History and International Relations of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; lubov.milokost@mail.ru

Дибас Оксана Андреевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета, Луганск; oksana-dibasa@rambler.ru
Oksana A. Dibas, PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of World History and International Relations of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; oksana-dibasa@rambler.ru

CONFERENCE “PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCES AND HISTORY OF THE ORIENT DEDICATED TO THE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF V. M. BEYLIS)”

Ziyavudin A. Saidov, Lubov S. Milokost, Oksana A. Dibas

A review of the conference “Problems of Historiography, Sources, and History of the Orient” organized by Lugansk State Pedagogical University in commemoration of the hundredth anniversary of V. M. Beylis, an outstanding Arabist.

For citation: Saidov Z. A., Milokost L. A., Dibas O. A. Conference “Problems of Historiography, Sources and History of the Orient Dedicated to the Hundredth Anniversary of V. M. Beylis”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 128–129. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-128-129

19-20 мая 2023 г. на базе кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета прошла Открытая научно-практическая конференция «Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока (к 100-летию со дня рождения В. М. Бейлиса)». Организаторами конференции выступили Луганский государственный педагогический университет, Институт востоковедения РАН и Армавирский государственный педагогический университет.

Целью конференции было сохранение и популяризация научного наследия Вольфа Менделевича Бейлиса, укрепление научных связей учреждений, занимающихся изучением истории стран Востока, восточных языков периода средневековья, нового и новейшего времени.

Бейлис В. М. (1923–2001) — выдающийся историк-арабист, основатель уникальной научной школы, занимающейся исследованием арабских средневековых рукописей. С именем Вольфа Менделевича связано становление и функционирование центра востоковедческих исследований на Луганщине, а его ученики продолжают дело своего наставника как в рамках ведущих научно-исследовательских центров Российской Федерации, так и за рубежом.

Тематика представленных на конференции докладов охватывала значительный пласт исторических исследований и включала вопросы археологии, историографии и источниковедения стран Востока; истории стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока; Кавказа и кавказоведения, а также актуальные проблемы стран Востока на современном этапе.

Конференция проводилась в смешанном (очном и дистанционном) формате. Работа ее проходила в рамках заседания основной секции, а также заседания секции молодых ученых. В основной секции приняли участие 29 человек, было заслушано 20 докладов исследователей Института востоковедения РАН, Института всеобщей истории РАН, Луганского государственного педагогического университета, Армавирского государственного педагогического университета, Дагестанского государственного университета.

Конференция продемонстрировала неиссякающий интерес к обсуждавшимся вопросам, а также важность сохранения и развития научного потенциала школ востоковедения, регионального сотрудничества и взаимодействия с ведущими центрами востоковедения.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-130-138

О В. М. БЕЙЛИСЕ (1923–2001)

© 2024

З. А. Саидов¹

Статья посвящена анализу научного наследия выдающегося ученого-востоковеда Вольфа Менделевича Бейлиса, доктора исторических наук, профессора. Кратко описаны основные направления научно-исследовательской деятельности В. М. Бейлиса, представлен обзор его главных трудов по восточному историческому источниковедению. Дана оценка его вкладу в изучение средневековых арабских письменных памятников как исторических источников и разработке методики их исследования.

Ключевые слова: В. М. Бейлис, востоковед, арабские письменные памятники, исторические источники, Луганский государственный педагогический университет

Для цитирования: Саидов З. А. О В. М. Бейлисе (1923–2001). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 130–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-130-138

ABOUT V. M. BEYLIS (1923–2001)

Ziyavudin A. Saidov

The article deals with analysis of the academic heritage of outstanding Arabist, doctor of history, professor Wolff Baylis, who would have been 100 years old this year. It presents the researches of W.M. Baylis, overviews his major works on historical source studies, his contributions to the study of Arab written records as historical sources and development of a methodology for their research

Keywords: W. M. Baylis, Arab written records, historical records, Lugansk state pedagogical university

For citation: Saidov Z.A. About V. M. Beylis (1923–2001). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 2. Pp. 130–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-130-138

19-20 мая прошлого года на базе Луганского государственного педагогического университета прошла мемориальная научно-практическая конференция «Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока», посвященная 100-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора В. М. Бейлиса. Очередной раз университет отдал дань уважения памяти человеку, прекрасному историку и педагогу, посвятившему свою жизнь изучению средневековых арабских источников, с чьим именем связано становление и развитие уникального центра востоковедных исследований на Луганщине.

¹ Саидов Зиявудин Абасович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета, г. Луганск (Луганская Народная Республика); ziyavudin59@mail.ru

Ziyavudin A. Saidov, PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of World History and International Relations, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk (Luhansk People's Republic); ziyavudin59@mail.ru

Вольф Менделевич Бейлис родился 24 марта 1923 г. в городе Василькове Киевской области Украинской ССР. После киевской СШ № 19 в 1940 г. В. М. Бейлис поступил на историко-филологический факультет Киевского государственного университета им. Т. Г. Шевченко. Уже на первом курсе Вольф Менделевич увлёкся Арабским Востоком. Существенное влияние на такой выбор оказал выдающийся арабист, филолог, ученик и сподвижник академика А. Е. Крымского Тауфик Гаврилович Кезма (1882–1958), руководивший факультативным курсом изучения арабского языка для студентов и аспирантов на историческом факультете университета. Обучение в университете и занятия арабским языком были прерваны началом Великой Отечественной войны. Вольф Бейлис уже в июле 1941 г. был мобилизован в ряды Красной армии и зачислен курсантом в Томское артиллерийское училище, которое окончил в звании младшего лейтенанта. С июня 1942 г. сначала в должности командира взвода, а затем артиллерийской батареи 16-й мотострелковой бригады 25-го танкового корпуса воевал под Воронежем, на Дону и в Донбассе. В феврале 1943 г. был тяжело ранен под Павлоградом Днепропетровской области и оказался на захваченной немцами территории. После освобождения оккупированной территории в августе 1943 г. В. М. Бейлис вернулся в действующую армию и в должности командира противотанковой пушки отдельного штурмового батальона III Украинского фронта участвовал в боях за освобождение Украины. Прошел сквозь ряд кровавых сражений, в том числе Яско-Кишиневскую наступательную операцию, снова получил ранение. В феврале 1945 г. командир взвода полковой артиллерии младший лейтенант В. М. Бейлис был награждён орденом Красной Звезды, а в мае того же года — медалью «За победу над Германией».

После демобилизации в 1946 г. из рядов Красной армии В. М. Бейлис вернулся на исторический факультет КГУ им. Т. Г. Шевченко, где продолжил своё образование. Помимо обязательного курса обучения Вольф Менделевич в 1946–1950 гг. усиленно занимался изучением арабского языка под руководством своего наставника Т. Г. Кезмы, а на последних курсах обучения сосредоточился на штудировании специальной литературы в местных востоковедческих книжных фондах, значительную часть которых составляла коллекция академика А. Е. Крымского. Итогом его студенческих научно-исследовательских стараний, направленных на изучение сведений средневековых арабских авторов по истории стран и народов Советского Союза, стала дипломная работа на тему: «Хроника Мухаммада ан-Несави как источник по истории Средней Азии и Закавказья».

В 1950 г. В. М. Бейлис, окончив университет с отличием, начал свою профессиональную деятельность в СШ № 1 города Чернобыля Киевской области и проработал здесь сначала в качестве учителя истории, затем завуча и директора школы до 1964 г.

При всей занятости учебной и воспитательной работой в школе он целеустремленно продолжал заниматься изучением истории и культуры арабского мира, а также приложил немало усилий для создания в Киеве центра восточных исследований. Летом 1960 г., когда он уже получил признание как знаток языка, истории и культуры арабского мира, руководство Государственной публичной библиотеки УССР пригласило его для транскрибирования и перевода названий книг на восточных языках из личной библиотеки А. Е. Крымского. За два месяца работы он не только описал и систематизировал книги из коллекции А. Е. Крымского, но и подготовил докладную записку «О создании Кабинета востоковедения в системе АН УССР» на имя директора Института археологии АН УССР С. Н. Бибикова (1908–1988), отвечавшего тогда за развитие ориенталистики в украинской науке. В ней обосновывалась необходимость создания при Государственной публичной библиотеке УССР отдела Востока, где были бы собраны все книги из коллекции А. Е. Крымского и другая литература на восточных языках, а также необходимые справочные издания. Вольф Менделевич предлагал создать в Киеве исследовательский центр по подобию «арабских

кабинетов», функционировавших в Москве и Ленинграде в рамках Института народов Азии. По его задумке создание такой структурной единицы в системе науки УССР существенно продвинуло бы дело развития востоковедения в республике. Старания В. М. Бейлиса, поддержанные другими сподвижниками востоковедной науки в Украине, в конечном итоге побудили руководящие чины Академии наук обратить внимание на развитие ориенталистики в республике, и в 1964 г. при Институте истории АН УССР был создан Отдел истории зарубежных стран Востока.

В 1955 г. В. М. Бейлис поступил на заочное отделение аспирантуры сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР. Его научным руководителем был назначен известный советский востоковед, специалист по средневековой истории Ближнего и Среднего Востока, заведующий Восточным отделом исторического факультета МГУ Борис Николаевич Заходер (1898–1960). В период учёбы в аспирантуре Вольф Менделевич познакомился с молодыми арабистами, ставшими впоследствии известными советскими учёными-востоковедами, — З. М. Бунятовым, А. П. Новосельцевым, Л. А. Семёновой, П. А. Грязневичем и др. Продолжительная дружба и научное сотрудничество с ними оказали огромное влияние на его последующую научно-исследовательскую работу. Важную роль в становлении В. М. Бейлиса как исследователя сыграл харьковский востоковед профессор А. П. Ковалевский, которого наряду с Т. Г. Кезмой можно отнести к числу его наставников.

Еще во время обучения в аспирантуре Вольф Менделевич получил признание как специалист по арабскому Востоку, стал сотрудничать с энциклопедическими изданиями. В 1959 г. начала издаваться многотомная Украинская советская энциклопедия. Для нее В. М. Бейлис подготовил статьи об арабских поэтах Абу Нувасе (756–814), ал-Муганабби (915–965), ал-Маари (979–1057), арабском филологе, историке, литераторе Абу-л-Фарадже ал-Исфахани (897–967), об Александрийской библиотеке, ассасинах, писателе-мистике ал-Джахизе (775–868), о литературе Ливана, персидском поэте Саади (1181–1291), иракском поэте и филологе конца XIX — первой половины XX вв. Ааруфе ар-Русафи (1875–1945). В середине 1960-х годов Вольф Менделевич подготовил для Советской исторической энциклопедии статьи, посвященные выдающимся средневековым арабомусульманским учёным ал-Мас'уди (ок. 896–956), ал-Мукаддаси (945/946–1000), ан-Нувайри (1279–1332), а также европейским востоковедам Теодору Нельдеке (1836–1930), Христиану Снук-Хюргронье (1857–1936) и Жозефу Рено (1795–1867) Его статьи об ал-Мас'уди и ал-Мукаддаси вошли также в Большую Советскую энциклопедию.

Кандидатская диссертация В. М. Бейлиса «Сочинения ал-Масуди как источник по истории Восточной Европы X века» была выполнена в классических традициях отечественной арабистики и явилась продолжением начатой в 30-е годы XX столетия работы советских учёных по изучению сведений средневековых арабских авторов об истории стран и народов на территории Советского Союза. Ее успешная защита прошла в 1963 г. в Институте народов Азии АН СССР [Бейлис, 1963, с. 24].

Формальное и фактическое признание в отечественном востоковедении как одного из выдающихся историков-арабистов второй половины прошлого столетия Вольф Менделевич получил в Луганске. В сентябре 1964 г. по результатам конкурса он был избран старшим преподавателем кафедры всеобщей истории Луганского педагогического института им. Тараса Шевченко (современный Луганский государственный педагогический университет) и проработал здесь доцентом, а затем профессором кафедры всемирной истории на протяжении 37 лет до своей кончины. Годы работы в Луганском вузе были заполнены активной учебно-воспитательной и продуктивной научно-исследовательской деятельностью. Здесь он читал лекции и вел семинары у студентов-историков по истории древнего мира и средних веков. Один из его первых студентов, впоследствии ректор

пединститута А. А. Климов, писал о нем: «Его эрудиция, глубина знаний, талант блестящего лектора, настоящая интеллигентность, принципиальность в соединении с доброжелательностью и порядочностью привлекали к нему всех, кому посчастливилось у него учиться» [Климов, 2010, с. 281].

Ещё во время работы над кандидатской диссертацией его внимание привлекли сведения ал-Масуди и других средневековых арабских авторов о Кавказском регионе. В 1963 г. Вольф Менделевич опубликовал обширную статью «Из истории Дагестана VI–XI веков. Сарир», ставшую первым в советском востоковедении цельным очерком по истории государства Сарир в средневековом Дагестане, положившим начало комплексному исследованию истории Восточного Кавказа этого периода на основе арабских источников [Бейлис, 1963, с. 24]. В том же году в переводе на русский язык было издано фундаментальное исследование «История Ширвана и Дербенда X–XI вв.» известного востоковеда В. Ф. Минорского (1877–1966), трудившегося в Англии [Минорский, 1963, с. 266]. В. Ф. Минорский, признанный в мировой ориенталистике как востоковед, исследователь истории, исторической географии, литературы и культуры народов Ирана и Кавказа, после ознакомления с публикацией В. М. Бейлиса высоко оценил его потенциал как арабиста, что предопределило их личное знакомство и последующее общение.

В. М. Бейлис, поддерживавший тесные связи с А. П. Ковалевским, не мог обойти вниманием главный предмет исследований своего наставника — важный и во многом уникальный источник по истории народов Восточной Европы «Рисале» Ибн Фадлана. Проанализировав опыт изучения сочинения Ибн Фадлана, Вольф Менделевич сформулировал как главную задачу в дальнейшем изучении этого крайне важного источника по раннесредневековой истории народов СССР более подробное исследование конкретных фактов, приводимых Ибн Фадланом, и сопоставление его сообщений с аналогичными сведениями таких средневековых арабских авторов, как ал-Истахри, Ибн Русте, ал-Масуди и др. [Бейлис, 1965, с. 150].

В середине 1960-х В. М. Бейлис приступил к изучению не изданного до этого времени и малоизученного раннесредневекового арабского источника, работа над которым оказалась делом трудоемким и существенно расширила его исследовательское поле. Речь идет о рукописи «Сборника рассказов, стихов и писем» сельджукского провинциального чиновника XI в. из Аррана Мас'уда ибн Намдара, фотокопия которой из арабского фонда Парижской национальной библиотеки в 1962 г. при содействии ленинградского востоковеда С. Б. Шишмана была получена азербайджанским коллегой и близким другом З. М. Буниятовым и передана луганскому арабисту [Буниятов, 1979, с. 12]. Подготовительная работа к введению в научный оборот данного произведения завершилась изданием в 1970 г. факсимиле «Сборника рассказов, стихов и писем» Мас'уда ибн Намдара в серии «Памятники письменности Востока». Издание уникального и сложнейшего по своей структуре арабского письменного источника существенно повлияло на признание в кругах отечественных востоковедов Вольфа Менделевича Бейлиса как одного из крупнейших исследователей в области восточного исторического источниковедения.

Результаты многолетней работы по переводу и анализу сочинения Мас'уда ибн Намдара были обобщены учёным в докторской диссертации «Сочинения Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы», успешная защита которой состоялась в 1975 г. в Институте истории АН Азербайджанской ССР [Бейлис, 1975, с. 53]. Диссертация как исторический нарратив, созданный на базе сведений Мас'уда Ибн Намдара об Арране и Ширване конца XI — начала XII вв., существенно расширила представления о провинциальной жизни в сельджукской империи в период ее заката. Как весомый вклад в развитие отечественной и мировой арабистики необходимо рассматривать

объемное приложение к диссертации, содержащее комментированный перевод всего текста сочинения Мас'уда ибн Намдара.

Дело в том, что крупнейшие представители восточного исторического источниковедения во Франции и Англии К. Каэн и В. Ф. Минорский, которые впервые в европейской ориенталистике обратились к оригинальной рукописи сочинения Мас'уда ибн Намдара, пришли к выводу о невозможности точного перевода текста памятника на европейские языки [Minorsky, 1949, p. 94]. Но блестящее владение арабским языком, глубочайшая эрудиция и невероятное трудолюбие Вольфа Менделевича в известном смысле опровергли такой вывод знаменитых востоковедов. Луганскому востоковеду удалось осуществить абсолютно адекватный оригиналу перевод на русский язык, исследовать и ввести в научный оборот поистине уникальный литературный памятник и исторический источник.

Работа над «Сборником» Мас'уда ибн Намдара, часть которого составляли стихи, генерировала новое направление научных изысканий В. М. Бейлиса в 1970-х — 1980-х годах — изучение средневековой арабской поэзии как исторического источника. Следующим сводом, над которым начал работать В. М. Бейлис, был сборник стихов арабского поэта эпохи Сельджукидов Абу Исхака Ибрахима ибн 'Усмана ибн Мухаммада ал-Калби ал-Ашхаби ал-Газзи (1049–1130) [Бейлис, 1984, с. 27], фотокопию рукописи которого в 1976 г. он также получил от З. М. Буниятова [Бейлис, 1982, с. 204]. В результате анализа сборника стихов ал-Газзи были выявлены и введены в научный оборот уникальные сведения о социально-политической истории Сельджукской империи в период ее кризиса, а также прояснены некоторые аспекты биографий таких известных личностей, как султан Санджар, ширваншах Фарибурз I, везир Баха' ад-Дин Рашид ад-Даулатайн и др. [Буниятов, Бейлис, 1974, с. 25]. В процессе исследования поэтической части сборника Масуда Ибн Намдара и дивана ал-Газзи Вольф Менделевич пришел к выводу, что материалы эпиграмм, панегириков и сатирических стихов не только представляют интерес для изучения развития самих этих жанров, но и позволяют более полно восстановить картину политической жизни Сельджукского государства периода его кризиса и упадка. Исходя из этого, он разработал собственные методические рекомендации для изучения подобных источников [Бейлис, 1984, с. 96].

Вольф Менделевич одновременно продолжил традиционные для него изыскание и анализ сведений арабских историков и географов IX–XII вв. о странах Восточной Европы и Древней Руси. Среди исследований подобного рода в первую очередь следует выделить статью о сведениях Мутахара ал-Макдиси (X в.) о народах Восточной Европы [Бейлис, 1969, с. 304]. В двух отдельных статьях, проанализировав сведения арабского географа и путешественника XII в. ал-Идриси (1100–1165) о Древней Руси и Причерноморье, автор идентифицировал все упомянутые арабским ученым географические названия данного региона [Бейлис, 1982, с. 204]. Многолетняя работа по идентификации топонимов и этнонимов Восточной Европы в процессе изучения сведений ал-Масуди и других средневековых арабских географов позволила Вольфу Менделевичу разработать свои ценные методические рекомендации по их исследованию: приводить в примечаниях к текстам все имеющиеся в рукописях варианты прочтения как собственных имён, так и всех иноязычных глосс; в комментариях указывать аргументы, позволяющие доказать достоверность отождествления того или иного онима; недостаточно доказанную достоверность (приемлемость) аргументировать подробно, приводя в комментариях все доводы за и против отождествления; в случае спорности отождествления или конъектуры уделять особое внимание критическому анализу идентификаций, предпринимавшихся ранее, и приводить аргументы, почему эти идентификации должны быть отвергнуты [Бейлис, 1989, с. 64–65].

В 80-е годы В. М. Бейлис начал работать над комментированным переводом второго сочинения ал-Мас'уди «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книги предупреждения и пересмотра»), но в связи с болезнью не смог его завершить и передал перевод первой части произведения своей ученице — Т. М. Калининой, талантливому московскому арабисту, кандидату исторических наук, для завершения работы над ним и подготовки к печати. Благодаря стараниям Татьяны Михайловны произведение ал-Мас'уди в переводе Вольфа Менделевича на русский язык было опубликовано в 2021 г. [Ал-Мас'уди, Абу-л-Хасан, 2021, с. 664].

В 90-е годы прошлого столетия луганский ориенталист приступил к подготовке перевода извлечений из книги историка и хадисоведа Халифы ибн Хайята ал-'Усфури (777–854) «Та'рих» («История») о событиях арабо-хазарских войн и завоевательных походах арабских войск в Закавказье, горный Кавказ и Северное Предкавказье с 645 по 743 г. Комментированный перевод всех фрагментов «Та'рих» ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах и их подробнейший текстологический анализ, осуществленные с привлечением широкого круга средневековых арабских географических и исторических сочинений, существенно пополнили информационную базу истории взаимоотношений Арабского халифата и Хазарского каганата в VII–VIII вв. [Бейлис, 2000, с. 32–53].

Вольф Менделевич был активным участником международных, всесоюзных и региональных научных конференций, среди которых можно выделить всесоюзные востоковедные конференции «Бартольдские чтения». Они регулярно проводились в Москве по инициативе Института востоковедения АН СССР с 1974 по 1993 г., и в них принимали участие наиболее авторитетные ученые-ориенталисты страны. В. М. Бейлис дебютировал на Бартольдских чтениях в 1975 г. с докладом о роли везирата в системе земельных пожалований Сельджукского государства и представил убедительные сведения из арабских источников, подтвердившие положение ряда советских и зарубежных востоковедов о прямой связи стабильности государственной системы державы Сельджукидов со степенью контроля со стороны центральной власти над земельными пожалованиями (икта) военной знати [Бейлис, 1975, с. 43–44]. На Бартольдских чтениях 1982 г. В. М. Бейлис обратил внимание на роль духовенства в политических конфликтах и выступлениях городского населения периода кризиса государства Сельджукидов (конец XI — начало XII вв.) [Бейлис, 1975, с. 53]. А на юбилейных Бартольдских чтениях 1984 г. Вольфом Менделевичем были озвучены два доклада — «К вопросу о конъектурах и попытках отождествления онимов в текстах арабских авторов IX–X вв. о Восточной Европе» и «Панегирическая поэзия как источник по политической истории и методы ее изучения (на материалах арабской поэзии конца XI — начала XII вв.)». В последующем содержание первого доклада развернуто было представлено в статье. В ней отмечалось, что обозначенная проблема чрезвычайно важна для источниковедов, поскольку они должны прибегать к конъектурам — изменениям правописания этнографических и географических терминов из средневековых трактатов вследствие сопоставления их со сведениями других произведений и современной терминологией, ибо в археографических публикациях арабских источников нередко ложные конъектуры терминов и необоснованные отождествления их с реальными географическими объектами. В связи с этим В. М. Бейлис, исходя из многолетнего опыта изучения средневековых арабских текстов, обозначил принципы обработки фрагментов восточных источников, исключающие ошибки и сомнительные объяснения [Бейлис, 1989, с. 52–66]. В 1987 г. на очередных Бартольдских чтениях Вольф Менделевич обратил внимание на арабские биографические словари как наиболее массовый источник по истории культурной и духовной жизни в странах Арабского халифата. Им была сформулирована задача систематизации и анализа биографических сведений как источника по истории стран Ближнего и Среднего Востока, Закавказья и Центральной Азии в средние века. В. М. Бейлис, подчеркнув специфику средневековых арабских биографических

произведений как массового источника, указал на то, что привлечение данного типа источников к исследованиям по социальной и культурной истории средневекового Востока требует предварительной работы по оценке достоверности их известий и особенности передачи биографических данных [Бейлис, 1987, с. 112–116].

Основные направления научно-исследовательской работы профессора В. М. Бейлиса не только тесно переплетались с тематикой Бартольдовских чтений, но также расширили ее, обозначив новые перспективные темы научных изысканий в области восточного исторического источниковедения, с сформулированными в их рамках исследовательскими задачами и возможными путями их решения. Доклады В. М. Бейлиса имели не только важное теоретическое, но и практическое значение, поскольку представляли собой конкретные методические рекомендации для исследования средневековых арабских источников.

Свой научный поиск В. М. Бейлис плодотворно совмещал с редактированием и рецензированием востоковедных исследований и текстов переводов на русский язык средневековых арабских произведений, осуществленных его коллегами-арабистами Б. Н. Заходером, З. М. Буниятовым, Л. И. Надирадзе, Л. А. Семеновой, Т. М. Калининой, Н. М. Велихановой и др. Редактирование и рецензирование подобных изданий также характеризуют его как учёного колоссальной общей эрудиции и глубокого запаса знаний оригинальных текстов средневековых арабоязычных памятников, прекрасно владеющего навыками источниковедческого анализа.

Вольф Менделевич продолжает олицетворять луганское востоковедение и в наши дни. После его кончины в 2001 г. в Луганском государственном педагогическом университете был создан научно-исследовательский центр «Восток–Запад: теория и практика межкультурных отношений» имени В. М. Бейлиса, и учебно-научной базой центра стали переданные в дар университету библиотека и личный архив ученого. К 85-летию ученого в 2008 г. был издан сборник статей с участием востоковедов из Луганска и других центров ориенталистики бывших советских республик [Бейлис, 2008, с. 255]. В 2013 г., к 90-летию со дня рождения ученого, на базе Луганского национального университета им. Тараса Шевченко прошла международная научная конференция с участием востоковедов из стран ближнего и дальнего зарубежья [Бейлис, 2013, с. 262]. 100-летие выдающегося ученого было отмечено проведением в стенах университета научной конференции с участием востоковедов из Луганска и Донецка, а также представителей Института востоковедения Российской академии наук. Все это демонстрирует, что имя профессора В. М. Бейлиса рельефно вписано как в историю Луганского государственного педагогического университета, так и в историю отечественного востоковедения.

Литература / References

Ал-Мас‘уди, Абу-л-Хасан. *Книга предупреждения и пересмотра [Текст]: издание подготовили по материалам В. М. Бейлиса [и др.]*. Перевод с арабского В. М. Бейлиса. М., 2021 [Al-Mas‘udi, Abu-l-Hassan. *The Book of Prevention and Revision [Text]: the publication based on the materials of V. M. Baylis [et al.]*. Abu-Hassan al-Mas‘udi; translated from Arabic by V. M. Baylis; Moscow, 2021 (in Russian)].

Бейлис В. М. *Сочинения ал-Масуди как источник по истории Восточной Европы X века: Автореферат дисс. ...канд. ист. наук*. Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. М., 1963 [Beylis V. M. *The writings of al-Masudi as a source on the history of Eastern Europe of the 10th century: An abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences*. Academy of Sciences of the USSR. The Institute of the Peoples of Asia. Moscow, 1963 (in Russian)].

Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI–XI веков. Сарир. В. М. Бейлис *Исторические записки*. М., 1963. Т. 73. С. 249–266 [Beylis V. M. From the history of Dagestan of the VI–XI centuries. Sarir. V. M. Beylis. *Historical notes*. Moscow, 1963. Vol. 73. Pp. 249–266 (in Russian)].

Бейліс В. М. П'ять виданнь книги Ібн Фадлана. *Український історичний журнал*. 1965. № 3. С. 145–151 [Beylis V. M. Five editions of The Book of Ibn Fadlan. *Ukrainian historical journal*. 1965. No. 3. Pp. 145–151 (in Ukrainian)].

Бейліс В. М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси. В. М. Бейліс. *Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы*. [Т.] 2. М., 1969. С. 304–320 [Beylis V. M. Peoples of Eastern Europe in a brief description of Mutahkhar al-Makdisi. V. M. Beylis. *Oriental sources on the history of the peoples of Southeastern and Central Europe*. [T.] 2. Moscow, 1969. Pp. 304–320 (in Russian)].

Бейліс В. М. О роли везирата в системе феодальных пожалований в Сельджукском государстве. *Бартольдские чтения*. М., 1975. С. 43–44 [Beylis V. M. On the role of the Vizierate in the system of feudal grants in the Seljuk state. *Bartold readings*. Moscow, 1975. Pp. 43–44 (in Russian)].

Бейліс В. М. Сочинение Мас'уда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII века и памятник средневековой арабской литературы. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук: (07.00.09) АН АзССР. Отд-ние обществ. наук. Баку, 1975 [Beylis V. M. *The work of Mas'ud ibn Namdar as a source on the history of Arran and Shirvan at the beginning of the XII century and a monument of medieval Arabic literature. Thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences: (07.00.09)*. Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Social Sciences Department. Baku, 1975 (in Russian)].

Бейліс В. М. К вопросу о роли духовенства в политических конфликтах и выступлениях горожан в период кризиса государства Сельджукидов (конец XI — начало XII вв.). *Бартольдские чтения*. 1982. Тезисы докладов и сообщений. М., 1982. С. 7–9 [Beylis V. M. On the role of the clergy in political conflicts and speeches of citizens during the crisis of the Seljukid state (late XI — early XII century). *Bartold readings*. 1982. *Abstracts of reports and communications*. М., 1982. Pp. 7–9 (in Russian)].

Бейліс В. М. Ал-Идриси о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель. *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования*. [Ежегодник]. М., 1982. С. 204–220 [Beylis V. M. Al-Idrisi on the Eastern Black Sea region and the southeastern outskirts of the Russian lands. *The ancient states on the territory of the USSR: Materials and research*. [Yearbook]. Moscow, 1982. Pp. 204–220 (in Russian)].

Бейліс В. М. Политические мотивы в творчестве арабского поэта ал-Газзи (441/1049–50–524/1129–1130). *Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования*. Ежегодник, 1976–1977. М., 1984. С. 27–53 [Beylis V. M. Political motives in the work of the Arab poet al-Gazzi (441/1049–50–524/1129–1130). *Written monuments of the East. Historical and philological research*. Yearbook, 1976–1977. Moscow, 1984. Pp. 27–53 (in Russian)].

Бейліс В. М. Панегирическая поэзия как источник по политической истории и методы ее изучения (на материалах арабской поэзии конца XI — начала XII вв.). *Бартольдские чтения* 1984. М., 1984 [Beylis V. M. Panegyric poetry as a source on political history and methods of its study (based on the materials of Arabic poetry of the late XI — early XII centuries). *Bartold readings*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Бейліс В. М. Некоторые аспекты изучения биографических известий средневековых арабских авторов. *Бартольдские чтения. Тезисы докладов и сообщений*. М., 1987. С. 112–116. [Beylis V. M. *Some aspects of the study of biographical news of medieval Arab authors* *Bartold readings Abstracts of papers and communications*. Moscow, 1987. Pp. 112–116 (in Russian)].

Бейліс В. М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними. *Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 1988. С. 67–76 [Beylis V. M. Al-Idrisi on the ports of the Black Sea coast and the connections between them. *Trade and navigation in the Black Sea basin in antiquity and the Middle Ages*. Rostov-on-Don, 1988. Pp. 67–76 (in Russian)].

Бейліс В. М. К вопросу о конъюктурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX–XIII вв. о Восточной Европе. *Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины*. Вып. 1. М., 1989. С. 52–66 [Beylis V. M. On the question of conjunctures and attempts to identify ethnonyms and toponyms in the texts of the IX–XIII centuries Arab authors about Eastern Europe. *Oriental historical source studies and special historical disciplines*. Issue 1. Moscow, 1989. Pp. 52–66 (in Russian)].

Бейлис В. М. Сообщение Халифы ибн Хаййата ал-Усфури об арабо-хазарских войнах VII — первой половины VIII вв. *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1998 г.* М.: Наука, 2000. С. 32–53 [Beylis V. M. The message of Khalifa ibn Haayat al-Ufuri about the Arab-Khazar wars of the VII–first half of the VIII century. *The ancient states on the territory of the USSR. Materials and research 1998.* Moscow, 2000. Pp. 32–53 (in Russian)].

Бунятов З. М., Бейлис В. М. Арабский поэт ал-Газзи и ширваншах Фарибурз I. *Известия АН Азербайджанской ССР.* 1979. № 4. С. 25–44 [Buniyatov Z. M., Beylis V. M. The Arab poet al-Gazzi and Shirvanshah Fariburz I. *Newletter of the Azerbaijan Academy of Sciences.* 1979. No. 4. Pp. 25–44 (in Russian)].

Климов А. О. Люди Луганського національного університету. *Історичні краєзнавчі розвідки.* Луганськ, 2010. С. 279–283 [Klimov A. A. *People of Luhansk National University. Local History Studies.* Lugansk, 2010. Pp. 279–283 (in Ukrainian)].

Мас‘уд ибн Намдар. *Сборник рассказов, писем и стихов. Факсимиле текста, предисл. и указатели В. М. Бейлиса.* М.: Наука, 1970 [Mas‘ud ibn Namdar. *Collection of short stories, letters and poems.* Facsimile of the text, preface and indexes by V. M. Baylis. Moscow: Nauka, 1970 (in Russian)].

Минорский В. Ф. *История Ширвана и Дербенда X–XI вв.* Отв. ред. А. А. Али-Заде. М., 1963 [Minorsky V. F. *The history of Shirvan and Derbend of the X–XI centuries* Ed. by A. A. Ali-Zade. Moscow, 1963 (in Russian)].

Проблеми джерелознавства, історіографії та історії Сходу: Матеріали міжнарод. наук. конф., присвяченої 90-річчю з дня народження проф. Вольфа Менделевича Бейлиса (1923–2001 рр.) (15–16 травня 2013 р., м. Луганськ). Луганськ, 2013 [Problems of source studies, historiography and history of the East: materials of International Studies. Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor Wolf Mendeleovich Beylis (1923–2001) (May 15–16, 2013, Luhansk). Luhansk, 2013 (in Ukrainian)].

Проблемы историографии, источниковедения и истории Востока: Сб. науч. статей памяти проф. В. М. Бейлиса. Луганск, 2008 [Problems of historiography, source studies and the history of the East: Collection of research articles in commemoration of Prof. V. M. Beylis. Lugansk, 2008 (in Russian)].

Minorsky V. et Claude Cahen. Le recueil transcaucasien de Masud b. Namdar. *Journal Asiatique.* T. CCXXXVII. 1949. Fasc. 1. P. 94–132.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-139-145

**НАСТАВНИК, ИСТОРИК, МЕЖДУНАРОДНИК, ВОСТОКОВЕД:
СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА М. С. БУРЬЯНА**

© 2024

Р. Г. Харьковский¹

Статья посвящена памяти выдающегося ученого Михаила Степановича Бурьяна. За годы своей жизни он положил начало формированию научной школы, в рамках которой можно выделить несколько основных направлений: история международных отношений на Большом Ближнем Востоке, проблемы межгосударственных отношений в Дальневосточном регионе, история международных отношений в Атлантике, колониальная политика европейских государств, общие проблемы истории экспансионизма. Не остались без внимания и вопросы классического востоковедения.

Ключевые слова: профессор, историк-востоковед, научная школа, научно-исследовательский центр, наставник

Для цитирования: Харьковский Р. Г. Наставник, историк, международник, востоковед: светлой памяти профессора М. С. Бурьяна. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 139–145. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-139-145

**MENTOR, HISTORIAN, INTERNATIONAL AFFAIRS SPECIALIST,
ORIENTALIST: IN COMMEMORATION OF PROFESSOR M. S. BURYAN**

Ruslan G. Kharkovsky

The article is dedicated to the memory of the outstanding scientist Mikhail Stepanovich Buryan. Over the years of his life, he initiated the formation of a research school, within which several main directions can be distinguished: the history of international relations in the Greater Middle East, problems of interstate relations in the Far Eastern region, the history of international relations in the Atlantic, the colonial policy of European states, general problems of the history of expansionism. The issues of classical Oriental studies are not ignored either.

Keywords: professor, Oriental historian, scientific school, research center, mentor

For citation: Kharkovsky R. G. Mentor, Historian, International Affairs Specialist, Orientalist: in Commemoration of Professor M. S. Buryan. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2024. No. 2. Pp. 139–145. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-139-145

¹ Харьковский Руслан Геннадиевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Института управления и государственной службы Федерального бюджетного государственного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный университет имени Владимира Даля» (ФБГОУ ВО «ЛГУ им. В. ДАЛЯ»), почётный профессор ФБГОУ ВО «ЛГУ им. В. ДАЛЯ», Луганск; www.ruslan@mail.ru.

Ruslan G. Kharkovsky, PhD (Hist.), Associate Professor, FGBOU IN LNR «LSU named after V. Dahl», Lugansk (Lugansk People's Republic), Lugansk; www.ruslan@mail.ru

Михаил Степанович Бурьян родился 5 марта 1956 г. в г. Луганске. В 1982 г. окончил исторический факультет Ворошиловградского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко (сейчас — Луганский государственный педагогический университет — ЛГПУ). После окончания истфака М. С. Бурьян поступил в аспирантуру по специальности 07.00.02 — Всемирная история в том же институте [Мелуа, 2000, с. 163].

Путь М. С. Бурьяна как ученого начался ещё во время учебы в институте, однако полноценное вступление в ряды научных деятелей произошло после защиты им кандидатской диссертации в 1990 г. на тему «Колониальная политика Великобритании в Египте в 1918–1924 гг.» в Институте востоковедения РАН под научным руководством известного проф. В. М. Бейлиса. В 1996 г. Михаил Степанович защитил уже докторскую диссертацию на тему «Кризис колониальной политики Великобритании в Египте и Судане в первой трети XX века». Данная работа, как и предыдущая, была защищена в Институте востоковедения РАН, но уже под руководством проф. Г. Л. Бондаревского, после чего М. С. Бурьян получил ученое звание доцента в 1998 г., а в 2001 г. удостоился звания профессора [Милибанд, 1995, с. 207].

Касательно профессиональной карьеры Михаила Степановича можно сказать, что она начиналась достаточно просто, как и у многих преподавателей — с работы в школе. Так, после окончания исторического факультета в 1982 г. М. С. Бурьян работал учителем в средней школе с. Городище Беловодского района Луганской области. Впоследствии стал работать ассистентом и старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории, а в 1997 г. стал научным секретарем ЛГПИ им. Т. Шевченко.

Дальнейшее продвижение М. С. Бурьяна могло быть весьма стремительным, однако стоит отметить, что его не особо интересовали руководящие должности, поэтому Михаил Степанович, поработав в 1998–2001 гг. деканом исторического факультета, с 2001 г. стал заведующим кафедрой всемирной истории и международных отношений, где он в большей степени мог посвятить себя науке. В 2006 г. был ведущим научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений РАН, а после в этом же году стал заведующим кафедрой всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета им. Тараса Шевченко. Более высоких руководящих должностей М. С. Бурьян не занимал, однако с учетом его обширной научной деятельности складывается четкое представление о том, что они и не сильно были ему необходимы — ведь должность высокого руководителя практически не оставляет времени на исторические исследования.

В то же время Михаил Степанович оказал значительную помощь становлению многих научных деятелей, которые продолжают его дело по сегодняшний день. Так, с 1998 г. М. С. Бурьян был членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Украины по историческим наукам, а позднее также вошел в состав специализированных ученых советов Института международных отношений Киевского национального университета имени Т. Шевченко и Харьковского национального университета имени В. Каразина. Кроме того, в период с 1999 по 2013 г. М. С. Бурьян в качестве научного руководителя воспитал целую плеяду молодых ученых, помог защититься более чем 30 аспирантам (Приложение 1), тем самым не только дав мощный импульс развитию исторической

науки, но и сформировав поколение преемников, многие представители которого продолжают как научную карьеру, так и работу в качестве преподавателей в отечественных образовательных и научных организациях.

Помощь аспирантам в качестве научного руководителя является далеко не единственным проявлением весомого вклада Михаила Степановича в научное развитие востоковедения. В 2001 г. М. С. Бурьян стал директором Научно-исследовательского центра им. В. М. Бейлиса «Восток–Запад: теория и история межцивилизационных отношений», в котором проводится работа по различным направлениям исторического развития Ближнего и Среднего Востока, а также особое внимание уделяется исследованию арабского языка, истории и культуры... Важным достижением исследовательского центра им. В. М. Бейлиса является его сотрудничество с ведущими центрами востоковедения Российской Федерации и стран СНГ, в частности, Институтом востоковедения РАН, Институтом востоковедения НАН Украины (до 2014 г.), а также филиалом Института востоковедения РАН в г. Санкт-Петербурге.

За время работы Центра его сотрудниками было опубликовано более 150 работ, многие из которых в значительной степени способствовали развитию арабистики и востоковедения в целом. Что же касается самого М. С. Бурьяна, то он является автором более 60 публикаций по истории государств Ближнего и Среднего Востока. При этом ряд его исследований носят фундаментальный характер, в частности — кандидатская и докторская диссертации, а также две монографии.

За свои заслуги в области науки Михаил Степанович Бурьян неоднократно награждался. Так, в 1998 г. ему был присвоен нагрудный знак «Отличник образования Украины», в 1999 г. — почетная грамота президента Украины, звание «Заслуженный деятель науки и техники Украины» в 2003 г. и нагрудный знак «Пётр Могила» в 2007 г.

М. С. Бурьяна уважали коллеги и студенты. В 2011 г. к его 55-летию был выпущен сборник статей под названием «Британская политика и мир: контуры исторического взаимодействия (к 55-летию профессора М. С. Бурьяна)» [Дёмин, Грицких, 2011], что ещё раз свидетельствует о том, что Михаила Степановича высоко ценили как ученого и просто человека. Для нас всех он был не просто профессором, посвятившим большую часть своей жизни науке, но и хорошим наставником, направившим многих по правильному пути. В наших сердцах Михаил Степанович навсегда останется взыскательным наставником и старшим товарищем.

Литература / References

Мелуа А. И. *Российская академия естественных наук: [Энциклопедия]: [В 2 т.]* / А. И. Мелуа; Под ред. О. Л. Кузнецова. 2. изд., доп. Т. 1. М. — СПб.: Гуманистика, 2000 [Melua A. I. *Russian Academy of Natural Sciences: [Encyclopedia]: [In 2 volumes]* / A. I. Melua; Ed. by O. L. Kuznetsov. 2. ed., additional. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg.: Humanistics, 2000 (in Russian)].

Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.: [В 2 кн.] / С. Д. Милибанд; [Рос. АН, Ин-т востоковедения, ИНИОН]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1995. 763 с. [Miliband S. D. *Biobibliographic Dictionary of Russian Oriental scholars since 1917: [in 2 Books]* / S. D. Miliband; [Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Ashton]. 2nd ed., redrab. and add-ons. Moscow: Nauka publ., 1995. 763 p. (in Russian)].

Британская политика и мир: контуры исторического взаимодействия: сборник статей (к 55-летию профессора М. С. Бурьяна): Сб. ст. / Под ред. О. Б. Дёмина, И. В. Грицких и др. Луганск–Одесса: ООО «Виртуальная реальность», 2011. 294 с. [*British Politics and the world: contours of historical Interaction: collection of articles (on the 55th anniversary of Professor M. S. Buryan): Collection of articles* / Edited by O. B. Demin, I. V. Gritskikh and others. Lugansk–Odessa: Virtual Reality LLC, 2011. 294 p. (in Russian)].

Приложение 1.
СПИСОК АСПИРАНТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ, ЗАЩИТИВШИХ
КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ М. С. БУРЬЯНА (1999–2013 гг.)

№№	ФИО	Дата защиты	ФИО научного руководителя	Тема диссертации	Защита проходила в:	Официальные оппоненты
1	Шелото Владимир Михайлович	21 января 1999 г.	Бурьян Михаил Степанович	Колониальная политика Испании в Африке в 1956–1975 гг.	Д 64.051.10 Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина	Беловолов Юрий Григорьевич Компшукوف Афанасий Арсентьевич
2	Ладыга Александр Иванович	29 октября 2003 г.	Бурьян Михаил Степанович	Общественно-политическая мысль в Российской империи второй половины XIX — начала XX века. Д. М. Овсяннико-Куликовский	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Добров Петр Васильевич Борисова Ольга Васильевна
3	Бернацкий Николай Петрович	29 октября 2003 г.	Бурьян Михаил Степанович	Участие рабочих в общественно-политической жизни Украинской ССР в 70-е годы	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Докашенко Виктор Николаевич Коваль Валерий Стефанович
4	Русакон Константин Анатольевич	09 января 2004 г.	Бурьян Михаил Степанович	Проблема Черноморских проливов во внешней политике Великобритании, 1892–1920 гг.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Демин Олег Борисович Татоли Татьяна Викторовна
5	Лукьянов Алексей Петрович	09 января 2004 г.	Бурьян Михаил Степанович	Проблема Гибралтара во внешней политике Испании, 1963–1985 гг.	К 29.51.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Беловолов Юрий Григорьевич Губарев Виктор Кимович
6	Гончаренко Анатолий Владимирович	24 июня 2004 г.	Бурьян Михаил Степанович	Босния и Герцеговина во внешней политике Великобритании и России в период Восточного кризиса 1875–1878 гг.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля.	Демин Олег Борисович Лобас Татьяна Викторовна
7	Грицких Игорь Владимирович	12 ноября 2004 г.	Бурьян Михаил Степанович	Экспансия и демократия: эволюция британского общества (вторая половина XIX — начало XX ст.)	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Демин Олег Борисович Шелото Владимир Михайлович

№№	ФИО	Дата защиты	ФИО научного руководителя	Тема диссертации	Защита проходила в:	Официальные оппоненты
8	Крот Валентина Андреевна	2004 г.	Бурьян Михаил Степанович	Османская экспансия в Юго-Восточной Европе и внешняя политика Польши в последней четверти XV — начале XVI вв.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Демин Олег Борисович Гончаренко Анатолий Владимирович
9	Савенков Валерий Валериевич	01 июля 2005 г.	Бурьян Михаил Степанович	Великобритания и проблема строительства Суэцкого канала	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Крапивин Александр Васильевич Гончаренко Анатолий Владимирович
10	Русанова Марина Игоревна	01 июля 2005 г.	Бурьян Михаил Степанович	Политика Великобритании по отношению к Палестине, 1915–1922 гг.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Белоловов Юрий Григорьевич Корнеева Елена Васильевна
11	Харьковский Руслан Геннадиевич	26 июля 2006 г.	Бурьян Михаил Степанович	Политика Франции в Египте, 1840–1882 гг.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Демин Олег Борисович Захарчук Олег Николаевич
12	Набока Александр Викторович	26 июля 2006 г.	Бурьян Михаил Степанович	Тайвань и политика Великобритании на Дальнем Востоке в 20-х — 90-х гг. XIX в.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Рубль Вадим Анатольевич Шелото Владимир Михайлович
13	Ширяев Михаил Валерьевич	24 ноября 2006 г.	Бурьян Михаил Степанович	Англо-российское противостоение в Средней Азии и Афганистане в 1907–1922 гг.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Троян Сергей Станиславович Гогов Олег Александрович
14	Ищенко Валентина Владимировна	02 декабря 2006 г.	Бурьян Михаил Степанович	Эволюция политики Англии в Османской империи и английская Левантийская компания (1558–1624 гг.)	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля.	Демин Олег Борисович Крот Валентина Андреевна
15	Вербовский Вадим Владимирович	2 декабря 2006 г.	Бурьян Михаил Степанович	Западная Армения во внешней политике Великобритании, 1914–1922	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Крапивин Александр Васильевич Гончаренко Анатолий Владимирович
16	Саидов Зиявудин Абасович	27 апреля 2007 г.	Бурьян Михаил Степанович	Арабские биографические словари как источники по истории ислама и арабо-мусульманской культуры на Восточном Кавказе в VII–XIII вв.	Д 26.174.01 Институт востоковедения им. А. Крымского НАН Украины	Мышак Юрий Андреевич Радивиллов Даниил Анатольевич

№№	ФИО	Дата защиты	ФИО научного руководителя	Тема диссертации	Защита проходила в:	Официальные оппоненты
17	Ласковый Дмитрий Васильевич	31 октября 2007 г.	Бурьян Михаил Степанович	Англо-российское соперничество в Персии: нефтяной фактор, 1901–1917	Д 26.174.01 Институт востоковедения им. А. Крымского НАН Украины	Гончар Борис Михайлович Гончаренко Анатолий Владимирович
18	Карпенко Николай Михайлович	09 апреля 2008 г.	Бурьян Михаил Степанович	Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины (1917–1921 гг.)	Д 26.174.01 Институт востоковедения им. А. Крымского НАН Украины	Лещенко Леонид Авдеевич Таран Макар Анатольевич
19	Шестопалец Денис Васильевич	29 октября 2008 г.	Бурьян Михаил Степанович	Произведение Ибн Теймийи «Верный ответ тем, кто подменил религию мессии» как памятник исламской антихристианской полемической литературы XIII–XIV вв.	Д 26.174.01 Институт востоковедения им. А. Крымского НАН Украины	Бубенок Олег Борисович Сайдюв Зиявудин Абасович
20	Фомина Елена Владимировна	29 октября 2008 г.	Бурьян Михаил Степанович	Имперская идея и интеллектуальная элита Великобритании: Рельярд Киплинг, 1865–1936 гг.	Д 26.174.01 Институт востоковедения им. А. Крымского НАН Украины	Рубель Вадим Анатольевич Гончаренко Анатолий Владимирович
21	Гуцол Алексей Викторович	21 апреля 2009 г.	Бурьян Михаил Степанович	Фолклендские (Мальвинские) острова во внешней политике Великобритании, 1763–1843 гг.	К 26.728.01 Дипломатическая академия Украины при Министерстве иностранных дел Украины	Яковенко Наталья Леонидовна Черевко Оксана Степановна
22	Волкова Евгения Сергеевна	30 октября 2009 г.	Бурьян Михаил Степанович	Ближневосточная политика России: миссия М. М. Муравьева, 1832–1833 гг.	Д 64.051.10 Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина	Яровой Валерий Иванович Гончаренко Анатолий Владимирович
23	Грицких Дмитрий Владимирович	03 декабря 2010 г.	Бурьян Михаил Степанович	Империя Цин во внешней политике Великобритании, 1830–1842 гг.	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Рубель Вадим Анатольевич Гуцол Алексей Викторович
24	Богданова Татьяна Геннадиевна	03 декабря 2010 г.	Бурьян Михаил Степанович	Джон Хэй и американо-английские отношения в Китае (1897–1900)	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Рубель Вадим Анатольевич Гончаренко Анатолий Владимирович
25	Саранов Сергей Викторович	13 декабря 2011 г.	Бурьян Михаил Степанович	Алжир во внешней и колониальной политике Франции	К 29.051.04 Восточноукраинский национальный университет им. Владимира Даля	Машевский Олег Петрович Захарчук Олег Николаевич

№№	ФИО	Дата защиты	ФИО научного руководителя	Тема диссертации	Защита проходила в:	Официальные оппоненты
26	Хадж Асаад Нихад Лоуфи	16 декабря 2011 г.	Бурьян Михаил Степанович	Участие Италии в европейской и евроатлантической интеграции, 1945–1957 гг.	К 29.053.07 Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко	Машевский Олег Петрович Богданова Татьяна Геннадиевна
27	Гончаренко Леся Леонидовна	16 декабря 2011 г.	Бурьян Михаил Степанович	Отто фон Бисмарк и колониальная политика Германии, 1871–1890 гг.	К 29.053.07 Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко	Троян Сергей Станиславович Гупол Алексей Викторович
28	Жуков Александр Владимирович	02 марта 2012 г.	Бурьян Михаил Степанович	Российско-британское соперничество на Дальнем Востоке, 1891–1902 гг.	К 29.053.07 Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко	Рубль Вадим Анатольевич Богданова Татьяна Геннадиевна
29	Шлеймович Михаил Иосифович	02 марта 2012 г.	Бурьян Михаил Степанович	Деятельность России в ООН по проблемам протiwодействия международному терроризму, 2000–2008 гг.	К 29.053.07 Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко	Гончар Борис Михайлович Гончаренко Анатолий Владимирович
30	Аникев Денис Алексеевич	16 марта 2012 г.	Саидов Зиявудин Абасович	Сообщения арабских географов IX–X веков о миграции кочевников в раннесредневековой Европе	К 29.053.07 Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко	Бубёнок Олег Борисович Аксенов Виктор Степанович
31	Шайхуллина Алина Валерьевна	29 июня 2012 г.	Бурьян Михаил Степанович	Политика США по отношению к Азербайджану в 1993–2000 гг.	К 29.053.07 Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко	Пронь Сергей Викторович Таран Макар Анатольевич
32	Бурьян Мария Анатольевна	26 апреля 2013 г.	Ширяев Михаил Валерьевич	Укрепление позиций Российской империи на Южном Кавказе, 1801–1879 гг.	Д 64.051.10 Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина	Рубль Вадим Анатольевич Сидун Ирина Владимировна
33	Писаный Денис Михайлович	08 июня 2013 г.	Савенков Валерий Валериевич	Идеологическое обоснование рабства в общественном мнении Западной Европы и США во второй половине XV — конце XIX вв.	К 29.053.07 Луганский национальный университет им. Тараса Шевченко	
34	Ласковий Дмитрий Васильевич (докторская диссертация)	31 мая 2013 г.	Бурьян Михаил Степанович	Великобритания и международные протiwоречия вокруг разделения персидско-месопотамской нефти, 1918–1928.	Д 64.051.10 Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина	

ВЛИЯНИЕ КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ 2014 г. НА РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ШКОЛ КАФЕДРЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

© 2024

О. А. Дибас, Л. С. Милокост¹

Статья посвящена рассмотрению влияния гражданского противостояния на Украине, начало активной фазы которого можно отнести к 2014 г., на развитие и функционирование научных школ кафедры всемирной истории и международных отношений в Луганском государственном педагогическом университете, которые к моменту начала активной фазы конфликта не только имели достаточно длительную историю развития и становления, но и весьма амбициозные планы развития.

События 2014 г. и реакция общества Юго-Востока Украины на Майдан в Киеве имели значительные последствия как для жителей региона, так и для научного сообщества. И если для территории Республики Крым события 2013–2014 гг. выразились в «Крымской весне» и дальнейшем принятии в состав Российской Федерации, то для территории Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики и научного сообщества, которое осталось на данных территориях, начался длительный период адаптации к новым социально-политическим и экономическим реалиям.

В рамках написания статьи был проведен анализ влияния факторов, связанных с ситуацией военного времени, отсутствием определенности в отношении статуса территорий, разрыва устоявшихся научных связей вследствие нарастания идеологического противостояния, а также ряда ограничений, связанных с сокращением возможностей для осуществления научных командировок, стажировок, участия в научных мероприятиях за пределами территорий на функционирование и направления работы научных школ кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета.

Ключевые слова: научная школа, разрыв научных контактов, неопределенность, конфликт, гражданское противостояние

Для цитирования: Дибас О. А., Милокост Л. С. Влияние конфликта на Украине 2014 г. на развитие школ кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 146–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-146-150

¹ Дибас Оксана Андреевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета, Луганск; oksana-dibasa@rambler.ru

Oksana A. Dibas, PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of World History and International Relations of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; oksana-dibasa@rambler.ru

Милокост Любовь Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой всемирной истории и международных отношений Луганского государственного педагогического университета, Луганск; lubov.milokost@mail.ru

Lubov S. Milokost, PhD (Hist.), Head of the Department of World History and International Relations of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; lubov.milokost@mail.ru

THE IMPACT OF THE CONFLICT IN UKRAINE IN 2014 ON THE DEVELOPMENT OF RESEARCH SCHOOLS OF THE DEPARTMENT OF WORLD HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS, LUGANSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Oksana A. Dibas, Lubov S. Milokost

The article discusses the impact of the civil confrontation in Ukraine, the beginning of the active phase of which can be attributed to 2014, on the development and functioning of scientific schools of the Department of World History and International Relations at Lugansk State Pedagogical University, which by the time the active phase of the conflict began, have not only had a fairly long history of development and formation, but also very ambitious development plans.

The events of 2014 and the reaction of the society of the Southeast of Ukraine to the Maidan in Kiev had significant consequences both for the residents of the region and for the scientific community. And if for the territory of the Republic of Crimea the events of 2013-2014 were expressed in the 'Crimean Spring' and further admission to the Russian Federation, then for the territory of the Lugansk People's Republic and the Donetsk People's Republic and the academic community that remained in these territories, a long period of adaptation to new socio-political and economic realities began.

As part of the article, an analysis was carried out of the influence of factors related to the wartime situation, the lack of certainty regarding the status of territories, the rupture of established ties as a result of the growing ideological confrontation, as well as a number of restrictions related to the reduction of opportunities for research trips, internships, participation in academic events outside the territories on the functioning and directions of academic schools of the Department of World History and International Relations of Lugansk State Pedagogical University.

Keywords: scientific school, rupture of scientific contacts, uncertainty, conflict, civil confrontation

For citation: Dibas O. A., Milokost L. S. The impact of the conflict in Ukraine in 2014 on the development of scientific schools of the Department of World History and International Relations of Lugansk State Pedagogical University. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 146–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-146-150

Развитие высшего образования на Луганщине тесно связано с процессом становления региональных научных школ. Данный процесс стал возможен лишь с привлечением научных кадров, подготовленных в рамках различных научных и образовательных учреждений СССР.

Одним из наиболее ярких научных кадров, который повлиял на включение тогда еще Луганского педагогического института в научное пространство СССР, стал выпускник Киевского государственного университета имени Тараса Шевченко, в дальнейшем — известный историк-арабист, автор уникальных комментариев и переводов средневековых арабских рукописей Вольф Менделевич Бейлис [Истфак, 2004, с. 87].

Хотя свой трудовой путь в Луганске В. М. Бейлис начал в 1964 г., став старшим преподавателем кафедры всемирной истории, но лишь в 1977 г. в Луганском государственном педагогическом институте была открыта аспирантура по всеобщей истории и началась работа по подготовке собственных научно-педагогических кадров. На протяжении 1978–2001 гг. данной работой руководил профессор В. М. Бейлис. Круг его научных интересов ярко характеризует тема докторской диссертации: «Произведение ал-Мас'уди как источник по истории Восточной Европы X ст.». В дальнейшем в данном направлении была продолжена работа на базе ЛГПИ (В. Г. Крюков, З. А. Саидов, Д. А. Аникеев),

в Институте востоковедения НАН Украины (Д. А. Радивилов, Д. В. Шестопалец), в Институте всеобщей истории РАН (Т. М. Калинина) [Бурьян, 2011, с. 5]. Результатом деятельности научной школы В. М. Бейлиса стала защита двух докторских и пяти кандидатских диссертаций [Кафедра, 2012, с. 3].

Именно Вольф Менделевич стал основателем научной школы, которая проводила исследования арабских средневековых письменных источников.

В то же время с 80-х годов XX в. преподаватели и аспиранты кафедры проявляли интерес к истории международных отношений и внешней политики европейских стран на Востоке. Так возникли предпосылки для формирования новой научной школы. Ее основателем стал один из учеников В. М. Бейлиса — доктор исторических наук, профессор Михаил Степанович Бурьян, который в 2001 г. возглавил кафедру всемирной истории и аспирантуру, а также открыл научно-учебный центр имени В. М. Бейлиса «Восток–Запад: теория и история межцивилизационных взаимоотношений». Научная школа Михаила Степановича занималась изучением истории международных, в том числе и региональных конфликтов, вопросов, связанных с борьбой за контроль над коммуникациями стратегического значения, а также проблемами колониальной политики европейских держав на Ближнем Востоке, в Средней и Восточной Азии, Атлантике, Карибском бассейне, Средиземноморье [Бурьян, 2011, с. 17].

К 2014 г. научная школа М. С. Бурьяна уже насчитывала 34 защищенных кандидатских и докторских диссертации, при кафедре осуществляли подготовку 6 аспирантов, занимающихся изучением влияния политики великих держав на развитие регионов мира. Однако на научно-образовательные процессы оказывала значительное влияние социально-политическая ситуация в Украине, которая ухудшалась с каждым последующим электоральным циклом.

В 2010 г. В. Янукович подписал закон «Об основах внутренней и внешней политики», в котором был зафиксирован внеблоковый статус Украины. В 2012 г. был подписан закон «Об основах государственной и языковой политики», согласно которому русский язык получал статус регионального там, где он являлся родным как минимум для 10% населения. Наместились позитивные сдвиги и в области экономического сотрудничества Украины с Российской Федерацией. В 2011 г. Н. Азаров подписал с семью странами СНГ Договор о зоне свободной торговли в рамках Содружества. Вместе с тем правительство В. Януковича не принимало предложений Российской Федерации о вхождении в Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана [Луганская, 2022, с. 9].

На фоне этих политических процессов все отчетливее проявлялись проблемы, связанные с выбором внешнеполитического вектора развития Украины. Так, в западных областях страны жители выступали за европейскую интеграцию, в то время как на востоке и юге граждане поддерживали участие в Таможенном союзе. В сложившихся обстоятельствах В. Янукович в качестве основной цели своего политического курса декларировал получение Украиной статуса ассоциированного члена Европейского союза и создание зоны свободной торговли, соглашение об ассоциированном членстве Украины должно было быть подписано на саммите Восточного партнерства в Вильнюсе в конце ноября 2013 года, однако за неделю до подписания украинское руководство распорядилось приостановить процесс подготовки к заключению соглашения [Луганская, 2022, с. 9].

Приостановка процесса заключения Соглашения об ассоциации с Европейским союзом выступила катализатором массовых акций протеста сторонников европейской интеграции — Майдана, которые перешли в фазу кровопролитных столкновений, привели к отстранению от власти В. Януковича и осуществлению антиконституционного переворота с дальнейшим возложением обязанностей президента Украины на Александра Турчинова. 13 апреля 2014 г. Совет национальной безопасности и обороны Украины обнародовал решение о начале на востоке Украины АТО.

Первая фаза активных боевых действий на Донбассе продолжалась с апреля по сентябрь 2014 г. и закончилась подписанием «Протокола по итогам консультаций Трехсторонней контактной

группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию Мирного плана президента Украины П. Порошенко и инициатив Президента России В. Путина» [Луганская, 2022, с. 39].

Активная фаза боевых действий проявлялась в систематических обстрелах городов. В 2014 г. преимущественно под ударом оказался именно город Луганск. Осуществлялась гуманитарная блокада города, которая проявилась в полном отключении от электро- и водо- обеспечения для гражданского населения, закрытием всех финансовых учреждений, ограничениях в обеспечении продовольствием.

Однако традиционно образовательные учреждения начинают свою работу с 1 сентября, и 2014 г. не стал исключением — работа по набору абитуриентов осуществлялась даже в период блокады и обстрелов.

После подписания 5 сентября 2014 г. Минских соглашений начался процесс возвращения населения в город и процесс восстановления разрушенной инфраструктуры. В условиях возобновления работы начали проявляться сложности, связанные преимущественно с действиями украинских властей, а также отсутствием опыта самостоятельного управления регионом.

Одной из первых проблем, с которой столкнулись представители кафедры и научных школ, стало полное прекращение финансирования со стороны Украины. Так, сотрудники, которые приступили к исполнению своих профессиональных обязанностей в сентябре 2014 г., первые выплаты получили лишь в апреле 2015 г. Единственной возможностью для выживания была гуманитарная помощь Российской Федерации, которая выдавалась населению, а также функционирование бесплатных столовых.

Значительной проблемой для 2014–2015 гг. было плохое электро- и водообеспечение, ограничение мобильной связи и интернета.

Кроме финансово-бытовых проблем представители научных школ столкнулись с попытками давления со стороны украинской власти на академическое сообщество, что проявилось в лишении 12 ученых из ЛНР и ДНР ученых званий. Данные манипуляции имели определенное воздействие на научные школы кафедры всемирной истории, которая после 2014 г. была вынуждена сменить научное руководство и лишилась опоры в лице уважаемых докторов и профессоров, которые трудовую карьеру в Луганске не возобновили.

Также научные школы лишились аспирантов, которые выбрали продолжение обучения либо на территории Украины, либо переехали на территорию Российской Федерации, сменив при этом темы научных исследований или научных руководителей.

Выбор аспирантов вполне объясним, так как на территории ЛНР не функционировали диссертационные советы по защите кандидатских и докторских диссертаций по историческим наукам, до 2017 г. практически отсутствовали журналы РИНЦ и ВАК, не говоря уже об индексируемых в Scopus и Web of Science, не были разработаны механизмы осуществления научных стажировок, отсутствовало финансирование научных командировок.

Значительным ударом для членов научных школ стало ограничение доступа к информации и утрата ряда научных контактов, нарабатывавшихся долгие годы.

Так, были приостановлены научные и иные контакты с представителями научных школ, выехавших на подконтрольную Украине территорию и ставших частью педагогического коллектива Луганского национального университета имени Тараса Шевченко в г. Старобельске, а в дальнейшем в г. Полтава. Научные связи были прекращены преимущественно из-за несовпадений в рамках трактовок событий 2013–2014 гг. и пути Украины, что сделало невозможным осуществление совместной работы, также были прекращены контакты с филиалами научных школ в Сумском государственном университете и Институте востоковедения НАН Украины.

Однако в период 2014–2018 гг. практически приостановились и научные контакты с партнерами научных школ в Российской Федерации, что было обусловлено как общей растерянностью коллектива, так и отсутствием официально признаваемого статуса территорий. Научные взаимодействия приобрели региональный характер, что угрожало общей деградацией научных школ и профессорско-преподавательского состава.

Ситуация непризнанности также отразилась на публикационной активности профессорско-преподавательского состава и проявилась в снижении как количественных, так и качественных показателей. Так, в период 2014–2018 гг. не было опубликовано ни одной статьи ВАК, а статьи РИНЦ были представлены в единичных экземплярах. За период 2014–2022 гг., не опубликовано ни одной научной монографии и прошла защита лишь одной кандидатской диссертации по всемирной истории. Частично данные процессы связаны с сокращением интереса у молодежи на территории ЛНР к изучению арабских средневековых источников, что обусловлено длительностью и трудозатратностью данного процесса. Так, последняя защита кандидатской диссертации Аникеева Д. А. на тему: «Сообщения арабских географов IX–X веков о миграции кочевников в ранне-средневековой Европе» в рамках изучения материалов средневековых арабских рукописей датируется 2012 г. В период после 2014 г. аспиранты, выбирающие тематику изучения средневековых арабских письменных источников, не завершали свои исследования, досрочно прекращая свое обучение.

Немаловажную роль в данном процессе сыграл отток молодых кадров за пределы республики и отсутствие у всего педагогического коллектива уверенности в завтрашнем дне. Конечно, важным фактором, влияющим на снижение публикационной активности, был ряд ограничений на возможность подачи материала без аффилиации с учебными заведениями на территории Украины.

Несмотря на сложную социально-экономическую и политическую ситуацию, в рамках кафедры всемирной истории и международных отношений продолжили свое функционирование научные центры: Научно-исследовательский центр имени В. М. Бейлиса «Восток–Запад: теория и практика межкультурных отношений» и научно-учебный центр по изучению мировых интеграционных процессов и глобальных конфликтов имени Г. Л. Бондаревского. Усилиями профессорско-преподавательского состава в период 2014–2022 гг. были проведены 3 научно-практические конференции, аспирантами кафедры была завершена работа по написанию кандидатских диссертаций.

Таким образом, события 2014 г. на Украине оказали существенное влияние на развитие научных школ кафедры всемирной истории и международных отношений, привели к снижению показателей научного потенциала. С принятием ЛНР в состав Российской Федерации наметилась положительная динамика, проявившаяся в активизации научно-исследовательской работы.

Литература / References

Бурьян М. С., Грицьких І. В. *Наукові школи кафедри всесвітньої історії та міжнародних відносин Луганського національного університету імені Тараса Шевченка*. Луганськ, 2011 [Buryan M. S., Gritskikh I. V. *Research schools of the Department of world history and international relations of Lugansk Taras Shevchenko National University*. Lugansk, 2011 (in Ukrainian)].

Истфак и время: 70 лет историческому факультету ЛНПУ имени Тараса Шевченко. Луганск: Знание, 2004 [Istfak and time: 70 years of the Historical Faculty of the LNPU named after Taras Shevchenko. Lugansk, 2004 (in Russian)].

Кафедра всесвітньої історії та міжнародних відносин Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2012 [Department of world history and international relations of Lugansk Taras Shevchenko National University. Lugansk, 2012 (in Ukrainian)].

Луганская Народная Республика: путь к государственности: учебно-методическое пособие. Луганск, 2022 [Lugansk People's Republic: the path to statehood: an educational and methodological guide. Lugansk, 2022 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-151-158

**КАВКАЗСКИЙ ГЕРОЙ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЕВДОКИМОВ
(МНЕНИЯ О ЛИЧНОСТИ ГЕНЕРАЛА
И ЕГО РОЛИ В ЗАМИРЕНИИ ГОРЦЕВ)**

© 2024

А. А. Головлёв¹

В статье оценивается отношение различных авторов XIX в. (соратников и современников событий) и авторов XX–XXI вв. к личности боевого кавказского генерала Н. И. Евдокимова и его заслугам в деле присоединения к Российской империи предгорных и горных районов Восточного и Западного Кавказа. Установлено, что в царское время критические высказывания в адрес Н. И. Евдокимова базировались на ничем не подтвержденных слухах, питавшихся скрытной завистью к его головокружительной карьере и неприязню к нему как к человеку, сделавшему самого себя. В советское и постсоветское время в основе критики Н. И. Евдокимова лежали преимущественно идеологические причины, связанные с неприятием его действий по отношению к непокорным кавказским горцам — тогдашним непримиримым врагам Российской империи — и присоединению к империи предгорных и горных районов Восточного и Западного Кавказа.

На основе изучения кавказоведческой литературы (в том числе периодических кавказских изданий) была сделана попытка определить роль генерала Н. И. Евдокимова в разработке планов покорения немирных горцев Восточного и Западного Кавказа и, в целом, в завершении тяжелой и многолетней войны. Показано, что в разных изданиях авторство планов по покорению немирных кавказских горцев приписывается то генералу А. А. Вельяминову, то князю А. И. Барятинскому, то генералу Н. И. Евдокимову. Высказано мнение о том, что план покорения Восточного Кавказа был разработан А. И. Барятинским, согласовавшим этот план с Н. И. Евдокимовым. План покорения Западного Кавказа был составлен и исполнен Н. И. Евдокимовым.

Ключевые слова: генерал Н. И. Евдокимов, Кавказ, замирение горцев

Для цитирования: Головлёв А. А. Кавказский герой Николай Иванович Евдокимов (мнения о личности генерала и его роли в замирении горцев). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 151–158. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-151-158

**CAUCASIAN HERO N.I. EVDOKIMOV (OPINIONS ON THE PERSONALITY OF
THE GENERAL AND HIS ROLE IN PACIFYING THE MOUNTAINEERS)**

Aleksei A. Golovlyov

The article evaluates the attitude of various nineteenth century authors (associates and contemporaries of the events) and twentieth – twenty-first century authors to the personality of the Caucasian wars general N. I. Evdokimov and his merits in joining the foothill and mountainous regions of the Eastern and Western Caucasus

¹ Головлёв Алексей Алексеевич, доктор географических наук, независимый исследователь, Самара; progol94@mail.ru
Aleksei A. Golovlyov, Dsc. (Geography), Independent researcher, Samara; progol94@mail.ru

to the Russian Empire. It has been established that in tsarist times, critical statements against N. I. Evdokimov were based on unsubstantiated rumors fueled by covert envy of his dizzying career and dislike of him as a self-made man. In Soviet and post-Soviet times, the basis of criticism of N. I. Evdokimov had mainly ideological reasons related to the rejection of his actions towards the recalcitrant Caucasian mountaineers — then irreconcilable enemies of the Russian Empire — and the annexation of the foothill and mountainous regions of the Eastern and Western Caucasus into the empire.

Based on the study of Caucasian literature (including periodical Caucasian publications), an attempt was made to hostile mountaineers of the Eastern and Western Caucasus and, in general, in ending the difficult and long war. It is shown that in various publications the authorship of plans for the conquest of non-peaceful Caucasian mountaineers is attributed to General A. A. Velyaminov, then Prince A. I. Baryatinsky, then General N. I. Evdokimov. The opinion is expressed that the plan for the conquest of the Eastern Caucasus was developed by A. I. Baryatinsky, who coordinated this plan with N. I. Evdokimov. The plan for the conquest of the Western Caucasus was drawn up and executed by N. I. Evdokimov.

Keywords: General N. I. Evdokimov, Caucasus, pacification of the highlanders

For citation: Golovlyov A. A. Caucasian hero N. I. Evdokimov (opinions on the personality of the general and his role in pacifying the highlanders). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 151–158. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-151-158

Граф Н. И. Евдокимов
(Фото Г. И. Денъера.
Санкт-Петербург, 1865 г.)

Генерал-адъютант граф Николай Иванович Евдокимов (1804–1873) — выдающийся кавказский военный деятель, сумевший исполнить то, что прежде не удавалось сделать никому: малой кровью замирить и привести в российское подданство горцев Восточного Кавказа (в 1856–1859 гг., возглавляя Чеченский отряд, — горцев Чечни, а в 1859 г., взаимодействуя с несколькими отрядами Кавказской армии, — горцев Дагестана).

В 1860–1864 гг. граф Н. И. Евдокимов повторил боевой подвиг на Западном Кавказе: преодолел активное вооруженное сопротивление местных горцев и передал земли тех из них, кто отказался жить под властью «белого царя» и ушел в единоверную Турцию, христианскому (преимущественно казачьему) населению. Именно графу Н. И. Евдокимову нынешние жители нашей страны обязаны тем, что благодатное Черноморское побережье Кавказа (лежащее к северу от р. Псоу), как и весь Западный Кавказ, вот уже без малого 160 лет являются российской (а не турецкой или чьей-либо еще) землей.

Несмотря на очевидные выдающиеся заслуги графа Н. И. Евдокимова перед Отечеством, в печатных изданиях, вышедших в свет после его кончины, содержатся противоречивые суждения о личности генерала. Причина этого виделась в стремительном продвижении Н. И. Евдокимова по службе

[Борисевич, 1912]. Недоброжелатели, враги и завистники скептически относились к его достоинствам и успехам, распускали о нем нелепые слухи, обвиняли в злоупотреблениях. В других печатных изданиях Н. И. Евдокимов, напротив, представлялся как замечательный военный деятель и человек.

Столь незаурядные личности, как генерал Н. И. Евдокимов, всегда имели немало врагов (завистников, интриганов и сплетников). Поэтому мифы о Н. И. Евдокимове стали распространяться еще при его жизни. Недруги называли генерала выскочкой, умаляли его заслуги и утверждали, что он якобы был обласкан судьбой [Матвеев, 1995]. Одним словом, всячески вредили Н. И. Евдокимову исподволь, тиражируя о нем нелепые слухи и всевозможные измышления.

Поскольку о личности графа Н. И. Евдокимова и его роли в завершении войны с немирными горцами на востоке и западе Северного Кавказа соратники и современники военачальника [например, Бельгард, 1899; Вейденбаум, 1898; Венюков, 1895; Волконский, 1879, т. III и IV; Дьячков-Тарасов, 1898; Зиссерман, 1881; Кравцов, 1886; Ольшевский, 1880] высказали немало противоречивых суждений, проанализируем и оценим их с целью прояснения личностных качеств генерала и его значения в завершении войны с горцами. Полагаем, что разработка данной проблемы вполне актуальна и вызвана необходимостью подтверждения или опровержения тех или иных воззрений о генерале Н. И. Евдокимове (тем более в год, когда отмечается 151-летняя годовщина его смерти).

В конце 30-х гг. XIX в. командир батальона В. А. Бельгард и штабс-капитан Н. И. Евдокимов, бывший адъютантом генерал-майора Ф. К. Клюки-фон-Клюгенау, служили в Дагестане [Бельгард, 1899]. В. А. Бельгард, зная лично Н. И. Евдокимова, признавал за ним такие качества, как храбрость, ум и распорядительность. В глубокой старости генерал от инфантерии В. А. Бельгард вспомнил и о том, что Н. И. Евдокимов был ему всегда неприятен из-за жадности к деньгам, которая обнаруживалась в заявлениях Н. И. Евдокимова о стремлении начальствовать конно-воловым транспортом (считалось, что на конно-воловох транспортах наживались их командиры).

Отметим, что В. А. Бельгард, как представитель французского аристократического рода, вряд ли представлял, что такое нужда в деньгах. Поэтому ему было трудно осознать «жадность» к деньгам молодого Н. И. Евдокимова, который воспитывался в бедности («на медный грош»). Однако одно дело — что-либо заявлять и совсем другое — претворять задуманное в жизнь. Доподлинно известно, что Н. И. Евдокимов не сделался командиром конно-волового транспорта, а стал участником многих смертельно опасных для жизни боевых операций в Дагестане, в ходе которых получил тяжелые ранения.

В памятной статье [Вейденбаум, 1898], изданной в первое 25-летие со времени кончины Н. И. Евдокимова, он был охарактеризован как выдающийся кавказский деятель и талантливый исполнитель планов главнокомандующего Кавказской армией князя А. И. Барятинского по покорению Кавказа (с оговоркой о том, что в начертании этих планов значительная роль принадлежала самому Н. И. Евдокимову). Е. Г. Вейденбаум указал на такие личные качества Н. И. Евдокимова, как неутомимость в делах, проницательность и практичность, которая основывалась на точных знаниях местных условий и характера противника. Говоря о непрерывных военных экспедициях в 1861–1864 гг. на Западном Кавказе, автор памятной статьи подчеркнул, что Н. И. Евдокимов «... не щадил ни самого себя, ни своих войск, ни врагов» [Вейденбаум, 1898, с. 2]. Данное заключение может свидетельствовать о том, что граф Н. И. Евдокимов не делал исключения лично для себя и вместе со своими подчинёнными переносил все лишения длительной и тяжелой борьбы с немирными горцами Западного Кавказа.

В памятной статье утверждается, что князь А. И. Барятинский разработал общий план покорения Черкесии и поручил исполнение этого важного государственного дела графу Н. И. Евдокимову [Вейденбаум, 1898]. Однако генерал И. С. Кравцов, участник и очевидец событий, бывший в окружении Н. И. Евдокимова [Кравцов, 1886], сообщает о том, что план покорения Западного Кавказа разработал не князь, а именно граф.

Племянница графа Н. И. Евдокимова О. А. Степанова, отвечая на памятную статью Е. Г. Вейденбаума и ссылаясь на семейные хроники, обнародовала мнение о том, что план покорения

Кавказа разработал не главнокомандующий князь А. И. Барятинский, а ее дядя [Письмо..., 1898]. А. И. Барятинский одобрил этот план и возложил исполнение его на Н. И. Евдокимова, которому предоставил все необходимые полномочия. Завершив дело на Восточном Кавказе, Н. И. Евдокимов с такой же энергией, несмотря на сильное противодействие сверху, занялся замирением горцев Западного Кавказа и завершил войну на Северном Кавказе блестящей победой.

М. И. Венюков, опубликовавший свои воспоминания за границей (и, стало быть, без досмотра царской цензуры), приводит свои суждения о графе Н. И. Евдокимове, под начальством которого он служил на Западном Кавказе [Из воспоминаний..., 1895]. Граф был охарактеризован им как чрезвычайно деятельный человек, но не «перо» (то есть не канцелярский деятель). М. И. Венюков отметил, что во время жизни в Ставрополе Н. И. Евдокимов не отличался гостеприимством.

По мнению М. И. Венюкова [Из воспоминаний..., 1895], проект покорения Кавказа, исполненный Н. И. Евдокимовым, разработал генерал А. А. Вельяминов. Серьезной заслугой Н. И. Евдокимова, с военной точки зрения, М. И. Венюков считал взятие аула Ведень, столицы имамата Шамиля, и вытеснение имама из Чечни в Дагестан. Однако в общеисторическом смысле более значимой заслугой графа была победа на р. Фарс в Кубанской области, поскольку она обеспечила русскому народу спокойное обладание Западным Кавказом, к чему не привело взятие Веденя и Гуниба на Восточном Кавказе.

Размышляя о том, кому же необходимо отдать приоритет в покорении немирных горцев Северного Кавказа, М. И. Венюков отверг кандидатуру главнокомандующего великого князя Михаила Николаевича, получившего Георгиевский крест 2-й степени за чужие заслуги. Князь А. И. Барятинский многое сделал для того, чтобы завершить долготетную войну, но он эту войну не вел. По мнению М. И. Венюкова, больше всех право называться покорителем Северного Кавказа имеет граф Н. И. Евдокимов. Хотя его государственные заслуги и велики, но без русского солдата заслуги эти были бы недостижимы. Ни с итальянскими, австрийскими, французскими и даже с немецкими солдатами Н. И. Евдокимов не совершил бы то, что сделал он с русскими солдатами за последние 6–8 лет войны на Восточном и Западном Кавказе. Поэтому именно русского солдата следует называть истинным покорителем страны гор [Из воспоминаний..., 1895].

Добавим к этому единственное замечание: если бы теми же русскими солдатами командовал не генерал Н. И. Евдокимов, а такой горе-военачальник, как светлейший князь М. С. Воронцов, то он бы половину армии потерял при штурме Аргунского ущелья в Чечне, после чего о наступлении по труднодоступному ущелью Чанты-Аргуна, замирении Шатоевского общества и тем более о штурме укрепленного шамилевского аула Ведень можно было бы совсем не помышлять. Поэтому победа над немирными горцами, упорно сопротивлявшимися в удобных для ведения обороны лесных дебрях и горных ущельях Кавказа, была достигнута исключительно благодаря блистательному полководческому таланту Н. И. Евдокимова, героизму, мужеству, боевой опытности и выносливости его офицеров и солдат, с честью прошедших через все суровые испытания.

М. И. Венюков, прибывший на Кавказ в 1861 г., описывает красивый, но не иначе как анекдотический случай, якобы происшедший в тот период, когда Н. И. Евдокимов командовал Левым флангом Кавказской линии [Из воспоминаний..., 1895]. Суть этого происшествия заключается в том, что дерзкий на язык полковник А. А. Иедлинский в ироническом тоне высказался о генерале Н. И. Евдокимове из-за того, что он якобы присваивал казенные деньги, выделяемые для конно-мусульманского полка (в составе 800 человек), который на службе почти не был задействован.

Насколько нам известно, на Левом фланге Кавказской линии никакого конно-мусульманского полка не существовало. В подчинении у генерала Н. И. Евдокимова, как командующего войсками Левого фланга, находилась так называемая горская (чеченская, галгаевская, назрановская, осетинская,

алагирская, куртатинская, кумыкская) милиция. В 1857–1859 гг. горская милиция не отсиживалась по домам, а активно участвовала в боевых действиях против войска имама Шамиля.

Артиллерист Н. А. Волконский [Волконский, 1879, т. III и IV], служивший в Чечне под командованием Н. И. Евдокимова и хорошо его узнавший, представляет генерала как тихого, сосредоточенного и замкнутого военачальника, который всегда отдавал приказы таким образом, чтобы никто не проникнул в их подлинный, конечный смысл. Вспоминая о генерале Н. И. Евдокимове и полковнике А. А. Баженове, Н. А. Волконский писал, что эти командиры были крайне неразговорчивыми и необщительными. Важной чертой характера Н. И. Евдокимова была такая: генерал не приступал к решению каких-либо дел, «... не надумавшись досыта, не примерив и не приладив двадцать раз, прежде чем отрубить или отрезать» [Волконский, 1879, т. IV, с. 171].

И. И. Ореус [Ореус, 1889], знаток биографии Н. И. Евдокимова, описывает случай, произошедший во время похода на Ведень: когда возникла сложная проблема, то обычно неразговорчивый генерал внезапно преобразился и стал обстоятельно обсуждать варианты ее разрешения, причем свободно изъяснялся с доверенным горцем (Ботой Шамурзаевым) на татарском (вероятно, на кумыкском) языке.

Говоря о тяжелейших зимних переходах Чеченского отряда Н. И. Евдокимова в горах, в мороз и по колено в снегу, о рубках вековых лесов, прокладке дорог и постройке укреплений, происходивших под огнём горцев, Н. А. Волконский [Волконский, 1879, т. IV] констатировал, что подобная военная деятельность стала причиной преждевременной смерти солдат и офицеров или же проявилась у бывших солдат и офицеров с возрастом в виде различных болезней (ревматизм, хронические катары, невралгии, ишиасы).

Утверждение Н. А. Волконского о том, что все лишения и трудности многолетней войны с немирными кавказскими горцами, испытанными и стойкими воинами, приводили к преждевременной смерти и болезням солдат и офицеров, вполне справедливое.

Однако некоторые деятели, желая принизить заслуги Н. И. Евдокимова в том, что вверенные ему войска всегда достигали успеха при минимальных потерях, ставили в вину генералу факт преждевременной смерти его бывших подчиненных от ранений, болезней и невыносимых трудов, пережитых в походах. Подобное обвинение следует рассматривать только в увязке с тем немаловажным обстоятельством, что сам Н. И. Евдокимов «не жалел живота своего» за Отечество и, обладая от природы крепким здоровьем, скончался от множественных ран, нервных перегрузок и походных невзгод в 69 лет.

Офицер Н. А. Дьячков-Тарасов [Дьячков-Тарасов, 1898], служивший в 1860-е гг. на Западном Кавказе под начальством графа Н. И. Евдокимова, вспоминал, что в то время все восторгались его умом, толковыми приказами и практическими делами, и признавал, что заслуги графа в замирении горцев велики и не нуждаются в прикрасах.

Лично знавший Н. И. Евдокимова А. Л. Зиссерман [Зиссерман, 1881] утверждал, что когда обстоятельства складывались таким образом, что было необходимо скорейшее завершение фортификационных и дорожно-строительных работ для достижения конечной цели, генерал не щадил сил солдат и нередко напрягал их до крайнего предела. Вместе с тем редко кто так щадил кровь солдат и редко кто побеждал неприятеля с такими мизерными потерями, как Н. И. Евдокимов.

В записках боевого кавказского генерала М. Я. Ольшевского снова «всплывает» огульное обвинение в некой страсти генерала Н. И. Евдокимова к приобретению. Отдавая приоритет князю А. И. Барятинскому в покорении немирных горцев Северного Кавказа, М. Я. Ольшевский причисляет генерала Н. И. Евдокимова к частным исполнителям; хотя и называет его твердым, энергичным и неутомимым деятелем, вынесшим на своих плечах всю тяжесть войны на Восточном Кавказе [Кавказ и покорение..., 1880].

Как и М. Я. Ольшевский, И. С. Кравцов полагал, что план покорения Восточного Кавказа разработал князь А. И. Барятинский (который согласовал этот план с генералом Н. И. Евдокимовым, лучше всех знавшим горный регион). Отвечая на обвинение Н. И. Евдокимова в растрате казенных средств, выдвинутое М. Я. Ольшевским на основании молвы, И. С. Кравцов заметил, что не знает ни одного случая, когда бы граф преследовал личный корыстный интерес. В целом И. С. Кравцов видел в Н. И. Евдокимове человека честных правил, наделенного светлым умом, твердым характером и железной волей, необыкновенно храброго, энергичного и находчивого [Кравцов, 1886].

Ю. Ю. Клычников [Клычников, 2019], автор первой монографии о графе Н. И. Евдокимове, информирует о том, что А. И. Барятинскому присылались письма из высших властных структур с предупреждениями о якобы имевшихся злоупотреблениях Н. И. Евдокимова по денежной части с явными намеками о желательности смещения его с должности. Высокопоставленным хулиателям Н. И. Евдокимова главнокомандующий Кавказской армией дал простой ответ: если бы сигналы о злоупотреблениях графа с казенными деньгами подтвердились, то он был бы уволен с занимаемой должности.

В другой раз, когда, вероятно, ретивые доносители о злоупотреблениях Н. И. Евдокимова поднадоели князю А. И. Барятинскому, он заявил им: «Вы говорите, что он (Е.) свободно относится к казенному интересу. Пусть будет так... Но какой ущерб он мог нанести казне? Ну, пусть будет полмиллиона, миллион, даже 2 милл. Ну, что значат даже 2 милл. для такого государства, как Россия? А он мне Кавказ завоюет, и Россия сохранит этим сотни милл. руб. и десятки тысяч жизней рус. людей» [Борисевич, 1912, с. 278].

Одним из образчиков «пролетарского» отношения к генералу Н. И. Евдокимову в период небывалого разгула революционного и постреволюционного экстремизма, когда по всей советской стране громили храмы и монастыри, уничтожали «старорежимные» памятники, является книга о Черкесской автономной области. В этой книге граф Н. И. Евдокимов был наименован «царским палачом» [Победоносцев, 1940, с. 32]. Указанный оскорбительный эпитет широко использовался в идеологической практике в довоенный советский период не только по отношению к генералам императорской, но и белой армии. Преследуя идеологические цели и нещадно бичуя царскую власть, А. Победоносцев утверждал, что Н. И. Евдокимов потопил в крови черкесский народ, а его уцелевшим представителям приказал выселиться на равнинные малярийные земли² или удалиться с Западного Кавказа в Турцию.

В. А. Потто, повествуя о приезде на Кавказ князя А. И. Барятинского в качестве нового главнокомандующего, сообщает, что он «... поручил самую главную и трудную задачу — окончательное покорение Чечни — генералу Евдокимову» [Потто, 1909, с. 3].

К числу первых работ, изданных в постсоветский период, в которых проявился взвешенный подход к оценке личности генерала Н. И. Евдокимова как государственника, принадлежит статья В. В. Русецкого [Русецкий, 2009]. Н. И. Евдокимов охарактеризован в ней как яркая, неординарная личность. Историческую роль Н. И. Евдокимова автор статьи усматривает в том, что военно-административная деятельность генерала заметно ускорила окончание долгой войны с непокорными горцами на Восточном и Западном Кавказе.

План покорения немирных горцев Чечни и Дагестана, по мнению В. В. Русецкого, составил князь А. И. Барятинский, а план покорения немирных горцев Западного Кавказа — граф Н. И. Евдокимов. Он же этот план и реализовал.

² На этих так называемых «малярийных землях» ныне стоят зажиточные казачьи станицы и селения бывших горцев. В отличие от черкесов, в преобладающем большинстве отказавшихся от переселения на предгорную равнину и эмигрировавших в Турцию, чеченцы по приказу Н. И. Евдокимова переселились на плодородную равнину. В Турцию ушло небольшое количество чеченцев по сравнению с их общей численностью.

Критические традиции советского времени в отношении графа Н. И. Евдокимова в постсоветский период продолжил А. С. Дзагалов, который использовал для этого записки князя Д. И. Святополк-Мирского [Дзагалов, 2013], бывшего подчиненного графа, успешно сражавшегося под его начальством с войском имама Шамиля в Дагестане и Чечне. Придя к власти в Терской области, Д. И. Святополк-Мирский раскритиковал все, что до него сделал Н. И. Евдокимов, и отменил важные распоряжения своего бывшего командира.

Так, граф Н. И. Евдокимов, руководствуясь мыслью о том, чтобы в Чечне больше не проливалась русская кровь, собирался отделить горы Чечни от прилегающей равнины цепью казачьих станиц и укрепленных штаб-квартир, расположив их при выходе ущелий из Черных гор. Для того чтобы при размещении станиц и штаб-квартир не произошло стеснения в земле, Н. И. Евдокимов «... полагал часть чеченцев и карабулаков переселить в Малую Кабарду, жители которой в то время изъявили желание переселиться в Турцию» [Берже, 1882, с. 9]. Поскольку Н. И. Евдокимов всегда доводил начатое им дело до конца, А. П. Берже не сомневался в том, что граф реализовал бы все намеченное. Однако Н. И. Евдокимов был переведен на Западный Кавказ, а назначенный на его место командующим войсками в Терской области князь Д. И. Святополк-Мирский круто изменил политику по отношению к Чечне. Он полагал, «... что уже настала пора действовать в Чечне мерами кротости, и что достаточно внушить горцам доверие к нам для того, чтобы прекратить навсегда враждебные их замыслы» [Берже, 1882, с. 9]. Как показала жизнь, в конечном итоге подобная «идеалистическая» политика Д. И. Святополк-Мирского обанкротилась.

Подводя итог вышесказанному о графе Н. И. Евдокимове, во-первых, укажем, что тему о его «денежных злоупотреблениях» следует закрыть раз и навсегда, так как не голословные измышления, а доказанные факты должны лежать в основе обвинения. Во-вторых, необходимо признать, что все соратники и современники Н. И. Евдокимова, включая многих недоброжелателей и врагов, признавали за ним такие качества, как ум, храбрость, твердость характера и распорядительность, энергичность, неутомимость и находчивость. В-третьих, полагаем, что план покорения Восточного Кавказа был составлен А. И. Барятинским и согласован с Н. И. Евдокимовым³, а составление и исполнение плана покорения Западного Кавказа есть великая заслуга Н. И. Евдокимова перед Россией. Для немирных кавказских горцев Н. И. Евдокимов всегда был врагом, а для нашего Отечества он всегда будет истинным героем, выдающимся полководцем, патриотом и государственным деятелем.

Литература / References

Автобиографические воспоминания Валериана Александровича Бельгарда. *Русская старина* (*Russian antiquity*). 1899. Т. XCVII. № 2. С. 411–438 [Autobiographical memoirs of Valerian Alexandrovich Bellegarde. *Russkaya starina* (*Russian antiquity*). 1899. Vol. XCVII. No. 2. Pp. 411–438 (in Russian)].

Берже А. П. Выселение горцев с Кавказа. *Русская старина* (*Russian antiquity*). 1882. Т. XXXVI. № 10. С. 1–32 [Berge A. P. Eviction of mountaineers from the Caucasus. *Russkaya starina* (*Russian antiquity*). 1882. Vol. XXXVI. No. 10. Pp. 1–32 (in Russian)].

Борисевич А. Т. Евдокимов, гр., Николай Иванович. *Военная энциклопедия* (*Military Encyclopedia*). Т. IX. С.-Петербург: Товарищество И. Д. Сытина, 1912. С. 275–278 [Borisevich A. T. Evdokimov, Count, Nikolay Ivanovich. *Voennaya enciklopediya* (*Military Encyclopedia*). Vol. IX. Saint-Petersburg: I. D. Sytin's Partnership, 1912. Pp. 275–278 (in Russian)].

Вейденбаум Е. Г. Граф Николай Иванович Евдокимов. *Кавказ* (*Caucasus*). 1898. № 134. С. 2 [Weidenbaum E. G. Count Nikolai Ivanovich Evdokimov. *Kavkaz* (*Caucasus*). 1898. No. 134. P. 2 (in Russian)].

³ На наш взгляд, план по овладению Чечнёй, главной «крепостью» имама Шамиля, без которой Дагестан не мог долго сопротивляться, разработал и осуществил генерал Н. И. Евдокимов.

Волконский Н. А. 1858 год в Чечне. *Кавказский сборник* (*Caucasian collection*). Т. III. Тифлис, 1879. С. 377–591 [Volkonsky N. A. 1858 in Chechnya. *Kavkazskij sbornik* (*Caucasian collection*). Vol. III. Tiflis, 1879. Pp. 377–591 (in Russian)].

Волконский Н. А. Окончательное покорение Восточного Кавказа (1859-й год). *Кавказский сборник* (*Caucasian collection*). Т. IV. Тифлис, 1879. С. 69–436 [Volkonsky N. A. The final conquest of the Eastern Caucasus (1859). *Kavkazskij sbornik* (*Caucasian collection*). Vol. IV. Tiflis, 1879. Pp. 69–436 (in Russian)].

Дзагалов А. С. О методах управления горцами графа Н. И. Евдокимова в 1860-х годах в «Записке» Д. И. Святополк-Мирского. *Проблеми історії України XIX — поч. XX ст.* (*Problems of the history of Ukraine of the XIX — early XX century*). 2013. Вип. 21. С. 313–330 [Dzagalov A. S. On the methods of managing the highlanders of Count N. I. Evdokimov in the 1860s in the «Note» by D. I. Svyatopolk-Mirsky. *Problemy istorii Ukrainy XIX — nachala XX stoletiya* (*Problems of the history of Ukraine of the XIX — early XX century*). 2013. Issue 21. Pp. 313–330 (in Russian)].

Дьячков-Тарасов Н. А. Еще о графе Н. И. Евдокимове. *Кавказ* (*Caucasus*). 1898. № 193. С. 2–3 [Dyachkov-Tarasov N. A. More about Count N. I. Evdokimov. *Kavkaz* (*Caucasus*). 1898. No. 193. Pp. 2–3 (in Russian)].

Зиссерман А. Л. *История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880)*. Т. III. С.-Петербург, 1881 [Zisserman A. L. *History of the 80th Infantry Kabardian Field Marshal General Prince Baryatinsky regiment (1726–1880)*. Vol. III. Saint-Petersburg, 1881 (in Russian)].

Из воспоминаний М. И. Венюкова. В 3 кн. Кн. 1 (1832–1867). Гл. 5. Кавказ, 1861–63. Амстердам, 1895. С. 279–339 [From the memoirs of M. I. Venyukov. In 3 books. Book 1 (1832–1867). Chapter 5. Caucasus, 1861–63. Amsterdam, 1895. Pp. 279–339 (in Russian)].

Кавказ и покорение восточной его части, 1856–1860. Из записок М. Я. Ольшевского. *Русская старина*. (*Russian antiquity*). 1880. Т. XXVII. № 2. С. 289–318 [The Caucasus and the conquest of its eastern part, 1856–1860. From the notes of M. Ya. Olshevsky. *Russkaya starina* (*Russian antiquity*). 1880. Vol. XXVII. No. 2. Pp. 289–318 (in Russian)].

Клычников Ю. Ю. *Солдат империи Николай Иванович Евдокимов*. Пятигорск, 2019 [Klychnikov Yu. Yu. *Soldier of the Empire Nikolai Ivanovich Evdokimov*. Pyatigorsk, 2019 (in Russian)].

Кравцов И. С. *Кавказ и его военачальники. Н. Н. Муравьев, кн. А. И. Барятинский и гр. Н. И. Евдокимов. 1854–1864 гг.* С.-Петербург: Типография В. С. Балашева, 1886. 73 с. [Kravtsov I. S. *The Caucasus and its military leaders. N. N. Muravyov, Prince A. I. Baryatinsky and Count N. I. Evdokimov. 1854–1864*. Saint-Petersburg: Printing house of V. S. Balashev, 1886. 73 p. (in Russian)].

Матвеев О. В. Генерал Евдокимов: «...Я прежде всего имел в виду интересы России и русских...». *Кубанский курьер* (*Kuban courier*). 1995. № 7. С. 2 [Matveev O. V. General Evdokimov: “... I was primarily referring to the interests of Russia and Russians...”». *Kuban courier*. 1995. No. 7. P. 2 (in Russian)].

Ореус И. И. Граф Николай Иванович Евдокимов, 1804–1873. *Русская старина* (*Russian antiquity*). 1889. Т. LXIII. № 7. С. 81–109 [Oreus I. I. Count Nikolai Ivanovich Evdokimov. *Russkaya starina* (*Russian antiquity*). 1889. Vol. LXIII. No. 7. Pp. 81–109 (in Russian)].

Письмо в редакцию г-жи О. А. Степановой. *Кавказ* (*Caucasus*). 1898. № 135. С. 2 [Letter to the editor from Mrs. O. A. Stepanova. *Kavkaz* (*Caucasus*). 1898. No. 135. P. 2 (in Russian)].

Победоносцев А. *Черкесия*. М., 1940 [Cherkesia. Moscow, 1940 (in Russian)].

Потто В. А. К празднованию 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа. *Кавказ* (*Caucasus*). 1909. № 192. С. 2–3 [Potto V. A. To celebrate the 50th anniversary of the conquest of the Eastern Caucasus. *Kavkaz* (*Caucasus*). 1909. No. 192. Pp. 2–3 (in Russian)].

Русецкий В. В. Военно-административная деятельность Н. И. Евдокимова на Кавказе (1840–1860). *Вестник Московского университета* (*Bulletin of the Moscow University*). Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 25–41 [Rusetsky V. V. Military-administrative activity of N. I. Evdokimov in the Caucasus (1840–1860). *Vestnik Moskovskogo universiteta* (*Bulletin of the Moscow University*). Ser. 8. History. 2009. No. 2. Pp. 25–41 (in Russian)].

НЕФТЯНАЯ СТРАТЕГИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В 1990-х гг.: ИЛЬХАМ АЛИЕВ И «КОНТРАКТ ВЕКА»

© 2024

М. А. Бурьян¹

В статье рассматриваются истоки и суть «энергетической стратегии» азербайджанского президента Г. Алиева (1993–2003). Сделан акцент на том, что подписанию «контракта века» между Азербайджаном и консорциумом западных фирм предшествовал трудный переговорный процесс. Европейские и американские партнеры хотели приобрести азербайджанскую нефть дешево и на выгодных для себя условиях. Более того, недобросовестные посредники чуть было не сорвали переговоры. Это и заставило Г. Алиева назначить вице-президентом ГНКАР своего сына И. Алиева. Он не только вывел переговорный процесс на новый уровень, но и убедил представителей нефтяных фирм подписать договор на тех условиях, которые были выгодны в первую очередь Азербайджану.

Ключевые слова: Азербайджан, Г. Алиев, И. Алиев, нефть, «контракт столетия»

Для цитирования: Бурьян М. А. Нефтяная стратегия Азербайджана в 1990-х гг.: Ильхам Алиев и «контракт века». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 159–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-159-163

AZERBAIJAN'S OIL STRATEGY IN THE 1990S: ILHAM ALIYEV AND “THE CONTRACT OF THE CENTURY”

Maria A. Buryan

The article considers the origins and nature of the “energy strategy” Heydar Aliyev. Indicates that signing of a “contract of the century” between Azerbaijan and a consortium of Western companies preceded a difficult negotiation process. European and American partners wanted to purchase Azerbaijani oil cheaply and on favorable terms. Moreover, unscrupulous middlemen had nearly wrecked the talks. It forced Aliev to appoint own son Ilham Aliyev to the post of Vice President of SOCAR. He not only led the negotiations to a new level and also convinced the representatives of the oil companies to sign an agreement on the terms that were profitable primarily for Azerbaijan.

Keywords: Azerbaijan, Heydar Aliyev, Ilham Aliyev, oil, “contract of the century”

For citation: Buryan M. A. Azerbaijan's Oil Strategy in the 1990s: Ilham Aliyev and “The Contract of the Century”. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 159–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-159-163

¹ Бурьян Мария Анатольевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «ЛГПУ», Луганск; m.krasnyakova@mail.ru

Maria A. Buryan PhD (Hist.), Senior lecturer of FSBEI HE LPR «LSPU», Lugansk; m.krasnyakova@mail.ru

Рост геополитической значимости Каспия, усиление роли Азербайджана как регионального лидера во внешней политике Вашингтона и Москвы после распада СССР, анализ нефтяной стратегии Баку, увенчавшейся подписанием «контракта века» в 1994 г. с западными партнерами, — все эти вопросы интересовали как отечественных, так и зарубежных ученых. Среди первых следует назвать С. Колчина, Р. Мамедова, Е. Митяеву, С. Чернявского и других [Колчин, 1998; Мамедов, 2001; Митяева, 1998; Чернявский, 2006]. Вместе с тем в их трудах мало внимания уделялось личности Ильхама Алиева как непосредственного участника «нефтяных» переговоров и человека, благодаря которому нефтяные планы его отца — Гейдара Алиева — сумели воплотиться в жизнь. Попробуем восполнить этот научный пробел.

Итак, с момента обретения Азербайджаном независимости 18 октября 1991 г. стартовала и новая государственная стратегия по разработке нефтяных месторождений Каспийского моря, один из секторов которого принадлежал молодой республике. Суть ее заключалась в том, чтобы привлечь западный капитал к освоению азербайджанских нефтяных ресурсов. Эта идея возникла еще на рубеже 1990-х гг., когда 18 января 1991 г. Министерство нефтяной и газовой промышленности Советского Союза и Совет Министров Азербайджанской ССР приняли постановление о проведении тендера по изучению и разработке крупного месторождения «Азери». В июне того же года тендер выиграла американская компания «Амоко», которая должна была создать совместное предприятие с «Каспморнефтью» [Андрианов, 2007, с. 129]. Однако приход к власти в Азербайджане Народного фронта, война с Арменией за Нагорный Карабах, нарастание противоречий с Россией, общий экономический кризис не способствовали этому.

Гейдар Алиев (1993–2003), одержавший победу в президентской гонке в октябре 1993 г., вернулся к этим проектам и пытался стабилизировать ситуацию в стране путем использования так называемой «нефтяной дипломатии». Суть ее заключалась в том, чтобы вывести на глобальный уровень вопрос добычи и безопасной транспортировки каспийского «черного золота». От того, насколько успешной будет эта стратегия, зависело на тот момент укрепление суверенитета страны, повышение ее международного рейтинга, а также реализация социально-экономических реформ, способных стимулировать внутреннее развитие.

Предполагалось, что иностранным фирмам будет принадлежать 50% уставного капитала при разработке трех месторождений — «Гюнешли», «Азери» и «Чираг», при этом интересы России игнорировались и в консорциуме, и при определении маршрута экспортного нефтепровода. Ведущая роль в этом проекте принадлежала альянсу «Бритиш петролеум» и «Statoil». Уже осенью 1992 г. было создано совместное предприятие между ними и азербайджанским объединением «Азернафта» и «Каспморнафтагаз».

Гейдар Алиев взял под личный контроль все переговоры, касающиеся заключения нефтяного контракта. Он прекрасно понимал, что подготовка многомиллионных стратегических сделок, действие которых рассчитывалось на тридцатилетний срок, — дело чрезвычайно ответственное и трудное. Более того, люди, участвовавшие в этом процессе, должны быть не только профессионалами, но и в большой степени патриотами, понимать значение подписанных договоров для будущего страны. Хафиз Пашаев, первый посол Азербайджана в США, с нескрываемым раздражением отмечает, что на тот момент в Азербайджане не было должным образом подготовленных специалистов, кроме того, как впоследствии оказалось, не было и верных, надежных посредников для ведения переговоров [Мамедов, 2001, с. 52].

4 февраля 1994 г. Гейдар Алиев издал распоряжение «Об ускорении разработки морских месторождений нефти и газа в Азербайджане». Этот стратегический документ лег в основу

переговоров, которые Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики (ГНКАР) начала с представителями крупнейших нефтяных компаний мира [Андрианов, 2007, с. 131].

Президент Азербайджана поручил переговоры «солидному, опытному, деловому», по словам Р. Гулиева [Пашаев, 2009, с. 92], Марату Манафову. Азербайджанец по происхождению, М. Манафов длительное время жил в Чехии, активно занимался предпринимательской деятельностью в Восточной Европе. На начальном этапе переговоры проходили именно под его руководством. Однако в дальнейшем представитель правительства США Р. Козларич сообщил послу Азербайджана Х. Пашаеву, что заключения нефтяного соглашения не будет из-за недопустимого поведения М. Манафова. Оказалось, что во время встреч на самом высоком уровне в Лондоне тот потребовал взятку в сумме трехсот миллионов долларов. Американцы отказывались вести деловые переговоры, если Азербайджан и в дальнейшем будет представлять М. Манафов. Г. Алиев, выслушав Х. Пашаева, сказал, что в кратчайшие сроки планирует отстранить М. Манафова от переговоров [Пашаев, 2009, с. 93].

Президента тревожило затягивание процесса привлечения иностранного капитала к разработке нефтяных месторождений. Стратегические интересы Азербайджана требовали не только немедленного подписания контракта, но и скорейшей его реализации. Именно поэтому Г. Алиев решился на шаг, который критически был оценен оппозицией, но поддержан его окружением. Он назначил своего сына Ильхама Алиева первым вице-президентом государственной нефтяной компании. Г. Алиев понимал, что еще одно фиаско в переговорах обойдется стране очень дорого. При таких условиях ему нужны были люди, которым можно было полностью доверять, которые бы стали его соратниками и единомышленниками в реализации нефтяной стратегии страны. И. Алиев соответствовал этим критериям как нельзя лучше, хотя и не имел базового образования нефтяника.

О своем «нефтяном крещении» сам Ильхам Алиев, в будущем — преемник отца, президент Азербайджана (с 2003 г.) — вспоминает с гордостью: «Президент позвал меня и сказал: “Надо заняться этой работой, это очень важно для страны”. — Слово отца для меня — закон. Если он говорит — значит надо. Надо взяться за новое дело. И, как всегда, трудиться с полной отдачей» [Андрианов, 2007, с. 128].

И. Алиеву помогал один из лучших специалистов-нефтяников в Азербайджане, однофамилец президента Натик Агами оглу Алиев. Именно ему Г. Алиев доверил в 1993 г. государственную нефтяную компанию. Как показали последующие события — не ошибся [Андрианов, 2007, с. 128].

Кроме Н. Алиева, у руля ГНКАР стоял другой хороший специалист, доктор технических наук, первый вице-президент нефтяной компании Х. Юсифзаде. К решению Г. Алиева относительно своего сына он отнесся неоднозначно: «Изначально назначение такого молодого человека вице-президентом нефтяной компании меня заставило задуматься. В те времена мы лишь начинали сотрудничать с зарубежными фирмами, вести переговоры о контрактах. Непосредственное участие в них принимал Ильхам Гейдарович. Он, выпускник МГИМО, кандидат исторических наук, оказался в своей стихии — живой практике международных отношений. В ходе переговоров свободно переходил с одного языка на другой — английский, французский, русский. И, словно губка, впитывал нефтяные премудрости. Словом, Ильхам Алиев легко сработался с новыми коллегами, как говорят, вписался в коллектив» [Андрианов, 2007, с. 128].

В разговорах с представителями нефтяных корпораций сам И. Алиев подчеркивал: «Вы защищаете интересы отдельных компаний, а мы защищаем интересы страны и азербайджанского народа. Если вы допустите ошибку, это отразится на одном проекте вашей компании. Если ошибемся мы, то эта ошибка нанесет вред всему азербайджанскому народу» [Андрианов, 2007, с. 131].

Опытные коллеги старались ему во всем помогать, однако переговоры затягивались, проходили в напряженной обстановке, ведь речь шла о миллиардных доходах, и ни одна из сторон не хотела потерять ни одного доллара. Участники переговорного процесса свидетельствовали, что особенно тяжело всем дались последние стадии согласования договоренностей весной и летом 1994 г. в Стамбуле и Хьюстоне.

Почти через год, в октябре 1995 г. И. Алиев по этому поводу дал интересное и информативное интервью газете «Гюнай»: «Прибыв в июле 1994 года в Хьюстон на последний этап переговоров, мы думали, что пробудем здесь неделю, самое большее десять дней, откорректируем какие-то стилистические погрешности в контракте, уладим незначительные спорные вопросы и вернемся» [Андрианов, 2007, с. 132]. Но И. Алиев сам отказался подписывать контракт в той формулировке, в которой его предложила американская сторона. Прежде всего речь шла о статусе Каспийского моря — там была фраза: «Соглашение вступит в силу лишь тогда, когда вопрос о принадлежности шельфа Каспию будет решен». Азербайджанцы понимали: значит — никогда, а потому настаивали на том, чтобы изъять это предложение из содержания договора. В конечном счете статью убрали, и переговоры сдвинулись с мертвой точки.

По их итогам 14 сентября 1994 г. Г. Алиев издал приказ, в котором высоко оценил экономическое, социальное и политическое значение проекта. Президенту ГНКАР Н. Алиеву было поручено подписать контракт о совместной разработке месторождений «Азери», «Гюнешли» и «Чираг» и долевом распределении нефтяной продукции между Государственной нефтяной компанией Азербайджана и девятью зарубежными фирмами, среди которых четыре были американскими — «Амоко», «МакДермотт», «Юнокал» и «Эксон».

Торжественная церемония подписания договора состоялась 20 сентября 1994 г. во дворце «Гюлистан» при участии высокопоставленных чиновников из США, России, Великобритании, Турции, Норвегии. По этому поводу Г. Алиев сказал, что «нефть — величайшее национальное богатство Азербайджанской Республики, поэтому ее и называют Страной огней» [Андрианов, 2007, с. 134]. Президент также отметил, что значение «контракта века» не ограничивалось финансовыми и экономическими перспективами: «<...> Мы демонстрируем открытость Азербайджана для иностранных инвестиций, независимость Азербайджанской Республики, способность решать вопросы путем использования своих биоресурсов. Нефтяной контракт создает условия и для других компаний наладить с Азербайджаном экономическое сотрудничество» [Алиев, 1994, с. 1].

Этот договор действительно стал поворотным пунктом для нефтяной промышленности Азербайджана, насчитывавшей сто пятьдесят лет в истории своего существования. Названное соглашение имело исключительное значение для сохранения и укрепления независимости Азербайджана.

Следовательно, Г. Алиев направил свои усилия на заключение нефтяного договора, названного «контрактом века», с целью привлечения ведущих компаний мира к добыче азербайджанских углеводородов, что должно было решить многочисленные экономические проблемы, с которыми столкнулось молодое государство с момента обретения своей независимости. Значительные усилия для достижения поставленных целей приложил сын президента И. Алиев, возглавивший делегацию, которая вела переговоры с западными партнерами. Именно он сумел добиться того, чтобы условия контракта отвечали прежде всего национальным интересам Азербайджана и способствовали развитию его экономики на капиталистических началах.

Литература / References

Андрианов В. И., Мираламов Г. Ф. *Ильгам Алиев: Портрет Президента Азербайджана*. М., 2007 [Andrianov V. I., Miralamov G. F. *Ilham Aliyev: Portrait of the President of Azerbaijan*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Колчин С. Нефть и газ Каспия — стратегические интересы России. *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 11. С. 112–119 [Kolchin S. Oil and gas of the Caspian Sea — strategic interests of Russia. *World Economy and International Relations*. 1998. No. 11. Pp. 112–119 (in Russian)].

Мамедов Р. Нефтяная дипломатия Баку. *Международная жизнь*. 2001. № 1. С. 50–59 [Mamedov R. Oil diplomacy of Baku. *International Life*. 2001. No. 1. Pp. 50–59 (in Russian)].

Митяева Е. В. Международные аспекты освоения нефтяных ресурсов Каспийского моря. *США. Канада. Экономика — Политика — Культура*. 1998. № 2. С. 115–127 [Mityaeva E. V. International aspects of the development of oil resources of the Caspian Sea. *USA. Canada. Economics — Politics — Culture*. 1998. No. 2. Pp. 115–127 (in Russian)].

Пашаев Х. М. *Манифест одного посла*. Баку, 2009 [Pashaev H. M. *Manifesto of one ambassador*. Baku, 2009 (in Russian)].

Чернявский С. И. Внешняя политика Азербайджанской Республики (1991–2005). *Кавказ в системе международных отношений*. Тренчин, 2006 [Chernyavsky S. I. Foreign policy of the Republic of Azerbaijan (1991–2005). *The Caucasus in the system of international relations*. Trenchin, 2006 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Алиев Г. А. Выступление Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева в Институте Гарримана Колумбийского университета США — 28 сентября 1994 года. URL: <https://lib.aliyev-heritage.org/ru/69625041.html> [Aliyev G. A. Speech by the President of the Republic of Azerbaijan Heydar Aliyev at the Harriman Institute of Columbia University, USA — September 28, 1994 (дата обращения: 19.04.2024)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-164-167

«КНИГА ЧУДЕС И ПРИЯТНОЕ ДЛЯ ГЛАЗ» XI в.

© 2024

Т. М. Калинина¹

Статья посвящена обзору нового источника арабской географической литературы — анонимному сочинению под названием «Книга чудес и приятное для глаз» (*Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulah al-'uyūn*). Изложены вопросы авторства, времени написания труда, структуры. Особо выделено описание двух карт мира.

Ключевые слова: арабская география, «Книга чудес и приятное для глаз», авторство, время написания, особенности, две карты мира

Для цитирования: Калинина Т. М. «Книга чудес и приятное для глаз» XI в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 164–167. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-164-167

**“THE BOOK OF MIRACLES AND PLEASING TO THE EYES”.
ELEVENTH CENTURY**

Tatyana M. Kalinina

The article is a review of a new source of Arabic geographical literature — an anonymous work called “The Book of Curiosities of Science and Marvels for the Eyes” (*Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulah al-'uyūn*). Issues of authorship, time of writing the work, structure are indicated. The description of two maps of the world is highlighted.

Keywords: Arabic geography, “The Book of Curiosities of Science and Marvels for the Eyes”, authorship, time of writing, features, two world maps

For citation: Kalinina T. M. “The Book of Miracles and Pleasing to the Eyes”. *Eleventh Century. Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 164–167. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-164-167

В Бодлианской библиотеке Оксфорда хранится редкая рукопись арабского трактата под названием «*Kitāb Gharā'ib al-funūn wa-mulah al-'uyūn*» — «Книга чудес и приятное для глаз» (мой перевод трактата «Книга чудес и диковины виденного воочию», который я употребляла в вышедших ранее статьях и тезисах, я ныне исправила) неизвестного автора, копия XII–XIII вв. [J. Rapoport, E. Savage-Smith, 2014, p. 1].

В 2014 г. востоковеды Э. Сэвидж-Смит и Й. Рапопорт опубликовали критический текст, английский перевод, подробные комментарии и иллюстрации «Книги чудес» [J. Rapoport, E. Savage-Smith, 2014]. Позже появилась монография этих же исследователей, посвященная трактату

¹ Калинина Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва; tmka@yandex.ru

Tatyana M. Kalinina, PhD (Hist.), Senior Research fellow, Institute Of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow; tmka@yandex.ru

[Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018]. В Интернете ныне имеется электронная версия арабского текста и карт трактата [The Books of Curiosities MS. Arab. P. 90].

Время написания сочинения — после 1020 и до 1050 г., что следует из следующих факторов: (1) Сицилия описана как находящаяся под властью мусульман, значит, автор книги не знал о вторжении норманнов на Сицилию в 1050 г. (2) Племя бану Курра, по данным трактата, обитало в низменности близ Александрии, но оно было изгнано из этих мест в 1050–1052 гг., следовательно, составитель писал до 1050 г. (3) В главе о г. Тиннис рассказано о строительстве 56 зданий и рынков в 1014–1015 гг., поэтому можно полагать, что книга была написана после 1015 г. (4) Скончавшийся в 1021 г. фатимидский правитель Египта и Сирии ал-Хаким би-Амр Аллах не упомянут как действующий халиф-имам, значит, сочинитель писал после его смерти [Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018, p. 18–19].

Данных о личности создателя трактата крайне мало. Из текста понятно лишь, что он признавал законную власть фатимидских имамов. Не исключено, что именно поэтому он скрывал свое имя [J. Rapoport, E. Savage-Smith, 2014, p. 32]. Им отмечено, что он написал еще одну книгу под названием *ал-Мухим* («Всеобъемлющую»), видимо, пропавшую. Стиль изложения и подбор материалов показывают, что сочинитель был скорее литератором, чем ученым [Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018, p. 4, 186, 249]. Он называл имена современников и предшественников, опирался на сведения торговцев и путешественников.

Труд состоит из двух книг: I — О Небе, II — О Земле. В первой книге, состоящей из 10 глав, уделено внимание кометам, звездам, лунным станциям, планетам с иллюстрациями, проявлен интерес к астрологии и гаданиям [J. Rapoport, E. Savage-Smith, 2014, p. 191–322, араб. текст; 415–528, англ. пер]. Автор упоминал ученого IX в. ал-Хорезми [Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018, p. 14, 78]. Вторая книга о Земле делится на 25 глав, где имеются карты-иллюстрации и текстовые пояснения к ним [J. Rapoport, E. Savage-Smith, 2014, p. 190–276: араб. текст; с. 415–506: англ. пер]. Составитель называл имя Птолемея, но аналогов с его «Географией» нет. Однако он мог знать неизвестную нам карту ал-Хорезми (IX в.) или его «Книгу картины Земли» (*Китаб сураат ал-ард*), поскольку некоторые картинки «Книги чудес» аналогичны изображениям в книге ал-Хорезми (Яхонтовые и Лунные горы, истоки и течение Нила) [J. Rapoport, E. Savage-Smith, 2014, p. 494–495]. Кроме того, он явно понимал принципы математической географии, но не придерживался их [Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018, с. 85, 95–100].

Вторая книга содержит прямоугольную и круглую карты мира. Круглая карта мира весьма схожа с известной круглой картой мира ал-Идриси, выполненной в 1134 г. [Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018, p. 24 etc].

Возможно, круглая карта «Книги чудес» не относится к самому трактату, а имеет иное происхождение: она могла принадлежать другому переписчику и попасть в рукопись «Книги чудес» позднее ее написания. Однако есть и другое предположение: круглая карта мира ал-Идриси возникла ранее, а именно в эпоху написания «Книги чудес», поскольку эта карта, обычно приписываемая ал-Идриси, может не принадлежать ему самому, ведь он и не ссылается на нее в своей «Книге Рожера». Такая теория предполагает пересмотр общей картины арабской картографии, поэтому к ней следует относиться с предельной осторожностью [J. Rapoport, E. Savage-Smith, 2014, p. 30–31; Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018, p. 24–27].

Прямоугольная карта мира, как полагают исследователи, имеет основой некие позднейшие образцы, восходящие к математическим выкладкам Птолемея и сохранившиеся в труде ал-Хорезми [Y. Rapoport, E. Savage-Smith, 2018, p. 75–95].

Это изображение совпадает с картами, а иной раз и текстами Ибн Хаукаля и ал-Истахри, представителей школы ал-Балхи (X в.) [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2018, р. 75–100].

На карте мира «Книги чудес» встречаются названия областей, народов, городов, большая часть которых обозначена красными точками.

Ориентация карты южная. Наверху показан исток Нила из Лунных гор и его течение, схожие с изображением на карте ал-Хорезми. Рисунки материков демонстрируют искаженное восприятие данных Ибн Хаукаля, в частности, сильно увеличены очертания Иберийского, Пиренейского и Апеннинского полуостровов в левой части карты. Это — Европа, омываемая водным массивом, соответствующим Средиземному морю, в результате чего она стала похожей на остров, что соответствует изображению на круглой карте мира Ибн Хаукаля. Вдоль берегов Средиземного моря также имеются названия областей и населенных пунктов Азии и Африки, частично расшифрованные исследователями с привлечением данных трудов Ибн Хордадбега, Ибн Хаукаля и др. [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2018, р. 422–427]. Показаны также очертания побережий Азии и Африки.

В левой верхней части прямоугольной карты изображен Индийский океан вместе с Аравией (бóльший из двух полуостровов), Персией и Индией. Две речные системы между двумя полуостровами и под ними являют собой Евфрат и Тигр.

В левом нижнем углу прямоугольной карты мира показаны Каспий как круг темно-зеленого цвета и вытекающие реки (Джайхун и Йаксарт), а также преграда Александра Македонского, построенная для защиты от диких народов Йаджудж и Маджудж.

Автор тщательно описывает и показывает водные коммуникации мира. В трактате кроме двух карт мира содержится отдельная карта Средиземного моря (*бахр аш-Шами*, т. е. Сирии) [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, р. 447], внутри которой показан 121 остров в виде правильных кружков и двух прямоугольников — Сицилии и Кипра. Эти два острова изображены и описаны и в виде отдельных иллюстраций-карт [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, р. 445–461]. Есть схема и характеристика Эгейского моря (*бахр ар-Руми*) и его заливов в виде вытянутых прямоугольников [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, р. 483–487]. Вставлена отдельная карта Каспия — круглого моря, аналогичная таковому в труде Ибн Хаукаля, как и местности вокруг моря [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, р. 455–456].

В трактате имеются также отдельный рисунок Индийского океана, где выявлены водные торговые маршруты [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, р. 443–446]. Отдельно изображены течения и местности вокруг Нила, Евфрата, Тигра, Инда с пунктами близ Ганга, Джайхуна [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, р. 494–503]. Есть также отдельные карты некоторых островов и озер в виде правильных кругов.

Изображая береговые линии, анонимный составитель карт не показывал их правильные очертания, поскольку считал, что берега постоянно меняются: одни бывают затоплены, непроходимы и необитаемы, другие, напротив, оказываются на суше и заселяются [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, с. 442]. Таким образом, привычное извилистое изображение береговой линии не показано. Но при перечислении некоторых прибрежных пунктов стоит частица *ила*, т. е. «в сторону, в направлении», что указывает на их местоположение не на морском берегу, а глубже, на материке [У. Раропорт, Е. Savage-Smith, 2014, с. 447; J. В. Harley, David Woodward, 1992, р. 130].

Последние главы посвящены диковинкам — необыкновенным животным и растениям.

Описание мира в книге Анонима в целом посвящено преимущественному описанию водных бассейнов и речных путей, особенностям побережий и возможностям плаваний вдоль них с указаниями на «маленькую гавань», «большую якорную стоянку», «арсенал», «вместимость флота или кораблей», «защиту от всех ветров» и т. д. Такие данные говорят о возможных военно-морских

источниках. При этом автор не показывает новую информацию о торговых городах и дорогах, стоянках или пересечении путей на суше; такие сведения были свойственны географам X в. Составитель «Книги чудес» приводит иной раз искаженные до неузнаваемости названия из книги Ибн Хаукаля, хотя вставляет и новые наименования населенных пунктов.

Литература / References

Harley J. B. and Woodward D. (ed.). *The History of Cartography. Vol. II. Book one. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies*. Chicago and London, 1992.

Rapoport J., Savage-Smith E. (ed., tr.). *An Eleventh-Century Egyptian Guide to the Universe. The "Book of Curiosities"*. Leiden, 2014.

Rapoport J., Savage-Smith E. (ed.). *Lost maps of the Caliphs. Drawings the World in Eleventh-century Cairo*. Chicago and London, 2018.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

The Books of Curiosities MS. Arab. P. 90 / Available from: URL: <https://digital.bodleian.ox.ac.uk/objects/748a9d50-5a3a-440e-ab9d-567dd68b6abb/> (дата обращения: 11.04.2023).

САЙЙИДЫ ИЗ ТАБАСАРАНСКОГО СЕЛЕНИЯ ЗИРДАГ (ПО СВЕДЕНИЯМ РУКОПИСНЫХ, ЭПИГРАФИЧЕСКИХ И АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ)

© 2024

З. Ш. Закарияев¹

В статье впервые рассматриваются исторические сведения о потомках пророка Мухаммада (саййидах), проживавших в ныне заброшенном табасаранском селении Зирдаг, что в Южном Дагестане. Приводится перевод арабоязычной письменной генеалогии зирдагских саййидов, которая обнаружена на титуле одной из дагестанских рукописных книг. В ней содержатся имена мужчин двенадцати поколений рода зирдагских саййидов, живших на протяжении нескольких столетий. Эта генеалогия содержит имена лишь части рода и упоминает только прямых предков саййида Хасана аз-Зирдаги (вторая половина XIX в.) по мужской линии. Изучение старинных дагестанских рукописей и эпитафических памятников на арабском языке позволило выявить и другие ценные сведения о мужчинах этого рода. Впервые вводится в научный оборот содержание нескольких арабских эпитафий XVIII–XIX вв. надмогильных памятников Зирдага, а также текст строительной надписи 1190 г. хиджры, что соответствует 1776–77 г. В статье использованы архивные данные Посемейного списка селения Зирдаг от 1886 г. Анализ источников позволил установить примерное время жизни членов рода. Установлено также, что переселение далекого предка зирдагских саййидов, которого звали Хасан, в дагестанскую область Табасаран произошло приблизительно во второй половине XV в. Высказано предположение, что возможными мотивами его переселения в Дагестан, подобно другим исламским духовным деятелям и саййидам арабского происхождения, которые переселялись на Кавказ и в другие периферийные регионы мусульманского мира, могли стать религиозное подвижничество, миссионерство и осуществление политических задач.

Ключевые слова: Дагестан, селение Зирдаг, саййиды, эпитафика, рукописи, арабский язык

Для цитирования: Закарияев З. Ш. Саййиды из табасаранского селения Зирдаг (по сведениям рукописных, эпитафических и архивных источников). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 168–172. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-168-172

THE SAYYIDS FROM TABASARAN VILLAGE OF ZIRDAG (ACCORDING TO HANDWRITTEN, EPIGRAPHIC AND ARCHIVAL SOURCES)

Zamir Sh. Zakariyaev

For the first time, the article examines historical information about the descendants of the Prophet Muhammad (Sayyids) who lived in the now abandoned Tabasaran village of Zirdag, in Southern Dagestan. The translation of the Arabic-language written genealogy of the Zirdag Sayyids, which is found on the title of one of the Dagestan handwritten books, is given. It contains the names of twelve generations of the family of the Zirdag Sayyids,

¹ Закарияев Замир Шахбанович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Теория и практика перевода» Дагестанского государственного университета народного хозяйства, Махачкала; zzakariyaev@yandex.ru

Zamir Sh. Zakariyaev, DSc (Hist.), Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala; zzakariyaev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5253-2231

who lived for several centuries. This genealogy contains the names of only a part of the family and mentions only the direct ancestors of Sayyid Hassan az-Zirdagi (the second half of the nineteenth century) in the male line. The study of ancient Dagestan manuscripts and epigraphic monuments in Arabic has revealed other valuable information about men of this kind. For the first time, the contents of several Arabic epitaphs of the eighteenth-nineteenth century of the grave monuments of Zirdag, as well as the text of the construction inscription of 1190 AH, which corresponds to 1776-77, are introduced into research circulation. The article uses archival data from the Family list of the village of Zirdag from 1886. The analysis of the sources allowed us to establish the approximate life time of the members of the genus. It has also been established that the migration of the distant ancestor of the Zirdag Sayyids, whose name was Hassan, to the Dagestan region of Tabasaran occurred approximately in the second half of the fifteenth century. It is suggested that the possible motives for his resettlement to Dagestan, like other Islamic clerics and Sayyids of Arab origin who migrated to the Caucasus and other peripheral regions of the Muslim world, could be religious asceticism, missionary work and the implementation of political tasks.

Keywords: Dagestan, the village of Zirdag, sayyids, epigraphy, manuscripts, Arabic

For citation: Zakariyaev Z. Sh. The Sayyids from Tabasaran Village of Zirdag (According to Handwritten, Epigraphic and Archival Sources). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 168–172. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-168-172

История расселения потомков пророка Мухаммада (*саййидов*² и *шарифов*³) на Кавказе, в частности в Дагестане, недостаточно изучена. Между тем эта тема представляет большой интерес. В монографии, посвященной дагестанским *саййидам*, Т. М. Айтберов пишет о пяти точках их расселения в Дагестане: Дербент, область Теркеме, селение Рукель, лезгинский микрорегион «Астал» (селения Нижний, Средний и Верхний Стал) и лакское селение Кумух [Айтберов, 2019, с. 3–10]. При этом ничего не говорится о существовании *саййидов*, которые проживали в других дагестанских регионах, в частности в Табасаране. Целью нашего исследования является представление некоторых результатов изучения родословной *саййидов*, которые проживали в селении Зирдаг⁴, расположенном на территории исторической области Табасаран в Южном Дагестане. Исторические сведения об этом роде *саййидов*, члены которого принадлежали к духовной элите региона, нам удалось обнаружить в старинных дагестанских рукописях и эпиграфических памятниках, а также в архивных документах. Все они впервые вводятся в научный оборот.

В Фонде редкой книги Научной библиотеки Дагестанского госуниверситета [Каталог, 2004, с. 206] хранится арабоязычная рукопись (№ 550) сочинения *аз-Заваджир ‘ан иктираф ал-каба’ир* («Сдерживающие факторы от совершения больших грехов») Ибн Хаджара ал-Хайтами (умер в 1566 г.). Дата переписки рукописи не указана, однако, судя по почерку и бумаге, она уверенно определяется второй половиной XIX в. Большую ценность представляет генеалогическая запись переписчика на титульной странице (Рис. 1). Ее перевод гласит:

«Переписал ее Хасан аз-Зирдаги, сын паломника (*хаджжи*) Двух Святынь⁵ *саййида* Хашима, сына ученого (*‘алим*) шейха Хасана-афанди, сына шейха *малла*⁶ Абд ал-Джалила, сына шейха Рабадана, сына ученого (*‘алим*), главы шейхов (*шайх ал-маша’их*) *саййида* Хасана, сына *саййида* Рабадана, сына *саййида* *малла* Хаджи, сына *саййида* Рабадана, сына *саййида* Мухаммад-Хасана, сына

² *Саййидами* именуются потомки пророка Мухаммада от его внука Хусайна ибн ‘Али ибн Аби Талиба (626–680).

³ *Шарифы* (шерифы) — потомки пророка Мухаммада от Хасана ибн ‘Али ибн Аби Талиба — старшего брата Хусайна.

⁴ Ныне заброшенное селение Зирдаг находится в Хивском районе Республики Дагестан. В старину село входило в состав союза сельских общин «Нитрик» Южного Табасарана.

⁵ Речь идет о мусульманских святынях Мекки и Медины.

⁶ Термин *мулла*, обозначающий знатока мусульманского права и ритуала, в Южном Дагестане употреблялся в форме *малла*.

паломника Двух Святынь, явно и скрыто, *саййида хаджжи* Мухаммада, сына *саййида* Хасана, [а он] *имам*, которому следовали в Двух Святынях, явно и скрыто, переселившийся в Табасаран. Поистине, я по происхождению и родословной потомок Хусайна и *саййид*. О, Аллах! Прости нас из уважения к деду Хусайна — Господину двух вселенных Мухаммаду, — да благословит его Аллах и приветствует».

В родословной приводятся имена мужчин двенадцати поколений рода зирдагских *саййидов*, живших на протяжении нескольких столетий. Безусловно, эта генеалогия содержит имена лишь части рода и упоминает только прямых предков Хасана аз-Зирдаги по мужской линии.

В Фонде редкой книги хранится еще одна рукопись, переписанная Хасаном аз-Зирдаги (№ 744). Это сочинение *Ната'идж ал-афкар* («Результаты раздумий»), представляющее собой комментарий на сочинение *Изхар ал-асрар* ал-Биркави [Каталог, 2004, с. 279–280]. Дата переписки — 1279/1862–63 г.

В Посемейном списке с. Зирдаг от 1886 г., что хранится в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (Ф. 21. Оп. 5. Д. 80), Хасан аз-Зирдаги значится как «*малла* Хасан, сын *хаджжи* Хашим-*афанди*». Указан и его тогдашний примерный возраст — 40 лет. В документе упоминается и его старший брат — *хаджжи* Хамза, которому было тогда 50 лет. Термин *хаджжи* указывает на совершение им обрядов *хаджжа* — мусульманского паломничества в Мекку. Оба брата исполняли обязанности сельских мулл. У *хаджжи* Хамзы в 1886 г. было три сына — Теиб (15 лет), Муталим (14 лет) и Абубакар (6 лет). В Посемейном списке числится и несколько других семейств зирдагских *саййидов*, например, потомки *саййида* Хамзы-*афанди*, *саййида* Хаджи-*афанди* и других. По всей видимости, у них были и другие братья. В коллекции старинных книг Национального музея Республики Дагестан имени А. Тахо-Годи хранится сборная рукопись (№ 24611/287), владельцем которой был *хаджжи* Ахмад аз-Зирдаги, сын *хаджжи* Хашима. Она переписана в 1264 / 1847–48 г. и 1265 / 1848–49 г. Переписчик — *хаджжи* Мухаммад, сын *малла хаджжи* Хашима из Зирдага.

Арабоязычную эпитафию отца Хасана аз-Зирдаги мы обнаружили на прямоугольной стеле у дороги перед селением (Рис. 2). Основной текст нанесен в прямоугольные поля, расположенные друг под другом. Плоский рельеф, арабский почерк «сулс».

(1) ١٢٦٤ (٢) كل من عليها فان (٣) قد ارتحل من دار الفناء (٤) الى دار البقاء (٥) الحاج
الحرمين (٦) حاج هاشم حين رجع في الشام (٧) ... بعد الحج

Перевод:

«1) 1264. 2) Всякий живущий на земле смертен⁷. 3) Переселился из бренного мира 4) в мир вечный 5) паломник Двух Святынь 6) *хаджжи* Хашим, когда возвращался в Сирию (*аш-Шам*) 7) ... после *хаджжа*».

На полосах между полями врезано: «О, Аллах, прими его *хаджж!*».

Дата 1264 г. *хиджры* соответствует 1847–48 г. Из эпитафии следует, что *хаджжи* Хашим скончался на территории Сирии (Леванта), возвращаясь домой после совершения паломничества в Мекку. Таким образом, памятник в Зирдаге представляет собой кенотаф, который в Дагестане часто устанавливали у дороги перед селением в память об умершем на чужбине.

Рукописные и эпиграфические источники на арабском языке сохранили сведения и о некоторых других представителях рода *саййидов* Зирдага. В частности, нами выявлена эпитафия на кладбище, расположенном над селением, на склоне холма. Старые надмогильные стелы находятся в центре некрополя. Среди них прямоугольная стела 205 x 52 x 17 см с фигурным верхом. Внутри

⁷ *Айат* из Корана (55:26).

углубленного антропоморфного поля врезана арабоязычная эпитафия из семи строк (Рис. 3). Почерк — каллиграфический «наسخ».

(١) قد انتقل من (٢) دار الفناء الى (٣) دار البقاء شيخ (٤) جليل بن ربدان (٥) غفر الله
لهما (٦) في أول شهر ذي (٧) الحجة سنة ١٢١٠

Перевод:

«1) Переселился из 2) брэнного мира в 3) вечный мир *шайх* 4) Джалил⁸, сын Рабадана, — 5) да простит их обоих Аллах. 6) В начале месяца зу-л-хиджжа 1210 года».

Месяц зу-л-хиджжа 1210 г. *хиджры* начался 6 июня 1796 г. Датированная эпитафия позволила установить, что ее владелец жил в пределах XVIII в.

По всей видимости, именно отец шейха Джалила (‘Абд ал-Джалила), носивший имя Рабадан⁹, упоминается в выявленной нами арабской строительной надписи на старой мечети Зирдага. В верхней части деревянного портала, покрытого великолепным растительным орнаментом, имеется рельефный эпиграфический фриз. По его краям вырезана мусульманская формула единобожия «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад — посланник Аллаха», а в центре имеется строительная надпись (Рис. 4). Почерк — каллиграфический «наسخ».

قد ابتدا ربدان ومصطفى بناء المسجد في مائة والف وتسعين

Перевод:

«Рабадан и Мустафа начали строительство этой мечети в тысяча сто девяностом [году]».

1190 г. *хиджры* соответствует 1776–77 г. Упоминаемого в надписи *саййида* Рабадана, который, согласно родословной, был сыном мусульманского ученого-богослова, «главы шейхов» *саййида* Хасана, следует рассматривать как одного из организаторов строительства мечети, что указывает на его высокий общественный статус.

В Фонде восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН хранится сборная персоязычная рукопись по лексикографии (№ 2653), сочинения которой переписал в 1073 г. *хиджры* (1662–63 г.) и месяце *раджаб* 1074 г. *хиджры* (январь 1664 г.) Хасан, сын Рабадана, сына Хаджи, сына Рабадана [Алибекова, 2001, с. 104–106]. У нас нет сомнений в том, что это дед шейха ‘Абд ал-Джалила. В письменной родословной Хасан отмечен термином *‘алим*, которым обозначали мусульманского ученого-богослова, и духовным титулом «глава шейхов» (*шайх ал-маша’их*). Безусловно, он относился к мусульманской духовной элите Табасарана. Не исключено, что он был суфийским шейхом. Отныне надежно установлено, что *саййид* Хасан жил в XVII в. Что касается его сына Рабадана (отца шейха ‘Абд ал-Джалила), то он родился приблизительно в конце XVII в. ‘Абд ал-Джалил появился на свет в первой половине XVIII в. и умер, согласно его эпитафии, в 1796 г. Его сын шейх Хасан-*афанди* жил примерно во второй половине XVIII — начале XIX в. *Саййид хаджжи* Хашим, сын Хасана-*афанди*, скончался при возвращении из *хаджжа* в 1264/1847–48 г. Следовательно, его сын Хасан родился незадолго до этой даты, поскольку в 1886 г. ему было, согласно Посемейному списку, около 40 лет.

⁸ В тексте эпитафии имя покойного высечено в краткой форме (Джалил), а в тексте родословной это имя приводится в полной форме — ‘Абд ал-Джалил.

⁹ Имя Рабадан является местным вариантом имени Рамадан (Рамазан). В Дагестане имя Рабадан распространено в основном среди даргинцев.

Ввиду отсутствия надежных письменных источников менее определенно мы можем судить о времени жизни зирдагских шейхов эпохи Позднего Средневековья. Однако можно полагать, что *саййид* Рабадан — отец «главы шейхов» *саййида* Хасана, переписчика рукописей в 1662–63 г. и 1664 г., родился не позже первой трети XVII в. Следовательно, его отец (*саййид малла* Хаджи), дед (*саййид* Рабадан) и прадед (*саййид* Мухаммад-Хасан) жили уже в пределах XVI в. *Саййид хаджжи* Мухаммад жил, вероятно, на рубеже XV–XVI вв. Что касается его отца, *саййида* Хасана, который, согласно письменной генеалогии, переселился в Табасаран, то он жил, предположительно, во второй половине XV в. Таким образом, по нашему мнению, его переселение имело место примерно во второй половине XV в. Поскольку в родословной сказано, что *саййид* Хасан был *имамом* в Мекке и Медине, можно полагать, что он являлся авторитетным духовным деятелем своего времени. Касаясь вопроса о возможных мотивах его переселения в Дагестан, можно предположить, что, подобно другим исламским духовным деятелям и *саййидам* арабского происхождения, в частности, *саййиду* Ахмаду ал-Йамани [Шихсаидов, 2010; Айтберов, 2019], которые переселялись в Дагестан и другие периферийные регионы мусульманского мира, целью было религиозное подвижничество, миссионерство и осуществление политических задач.

Литература / References

Айтберов Т. М., Омарова Р. А. *Сейиды горного Дагестана (Кумух, Цумада, Курах)*. Махачкала: АЛЕФ, 2019 [Aitberov T. M., Omarova R. A. *Seyids of mountainous Dagestan (Kumukh, Tsumada, Kurakh)*. Makhachkala, 2019 (in Russian)].

Алибекова П. М. *Каталог персидских рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН*. Вып. I. Махачкала, 2001 [Alibekova P. M. *Catalogue of Persian manuscripts of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the DNC RAS*. Issue I. Makhachkala, 2001 (in Russian)].

Каталог арабских рукописей Научной библиотеки Дагестанского государственного университета. Сост. А. Р. Шихсаидов, Х. А. Омаров, Д. Х. Гаджиева, П. М. Алибекова. Махачкала, 2004 [Catalog of Arabic manuscripts of the Scientific Library of Dagestan State University. Comp. A. R. Shikhsaidov, H. A. Omarov, D. H. Gadzhieva, P. M. Alibekova. Makhachkala, 2004 (in Russian)].

Шихсаидов А. Р. Ахмад ал-Йамани. *Дагестан и мусульманский Восток: сборник статей / сост. и отв. ред. А. К. Аликберов, В. О. Бобровников*. М., 2010. С. 82–93 [Shikhsaidov A. R. Ahmad al-Yamani. *Dagestan and the Muslim East: a collection of articles*. Comp. and ed. by A. K. Alikberov, V. O. Bobrovnikov. Moscow, 2010. Pp. 82–93 (in Russian)].

ОБРАЗ КУРИЛ И АЙНОВ В ЖУРНАЛЕ СОТНИКА ИВАНА ЧЁРНОГО (1766–1769 гг.)

© 2024

В. С. Мурзин¹

В публикации представлен историко-имагологический анализ исторического источника — «Журнал, или записка, учиненная казацким сотником Иваном Чёрным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова, путеследованию и усмотренным на оных примечаниях в разстоянии тех островов и живущих на оных народах и о прочем» русского землепроходца и исследователя Курильских островов Ивана Чёрного (?–1771). 22 мая 1766 г. Чёрный получил инструкцию Большерецкой канцелярии по обследованию Курильских островов. Кроме этого поручалось вернуть айнов, которые сбежали от уплаты ясака на Средние и Южные Курилы и привести в российское подданство айнов Урупа, Итурупа и Кунашира. Экспедиция продлилась в общей сложности около четырёх лет. Текст «Журнала или записки...» датируется по времени прибытия И. Чёрного в Большерецк, т.е. не ранее 25 сентября 1769 г. и основан на записях, который вёл автор во время экспедиции 1766–1769 гг. Журнал представляет собой небольшой по объёму текст, который состоит из географического описания ландшафта Курил и коренного населения — айнов. Чёрный не делит свой журнал на какие-либо параграфы, но его записи имеют чёткую структуру: разбиты на описания девятнадцати Курильских островов, начиная с третьего острова Анциферова и заканчивая девятнадцатым островом — Итурупом. При цитировании первоисточника нами было использовано издание [Русские экспедиции..., 1989], которое основывается на первой публикации «Журнала или записки...» в работе А. С. Полонского [Полонский, 1871]. В данном исследовании с помощью «Журнала или записки...» предпринимается попытка осветить механизмы восприятия И. Чёрного в процессе конструирования образа этногеографического ландшафта Курил и местного населения.

Ключевые слова: Курильские острова, «сошлые курильцы», «мохнатые курильцы», айны, Итуруп, ясак, Иван Чёрный

Для цитирования: Мурзин В.С. Образ Курил и айнов в журнале сотника Ивана Чёрного (1766–1769 гг.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 173–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-173-180

IMAGE OF THE KURIL AND AINU IN THE JOURNAL OF SOTNIK IVAN CHERNY (1766–1769)

Vitalii S. Murzin

This article presents a historical and imagological analysis of a historical source named “Journal, or a Note, Created by the Cossack Sotnik Ivan Cherny, Who Had Been to the Kuril Islands, Even Including the 19-th Island,

¹ Мурзин Виталий Сергеевич, аспирант Луганского государственного педагогического университета, Луганск; vitmurz1n@yandex.ru

Vitalii S. Murzin, postgraduate student of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; vitmurz1n@yandex.ru
ORCID: 0009-0004-2974-8853

Dedicated to the Trip and the Notes on the Location of Those Islands, and Peoples Living There, and Other Things” by Ivan Cherny (?–1771), a Russian explorer of the Kuril Islands. On May 22, 1766, Cherny received instructions from the Bolsheretsky Chancellery to survey the Kuril Islands, in addition, he was instructed to return the Ainu people who had escaped from paying yasak to the Middle and Southern Kuril Islands and bring the Ainu Urup, Iturup and Kunashir to Russian citizenship. The expedition lasted a total of about four years. The text of “A Journal, or a Note...” dates from the time of I. Cherny’s arrival in Bolsheretsk, i.e. no earlier than September 25, 1769 and is based on the records kept by the author during the expedition of 1766–1769. The journal is a small text in volume, which consists of a geographical description of the landscape of the Kuril Islands and the indigenous population — the Ainu. Cherny does not divide his journal into any paragraphs, but his entries have a clear structure: it is divided into descriptions of nineteen Kuril Islands, starting with the third island of Antsiferov and ending with the nineteenth island — Iturup. When quoting the original source, we used the publication [Russian Expeditions..., 1989], which is based on the first publication of “A Journal, or a Note...” in the work of A. S. Polonsky [Polonsky, 1871]. In this study, with the help of “A Journal, or a Note...” an attempt is made to highlight the mechanisms of perception by Ivan Cherny in the process of constructing the image of the ethno-geographical landscape of the Kuriles and the local population.

Keywords: Kuril Islands, “soshlye (escaped) kurilians”, “mokhnatye (rugged) kurilians”, Ainu, Iturup, yasak, Ivan Cherny

For citation: Murzin V. S. Image of the Kuril and Ainu in the Journal of Sotnik Ivan Cherny (1766–1769). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 173–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-173-180

Продвижение России на Дальний Восток в XVIII в. было обусловлено как экономическими, так и политическими причинами. Освоение территорий в зоне Тихоокеанской России имело определенную специфику. С точки зрения экономики Курильские острова были богаты ценной валютой — мехом каланов (калан — морская выдра, или морской бобер. — *В.М.*). Поэтому сборщикам ясака предписывалось взимать его только мехами. Огромные расстояния не позволяли оперативно и качественно снабжать регион продовольствием. Учитывая эти обстоятельства, нужно было наладить взаимоотношения с аборигенным населением, с помощью которого планировалось решить проблему продовольственной безопасности Камчатки. В политическом аспекте перед Россией открывался северный путь в азиатские страны, что способствовало ее росту как континентальной державы, а также новые торговые пункты и развитие торговых отношений с местным населением и соседними государствами. Исследуя историю Курильских островов, мы должны понимать, что большинство населения Курил составляли айны, поэтому, даже если речь заходит о соперничестве России и Японии на этих землях, мы не вправе выводить из сферы своего внимания коренное население островов. К сожалению, проблема восприятия русскими землепроходцами местного населения — айнов зачастую оставалась без должного внимания исследователей. Потому тема данной работы является актуальной.

Материалы экспедиции Ивана Чёрного впервые были изучены еще в дореволюционной историографии — членом Императорского Русского географического общества А. С. Полонским, опубликовавшим «Журнал, или записка, учиненная казацким сотником Иваном Черным, бывшему на Курильских островах, даже до 19-го острова, путешествию и усмотренным на оных примечаниях в разстоянии тех островов и живущих на оных народах и о прочем» (далее — «Журнал или записка...») и давшим первый научный комментарий источника [Полонский, 1871, с. 405–440]. Советские историки в лице А. И. Алексева, Д. М. Лебедева и Э. Я. Файнберг ограничились упоминанием экспедиции И. Чёрного как одного из событий в освоении Курил и установлении русско-японских отношений [Алексеев, 1970, с. 119–120; Лебедев, 1957, с. 175–178; Файнберг, 1960,

с. 35–36]. Современные исследователи (В. Н. Елизарьев, В. В. Щепкин, А. М. Соколов) рассматривали экспедицию Чёрного в контексте треугольника «Россия–Япония–айны», а также с точки зрения этнографии (комплектование материалов курильских айнов в собрании Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого) [Елизарьев, 2007, с. 212–217; Щепкин, 2022, с. 66–67; Соколов, 2022, с. 43–51]. Учитывая сказанное, в данной статье предпринята попытка анализа журнала И. Чёрного в контексте формирования образа края в процессе расширения территории Российской империи на Дальний Восток. Этим обусловлена актуальность исследования.

К началу 1760-х годов заметно возрос интерес русского купечества к морскому промыслу на Алеутах, а затем и к островам, лежавшим к югу от Камчатки. Но в связи с многочисленными конфликтами, возникавшими между русскими и местным населением, с 1743 г. были введены ограничения на свободное посещение края — необходимое разрешение следовало брать в Петербурге [Русские экспедиции..., 1984, с. 278–279]. Но без информации о составе местного населения, его отношении к русским, вооружении, приведении обложению ясаком, а также степени влияния Японии в крае выдача подобных письменных свидетельств не представлялась возможной [Елизарьев, 2007, с. 212].

Отметим, что знания о Курилах в России к тому времени ограничивались скудной информацией о независимости от Японии 21 острова гряды. Эти данные были получены сибирским губернатором Ф. И. Соймоновым (1692–1780) от живших в Иркутске японцев, вследствие чего в феврале 1761 г. поручившим командиру Анадырского, Охотского и Камчатского острогов Ф. Х. Пленистеру (1713–1778/1779) организовать разведку Курильских островов [Лебедев, 1957, с. 175; Алексеев, 1970, с. 119].

Когда Пленистер в 1764 г. прибыл на Камчатку, тоён (староста или вождь у коренных народов Сибири и Дальнего Востока. — *В.М.*) мыса Лопатка Яков Бутин (?–1765) согласился «привести в подданство жителей Курильских островов», за что и получил в подчинение все известные в России Курильские острова, а его наследники были назначены тоёнами на 5-й (Онекотан) и 7-й (Шиашкотан) острова [Полонский, 1871, с. 408]. Правда, не будучи знаком с особенностями и обычаями местного населения, а тем более — айнов Южных Курил, Бутин решил тут же вернуться на Камчатку, где вскоре умер, не выполнив поручения. Как следствие, российские власти на Камчатке были вынуждены организовать новую экспедицию на Курилы.

В середине 60-х годов XVIII в. с предложением отправиться на дальние острова с целью возвращения «сошлых» (айны, переселившиеся с о-ов Шумшу и Парамушир на средние Курилы для промыслов или чтобы уйти от уплаты ясака. — *В.М.*) и «для уговора мохнатых в подданство» выступил парамуширский тойон Никита Чикин-Новограбленный (?–1767) [Файнберг, 1960, с. 35]. С ним отправились сотник Иван Чёрный (?–1771) и тойон о. Шумшу Петр Чупров [Полонский, 1871, с. 409]. 22 мая 1766 г. И. Чёрный получил из Большерецкой канцелярии инструкцию по обследованию Курил, из семи пунктов которой четыре касались установления отношений с айнами. Согласно им российская сторона должна была мирно вернуть «сошлых» и «обнадежить» их прощением вины. В отношении «мохнатых» — айнов южных Курил — указание российских властей было однозначным: «привести в подданство». Кроме того, экспедиции следовало «разведать секретно — ведут ли с кем торговлю и не состоят ли где в подданстве и платят ли подати; какое у них строение, обряды и обычаи, а в доме убранство и чистота, какое носят платье и вещи и оружие имеют ли, чем довольствуются в пропитании, какую веру содержат, есть ли у них начальники и в каком они у них послушании; особенно ж есть ли у них огненное и другое оружие и не бывают ли у них японцы, в каком месте, судами и в многолюдстве ли и чем торгуются, японские вещи, разная их платья, что принадлежит до куриозности, выменивать на данные русские и китайские товар» [Полонский, 1871, с. 410–412]. Во время посещения о. Симушир Н. Чикин умер, во главе экспедиции встал

Чёрный, который всю полученную информацию, а также собственные впечатления изложил в журнале [Полонский, 1871, с. 413].

Формирование образа края в восприятии Ивана Чёрного начиналось с характеристики пространства — того, что землепроходец видел первым и где находился на протяжении всей своей миссии. Примечательно, что И. Чёрный опустил описание о-ов Шумшу и Пармушира, так как они были освоены ещё в начале XVIII ст., и перешёл к описанию третьего острова, специфические особенности которого — первозданная природа, окраинное, как ему казалось, по отношению к другим островам гряды расположение, отсутствие постоянного населения вследствие вулканической деятельности (остров является надводной частью вулкана Анциферова. — *В.М.*) — настолько впечатлили сотника, что он охарактеризовал увиденное как суровый, малопригодный для жизни, но выгодный экономический край. Так, он отметил: «3-й остров по-курильски Ширинки (вдавшийся в Охотское море), разстоянием со 2-го острова чрез пролив, например, верст 20 (7 миль от подножия пика Фус), перегреб бывает в тихий день и в течение воды чрез 4 часа. На острове и около его водятся морские звери — сивуч, нерпа, а бобров не имеется; лисица ж красная заносима бывает с других островов в зимнее время льдами и то малое число, а на том острове не плодится; из птиц — ара, кроме которой других не имеется; коренья, по камчатскому и курильскому названию: сарана, упява, усут, кутаж, — все оныя для пищи отважныя (полезныя); когда же приходят курильцы на остров для промысла зверей морских и птицы и приготовления себе на пищу кормов, то жительство имеют с великою опасностью, ибо кругом острова всегда сыплются с утесов немалые каменья, которыми не только птиц, но и из людей убивает до смерти, зачем и жителей на том острове не находится» [Русские экспедиции..., 1989, с. 132–133].

Применительно к 4–11 островам гряды описание Ивана Чёрного носит однообразный характер: «Остров стоячаго годнаго никакого леса, кроме кедроваго и ольховаго малаго сланца и рябинника, тоже и жителей никого не имеет; а коренья имеются: сарана (царские кудри, или Мартагон — вид рода Лилия. — *В.М.*), упива, миту, кутаж, черемша и сладкая трава (сладкая трава — это, скорее всего, борщевик. — *В. М.*); да около его зверей: бобров, нерп и лисиц красных имеется ж, только не весьма довольно; а кругом того острова по обеим его сторонам ключей немало, а для судов гаваней и байдарных пристойных пристаней не имеется» или «Бухт песчаных небольших имеется до шести на северной стороне и одна — посередь острова, на восточной; а по прочим местам и по обеим сторонам берега, бухты и пристани байдарныя, каменистыя» [Русские экспедиции..., 1989, с. 133–134]. Это связано с отсутствием физико-географической специфики, характерной для какого-либо из указанных островов, но в то же время имевших экономический потенциал, использование которого могло быть выгодным в плане хозяйственного освоения и закрепления России на новых территориях Дальнего Востока. Таким образом, один из пунктов инструкции экспедицией был выполнен.

Показательно, что по отношению к некоторым природным характеристикам новых территорий в «Журнале или записке...» используются айнские оронимы: «На острове состоит три сопки: 1-я по курильскому названию Асырминтар, а по переводу — Прежде горела — состоит на самой лопатке ко 2 острову; подле оной имеются небольшие сопки ж и хребты; вокруг же той лопатки имеются утесы и горы превысокие, где плодится птица глупыш и ары. Берег каменистый при той лопатке и к восточной ея стороне, на самом проливе отпрядный камень, что называется кекур, на котором потому ж плодится птица глупыш и топорки, но не весьма довольно. 2-я сопка званием Амка-усыр, состоит на средине острова, которая наперед сего горела ж; возле сопки имеется озеро в длину на 4 и в ширину на 2 версты, безрыбное. Третья сопка близ лопатки к 6 острову, состоит посреди озера и называется от того Тао-русыр, против вышеписанных двух более. Вокруг

озера разстояния верст на 12 и более, в ширину на 2, а местами более и менее, и в нем, как и в первом, рыбы не имеется. Подножие сопки — камень-утес» [Русские экспедиции, 1989..., с. 134]. Использование местного наречия по отношению к сопкам как форме рельефа, в данном случае — вулканического происхождения, отличной от тех, что прежде мог видеть И. Чёрный, закрепляет образ «инаковости» осваиваемой территории, её принципиальное отличие от территорий России.

«Журнал или записка...» также даёт нам первое зафиксированное в русских источниках свидетельство извержения вулкана Сарычева на о. Матуа. Но непосредственным наблюдателем произошедшего извержения И. Чёрный не был. Об извержении он узнал из свидетельств айнов о. Матуа, сообщивших, что «На нем сопка, коя, по объявлению курильцов, в недавних годах преужасно горела, причем по всему острову разметало камня так, что и летающих птиц во многом числе оными убивало; на подножии сопки горы и камня...», — написал он в своем дневнике [Русские экспедиции..., 1989, с. 135]. Масштабность и последствия этого события Чёрный отметил и при описании соседнего о. Топорковый: «И островок выгорел и потому, как и на большом, по нем разметало камня; зверей на нем никаких не имеется» [Русские экспедиции..., 1989, с. 136]. Несмотря на произведенное впечатление, автор документа также был немало удивлен тем, что на острове по-прежнему проживали люди: «до 1770 г. на 12-м острове оставалось на постоянном жительстве 200 человек обоого пола сошлых со 2-го острова (о. Парамушир — *В.М.*)». Негативно окрашенные эмоции Ивана Чёрного сглаживаются описанием произраставшего на острове растения, идентифицировать которое представляется маловероятным, поскольку автор документа вполне мог по-своему интерпретировать услышанное, что вполне характерно для его времени: «особая пучка, какой в Камчатке нет, наподобие сладкой травы, но лист на ней круглый, более, чем на сладкой траве, а ствол с одной стороны раздвоился. Пучку жители употребляют в пищу и, по объявлению курильцов, ея довольно по всем островам, обитаемым мохнатыми» [Русские экспедиции..., 1989, с. 135–136].

Далее в ходе посещения о-ов Расагу и Усасыр (о-ва Расшуа и Ушишир. — *В.М.*) Иван Чёрный часть информации, относящейся к взаимодействию с местными айнами, не представил в журнале. По мнению А. С. Полонского, основанному на доступных в его время иных источниках об экспедиции, И. Чёрный так поступил намеренно, с тем чтобы скрыть нарушение данной ему инструкции. Он встретил «сошлых» айнов, но из-за их многочисленности побоялся вернуть их на Северные Курилы. Этому способствовало и то, что Чёрный смог получить ясак и найти переводчиков и проводников, которые помогли бы ему наладить взаимоотношения с «мохнатыми курильцами» [Полонский, 1871, с. 413]. К сожалению, для айнов, которые согласились отправиться на Южные Курилы вместе с Иваном Чёрным, настали тяжёлые времена. Имеются свидетельства жёсткого обращения с ними со стороны И. Чёрного. А. С. Полонский пишет, что «...когда Черный остановился зимовать на 16-м о. (Симушир. — *В.М.*), тут-то вполне разоблачился его неистовый характер. Сошлые определены им к строению изб и работали, что называется, без отдыха и день и ночь. Провинившиеся наказывались изготовленными нарочно плетями, смотря по проступкам, одни жильными, другие ременными. Не видя послушания, Чёрный стал строго обращаться и с сошлыми» [Полонский, 1871, с. 413–414]. Иными словами, поведение Чёрного не позволило «...по сыске где сошлых, принимать их с ласкою, с обнадеживанием, что их вина прощена будет» [Полонский, 1871, с. 411]. Отношение Ивана Чёрного показывает, что бежавшие от уплаты ясака айны воспринимаются как преступники, которых следует вернуть обратно, но методы, использовавшиеся при этом сотником, противоречили официальной линии. Данную ситуацию представляется возможным интерпретировать с точки зрения личностных качеств И. Чёрного. С одной стороны, он действует в духе типичной для его времени практики — берет в аманаты (форма заложничества. — *В.М.*) фактически всё

подчинённое инородческое население о-ов Расшуа, Ушишира и Симушира, не отправляя при этом заложников в Большерецк, что он, будучи наделен официальными полномочиями, должен был бы сделать по собственной инициативе [Вульпиус, 2023, с. 98–99, 101]. С другой стороны, жестокость по отношению к айнам могла быть вызвана качествами его личности. Об этом эпизоде стало известно российским властям, вызвавшим сотника для объяснений в Иркутск, где он в 1771 г. умер во время разыгравшейся эпидемии чумы.

Помимо прочего, в «Журнале или записке...» затронута мировоззренческая составляющая жизни айнов. В частности, представляет интерес описание обычая айнов о. Ушишир задабривать духов горячих ключей, что, несомненно, указывает на формирование этнокультурного стереотипа. «Одному из ключей... бывающие там сошлые и тамошние мохнатые курильцы, когда жительство имеют, приносят по своему обычаю жертву и мечут в тот ключ камня и сделанные нарочно в запас из таловаго дерева стружки (имеются в виду “инау” — ритуальные предметы в виде пучка стружек, заструженных палочек или довольно крупных жердей. — *В.М.*) со своими клеймами, наговаривая всякий для себя, что кому прилично, призывая дьявола, причем чинят и шаманство — и оному обучаются таким образом: по край того кипящаго ключа настилают доски и надевают на себя новую парку птичью, или азам шитый и потом тот, кто сие действует, ляжет к ночи на те доски, на которыхы выплывают из ключа чрезвычайной величины черви косматые и поползут на человека и ползают по нем по всему; те черви подобны мухам и наводят великий страх, так что человек в безчувствие приходит; и так если, как курильцы объявляют, кто не устрасится сего действия по три ночи, тому якоб и диавол во всем служить станет, и он великий будет волшебник», — отмечает Чёрный [Русские экспедиции..., 1989, с. 136–137]. На этом примере наблюдаем, как для восприятия большое значение имел личный опыт русского православного человека, для которого ритуал камлания шаманов не имеет силы, но для айнов, как и других сибирских народов, шаманизм являлся традиционной формой мировоззрения, в рамках которой шаман не только был посредником между людьми и богами, но и жрецом, провидцем, сказителем, певцом и лекарем [Островский, Сем, 2019, с. 77–78].

2 июня 1768 г. И. Чёрный прибыл на о. Уруп. В своём журнале сотник вновь прибегает к языку айнов, описывая увиденное. Так, «18-й остров по курильскому названию Уруп, по переводу значит, что, в состоящем посредине острова на северной стороне озера, называемом Топо, имеется рыба красная» [Русские экспедиции..., 1989, с. 138]. Данная особенность, по всей видимости, является свидетельством того, что полное осмысление увиденного Иваном Чёрным — первозданная природа, «первобытная» культура айнов — не вполне укладывалось в привычную для него картину мира и лексику. Видимо, поэтому в описании островов он прибегал к помощи языка айнов. Впервые здесь упоминается широко распространённая на Дальнем Востоке рыба семейства лососевых. Несмотря на то, что в журнале экспедиции нет прямых упоминаний «камуйчеп» — красной рыбы, культ которой был распространён у айнов [Осипова, 2018, с. 91, 97], — представляется возможным предположить, что заметка Чёрного о том, что в этих краях водится промысловая рыба, появилась потому, что именно здесь он впервые об этом услышал.

11 июня 1768 г. отряд достиг о. Итуруп. Здесь экспедиция впервые увидела поселение айнов. Отсюда — пространное описание образа жизни местного населения, устройство социума, властные отношения. Например: «На северной стороне острова имеется пристань байдарная, называемая по-курильски Камуи-вамкуин потому, что в ней имеется ключ кислой и вонючей воды (минеральная вода с уникальным составом, в настоящее время широко применяется при лечении. — *В.М.*), которую и пить невозможно, но курильцы употребляют ее в питье вместо вина, и жертву по своему обычаю ей приносят. От той пристани вперед, разстоянием верст 10, речка по курильскому

званию Нинепет, потому что тут бухта дресвяная, где и жительство мохнатых, да другая речка, павшая из озера Кимуято, и при ней бухта же песчаная, а живет тут лучший князец Цетаокайкукамуиниами с родниками; версты 3 от той реки на высоком месте, на горе, жилище детей бывшего князца Каткураасиму; место называется Хамарая, потому что близ берега стоит кекур. От того жилища верст, например, в 20 бухта песчаная, называемая Соткия, потому что прямо губы в море удят рыбу треску, рямжу и палтуса; при той бухте есть речка небольшая и при ней жительство князца Томимахкур. Отсюда вперед верст 8 небольшая речка Поронет и при ней жительство князца Нижкуракут» [Русские экспедиции..., 1989, с. 139].

Именно на Итурупе И. Чёрный смог выполнить ряд данных ему инструкций, а именно — определить уровень хозяйственного развития жителей и их торгово-экономические связи с японцами: «Имеют-де они на 18-м острове ловлю морских бобров в летнее время гоньбою, и с упрощенными бобрами в другое лето перегребают в байдарах на 20-й остров Кунасыр и даже до 22, Аткаса (Аккэси — северо-восток Хоккайдо. — *В.М.*), куда приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на 20-й остров стало одно судно японское ходить. Суда против российских промышленных, кои они видали, не весьма велики; а на судне у них людей бывает человек по 16 рабочих, да, кроме их, первый, главный над всем, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нем другой — тонтойно, третий — шендо (штурман), четвертый толмач — тунчи и того 20 человек, а на иных судах бывает людей и более. Живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов, и когда по приходе их поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебрянные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают, и для того курильцы, кроме бобров и хвостов орловых, никаких больше зверей и не промышляют» [Русские экспедиции..., 1989, с. 140]. Иными словами, экономика айнов предстает как присваивающая с характерной меновой торговлей с японцами, а сами айны — в качестве переводчиков и информантов, возможных посредников в будущих отношениях между Россией и Японией.

Фактически о-ва Итуруп и Кунашир И. Чёрным были восприняты как потенциальные территории Российского государства, поскольку их население было приведено в подданство. В. В. Щепкин указывает, что Иван Чёрный при посещении Итурупа встречался в том числе и с айнами Кунашира, и известно, что он «получил здесь довольно японских вещей», а также привёл в подданство всех «мохнатых» 19-го о., в том числе «двух князцов и кроме того двух приезжих с 20-го острова» (Кунашира. — *В.М.*) [Щепкин, 2017, с. 124; Полонский, 1871, с. 414].

Несмотря на то, что многие цели экспедиции были достигнуты, нельзя сказать, что она в полной мере способствовала формированию положительного образа Курил и их населения в восприятии русских, поскольку сотник Чёрный рядом своих агрессивных действий нивелировал достигнутое. Так, например, на обратном пути произошёл инцидент на о. Уруп, где члены русского отряда, вопреки данному айнам обещанию не нарушать их традиции охоты, стали добывать каланов. Также имела место демонстративная жестокость по отношению к айнам. Всё это настроило местное население не только против Ивана Чёрного, но и русских в целом. В дальнейшем подобное поведение стало причиной вооруженных конфликтов между русскими промышленниками и айнами средних и южных Курильских островов в 1770–1772 гг. [Щепкин, 2022, с. 67; Полонский, 1871, с. 416–417].

Оценивая трехлетний поход сотника Ивана Чёрного, с мая 1766 по сентябрь 1769 г., следует отметить, что в результате был сформирован образ Курильских островов как неосвоенной территории, но в то же время перспективной с экономической точки зрения. При этом местное

население — курильские айны — предстаёт, несмотря на отсутствие у него цивилизации в понимании XVIII в., а потому не заслуживающее «достойного обхождения», в качестве возможных посредников между Россией и Японией.

Литература / References

Алексеев А. И. *Сыны отважные России*. Магадан, 1970 [Aleksyev A. I. *Brave sons of Russia*. Magadan, 1970 (in Russian)].

Вульпиус Р. В. *Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке*. М., 2023 [Vulpius R. V. *The Birth of the Russian Empire: Concepts and Practices of Domination in the 18th Century*. Moscow, 2023 (in Russian)].

Елизарьев В. Н. *Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII–XX вв.* М., 2007 [Elizariyev V. N. *True History of the Kuril Islands and Sakhalin in the 18th–19th Centuries*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Лебедев Д. М. *Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725–1800 гг.)*. М., 1957 [Lebedev D. M. *Studies on the History of Geography in Russia in the 18th Century (1725–1800)*. Moscow, 1957 (in Russian)].

Осипова М. В. Лососевые в жизненном и мифоритуальном пространстве айнов Сахалина, Курил и Хоккайдо. *Россия и АТР*. 2018. № 4. С. 91–108 [Osipova M. V. Salmon in Vital and Mythological Spaces of the Kuril, Sakhalin and Hokkaido Ainu. *Russia and the Asia-Pacific region*. 2018. No. 4. Pp. 91–108 (in Russian)].

Островский А. Б., Сем Т. Ю. *Коды коммуникации с богами (Мифология и ритуальная пластика айнов)*. СПб., 2019 [Ostrovsky A. B., Sem T. Yu. *Codes of Communication with the Gods (Mythology and Ritual Plasticity of the Ainu)*. Saint Petersburg, 2019 (in Russian)].

Полонский А. С. Курилы. *Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии*. 1871. Т. 4. С. 369–576 [Polonskii A. S. Kuril Islands. *Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society in the Department of Ethnography*. 1871. Vol. 4. Pp. 369–576 (in Russian)].

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: сборник документов. М., 1984 [Russian Expeditions to Explore Northern Pacific in the First Half of 18th Century. *Collection of Documents*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в.: сборник документов. М., 1989 [Russian Expeditions to Explore Northern Pacific in the Second Half of 18th Century. *Collection of Documents*. Moscow, 1989 (in Russian)].

Соколов А. М. Курильская коллекция № 820 в собраниях МАЭ РАН. *Четыре века экспедиций в земли айнов*. СПб., 2022. С. 43–84 [Sokolov A. M. Kuril Collection Number 820 in the Repository of the Russian Academy of Science's Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. *Four Centuries of Expeditions into the Ainu Lands*. Saint Petersburg, 2022. Pp. 43–84 (in Russian)].

Файнберг Э. Я. *Русско-японские отношения в 1697–1875 гг.* М., 1960 [Feinberg E. Ya. *Russian-Japanese Relations in 1697–1875*. Moscow, 1960 (in Russian)].

Щепкин В. В. *Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в.* М., 2017 [Shchepkin V. V. *Northern wind: Russia and Ainu in 18th century Japan*. Moscow, 2017 (in Russian)].

Щепкин В. В. *Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьева*. СПб., 2022 [Shchepkin V. V. *Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection by A. V. Grigoriev*. Saint Petersburg, 2022 (in Russian)].

ОБРАЗ ВОСТОЧНОГО ПРАВИТЕЛЯ В «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

© 2024

А. П. Пручай¹

В статье рассматриваются особенности образа восточного правителя в «Истории» Геродота. На примере сюжетов о варварских царях анализируются методы и источники Геродота. Особое внимание уделено поэтике образа восточного правителя, а также его месту в повествовательной структуре «Истории».

Ключевые слова: Геродот, История, царь, Крез, Кир, Дарий, Ксеркс

Для цитирования: Пручай А. П. Образ восточного правителя в «Истории» Геродота. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 181–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-181-185

ORIENTAL RULER'S IMAGE IN HERODOTUS' "HISTORY"

Alexander P. Pruchai

The article deals with the specifics of the Oriental ruler's image in The Histories of Herodotus. Author uses the example of barbarian rulers' logoi to analyze Herodotus' methods and sources. Particular attention is also given to the poetics of eastern rulers' image and its place in the Histories' narrative structure.

Keywords: Herodotus, The Histories, king, Croesus, Cyrus, Darius, Xerxes

For citation: Pruchai A. P. Oriental Ruler's Image in Herodotus' "History". *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 181–185. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-181-185

«История» начинается известными словами: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом» (I.1).

Как видно, для Геродота вся ойкумена как бы делится на две противоположные друг другу части: мир эллинов и мир варваров, Европу и Азию, Запад и Восток. «Отец истории» действительно является одним из первых античных авторов, обозначивших контуры этой культурно-цивилизационной антиномии [Flower, 2006, p. 167–206]. Противостояние греков и варваров Геродот обозначает как предмет своей *ιστορίη*, пытаясь проследить его причины с глубокой древности, словно доказывая саму естественность этой вражды.

Между тем восприятие варваров у Геродота не так просто; историк уже во введении открыто признает, что и варвары способны на «великие и удивления достойные деяния (ἔργα μεγάλα τε καὶ θωμαστά)» (I.1). В этом контексте особую роль приобретает образ восточного правителя, транслируемый «отцом истории». Обладающий свободой (подлинной или мнимой), восточный правитель

¹ Пручай Александр Павлович, студент 2 курса магистратуры Луганского государственного педагогического университета, Луганск; snowstorm.buran@gmail.com

Alexander P. Pruchai, 2nd year master student, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk; snowstorm.buran@gmail.com
ORCID: 0009-0000-4998-7000

в представлении Геродота, с одной стороны, становится наиболее ясным отражением дурных или достойных качеств варварских народов, с другой — позволяет в наиболее чистом виде узреть пороки, вообще присущие человеку.

Кроме того, сочинение Геродота еще с античных времен порождает множество споров, начиная от метода, источников, жанровой идентичности «Истории» и заканчивая вопросом о «добро-совестности» ее автора [Fornara, 1971, p. 13–29]. На наш взгляд, сюжеты о восточных правителях, широко представленные в «Истории», предоставляют возможность наглядно ознакомиться с предметом этих споров [Белов, 2006].

Геродот помещает образ всякого правителя в широкий этногеографический контекст, следуя в этом традиции логографов. Так, например, логос о Крезе завершается описанием природы, построек Лидии, занятий и нравов лидийцев (I.93–95). Историк мастерски вплетает описание природных условий Мидии в структуру логоса о Кире, когда ему нужно указать на место пастбищ, где выпасал скот пастух, спасший младенца-царя (I.110).

Практика личного наблюдения (*αὐτοψία*), особенно популярная среди логографов, превращается у Геродота из сердца всей *ἱστορίῃ* лишь в один из ее методов. «Отцу истории» даже более свойственно опираться не на результаты собственных наблюдений, но на пересказы других очевидцев, которыми часто выступают восточные цари и их согладаты (*κατάσκοποι, κατόπται*) (е. г., III.17–25, 134; V.12–13; VII.146–47, 183, 208; VIII.21, 23). То есть автопсия у «отца истории» оказывается не прямой, но как бы многослойной.

Прекрасно видно, что для историка этнология и география играют роль второстепенную, тогда как действительной областью его интереса остаются сами события и личности прошлого. Этим Геродот существенно отличается от своих предшественников-логографов.

На примере сюжетов о восточных правителях также заметна работа «отца истории» с письменными источниками [Белов, 2006, с. 281]. Геродот несколько раз прямо ссылается на данные эпиграфики (е. г., V.59; VII.228) и на сочинения Гекатея Милетского (II.143; косвенно — VI.137). Однако все же прямых ссылок на письменные источники в «Истории» в пять раз меньше, чем ссылок на данные, полученные устно [Geogres, 1994, p. 26].

О работе Геродота с письменными источниками могут косвенно свидетельствовать стилистические особенности его сочинения [Доватур, 1957, с. 13–14]. «История», например, обильна детальными списками и «инвентарными» перечнями с подробными количественными и качественными характеристиками, которые никак не свойственны устной традиции. Значительная часть таких помещена в состав логосов о восточных царях.

Среди примеров — списки посвячительных даров и жертв в логосе о Крезе (I.14, 50–52), список мидийских племен в логосе о Деиоке (I.101), список персидских племен в логосе о Кире (I.125), перечень персидских сатрапий в логосе о Дарии (III.90–95), список отдельных контингентов и народов в составе войска и флота Ксеркса (VII.61–99) и многие другие.

А. И. Доватур отмечал, что Геродоту присуща попытка несколько скрасить сухость используемой им научной прозы: он часто старается разнообразить языковые конструкции при перечислениях [Доватур, 1957, с. 18–22]. Это еще раз подтверждает подчиненность таких списков в «Истории» главной цели Геродота — интересно и подробно изложить события греко-персидских войн через объемные и понятные образы, укорененные в контекст.

Основным источником Геродота в его сюжетах о восточных монархах бесспорно признают устные сведения опрошенных — исторические новеллы, порождения местного фольклора: саги, легенды, рассказы, анекдоты — словом, все то, что сам историк обозначает понятием *λόγοι* [Доватур, 1957, с. 65].

Геродот полагает своим долгом сообщить все услышанное, в том числе те версии, с которыми он сам не согласен или в которых сомневается (IV.42; I.173). «Что до меня, то мой долг передавать все, что рассказывают, но, конечно, верить всему я не обязан» (VI.152). В логосе о каждом правителе обязательно присутствуют фразы «говорят», «как я слышал» (*λέγεται, λέγουσι, λέγον, φασί, ἔφασαν, ἤκουσα, ἀκούον, πυνθάνομαι* etc.), где историк указывает, что узнал ту или иную историю от местных.

Но иногда он отступает от своего принципа с целью сохранить целостность сотканного образа: «Я буду описывать деяния Кира так, как передавали мне некоторые персы, желавшие не слишком восхвалять его, но рассказывать только правду. Я, впрочем, знаю, что о Кире и его деяниях существуют также и другие рассказы, а именно три» (I.95).

В отдельных случаях Геродот транслирует местную фольклорную традицию совершенно явно, даже не указывая на источник. Так, например, сюжет о спасении обреченного на смерть младенца пастухом очень распространен во всей индоевропейской традиции. А. С. Сапогов усматривает в передаваемой Геродотом версии о спасении Кира значительное влияние восточного митризма и мидийского культа почитания быка [Сапогов, 2007, с. 47]. Приемного отца Кира в «Истории» зовут Митридат, который к тому же является пастухом (*βουκόλος* — т. е. пастух именно крупного рогатого скота). Пастух, в свою очередь, играет существенную роль в традиции персидской [Сапогов, 2007, с. 49].

Геродот упорядочивает передаваемые сюжеты о царях так, чтобы они в первую очередь служили раскрытию темы греко-персидских войн. М. Ланг отмечала, что в «Истории» большинство наиболее выдающихся персонажей развиваются по модели «взлет — падение». В этом исследовательница усматривает существенное влияние на «отца истории» эпической традиции, а также, возможно, современной ему драматургии [Lang, 1944, pp. 120–126]. В рамках этой модели в «Истории» оказываются прежде всего восточные цари, такие как Крез, Астиаг, Кир, Дарий, Ксеркс и пр.

Кроме того, в логосах о восточных правителях прослеживается устойчивая система сюжетных мотивов, среди которых выделяют следующие: мотив надменной дерзости (*ὑβρις*), за которой следует возмездие (*νέμεσις*); мотив наказания (*τίσις*) потомков за деяния предков; мотив мудрого советчика; мотив неизбежности судьбы (*χρεών*); мотив неверного толкования пророчества, изречения оракула, приводящий к краху; мотив нарушения границ; мотив «зависти богов» (*φθόνος*) [Сапогов, 2007, с. 45; Суриков, 2008, с. 71].

Многих исследователей это наводит на мысль не просто о корректировке, но о полноценной обработке Геродотом собранных сюжетов с целью придания им поэтического характера [Наууд, 2022, р. 226]. На этом особенно настаивают сторонники т. н. «школы лжеца», утверждающие, что подлинный метод Геродота вовсе не исторический, но художественный («artistic, not historical») [Fornara, 1971, р. 65].

Центральным из перечисленных является мотив спеси, гордыни (*ὑβρις*). По меткому определению И. Е. Сурикова, *ὑβρις* есть «дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка» [Суриков, 2018, с. 32].

По мнению Геродота, гордыня-*ὑβρις* может быть присуща от природы отдельным видам животных, городам, народам (в первую очередь варварским; например, скифам — I.106, персам — I.89). Но ярче всего проявляется она в действиях царей и тиранов. В известной сцене спора Отана, Мегабиза и Дария о политическом устройстве (III.80–86) Отан говорит о естественном родстве *μοναρχίη* и *ὑβρις*: «... если бы даже самый благородный человек был облечен такой властью, то едва ли остался бы верен своим прежним убеждениям. От богатства и роскоши, его окружающих, в нем зарождается высокомерие (*ἐγγίνεται μὲν γὰρ οἱ ὑβρις*), а зависть (*φθόνος*) и без того присуща человеческой натуре» (III.80).

Образ лидийского царя Креза удивительно сочетает в себе каждый из перечисленных выше мотивов. Крез был первым правителем, который разрушил существовавшую естественную границу — своего рода «стену» между миром эллинов и миром варваров (I.6). Причиной этому была как раз движущая Крезом спесь [Dewald, 2021, pp. 366–367].

Крез оба раза трактует полученные слова Оракула в свою пользу. «...если царь пойдет войной на персов, то сокрушит великое царство» (I.53), — конечно, Крез полагает, что речь о державе Ахеменидов. А слова «Коль над мидянами мул царем когда-либо станет» (I.55) лидийский царь понимает прямо, не догадываясь о том, что под мулом имеется в виду сын перса и мидянки — царь Кир.

Неверно понятое знамение толкает Астиага на мнимое убийство своего внука Кира. Подобным образом неверно истолкованный сон вскрывает страх и самого Кира о своей власти: на пику собственного могущества он убежден, что будет свергнут Дарием (I.209–210). Двумя главными причинами его похода на массагетов Геродот называет возвысившееся над человеческим сомнение Кира (τὸ δοκέειν πλεόν τι εἶναι ἀνθρώπου) и до сих пор сопутствующую ему в войнах удачу (εὐτυχίη) (I.204). Здесь мы также видим несомненное проявление ἕβρις.

Мудрый советчик Солон предостерегает Креза о переменчивом характере удачи: «ведь уже многим божество [на миг] даровало блаженство, а затем окончательно их погубило» (I.32). После своего падения Крез и сам становится своего рода мудрым советчиком у царя Кира [Суриков, 2008]. Дария и Ксеркса аналогично пытался убедить не переходить Дунай и Геллеспонт советчик Артабан (IV.83; VII.10). Египетский правитель Амасис предупреждает самосского тирана Поликрата о том, что удаче свойственно покидать людей (III.40–43, 125).

Артабан, советуя Ксерксу не переходить Геллеспонт, говорит: «... перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти божества. Ты видишь, как бог мечет свои перуны в самые высокие дома и деревья. Ведь божество все великое обыкновенно повергает во прах» (VII.10).

Пересечение естественных границ в сюжетах «Истории» о царях становится своего рода точкой невозврата, ибо оно, можно сказать, и есть вызов, брошенный божеству, момент нарушения божественного космизма мира, то есть самое чистое проявление ἕβρις. Как правило, в качестве этих границ выступают реки или проливы [Сапогов, 2015]. Переход Крезом Галиса, Киrom Аракса, Дарием Дуная, Ксерксом Геллеспонта — именно те моменты, после которых удача покидала царей.

На основании изложенного можно предположить, что Геродот поэтически связывает свои логосы о царях единой повествовательной структурой. В ее основе лежит вопрос о власти человека (даже такого могущественного, как восточный царь) над собственной судьбой.

Итак, образ восточного правителя в «Истории», как нам кажется, прекрасно иллюстрируют источники и методы Геродота Галикарнасского. Органической частью сюжетов о варварских монархах становятся сведения этногеографии и письменных источников. Вместе с тем образ варварских царей отражает основной источник Геродота — устные предания, собранные «отцом истории» в ходе его путешествий, многие из которых он явно подверг поэтической обработке.

Как точно выразился М. Л. Гаспаров: «Интерес Геродота к истории — это интерес, во-первых, к мотивам человеческих поступков (как правило, своекорыстным), а во-вторых, к угадыванию того предначертанного божественного плана, в который эти поступки должны укладываться...» [Гаспаров, 2021, с. 374]. Образы таких восточных правителей, как Крез, Кир, Дарий и Ксеркс, в «Истории» будто указывают: всякий человек, которому не прекращает сопутствовать удача, который обладает богатством и властью, который вторгается и ведет войны — такой человек неизбежно вызывает у богов зависть. Им у Геродота почти всегда оказывается варварский монарх. Историк словно

красной нитью через все сюжеты о восточных царях проводит важную мысль: человек, будь он даже всевластный деспот, над своей судьбой власти не имеет. Изменить уготованное Роком не поможет ни богатство, ни власть, ни мудрые советы, ни даже осознание своей безмерности.

Литература / References

- Белов В. В. К вопросу о персидских источниках Геродота. *XVI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ*. М., 2006. С. 281–288 [Belov V. V. On the Question of The Persian Sources of Herodotus. *XVI Annual Theological Conference of the Saint Tikhon's Orthodox University*. Moscow, 2006. Pp. 281–288 (in Russian)].
- Гаспаров М. Л. Неполнота и симметрия в «Истории» Геродота. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 1. М., 2021. С. 371–377 [Gasparov M. L. Incompleteness and Symmetry in Herodotus' Histories. *Collected works*. In 6 vols. Vol. 1. Moscow, 2021. Pp. 371–377 (in Russian)].
- Доватур А. И. *Повествовательный и научный стиль Геродота в VI–V вв. до н. э.* Л., 1957 [Dovatur A. I. *Narrative and scientific style of Herodotus in the VI–V centuries BC*. Leningrad, 1957 (in Russian)].
- Сапогов А. С. *Образ царской власти Ахеменидов у Ксенофонта*: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Саратов, 2007 [Sapogov A. S. *The Image of the Achaemenid Kingship in Xenophon*. Saratov, 2007 (in Russian)].
- Сапогов А. С. Кир и Крез у Геродота: проблема пересечения водных границ. *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 2–3. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23751> [Sapogov A. S. Cyrus and Croesus in Herodotus: the Problem of Crossing Water Borders. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2015. № 2–3 (in Russian)].
- Суриков И. Е. Квази-Солон, или Крез в персидском плену (К вопросу о повествовательном мастерстве Геродота). *История. Мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова*. СПб, 2008. С. 67–82 [Surikov I. E. Quasi-Solon, or Croesus in Persian Captivity (On the Question of Herodotus' Narrative Skill). *Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshenii*. Saint-Petersburg, 2008. Pp. 67–82 (in Russian)].
- Суриков И. Е. Чему учила «диалогия» Софокла об Эдипе? *Hypothekai: Журнал научных статей по истории античной педагогической культуры*. 2018. № 2. С. 17–33 [Surikov I. E. What Did Sophocles' Oedipus "Dilogy" teach? *Hypothekai*. 2018. No. 2. Pp. 17–33 (in Russian)].
- Balcer J. M. *Herodotus and Bisitun: Problems in Ancient Persian Historiography*. Stuttgart, 1987.
- Dewald C. Cyrus. *The Herodotus Encyclopedia*. Hoboken, 2021. Pp. 365–370.
- Flower M. Herodotus and Persia. *The Cambridge Companion to Herodotus*. Cambridge, 2007. Pp. 274–290.
- Fornara Ch. *Herodotus An Interpretive Essay*. Oxford, 1971.
- Geogres P. *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore, 1994.
- Haywood J. The Downfall of Croesus and Oedipus: Tracing Affinities Between Herodotus' Histories and Sophocles' Oedipus Tyrannus. *Classical World*. 2022. No. 3. Pp. 225–259.
- Lang M. *Biographical patterns of folklore and morality in Herodotus' History*. Michigan, 1944.

РЕАЛИИ РУССКОЙ И СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИСТОРИИ XIX в. В КИНОИСКУССТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН СЕРЕДИНЫ XX в.

© 2024

Д. С. Дударев¹

В статье рассматривается изображение деятелями киноискусства европейских стран конца 50-х годов XX в. в х/фильме «Хаджи-Мурат» историко-культурных реалий России и Северного Кавказа середины XIX в. (образов горцев и россиян, деталей их культуры и быта), которое было дано в свете представлений о Кавказе и Востоке, присущих известной концепции ориентализма Э. В. Саида. Детали повседневной обстановки (одежда, жилища, танцы), манера и мотивация поведения, лексикон, событийная канва как северокавказских горцев, в том числе их предводителей (имам Шамиль, наиб Хаджи-Мурат и др.), так и представителей официальной России (царь и его окружение, кавказский наместник, российские военные и др.) в данном кинопроизведении в массе своей не соответствуют исторической действительности. Факты собственной действительности переносились западноевропейцами на изображаемый объект, который реконструируется по своему образу и подобию либо в соответствии с давно существующими клише и стереотипами, корни которых могли возникнуть еще столетия назад, в эпоху крестовых походов. Господствовавшие штампы, на которые так горазд дискурс ориентализма, не позволили кинематографистам Италии и даже Югославии дать более достоверную киноверсию событий из жизни кавказских горцев и их главных героев, переживавших в середине XIX в. сложный процесс интеграции в российские структуры, сопровождавшийся трудным, но неуклонным складыванием «русскости», и реалии той эпохи в целом. Сказалась, думаем, и обстановка «холодной войны», в контексте которой было выгодно в который уже раз изображать Россию, СССР «тюрьмой народов» и «империей зла».

Ключевые слова: интеграция, пророссийская ориентация, концепция «благородного дикаря», ориентализм, русскость

Для цитирования: Дударев Д. С. Реалии русской и северокавказской истории XIX в. в киноискусстве зарубежных стран середины XX в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 186–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-186-192

THE REALITIES OF THE RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN HISTORY OF THE NINETEENTH CENTURY IN THE MID-TWENTIETH CENTURY FOREIGN CINEMATOGRAPHY

Dmitriy S. Dudarev

The article examines the portrayal of the historical and cultural realities of the mid-nineteenth century Russia and North Caucasus by European filmmakers in the late 1950s in the film “Hadjı Murat” (images of highlanders

¹ Дударев Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, генеральный директор ООО «Проекты столицы», Москва; dudarev324@gmail.com

Dmitry S. Dudarev, PhD (Hist.), General Director of Capital Projects LLC, Moscow; dudarev324@gmail.com

and Russians, details of their culture and life), which was given in the light of ideas about the Caucasus and the East, inherent in the well-known concept of Orientalism by E. V. Said. Details of the everyday environment (clothing, housing, dancing), manner and motivation of behavior, vocabulary, event outline, both of the North Caucasian highlanders, including their leaders (Imam Shamil, Naib Hadji-Murat, etc.), and representatives of official Russia (the tsar and his entourage, the Caucasian governor, the Russian military, etc.) in this film work, for the most part, do not correspond to historical reality. The facts of their own reality were transferred by Western Europeans to the depicted object, which was reconstructed in their own image and likeness, or in accordance with long-existing clichés and stereotypes, the roots of which could have arisen centuries ago, back in the era of the Crusades. But the prevailing clichés, so popular in Orientalism discourse, did not allow the filmmakers of Italy and even Yugoslavia to give a more reliable film version of the events from the life of the Caucasian highlanders and their main characters, who experienced a complex process of integration into Russian structures in the middle of the nineteenth century, accompanied by the difficult but steady formation of “Russianness”, and the realities of that era in general. We think the situation of the Cold War has also had its impact, in the context of which it was advantageous once again to portray Russia, the USSR, as a “prison of nations” and an “evil empire”.

Keywords: integration, pro-Russian orientation, concept of “noble savage”, orientalism, Russianness

For citation: Dudarev D. S. The Realities of the Russian and North Caucasian History of the Nineteenth Century in the Mid-Twentieth Century Foreign Cinematography. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 186–192. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-186-192

Актуальность

Тема Кавказа привлекает к себе в наше время нарастающее внимание. Для этого существует целый ряд причин, особенно политические события 1990-х — 2000-х гг.: борьба с вооружённым сепаратизмом в Чечне, грузино-абхазская и грузино-осетинская войны, в которых Россия выступила на стороне народов Абхазии и Южной Осетии в их справедливой борьбе за независимость. В то же время для роста интереса к кавказской тематике существуют давние исторические корни. Длительный процесс интеграции народов Северного Кавказа в состав России, имевший в себе глубокие позитивные основы, но осложнённый военными столкновениями, связанными с трудностями совмещения горского традиционного уклада с российской государственной системой, получил отражение как в трудах авторов XIX и XX — начала XXI вв., так и в сочинениях русской классической литературы (А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, А. А. Бестужев-Марлинский, Л. Н. Толстой) [Дударев Д., Дударев С., 2017, с. 7–31]. В произведениях отечественных классиков XIX в. отчетливо прозвучала тема, оставившая по себе долгую память, — «кавказские пленники». Она долгое время была созвучна с темой т. н. «горского хищничества» в русской дореволюционной исторической литературе. Обе они так или иначе были тесно связаны с обстановкой военных столкновений и набегов эпохи вооружённого противостояния части горцев с российской военной и административной машиной на нелёгком пути окончательного выбора пророссийской ориентации. Впрочем, само понятие «кавказские пленники» пришло в отечественную историческую и литературную тематику от иностранцев, посетивших Россию или живших в ней, и связано с именами К. де Местра и Ф. Фрейганг. Весьма примечательно и то, что именно во французской и английской публицистике XVIII в. возник образ «благородного дикаря», который был отражением увлечения Востоком и Кавказом, характерным не только для русского общества первой половины XIX в., но и Западной Европы [Ткаченко, 2015, с. 234–249].

Последнее особенно важно для нас применительно к поставленной в заглавии статьи теме. Огромный интерес западной аудитории к Востоку, который в XIX в. стал объектом колониальных

захватов европейцев, вызвал формирование особой системы взглядов на этот регион, а также обычаи, нравы и менталитет его жителей. Очень важно заметить, что основы данных воззрений на Восток и его жителей восходят к античным временам, но особенно проявились в эпоху крестовых походов. В XX в. известный американский ученый палестинского происхождения Э. В. Саид, оценивая европейские стереотипы о Востоке, причем стереотипы, как правило, негативные, выдвинул весьма популярную ныне концепцию «ориентализма» [Саид, 2006]. Не имея возможности сейчас подробно оценивать ее как таковую, мы кратко охарактеризуем ее суть своими словами: ориентализм — это видеть то, чего нет в действительности, и не замечать того, что есть на самом деле. Интерес к проблематике ориентализма стал усиливаться в отечественной историографии с 2000-х годов [Северный Кавказ, с. 307–326]. Некоторые российские ученые усматривают ориенталистские клише не только в произведениях дореволюционной литературы, но и тех или иных современных российских историков, с чем нам трудно согласиться, однако это отдельная тема для разговора.

Цель исследования и его методы

Система ориенталистских взглядов на народы Востока и Кавказа как его части проникла, впрочем, не только в работы историков Запада. Ниже мы увидим, как ориенталистское видение мира Другого оказалось свойственно и для кинематографической среды западноевропейских стран уже в конце 1950-х годов XX в. Нашей целью является анализ реалий кавказской жизни, в том числе образов горцев, в творчестве деятелей европейского кино середины XX в. как репрезентативный пример ориентализма в киноискусстве. Наша работа выполнена на материале ленты производства Италия–Югославия, одной из 4-х существующих киноверсий, снятых в разных странах, и посвященной жизни такой видной фигуры среди сподвижников руководителя горцев имама Шамиля, как наиб Хаджи-Мурат. Автор использует методы анализа источников и литературы, сравнительно-исторический.

Изложение и обсуждение результатов исследования

Этот фильм (в итальянской версии *Agi Murad, il diavolo bianco*, 1959) (Хаджи-Мурат, белый дьявол) вызывает многочисленные вопросы, недоумение и возражения. Причиной являются совсем не явные несоответствия в судьбах киноперсонажей и их реальных исторических прототипов (обычно присущие многим художественным фильмам). Тем не менее укажем все же на некоторые из них. В рассматриваемом кинопроизведении Хаджи-Мурат не женат (хотя, как и в действительности, имеет сына, но более молодого возраста) и собирается сочетаться браком. В жизни же его семья находилась в плену у имама Шамиля. Причина ссоры Хаджи-Мурата и Шамиля совсем не в заступничестве первого за русских пленников (имам сам покровительствовал пленным в политических целях), а, скорее всего, в огромной популярности Хаджи-Мурата и превращении его в самого влиятельного соперника имама. Он сам перешел к русским, а не был захвачен в плен. Побег Хаджи-Мурата из Нухи, где он был, по сути, интернирован, закончился гибелью этого героя, а не свадьбой. Романтическая связь этого знаменитого горца с супругой князя Воронцова — вымысел, предпринятый в маркетинговых целях. Возможным увлечением Е. К. Воронцовой (в фильме у нее другое имя и отчество) на самом деле был «наше все» А. С. Пушкин почти за тридцать лет до событий, показанных в фильме. В 1851 г. эта дама имела уже почтенный для той эпохи возраст.

Начнем с того, что в беседе с высшим генералитетом, а затем и с княгиней Воронцовой Николай II называет в фильме князя Воронцова то «идиотом», то «дураком». Молва в самом

деле гласила о том, что император не расположен к М. С. Воронцову. Тем не менее князь был известен своим успешным управлением в Новороссии и Бессарабии, а также, по признанию самого царя, «пламенным усердием к пользам государства». Он был назначен кавказским наместником с «неограниченным полномочиим», как писал сам же Николай Павлович.

Словно для того, чтобы подтвердить данные кинематографическим царем «аттестации», Воронцов в фильме сообщает жене, что хотел бы посадить Хаджи-Мурата на кол, ломать пальцы, жечь огнем. По его приказанию вожака горцев предают бичеванию. Ничего этого в действительности не было и не могло быть, поскольку никак не соответствовало «цивилизаторской миссии» наместника. Как писал известный исследователь деятельности М. С. Воронцова С. С. Лазарян, наместнику удалось развернуть вектор развития политики России в направлении сближения с народами Кавказа и даже «обаять их прелестями имперского способа существования», более того, вызвать стремление к приобретению имперской идентичности [Лазарян, 2012, с. 307].

Нельзя, однако, не указать и на то, что фильм начинается с набега российского военного отряда на горский аул, который сопровождается убийствами, грабежами и насилием. Такие эпизоды в самом деле были нередки на фоне военных действий в крае. Более того, в части современной кавказоведческой историографии бытует мнение о геноциде российскими властями горских народов, особенно адыгов. Но прислушаемся к мнению некоторых современных компетентных историков. Видный кавказовед В. В. Дегоев, характеризуя длительные военные столкновения, именуемые обычно Кавказской войной, справедливо указывает на то, что те процессы, которые шли во время данного события, были гораздо сложнее и глубже банального военного противостояния. Фактически используя теорию фронта, ученый ярко показывает, что наряду с военными столкновениями зона конфликта была богата самыми разнообразными хозяйственными, торговыми, культурными и личными отношениями, которые превращали регион в некий плавильный котел, и не замечать этого было бы некорректно [Дегоев, 2003, с. 322–323]. А другой историк, З. Б. Кипкеева, верно указывает на то, что перемещения народов в Российской империи, несмотря на всю их трагичность, нельзя рассматривать как злой умысел или геноцид, поскольку власти страны такой задачи никогда не ставили [Кипкеева, 2008, с. 422]. Зарубежные же кинодеятели демонстрируют желание демонизировать фигуру главного руководителя России на Кавказе, изображая его недалеким и жестоким человеком, презираемым даже собственной женой, и стремятся *дискредитировать российскую политику в регионе в целом*.

Но не менее (даже если не более) «не повезло» в фильме «Хаджи-Мурат» и самим жителям гор, которым зарубежные деятели искусства кино вроде бы как сочувствуют. Прежде всего совершенно недостоверен внешний вид горцев, особенно их предводителей, смехотворный по своей сути. Они одеты не в бешметы, черкески и т. д. Костюм горцев составляют халаты на манер центрально-азиатских, на голове вместо папах у них конические шапки, отороченные мехом, малахай, что больше напоминает убранство татар, башкир, казахов. Шамиль и некоторые другие люди из его окружения больше похожи на киношных восточных звездочётов или такого известного персонажа, как Старик Хоттабыч, но никак не на горцев Дагестана и Чечни. Не лучше выглядит и масовка. Резиденция имама Шамиля (по идее это Дарго-Ведено) имеет никогда не существовавшую в реальности крепостную стену с зубцами и круглыми в плане угловыми башнями, как у рыцарского замка. Впрочем, справедливости ради отметим, что подобные представления об укреплениях горцев имелись и в России в середине XIX в. в слоях, далеких от кавказской действительности (лубок 1855 г. «Битва с горцами», отпечатанный в г. Москве). Кстати сказать, и русский форт с вымышленным названием Табарзан выглядит как западная средневековая крепость. Настоящие укрепления Кавказской линии выглядели куда более прозаично.

Внутренний вид горского «аула» также ничего общего не имеет с действительностью, больше напоминая некие труппы или парижский «двор чудес». Аналогичным образом полностью недостоверна и вербальная ткань фильма, касающаяся горской среды. Во время массовых сцен, когда, например, Хаджи-Мурат с победой въезжает в населенный пункт при скоплении народа, то должно было бы звучать не «Слава воинам!» или «Да здравствует Хаджи-Мурат!», а *тахмилль*, т. е. «Ля-илляху-иль-Аллах!» (Нет Бога, кроме Аллаха!), многократно повторяемый и являющийся в имамате боевой мюридской песней [Карпов, 2007, с. 402, прим. 98], или *такбир* — Аллаху-акбар! (Аллах-величайший!). Горцы участвуют в священной войне — *газавате*, и это диктует образ мыслей, действий и фразеологию. Идя в бой, «горцы» подбадривают себя лозунгами типа «Будет весело, мы повеселимся!», словно собирающиеся на вечеринку какие-либо западные «волонтеры», хотя здесь более уместно прозвучали бы упомянутые выше формулы, а также не менее знаковое «Инша-аллах» (На все воля аллаха).

В беседе с будущим «тестем» киношный Хаджи-Мурат восклицает: «Мне нужны солдаты!» Создателям фильма было и невдомек, что понятие «солдат» было совершенно чуждо для горцев. Все, что было связано с миром солдат, солдатчины и связанных с этим стереотипов поведения, оружия (особенно штык) и униформы (мундир) было глубоко враждебно в то время миру сынов гор как проявление несвободы, которая была для них самой тяжелой напастью [Дударев Д., Дударев С., 2017, с. 205]. М. Ю. Лермонтов в поэме «Измаил-Бей» писал: «Мила черкесу тишина / Мила родная сторона / Но вольность, вольность для героя / Милей отчизны и покоя». Горцы употребляли понятие «джигит» (мóлодец — *тюрк.*). Понятие «солдат» связывалось у них с дисциплиной и обезличкой, «джигит» же — это субъект, который подчиняется кому-либо совершенно добровольно, только в силу личного авторитета того лица. Как и средневековый рыцарь, джигит часто не знал никакой дисциплины.

В фильме есть и другие серьезные несоответствия исторической действительности. Отец девушки, которую прочат в невесты Хаджи-Мурату, в одной из сцен восклицает: «Она здоровая, сильная женщина, ничего общего не имеющая с этими неженками из города», что является штампом из века XX, но не XIX в отношении девушек и женщин-горянок (сам этот термин также возник в XX в.), когда городская горянка как социальное явление еще не существовала. Фантастична сцена танцев в резиденции Шамиля, которая не только не соответствует горской музыкальной и танцевальной культуре и самой пластике горцев, но невозможна как таковая в принципе. Музыка, танцы, развлечения были запрещены в имамате под страхом смертной казни: господствовал суровый исламский аскетизм, который канализировал энергию горцев только на борьбу с неприятелем. Вымышлено заявление Воронцовой, что Ахмет-Хан получит «корону» прямо из рук царя. Корону кого? Имама? Но имам — это не сан и не профессия [Ньюби, 2007, с. 120]. Имам — предводитель на молитве, самое авторитетное лицо в общине, которая его избирает. И в целом горцы не знали монархической традиции и не потерпели бы ее. И в Дагестане, и в Чечне в XVII — конце 30-х годов XIX в. произошел ряд антифеодальных восстаний, в результате которых была уничтожена значительная часть знати [История Дагестана, 2004, с. 362–371, 507–508].

Стремясь представить Хаджи-Мурата «благородным дикарем», что соответствует давно существовавшей европейской традиции, авторы фильма вкладывают эту идентичность в уста главного героя (который говорит в одной из сцен с Воронцовой, что он «дикарь среди белых людей»), что является западным ориенталистским штампом, которого, впрочем, не чурались и некоторые российские авторы (например, тот же А. Л. Зиссерман).

Одновременно внимательный зритель является свидетелем того, что авторы фильма искажают действительность для создания образа «благородного дикаря». Когда люди Хаджи-Мурата останавливают карету с женой наместника, то они грабят ее. Главный герой по-рыцарски

освобождает пленницу и возвращает ей отнятое. Но реальные случаи из жизни говорят об обратном (история с пленом высокородных грузинских княгинь А. И. Чавчавадзе и В. И. Орбелиани). Цель горской стороны в случае с захватом грузинских аристократок, близких к петербургскому двору, их детей, слуг и гувернантки прямо в усадьбе в Цинандали² заключалась в получении огромного выкупа. Для этой цели была применена тактика многомесячных проволок в сочетании с жестким морально-психологическим прессингом, главным «режиссером» которого был сам имам Шамиль [Дударев Д., Дударев С., 2017, с. 314–341]. Иными словами, истинная подоплека этого события была сугубо прагматической, лишенной всякой героики и романтизма.

В сцене в саду находящийся в плену Хаджи-Мурат объясняется с княгиней Воронцовой, которая называет его великим человеком, который пожертвовал собой ради своих убеждений. Это пример чисто европейской мотивировки действий героя, который на самом деле желал лишь освободить свою семью и отомстить своим врагам, прежде всего имаму Шамилю (который несправедливо изображён в фильме слабым и безвольным статистом), руками русских. Месть двигала и многими другими горцами, переходившими на российскую сторону. Киношная княгиня готова связать свою судьбу с горским джигитом и представить его в петербургском свете. Этот романтический вымысел очень далек от действительности XIX в. Светская, тем более знатная женщина никогда бы не поступила так в силу многих причин, среди которых громадная разница в статусе, конфессиональные соображения, коренные социоментальные и культурные отличия. Горцы в то время могли пленить именитую россиянку для выкупа, обмена (см. выше) или продажи в один из восточных гаремов. Об одном из подобных случаев повествовала француженка Адель Оммэр де Гелль, путешествовавшая по югу России и Северному Кавказу со своим супругом в конце 1830-х — начале 1840-х годов (нападение на конвой знатной дамы-польки под Кисловодском, приведшее к жестокой гибели всех сопровождающих и ее похищению) [Соснина, 2003, с. 264].

Не обошлось в фильме и без таких чисто киношных «ляпов», для которых вовсе не обязательно знать историю Кавказа. На балу у наместника Воронцова оркестр играет вальс И. Штрауса-младшего «На прекрасном голубом Дунае». Однако он был написан в 1866 г., заметно позже событий, описываемых в фильме.

Выводы. Подводя итоги, мы должны констатировать, что образы Хаджи-Мурата и его земляков-сподвижников были трактованы западными кинематографистами в духе идей ориентализма. Факты собственной действительности переносились на изображаемый объект, который реконструируется по своему образу и подобию либо в соответствии с давно существующими клише и стереотипами, корни которых могли возникнуть столетия назад, еще в эпоху крестовых походов. Материал же, заимствованный из Толстого и Бестужева-Марлинского (имя невесты Хаджи-Мурата — Салтанет; название чеченского аула Махкет (совр. Махкеты) и некоторое другое) использован неполно и неточно. Не лучше обстоит дело и с образами русских исторических партнёров горцев Кавказа. В середине XX в., даже несмотря на т. н. «железный занавес», существовало немало возможностей для гораздо более достоверной исторической реконструкции реалий изображаемой эпохи и облика ее людей. Но господствовавшие штампы, на которые так горазд дискурс ориентализма, не позволили кинематографистам Италии и даже Югославии дать более достоверную киноверсию событий из жизни кавказских горцев и их главных героев, переживавших в середине XIX в. сложный процесс интеграции в российские структуры, сопровождавшийся трудным, но неуклонным складыванием «российскости», и реалии той эпохи в целом. Сказалась, думаем, и обстановка «холодной войны», в контексте которой было выгодно (в который раз) изображать

² Известный советский писатель В. С. Пикуль ошибочно сообщал о захвате обоза с княгинями и др. по дороге из усадьбы в Тифлис [Пикуль, 1989, с. 296].

Россию, СССР «тюрьмой народов» и «империей зла». Известный адыгский поэт и прозаик Исхак Машбаш в одном из своих стихотворений проникновенно писал: «Как тягостна была и непроста дорога неизбежная к России». В этих замечательных строчках — весь пафос нелегкого пути нашей многонациональной страны, которая и сегодня, несмотря на переживаемые драматические испытания, стремится к лучшему будущему для всех, кто верит в ее историческую миссию.

Литература / References

Великая Н. Н. Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства. *Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа. Южнороссийское обозрение*. 2007. № 45. С. 88–101 [Velikaya N. N. Russianness as a paradigm for studying Russian-Caucasian unity. *Current and debatable problems of the history of the North Caucasus. South Russian Review*. 2007. No. 45. Pp. 88–101 (in Russian)].

Дегоев В. В. *Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе*. 2-е изд. М., 2003 [Degoev V. V. *The Great Game in the Caucasus: history and modernity. Articles, essays, essays*. 2nd ed. Moscow, 2003 (in Russian)].

Дударев Д. С., Дударев С. Л. *Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины — середины XIX века*. Армавир, Ставрополь, 2017 [Dudarev D. S., Dudarev S. L. *The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half — mid-19th century*. Armavir, Stavropol, 2017 (in Russian)].

История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. М., 2004 [History of Dagestan from ancient times to the present day. T. 1. M., 2004 (in Russian)].

Кипкеева З. Б. *Северный Кавказ в Российской империи: народы, миграции, территории*. Ставрополь, 2008 [Kipkeeva Z. B. *Northern Caucasus in the Russian Empire: peoples, migrations, territories*. Stavropol, 2008 (in Russian)].

Лазарян С. С. *Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М. С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг.* Пятигорск, 2012 [Lazaryan S. S. *Military-political and administrative-legal activities of Prince M. S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845–1854*. Pyatigorsk, 2012 (in Russian)].

Ньюби Г. *Краткая энциклопедия ислама*. М., 2007. 384 с. [Newby G. *Concise Encyclopedia of Islam*. Moscow, 2007 (in Russian)].

Пикуль В. *Этюды о былом*. М., 1989 [Pikul V. *Sketches from the past*. M., 1989 (in Russian)].

Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб., 2006 [Said E. V. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*. St. Petersburg, 2006 (in Russian)].

Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007 [The North Caucasus as part of the Russian Empire. Moscow, 2007 (in Russian)].

Соснина Е. Л. *Два путешествия в золотой век*. Кисловодск, 2003 [Sosnina E. L. *Two journeys into the golden age*. Kislovodsk, 2003 (in Russian)].

Ткаченко Д. С. Становление российского ориентализма в контексте Кавказской войны. *Кавказский сборник*. Т. 9(41) / Под ред В. В. Дегоева. М., 2015. С. 234–249 [Tkachenko D. S. The formation of Russian Orientalism in the context of the Caucasian War. *Caucasian collection*. Vol. 9 (41). Ed. by V. V. Degoev. Moscow, 2015. Pp. 234–249 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-193-199

СКАЗКА «РЕПКА» ПО-АНГЛИЙСКИ И ПО-АРАБСКИ: НАРРАТИВ В ПЛЕНУ АССОЦИАЦИЙ

© 2024

Н. И. Сериков¹

В статье рассказывается о трансформации русской народной сказки «Репка» в обработке К.Д. Ушинского (1823–1871) в английской и арабской детской литературе. Автор доказывает, что формальные расхождения между русским, английским и арабским текстами — не неточность переводчика, но результат включения повествования в различные ассоциативные контексты.

Ключевые слова: : Репка (сказка), Ушинский К.Д. (1823-1871), Толстой А.Н. (1883-1945), Хелу, Салва, ливанская писательница; Саутгейт, Вера, английская писательница; сюжет; действия, цепные; арабский язык, перевод на; английский язык, перевод на; аргументация, литературная; фольклор, литература, детская

Для цитирования: Сериков Н. И. Сказка «Репка» по-английски и по-арабски: нарратив в плену ассоциаций. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 193–199. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-193-199

THE RUSSIAN FAIRY TALE “THE ENORMOUS TURNIP” IN ENGLISH AND ARABIC. A NARRATIVE IN THE FOUNDRY OF ASSOCIATIONS

Nikolaj I. Serikoff

The article discusses the transformation of the Russian folk tale ‘Turnip’ as edited by K.D. Ushinsky (1823–1871) in English and Arabic children’s literature. The author argues that the formal discrepancies between Russian, English and Arabic texts should not be considered as the inaccuracy of the translator, however, the result of the inclusion of the Russian narrative in foreign associative contexts.

Keywords: Turnip (Russian fairy tale); Ushinsky K. D. (1823-1871); Tolstoy A. N. (1883-1945); Helu, Salwa, Lebanese writer; Southgate, Vera, English writer; plot; actions, chain of; Russian, text, translation into Arabic; Russian, text, translation into English; argumentation, literary; folklore, Russian; children’s literature

For citation: Serikoff N. I. The Russian Fairy Tale “The Enormous Turnip” in English and Arabic. A Narrative in the Foundry of Associations. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 193–199. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-193-199

¹ Сериков Николай Игоревич, кандидат исторических наук; nikolajserikoff@gmail.com
Nikolaj I. Serikoff, PhD (Hist.); nikolajserikoff@gmail.com

Введение

Сказка «Репка» занимает прочное место в русском детском фольклоре². Оно было обеспечено ей литературной обработкой замечательного русского педагога К. Д. Ушинского (1823–1871). Обработка К. Д. Ушинского, помимо необходимой адаптации для детской аудитории (в частности, оригинальное «сучка за внучку» было элегантно переделано на «Жучка за внучку»³), исключила малопонятную содержащуюся в сказке загадку⁴, присовокупила кошку и мышку и, главное, акцентировала цепочные действия, столь хорошо способствующие развитию у детей логического мышления и начатков устного счета.

Обработка оказалась настолько удачна, что сказка вскоре была переложена на другие языки народов Российской империи, а впоследствии СССР. Известны ее пересказы, в частности, на эстонском [Тух, 2019] и украинском языках. Последний, принадлежащий перу классика украинской литературы, австрийского подданного русина Ивана Франко (1856–1916), вообще считается первым переложением с русского. В 1940 г. в составе сборника *Russian Tales*, составленного гр. А. Н. Толстым (1883–1945), «Репка» появилась в английском⁵ переводе Евг. Р. Шиманской⁶. Кажется, перевод оказался удачным, так как впоследствии он был пересказан в детской серии *Ladybird*, эквиваленте нашей серии «Моя первая книжка». Первое издание вышло в 1970 г. под названием «*The Enormous Turnip*» (Громадная Репка), где автором значится уже Вера Саутгейт (*Vera Southgate*) [Southgate, 1970]. С этого издания где-то в 1980-х годах для арабской серии *Ladybird* ливанка Салва Хелу сделала авторизованный перевод на арабский [Хелу] и издала его, сохранив, впрочем, оригинальные английские иллюстрации Роберта Ломлея.

Перевод на английский язык, сделанный первоначально русским переводчиком Е. Р. Шиманской, в результате адаптации к вкусам английских детей В. Саутгейт несколько изменила. Что касается перевода на арабский язык, то и он, разумеется, претерпел изменения по сравнению с русским и тем более английским «оригиналом». Задача настоящей статьи выяснить, чем были обусловлены эти изменения, а также на основании выявленных деталей проследить, как трансформировались образы героев «Репки», включая ее саму, в этих двух иноязычных версиях.

Английская и арабская версии «Репки»

Английская версия «Репки» проще русской. Перед нами безыскусный рассказ о «старичке» (*little old man*) и старушке (*little old woman*). «Старичок» посадил репу, и когда она выросла, стал ее тянуть, но безуспешно. Он позвал на помощь «старушку», а когда и та не помогла, то покричали «мальчику, который играл на поле». Тот, когда понадобилось, позвал некую девочку (которая, в отличие от русской «внучки», ни в каком родстве со старушкой не состояла). Потом на помощь позвали «старикову собаку», а затем и «старушкину кошку» и, наконец, «мышку, что жила в деревенском доме». Когда репка была вытащена, «старичок» пригласил всех отужинать ею: *the old man was pleased and invited everyone round for a turnip dinner*. Конец.

² Записана в 1863 г. в Архангельской губ. А. Харитоновым и опубликована фольклористом А. Афанасьевым (1826–1871). [Афанасьев, 1958, т. 1, с. 131].

³ Диалектизмы («тянут-потянут, вытянуть не могут») заменены на литературные формы: «не могут» и т. д.

⁴ В оригинале на помощь зовут нОгу, потом другую, третью и пятую и только тогда вытягивают репку. [Полный комментарий см.: Рушева, Аноним 1, Аноним 2].

⁵ В моем распоряжении было только первое английское издание [Tolstoy, 1944].

⁶ О ней, к сожалению, не удалось найти никакой информации.

Для английского уха весь рассказ звучит удручающе, и в первую очередь из-за самого овоща. Исторически в Англии (в отличие от Шотландии) репа (*turnip*, *Brassica rapa*) составляла рацион малоимущих, считалась безвкусной и тем более не была деликатесом. Таковой она считается и поныне. Неслучайно поэтому не так давно министр окружающей среды Великобритании Тереза Коффей (Thérèse Coffey) вызвала гнев жителей островов, предложив им — в силу того, что погодные условия привели к дефициту свежих овощей, уделить побольше внимания «сезонным овощам» и, в частности, репе (турнепсу)⁷. Неудивительно, что угощение «старичка» с точки зрения английских родителей и их детей — адресатов сказки — было более чем скромным. Что касается языка, то и он весьма безыскусен. Так, русскому «тянут-потянут, вытянуть не могут» соответствует повторяющееся «pulled and pulled and pulled but the turnip would not bulge».

Арабская сказка, напротив, изобилует занимательными деталями. «Жил да был старик (رجل عجوز)», — начинается она. И решил он высадить репы. Светило солнце и поливал дождик. Старик каждый день ходил посмотреть, как растут репы. И вот выросли репы, а одна выросла очень большая, и старик отправился ее тянуть. Прежде чем выйти, он натянул сапоги: ليس الرجل العجوز جزمته. Он ухватился за ботву руками и потянул, но вытянуть не смог. Тогда он позвал свою «супругу» (زوجته), но и с ее помощью не достиг желаемого результата. Супруга позвала «маленького мальчика» (ولدا صغيرا), а тот, в свою очередь, «маленькую девочку». Потом девочка позвала «большого кобеля» (по-арабски слово «собака» мужского рода), а он (а вовсе не «старушка», как в английской версии!) — «черную кошку». Последняя позвала на помощь «белую мышь», и только тогда репа поддалась. Они выдернули ее из земли и упали на спину: старик на старуху, та на мальчика, тот на девочку, она на кобеля, кобель на кошку, а кошка на мышь. И стали хохотать. А нахохотавшись вдосталь, отправились домой и понесли репу на кухню. «Супруга» старика приготовила ее, и каждый, попробовав, сказал: «До чего вкусна репа!» (ما الذ هذا اللفت!). Они ели и ели, пока не насытились и больше есть не смогли. И потом пировали еще: на второй день и на третий.

В отличие от русской оригинальной версии, в арабской (как и в английской) появляется «мальчик», а вместо «сучки Жучки» большой кобель. Особенно примечательна кульминация рассказа. В русской версии она приходится на завершение работы: «вытянули репку!», т. е. работа закончена. Это неспроста, так как цель сказки — научить детей дружить, ценить семью и каждого из ее членов, несмотря на возможные разногласия. Действительно, в жизни «старик» и «старуха» нередко бранятся, «старуха», в свою очередь, «учит» внучку уму-разуму, что не всегда вызывает у нее восторг, «Жучка» и «кошка» живут «как кошка с собакой», и понятно, что кошка и мышка также не дружат. Тем не менее взаимопомощь — залог успешного преодоления всевозможных трудностей. Напротив, в английской версии на первом месте прагматика: главное не в том, что работа была успешно закончена, а в том, что был ее результат — съеденная репка (а иначе зачем же было ее тащить?!). Арабская версия объединяет русскую и английскую: упорный труд по выращиванию и вытягиванию репки завершается пиром.

Обратимся теперь к истории овоща. До того, как в XIX в. русские начали обрабатывать картофель, репа главенствовала в их рационе. Ею не брезговали ни крестьяне, ни бояре, ни духовенство. Про репу сложено множество пословиц⁸, и не зря: помимо вкуса (репа родственна имбирю!) она обладала еще лекарственными особенностями. Как известно, в репе содержится больше витамина С, чем в лимонах, а паста, приготовленная из нее, усиливает мужскую потенцию. Именно универсальность репы как продукта питания и лекарственного средства не требовала в русской сказке дальнейших разъяснений на предмет того, зачем ее вытаскивали. Результат подразумевался сам собой.

⁷ “The UK environment secretary, Thérèse Coffey, has caused a furore after she suggested people should “cherish” seasonal foods such as turnips as bad weather cleared supermarket shelves of tomatoes and other fresh produce” [Anonymous, 3].

⁸ «Мимо репки, как мимо девки, так не пройдешь — щипнешь».

В ливанской арабской культуре репа (греч. βουναίς, ράπα, لفت синоним شلجم) также была и лекарственным средством, но в отличие от английской — деликатесом. Как лекарственное средство она была известна, в частности, из арабского перевода греческого сочинения Педания Диоскорида (около 40–90 года Р.Х.). В арабском травнике андалузского автора Ибн ал Байтара (1197–1248 Р.Х.) (со ссылкой на Галена и Диоскорида) первым и главным свойством репы названо улучшение потенции (يبيح شهوة الجماع) и семяизвержения, а также улучшение флатуленции и мочеиспускания [Байтар, 1291, ч. 3, с. 67.11]. Арабский текст Ибн ал-Байтара и греческий текст Диоскорида сообщают, что репа вкусна (εὐστόμος) [Dioscorides, 1598, p. 134], однако вредит желудку. Ибн ал-Байтар, соглашаясь с Диоскоридом, тем не менее рекомендует употреблять в пищу тот вид, что растет на обильно орошаемых местах, вблизи прудов (في البرارى المماطرة بقرب الغدران) [Байтар, 1291, ч. 3, с. 67.19]. Примечательно, что в арабской версии сказки «Репка» как раз упоминается, что репа обильно орошается дождем. Что касается вкусовых качеств выращенной у водоемов репы, то в маринованном виде это и поныне излюбленный деликатес не только в Ливане, но и на всей территории бывшей Османской империи. Помимо маринования, ее употребляют в различных видах и даже готовят напитки. Среди них şalgam suyu — популярный турецкий безалкогольный напиток. Именно поэтому для арабских «деда и бабы» и всего их семейства, в отличие от их английских «коллег», репка была желанным деликатесом и, будучи вытащенной, позволила им «закатить пир на весь мир».

Обратимся к языку арабского текста сказки. В отличие от английского, он подчеркивает цепочную композиционную схему повествования, а лексика выверена и сбалансирована наподобие русского оригинала. Арабские дети, читающие эту книжку, должны были несколько раз повторить одно и то же предложение, постепенно добавляя к нему по новому слову, выучив, таким образом, и слова, и выражения. Вот примеры:

Хелу, с. 4

Араб. текст	Перевод
احب الرجل العجوز ان يزرع لفتا	Любо было старику посадить репку.
احب الرجل العجوز ان يزرع لفتا في فصل الربيع	Любо было старику посадить репку весной .
احب الرجل العجوز ان يزرع لفتا في فصل الربيع في بستانه	Любо было старику посадить репку весной в своем саду .

Хелу, с. 22

Араб. текст	Перевод
شد الرجل العجوز بكل قوته	Напрягся старик со всею силою
وشدت زوجته بكل قوتها	Напряглась старуха со всею силою
و شد الولد الصغير بكل قوته	Напрягся маленький мальчик со всею силою
شدوا جميعا بكل قوتهم	Напряглись они все вместе со всею силою
ولكنهم ما قدروا ان يقتلعوا اللفتة الكبيرة	Но не смогли вытащить большую репу.

Разница между русской и арабской цепочками лишь в том, что в русском варианте она начинается «мышкой», а заканчивается на «дедке», который ухватился за репку: «мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабу, бабка за дедку, дедка за репку», а в арабской наоборот: شد الرجل العجوز بكل قوته \ وشدت المرات بكل قوتها \ وشد الولد الصغير بكل قوته \ وشدت البننت الصغيرة بكل قوتها \ وشد الكلب الكبير بكل قوته \ وشدت القطة السوداء بكل قوتها \ وشد الفار الصغير بكل قوته

[Хелу, с. 38].

Отдельно стоит отметить иллюстрации англичанина Роберта Ломлея, которые перекочевали в арабское издание книги. Все мужчины — старик и маленький мальчик носят на улице головные уборы: папаху и тюбетейку, а в помещении сидят без них. Старуха нарисована в платке, а «девочка» в кокошнике, дома же обе простоволосые, а у старухи к тому же перманент! У всех на ногах добротная обувь: сапоги или ботинки. Художнику, конечно, невдомек, что русские крестьяне в XIX в. ходили в лаптях, а на полевые работы и вовсе выходили босиком! Старик носит носки и укрывается шерстяным пледом. Наконец, английская «Жучка» — это кобель шотландской овчарки породы «колли».

Вместо заключения

В приведенных выше русской и арабской версиях сказки «Репка» новейший исследователь скорее увидел бы не перевод, но различные произведения на одну тему. Действительно, с точки зрения буквального перевода русский, английский и арабский тексты разнятся как целью повествования, так и многими деталями (см. иллюстрации). Однако насколько правомерна такая точка зрения?

Известно, что для переводов сочинений европейских писателей на арабский язык как в Средние века, так и в Новое время у арабских переводчиков не было единого стандарта. Перевод мог быть как дословным, так и «вариацией на тему». И свидетельством тому не только средневековые переводы, но и достаточно недавние, об авторах которых известно, что они владели языком оригинала. Лучший пример — басни И. А. Крылова в переводе обарабившегося армянина Абдаллаха Кельзи (1819–1912) и его земляка и единовека Ризкаллаха Хассуна (1825–1880). Сравнение их вызвало у главы советской арабистики, акад. И. Ю. Крачковского (1883–1951) пессимистическую оценку. Говоря про перевод Хассуна, он замечал, что там «совершенно не чувствуется той “были”, которую не забудут, “пока по-русски говорят”, про которую один современник Крылова пророчески выразился: «Ее давно мы затвердили, / ее и внуки затвердят». «В обработке Хассуна, — продолжим цитировать Крачковского, — мы получаем обычное литературное произведение кабинетного типа все на том же литературном языке, на котором он писал свои передовые статьи или политические обзоры и на котором никогда не говорил». А перевод Кельзи, хоть и был точнее, но, по его словам, был написан «литературным языком городской интеллигенции той эпохи»⁹. Действительно, переводы басен отличались друг от друга. Перевод Кельзи был почти дословным, а перевод Хассуна вычурным и весьма далеко отстоял от русского оригинала. Однако если учитывать, что Хассун ставил перед собой «литературные» цели, а Кельзи — более прагматические, т. е. научить русских студентов переводить на арабский, то все становится на свои места. Речь идет о том, что же означает само слово «литература», которым так широко и свободно пользуются в обыденной и научной речи.

Не был исключением и И. Ю. Крачковский, в своих оценках труда Хассуна употребивший слово «литература», которое, казалось бы, не требовало объяснений. На самом деле все обстоит не так просто. В понимании И. Ю. Крачковского и его образованных современников это слово было эквивалентно французскому *belles-lettres* («изящная литература»). Вопрос о том, насколько правомерно употребление термина «литература» (в значении *belles-lettres*) к средневековым произведениям, поставил в далеком 1978 г. отечественный византист А. П. Каждан (Москва, 03.10.1922–29.05.1997. *Dumbarton Oaks*) [Kazhdan, 1979]. Отличие «литературы» от *letteratura* (*das Schrifttum*) он, в частности, видел в том, что первая имела «горизонтальную» аргументацию, т. е. апеллировала к эмоциям читателя, в то время как вторая апеллировала к строгим научным фактам. (Именно

⁹ Подробно см.: [Сериков, Кашаф, 2023, с. 549].

поэтому медицинские лечебники или сочинения по математике не должны сравниваться с хрониками или историческими произведениями). В случае арабских переводов наблюдается то же самое. Арабский переводчик апеллирует к эмоциям читателя или делает перевод, в котором содержится дословное «пере-ложение» (*trans-latio, über-setzung*) исходного текста. В силу того, что сказка в нашем случае — детский учебный текст, арабы относят ее к области общего образования (*адаб*), поэтому она должна строиться на системе ассоциаций и соответствующих ассоциациям эмоциях и лексике. Поэтому лексическая «неточность», на что в первую очередь обращают внимание исследователи художественных переводов, как в случае с Ризкаллахом Хассуном, так и в случае перевода сказки «Репка» на арабский, ни в коей мере не означает таковой с позиции ассоциаций и эмоций арабских читателей.

О значимости эмоций и необходимости их учитывать свидетельствует и та свобода, с какой пародировалась «Репка» в отечественной изящной литературе, начиная с одноименного рассказа литератора А. П. Чехова (1860–1904) и заканчивая известным анекдотом из 1970-х годов:

«Урок русской литературы в грузинской школе.

Учитель (говорит с грузинским акцентом): *Жил-бил дэдкь! Пасадыл дэдкь рэпкь! Дато, нъродалжай!*

Дато (отвечает с грузинским акцентом): *А Рэпкь атсидэл, вишэл и зарэзал Дэдк!*

Учитель: *Вах, маладэц!*»

Литература / References

الجامع لمفردات الادوية والأغذية تاليف ضيا الدين عبد الله بن احمد الاندلسي المالقي المعروف بابن البيطار. [قسطنطينية] ٥١٩١هـ. ج. ٣. Ibn-al-Baytār, ‘Abdallāh Ibn Aḥmad. Kitāb al-Jāmi‘ li-mufradāt al-adwiya wa-l-aghḏhiya. [Qusṭantīniyya] 1291 AH / 1872 AD. Pt.3. (in Arabic).

سلسلة لديبيرد لمطالعة السحلة. مكتبة لبنان ب.ت. سلوى حلوة الفتحة الكبيرة li-mutāla‘at as-sihla. Maktabat Lubnān [s. l.] (in Arabic).

Anonymous 3. Environment secretary urges Britons to ‘cherish’ turnips amid food shortages. *The Guardian*. 23.02.2023.

[Dioscorides] *Pedacius Dioscorides Anazarbaeus De facile parabilibus tam simplicibus quam compositis medicamentis*. [Viennae], 1598.

Kazhdan A. P. *Der Mensch in der byzantinischen Literaturgeschichte*. JOB 28 (1979). S. 1–21.

Southgate V. *The Enormous Turnip*. Ladybird Books. Loughborough, 1970.

Tolstoy A. *Russian Tales for Children*. London, 1944.

Электронные ресурсы / Electronic Resources

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1958. Т. 1. С. 131. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_\(Афанасьев\)/Репка](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_(Афанасьев)/Репка) (дата обращения: 10.02.2024) [Afanasyev A. N. Russian Fairy-tales in three Volumes. Moscow, 1958. P. 131 URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_\(Афанасьев\)/Репка](https://ru.wikisource.org/wiki/Народные_русские_сказки_(Афанасьев)/Репка) (date of application: 10.02.2024) (in Russian)].

Аноним 1. Тайны русских сказок. Репка. URL: <https://dzen.ru/a/W-bcZQpHtQCqsBEO> (дата обращения: 10.02.2024) [Anonymous 1. Mysteries of the Russian Fairy-Tales. The Turnip. URL: <https://dzen.ru/a/W-bcZQpHtQCqsBEO> (date of application: 10.02.2024) (in Russian)].

Аноним 2. Русская сказка про Репку и Ноги: настоящий текст оригинала Афанасьева, анализ, смыслы. URL: <https://snegir.org/post/original-skazki-pro-repku-zagadka-nad-kotoroj-biutsya-yzhe-bolee-stoletiya/> (дата обращения: 10.02.2024) [Anonymous 2. The Russian Fairy-Tale about the enormous Turnip and the Legs. A genuine Text of the original Copy published by A. N. Afanasiev. The Analysis and Meanings. URL: <https://snegir.org/post/original-skazki-pro-repku-zagadka-nad-kotoroj-biutsya-yzhe-bolee-stoletiya/> (date of application: 10.02.2024) (in Russian)].

Рушева М. Разгадка сюжета русской народной сказки Репка. URL: <https://proza.ru/2022/03/15/16> (дата обращения: 10.02.2024) [Rusheva M. The Meaning of the Russian Fairy-Tale “The Enormous Turnip”. URL: <https://proza.ru/2022/03/15/16> (retrieved: 10.02.2024) (in Russian)].

Сериков Н. И., Кашаф Ш. Р. История преподавания восточных языков в Санкт-Петербургском университете в XIX в.: «Русско-арабские общественные разговоры» Абдаллаха Кельзи и его переводы басен Крылова. *Minbar. Islamic Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 537–561. URL: <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-3-537-561> (дата обращения: 10.02.2024) [Serikoff N. I., Kashaf Sh. R. Teaching Oriental languages in St. Petersburg University in the 19th century: ‘Russian-Arabic Conversations’ by Abdallah Kelzi and his translations of Krylov’s fables. *Minbar. Islamic Studies*. 2023. Vol. 16. No. 3. Pp. 537–561 (retrieved 10.02.2024) (in Russian)].

Тух Б. Как в детсаду «Месипуу» обучение эстонскому делают практическим. Столица. 23 сент. 2019 г. URL: <https://dea.digar.ee/article/stolitsa/2019/09/23/7.1> (дата обращения: 10.02.2024) [Tukh B. A practical Teaching of Estonian in the Pre-School “Mesipuu”. The Stolitsa Newspaper 23.09.2019. URL: <https://dea.digar.ee/article/stolitsa/2019/09/23/7.1> (date of application: 10.02.2024) (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-200-203

ЕЩЁ ОДНА ПАРАЛЛЕЛЬ МЕЖДУ БИБЛИЕЙ И АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2024

Д. Е. Мишин¹

Статья посвящена сюжету, который оказывается общим для Библии и арабской литературы Средневековья — неправомерному отъёму единственной овцы (или, в некоторых вариантах, козы) у бедняка. Этот сюжет, появляясь в Библии, затем обнаруживается и в арабской литературе. Заимствовав данный сюжет, по всей вероятности, в древние времена, арабы несколько адаптировали его.

Ключевые слова: Библия, царь Давид, пророк Натан, арабы, Абу Ригаль

Для цитирования: Мишин Д. Е. Ещё одна параллель между Библией и арабской литературой Средневековья. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 200–203. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-200-203

ANOTHER PARALLEL BETWEEN THE BIBLE AND MEDIEVAL ARABIC LITERATURE

Dmitriy E. Mishin

This article deals with a story which proves common for the Bible and the mediaeval Arabic Literature, namely, a wrongful taking away of the poor man's only sheep (or, in some versions, she-goat). That story appears in the Bible and then in Arabic treatises. The Arabs appear to have borrowed the story in ancient times and then made certain changes in it.

Keywords: Bible, King David, Prophet Nathan, Arabs, Abū Righāl

For citation: Mishin D. E. Another Parallel between the Bible and Medieval Arabic Literature. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2024. No. 2. Pp. 200–203. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-200-203

Выявление параллелей между арабской культурой и культурами древнего Ближнего Востока представляет собой весьма интересный объект исследования. На протяжении столетий арабы жили рядом с великими цивилизациями Египта, Леванта, Месопотамии, и следы этого, естественно, должны были остаться в их культуре. Одним из таких следов следует, как представляется, считать литературные и фольклорные сюжеты, являющиеся общими для названных культур. В настоящее время, когда в рамках изучения каждой из них источники уже исследованы, представляется актуальным проведение междисциплинарного исследования, имеющего своей целью установление взаимосвязей или параллелей между такими сюжетами. Цель настоящей работы — указать научному сообществу на один из таких сюжетов и попытаться продемонстрировать, каким образом

¹ Мишин Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; d.mishin@ivran.ru

Dmitry E. Mishin, PhD (Hist.), Senior Research Fellow of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; d.mishin@ivran.ru

он принял в арабской литературе тот вид, в котором мы его обнаруживаем. Методологической основой работы при этом является сравнительный анализ текстов источников.

Сюжет, рассмотрение которого составляет предмет настоящей работы, широко известен; мы встречаем его в Библии:

«И послал Господь Натана к Давиду. И он (пророк Натан. — *Д.М.*), явившись к нему (Давиду. — *Д.М.*), сказал ему: „Были в одном городе два человека, один богатый, а другой бедный. У богача было очень много мелкого скота и быков, а у бедняка — только одна маленькая овечка, которую он приобрёл и сохранил; она росла вместе с ним и сыновьями его, ела от хлеба его, пила из чаши его, лежала на груди его и была ему как дочь. К богачу явился путник. Богач же не стал брать из мелкого скота своего и быков своих, чтобы приготовить пришедшему к нему путнику [угощение], но взял овечку бедняка и приготовил пришедшему к нему путнику угощение”. Давид сильно разгневался на этого человека и сказал Натану: „Клянусь Господом! Человек, который так поступил, должен умереть. Вчетверо отдаст он за овцу за то, что сделал такое и не проявил жалости”» [2 Царств, 12, 1–6. Перевод по: *La Sainte Bible polyglotte*, 1901, p. 502–505].

В арабо-мусульманской литературе Средневековья мы находим несколько очень похожих рассказов. Наиболее ранний из них принадлежит перу ал-Балазури (*al-Balādhurī*, ум. ок. 892 г.) и выглядит так:

«Что касается Абу Ругаля (*Abū Rughāl*; так в издании, хотя общепринято чтение «Ригаль», *Righāl* — *Д.М.*), то говорят, что он — из древних, чистокровных арабов (*al-‘arab al-‘ariba*). Он имел власть над Таифом и его окрестностями. С населения своих владений он взимал овец и коз (*ghanam*) как подать (*khardj*), которую они должны были платить в его пользу. Он вершил произвол и действовал своевольно. И вот, однажды он явился к одной вдове, которая растила маленького сироту, поя его в год засухи молоком козы. А кроме [этой козы] в Таифе не было ни [козы, ни] овцы, которая давала бы молоко. Он забрал козу, ребёнок остался без молока и умер. Тогда Аллах послал Абу Ругаля беду, и он умер. Он был похоронен между Таифом и Меккой, и в могилу его непрестанно мечут камни» [*Kitāb dǧumal min ansāb al-ashraf šannafa-hu ... al-Balādhurī*, 1996, т. 1, с. 31].

Другие версии этого рассказа встречаются у Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани (*Abū-l-Faradj al-Isfahānī*, 897–967) и Йакута (*Yāqūt*, 1179–1229). Их расхождения с текстом ал-Балазури незначительны; наиболее важные из них состоят в том, что у Абу-ль-Фараджа и Йакута Абу Ригаль (*Abū Righāl*) был царём в Таифе и принадлежал к потомкам древнего народа *самуд* (*thamūd*) [*Kitāb al-aghānī. Taʿlīf Abī-l-Faradj*, 1994, т. 4, с. 463; *Yāqūt. Muʿdjam al-buldān*, 1957, т. 3, с. 53]. При этом Абу-ль-Фарадж в начале своего текста даёт ссылку на автора исходного сообщения — Хаммада Сказителя (*Ḥammād al-Rāwīya*, род. в 694/5 г., ум. в 772 или 773 г.). Последний известен как человек, который собрал и оставил потомкам множество сообщений о древности и стихов (в частности, знаменитые доисламские поэмы-*му‘аллаки*). В передаче Абу-ль-Фараджа Хаммад сообщает об Абу Ригале, что он «являлся прародителем всех *сакиф* (т. е. племени *сакиф*, ар. *thakīf*. — *Д.М.*), происходил из потомков [народа] *самуд* и был царём в Таифе» [*Kitāb al-aghānī. Taʿlīf Abī-l-Faradj*, 1994, ч. 4, с. 463]. Йакут отдельно приводит слова Хаммада о том, что Абу Ригаль являлся прародителем всех *сакиф* и был царём в Таифе [*Yāqūt. Muʿdjam al-buldān*, 1957, т. 3, с. 53]. Следует отметить, что у Абу Бакра аль-Байхаки (*Abū Bakr al-Bayhaqī*, 994/5–1065/6) встречается *хадис*, в котором пророк Мухаммад, проезжая мимо могилы Абу Ригаля, говорит, что последний был прародителем *сакиф* и происходил из народа *самуд* [*Dalāʿil al-nubuwwa wa maʿrifat aḥwāl šāḥib al-sharʿā li Abī Bakr*, 1988, с. 292]. По данному фрагменту автор этих строк предпочитает воздержаться от высказывания какого-либо мнения, так как в параллельном источнике, сборнике Абу Давуда ас-Сиджистани (*Abū Dāwud al-Sidjīstānī*, ум. в 888 г.), данный *хадис* приводится практически в том же виде, но без фразы о *сакиф* и *самуд* [*Sunan Abī Dāwud*, 2008, т. 3, с. 547–548]; в вопросе о том, какой текст следует считать правильным, необходимо полагаться на компетентное суждение специалистов по хадисоведению. Однако

представляется вероятным, что данный рассказ имел хождение у арабов на достаточно раннем этапе, возможно — уже в доисламское время.

Далее Йакут приводит ещё один рассказ с тем же сюжетом:

«Имя Абу Ригалья — Зайд ибн Мухлиф (*Zayd Ibn Mukhlif*). Он был слугой пророка Салиха (*Ṣāliḥ*) — да благословит его Аллах и приветствует! Он (Салих. — *Д.М.*) послал его (Абу Ригалья. — *Д.М.*) собирать пожертвования. Он явился к людям, не имевшим молока; у них была лишь одна овца. Среди них был ребёнок, мать которого умерла, и они кормили его молоком этой овцы ... И он (Абу Ригалья. — *Д.М.*) отказался брать что-либо кроме этой овцы. Тогда они сказали: “Оставь её, благодаря ей этот ребёнок остаётся живым”. Но он отказал им. Говорят, что его (Абу Ригалья. — *Д.М.*) с небес постигло бедствие. Но говорят, что его убил хозяин овцы. А Салих — мир ему! — потеряв его, встал в то время, когда люди обыкновенно собирались вместе, и стал расспрашивать их. Ему рассказали, что сделал [Абу Ригалья,] и он проклял его. Могила его (Абу Ригалья. — *Д.М.*) между Меккой и Таифом; люди побивают её камнями» [Yāqūt. Mu'djam al-buldān, 1957, т. 3, с. 53].

Этот текст почти в том же виде присутствует в средневековом толковом словаре арабского языка Ибн Манзура (*Ibn Manẓūr*, 1233–1311/12) [Lisān al-‘arab li Ibn Manẓūr, 1984, с. 1682]. Установить происхождение данного текста непросто. Йакут, приводя его, ссылается на комментарий ас-Суккари (*al-Sukkarī*, 827/8–888/9) к одному стиху Джарира (*Djarīr*, ум. в 728/9 или немногим позже) [Yāqūt. Mu'djam al-buldān, 1957, т. 3, с. 53]. Однако этот комментарий до нас не дошёл, и нельзя даже поручиться, что он существовал, так как известный средневековый библиограф Ибн ан-Надим (*Ibn al-Nadīm*, ум. в 995 г.) писал, что ас-Суккари не составлял сборника стихов Джарира [al-Fihrist li Ibn al-Nadīm, 1936, с. 225]. Между тем, и рассказ, в котором Абу Ригалья действовал в качестве сборщика пожертвований, был известен как минимум уже в IX в. Так рассказывает об Абу Ригале (*Ibn Qutayba*, 828–889) [al-Ma‘ārif li Ibn Qutayba, 1981, с. 91]. Аль-Балазури в другом месте приводит краткое известие, по которому Абу Ригалья был слугой пророка Шу‘айба (*Shu‘ayb*) [Kitāb djumal min ansāb al-ashraf šannafa-hu ... al-Balādhurī, 1996, т. 1, с. 31].

Между арабскими рассказами есть очевидные расхождения. В одном рассказе Абу Ригалья отбивает козу, в другом — овцу. Сам он в одном случае представлен как царь и прародитель *сакиф*, в другом — как сборщик пожертвований (*muṣaddiq*). Эти расхождения, которые нельзя объяснить ошибками передатчиков или переписчиков, говорят о том, что приведённые рассказы существовали в различных версиях; это, в свою очередь, указывает на распространённость сюжета.

При всех различиях в источниках в одном между средневековыми авторами наблюдается полное единодушие: для всех Абу Ригалья — сугубо отрицательный персонаж. В наиболее ранних передачах стиха поэта омейядского времени Амра ибн Даррака аль-Абди (*‘Amr^w Ibn Darrāk al-‘Abdī*) мы находим выражение «порочнее чем Абу Ригалья» (*a‘zam fadjrat^m min Abī Righāl*) [Kitāb al-ḥayawān, 1954, т. 6, с. 157; al-Ma‘ūdī, 1966, т. 2, с. 201]. Это выражение схоже с нашим «святое Папы Римского»; Абу Ригалья, тем самым, выступает в качестве своего рода эталона порочности.

В источниках Абу Ригалья появляется в связи с ещё одним эпизодом. Ибн Хишам (*Ibn Hishām*, ум. в 828/9 или 833 г.), ссылаясь на Ибн Исхака (*Ibn Ishāk*, ум. в 767/8 г.), пишет, что во время похода эфиопского правителя Йемена Абрахи на Мекку войско проходило через Таиф. Жители города, принадлежавшие к *сакиф*, повели переговоры с Абрахой и дали ему проводника, который должен был довести войско до Мекки; им стал Абу Ригалья. Хотя Абу Ригалья, согласно этому рассказу, не довёл войско эфиопов до Мекки (он умер по дороге, в аль-Мугаммаса, *al-Mughammās*) представления арабов об этом походе как о кощунственном начинании распространились и на него: Ибн Хишам далее сообщает, что могилу Абу Ригалья побивали камнями [Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām, 1995, т. 1, с. 87]. И в данном случае необходимо констатировать некоторые расхождения: в сохранившихся списках текста Ибн Исхака фигурирует

не Абу Ригаль, а некий Нуфайль (*Nufayl*) [*Sīrat Ibn Ishāq al-musammā bi-Kitāb al-mubtada' wa al-mab'ath wa al-maghāzī*, 1976, с. 38], однако последнего, строго говоря, можно отождествить с Абу Ригалем. Таким образом, Абу Ригаль вновь предстаёт как отрицательный персонаж, хотя и в иных исторических условиях.

В рассматриваемой проблематике, как показывает и настоящий текст, ещё много неясного. Однако те материалы, которыми мы располагаем, позволяют предложить интерпретацию взаимосвязи представленных рассказов. Представления о том, что власть имущие не имеют права отбирать у подчинённых им людей последнее, в древние времена нашли своё отражение в рассказе об отобранной единственной овце. От евреев эта история перешла к арабам (библейский рассказ, очевидно, старше арабских); те несколько переработали её, сделав понятной арабскому слушателю. Основной мотив — неприятие произвола — остался прежним; в этом отношении вполне естественно, что в качестве главного отрицательного героя в арабских рассказах выступает Абу Ригаль, что полностью соответствовало его укоренившемуся негативному образу.

Литература / References

- La Sainte Bible polyglotte*. Ed. F. Vigouroux. T. II. Paris, Bruxelles, 1901.
- Dalā'il al-nubuwwa wa ma'rifat al-hwāl shāhib al-sharī'a li Abī Bakr ... al-Bayhaqī*. Ed. 'A. Ḳal'adjī. Vol. 6. Beirut, 1988 [*Proofs of [Muḥammad's] Prophetic Status and Knowledge of Life of the Founder of the Islamic Religious Law, by Abū Bakr ... al-Bayhaqī*. Ed. 'A. Ḳal'adjī. Vol. 6. Beirut, 1988 (in Arabic)].
- al-Fibrīst li Ibn al-Nadīm*. Cairo: al-Maṭba'a al-raḥmāniyya, 1936 [*Catalogue by Ibn al-Nadīm*. Cairo: al-Maṭba'a al-raḥmāniyya, 1936 (in Arabic)].
- Ḳiṣaṣ al-anbiyā' al-musammā 'Arā'is al-madjālis. Ta'līf ... al-Tha'labī*. Cairo, 1954 [*The Book of] Stories of the Prophets, Entitled [Beautiful, Like] Brides, Conversations Held While Sitting Together' by al-Tha'labī*. Cairo, 1954 (in Arabic)].
- Kitāb al-aghānī. Ta'līf Abī-l-Faradj ... al-Aṣfahānī*. Pt. 3–4. Beirut, 1994 [*The Book of Songs by Abū-l-Faradj ... al-Aṣfahānī*. Pt. 3–4. Beirut, 1994 (in Arabic)].
- Kitāb djamal min ansāb al-ashraf ṣannaḥa-hu ... al-Balādhurī*. Pt. 1. Ed. S. Zakkār, R. Zarkalī. Beirut, 1996 [*The Complete Book of 'Noblemen's Genealogies' by al-Balādhurī*. Pt. 1. Ed. S. Zakkār, R. Zarkalī. Beirut, 1996 (in Arabic)].
- Kitāb al-ḥayawān. Ta'līf Abī 'Uthmān ... al-Djāḥiẓ*. Ed. 'A.M. Hārūn. Cairo, 1954 [*Book on Animals by Abī 'Uthmān ... al-Djāḥiẓ*. Ed. 'A.M. Hārūn. Cairo, 1954 (in Arabic)].
- Lisān al-'arab li Ibn Manẓūr*. Ed. 'A.'A. al-Kabīr, M.A. Ḥasab-Allāh, H.M. al-Shādhilī. Cairo, 1984 [*Language of the Arabs by Ibn Manẓūr*. Ed. 'A.'A. al-Kabīr, M.A. Ḥasab-Allāh, H.M. al-Shādhilī. Cairo, 1984 (in Arabic)].
- al-Ma'ārif li Ibn Ḳutayba*. Ed. Th. 'Ukāsha. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1981 [*The Book of] Knowledge by Ibn Ḳutayba*. Ed. Th. 'Ukāsha. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1981 (in Arabic)].
- al-Mas'ūdī. *Murūdj al-dhahab wa ma'ādin al-djawhar*. Ed. Ch. Pellat. Pt. 1, 2. Beirut: al-Djāmi'a al-Lubnāniyya, ḳism al-dirāsāt al-tārīkhiyya, 1966 [al-Mas'ūdī. *Meadows of Gold and Mines of Gems*. Ed. Ch. Pellat. Pt. 1, 2. Beirut: al-Djāmi'a al-Lubnāniyya, ḳism al-dirāsāt al-tārīkhiyya, 1966 (in Arabic)].
- Sīrat Ibn Ishāq al-musammā bi-Kitāb al-mubtada' wa al-mab'ath wa al-maghāzī. Ta'līf ... Ibn Ishāq*. Ed. M. Ḥamīdullāh. Fez, 1976 [*Biography [of Muḥammad] by Ibn Ishāq, Entitled 'The Book of the Beginning, on the Prophetic Mission, and on the Military Campaigns, by Ibn Ishāq*. Ed. M. Ḥamīdullāh. Fez, 1976 (in Arabic)].
- Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām*. Ed. M.F. al-Sayyid. Pt. 1. Tanta, 1995 [*Biography of the Prophet by Ibn Hishām*. Ed. M.F. al-Sayyid. Pt. 1. Tanta, 1995 (in Arabic)].
- Sunan Abī Dāwud*. Vol. 3. Ed. A.Z.'A. Za'ī, tr. N. Al-Khattab. Riyadh, 2008 [*The Book of] Traditions by Abū Dāwud*. Vol. 3. Ed. A.Z.'A. Za'ī, tr. N. Al-Khattab. Riyadh, 2008 (in Arabic)].
- Tārīkh al-Ṭabarī. Tārīkh al-rusul wa al-mulūk li ... al-Ṭabarī*. Pt. 1. Ed. M.A. Ibrāhīm. Cairo, 1968 [*al-Ṭabarī's History. History of Prophets and Kings by ... al-Ṭabarī*. Pt. 1. Ed. M.A. Ibrāhīm. Cairo, 1968 (in Arabic)].
- Yāḳūt. *Mu'djam al-buldān*. Vol. III. Beirut, 1957 [Yāḳūt. *A Reference-Book on Countries and Settlements*. Vol. III. Beirut, 1957 (in Arabic)].

ВОЗМОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА ПРИНЯТИЮ ИСЛАМА В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

© 2024

С. А. Маркарян¹

В статье рассматриваются вопросы конфессиональной жизни государства Золотой Орды, принятие ислама в качестве государственной религии и возможная альтернатива этому в виде принятия христианства, а также результаты деятельности миссий францисканцев и доминиканцев в пределах территории Золотой Орды.

Ключевые слова: монголы, Золотая Орда, ислам, тенгризм, францисканцы, доминиканцы

Для цитирования: Маркарян С.А. Возможная альтернатива принятию ислама в Золотой Орде. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 204–208. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-204-208

A POSSIBLE ALTERNATIVE TO THE ADOPTION OF ISLAM BY THE GOLDEN HORDE

Samvel A. Markaryan

The article examines the issues of the confessional life of the Golden Horde state, the adoption of Islam as the state religion and a possible alternative to this in the form of the adoption of Christianity, as well as the results of the missions of the Franciscans and Dominicans within the territory of the Golden Horde.

Keywords: Mongols, Golden Horde, Islam, Tengrism, Franciscans, Dominicans

For citation: Markaryan S. A. A Possible Alternative to the Adoption of Islam by the Golden Horde. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 204–208. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-204-208

Согласно установившемуся в востоковедении мнению ученых разных стран, в 1312–1320 гг. в Золотой Орде при правлении хана Узбека (1312–1341) ислам превращается в государственную религию. Особую роль в этом сыграли суфийские ордена, и прежде всего орден Накшбандийа. Суфизм стал катализатором в процессе обращения в ислам рядовых кочевников Золотой Орды [Васильев, 2007, с. 27–32]. Мы знаем, что еще хан Берке (1257–1266) стал мусульманином, но не превратил ислам в господствующую в государстве религию.

Из акцентированного исследования целого ряда ученых деятельности Папских миссий и проповедников христианства, прежде всего орденов францисканцев и доминиканцев в XIII–XIV вв., складывается впечатление, что существовала реальная альтернатива принятию ислама в качестве государственной религии в виде принятия христианства (католичества) государством Золотая Орда. Однако вызывает большие сомнения стремление изобразить имеющей серьезные перспективы возможность превращения христианства в государственную религию этого государства [De Weese, 2009, p. 120–134; Osipian, 2012, p. 153–168; Хаутала, 2019, с. 69–86]. Вряд ли

¹ Маркарян Самвел Асатуринович, кандидат исторических наук, доцент, МБОУ «Лидер», Химки, Московская область; markaryansamvel@rambler.ru

Samvel A. Markaryan, PhD (Hist.), Associate Professor, MBOU «Leader», Khimki, Moscow region; markaryansamvel@rambler.ru

отрывочные сведения разноязычных авторов позволяют предполагать такую перспективу развития конфессиональной ситуации. Мы не должны забывать, что значительная часть половцев и монголов на Южном Урале и в Западной Сибири продолжала и в конце XIV в. оставаться язычниками. Достаточно вспомнить о том, среди кого набирал неоднократно свои «девять туменов воинов» в 1391–1395 гг. хан Тохтамыш: судя по сообщениям источников, каждый раз это были язычники-кочевники степей [Шараф ад-Дин, 1723, т. 1, с. 172; Утемиш-хаджи, 1992, с. 114–115]. И это после того, как Золотая Орда уже несколько десятилетий к тому времени считалась мусульманским государством многими арабо-персидскими авторами. По-видимому, массовой исламизации степного населения все же не произошло сразу и бесповоротно. Тем более представляется недостаточно аргументированным и бездоказательным тезис некоторых поволжских ученых о том, что кочевники степей Золотой Орды (как монголы, так и половцы и другие кочевые племена) были в духовном и культурном отношении уже давно готовы к принятию мусульманства [Измайлов, 2006, с. 53–55].

На самом деле имеющийся обширный археологический материал может привести нас к мысли о растянутости во времени на XIV–XV вв. процесса принятия ислама среди кочевнического населения Золотой Орды. Археологические находки говорят скорее о конфессиональном дуализме в среде кочевнических племен великой степи — погребения в курганах, несомненно, повествуют о язычестве именно в этот период обитателей обширной территории от Днепра до Урала [Иванов, 2015, с. 148–149; Васильев, 2007, с. 93–94].

Все арабо-персидские авторы говорят о половцах XI–XIII вв., что они являются «маджуса» — «язычниками». В пользу этого мнения свидетельствует также наличие огромного количества каменных статуй (в русской научной литературе их принято называть «каменные бабы»), которые встречаются на всем пространстве степей от Днепра и Дона до берегов Волги и датируются в основном периодом XI–XV вв. [Иванов, 2015, с. 138–139; Голден, 2008, с. 309–311]. Правда, те же кипчаки, когда они поступали на службу к Хорезмшаху в начале XIII в., принимали ислам целыми племенами, вместе с тем отметим, что большая часть и монголов, и половцев, и канглы, и кимаков оставалась тенгрианцами и шаманистами.

В то же самое время мы можем наблюдать множество примеров принятия христианства и половцами, и монголами Дашт-и Кипчака в XI–XIV вв. Так, половцы (кипчаки) в количестве 40 тыс. кибиток, переселившиеся в Грузинское царство между 1116–1120 гг. при царе Давиде Агмашенебели (Строителе), правившем с 1089–1125 гг. и возродившем могущество Грузинского государства, по сообщению грузинской официальной хроники царского двора «Картлис Цховреба», сами добровольно и в массовом порядке принимали христианство [Картлис Цховреба, 1955, с. 334–335], и когда через полтора столетия, в конце XIII в., большая часть этих кипчаков обратно переселилась в степи Северного Кавказа, это были уже христиане.

В конце XIII и начале XIV вв. половецкие племена от Днепра до реки Урал продолжали оставаться язычниками. Можно наблюдать в этот период неоднократно династические браки половецкой знати с родами русских князей, грузинской знатью и венгерскими и византийскими вельможами. А до принятия ислама племена сельджуков были также тенгрианцами, хотя, возможно, и были знакомы с несторианским христианством — об этом говорят библейские имена сыновей Сельджука: Микаил, Исраил [The Saljuknama of Zahir al-Din Nishapuri, 2004, с. 5; Садр ад-Дин ал-Хусайни, 1980, с. 24–25; Голден, 2008, с. 314].

А начавшийся процесс исламизации в Золотой Орде растянулся на полтора столетия. Папская курия прочувствовала напряжение в конфессиональном плане среди кочевого населения Дашт-и Кипчака и решила своими миссиями проповедников христианства перетянуть в лоно католичества сначала верхушку кочевых племен, а следом за ними по традиции того периода должны

были последовать многотысячные массы половцев и монголов степной зоны. Папская курия в обращении кочевников в католичество видела военно-политический смысл — создание военного союза с Золотой Ордой, направленного против мамлюков Египта, должно было помочь выжить угасающему крестоносному движению в Палестине.

В то же время православие ни в Русских княжествах, ни в Грузинском царстве не ставило перед собой такой политической задачи. Православию в русских землях важнее представлялось сохранение своей славянской паствы за счет сохранения льгот и привилегий русской церкви, которые содействовали упрочению национальной идентичности в условиях ордынского ига. Как известно, уже в 1261 г. русская церковь получила право от правителей Золотой Орды назначить православного епископа в Сарай — им стал епископ Митрофан [Воскресенская летопись, 2001, с. 162]. Впоследствии русские епископы продержались в Сарае до середины XV в. Согласно заветам Чингиз-хана, русские церкви и духовные лица освобождались от всех налогов и повинностей.

В 1287 г. можно видеть посланцев Папы Римского в миссии кустодия Каффы францисканца Ладислава [Хаутала Р., 2019, с. 77]. Нищенствующие ордена францисканцев (с 1223 г.) и доминиканцев (с 1215 г.) были четко направлены Папской курией на миссионерскую деятельность по распространению христианства среди кочевников Восточной Европы.

Папа Римский поручает орденам францисканцев и доминиканцев миссионерство и приобщение монгольской стихии к христианским ценностям и образу мышления европейцев [Хаутала Р., 2019, с. 76–77]. Это задание Папской курии неоднократно повторялось в письмах и обращениях к францисканцам.

Миссионерская деятельность францисканцев и доминиканцев усиливается в конце XIII — начале XIV вв. Первыми в Каффе в 1312 г. появились монахи ордена доминиканцев, однако им не удалось достичь особых результатов. Деятельность францисканцев была более успешной. Особенно ее стимулировал указ Узбек-хана о толерантности в отношении христиан 1314 г. Именно по этому указу католическим миссиям разрешалась проповедь христианства среди населения Золотой Орды, разрешалось восстановить церковь Св. Агнессы в Каффе (разрушенную при хане Тохте в 1308 г. при разорении города монголами), все христианские миссионеры освобождались от налогов и повинностей, а также от воинской повинности. Францисканскую миссию в Каффе возглавил с 1316 г. Иероним Каталонский. По решению Папы Иоанна XXII епископ Каффы Иероним подчинялся архиепископу Ханбалыка (Пекина) Джованни Монтекорвино. Уже в 1322 г. епархия Газарии (Каффа и весь Крым) была расширена до Сарая и всей территории Золотой Орды.

Тем временем францисканцы в своих реляциях Папе Римскому рапортовали об обращении в христианство тысяч простых кочевников, что вызывает большие сомнения [Хаутала Р., 2019, с. 75–76]. Правда, в правление мусульманина Узбек-хана в Херсонесе появилось в 1333 г. второе католическое францисканское епископство во главе с Рихардом Англичанином. А по указу Узбек-хана от 1330 г. запрещалось налогообложение церковного имущества, земель, на которых стоят церкви и монастыри, при этом любое оскорбление или неучтивость по отношению к православному епископу в Сарае жестко преследовались [Никоновская летопись, 2000, с. 203]. Активная поддержка миссионерской деятельности францисканцев и доминиканцев со стороны Папы Иоанна XXII (1316–1334) привела к появлению в пределах Золотой Орды миссий (или «монастырей», как их определяли в своих отчетах сами миссионеры) в городах Вичина, Чембало (Балаклава), Херсонес (Севастополь), Карасу-Базар, Солдайя (Судак), Каффа (Феодосия) — два монастыря, Тана (Азов), Куммагерия (Матраха — Тмутаракань), Сарай, Укек, два монастыря в Грузинском царстве, а с XV в. — также монастыри в Солхате (Крым), Кумухе (Дагестан), Мичач-Мамук (Дагестан) и Ак-Сарае (Симферополь), всего 18 монастырей [Мальшев, 2006, с. 183–189]. Уже в 1318 г.

Папа Римский обращается к Узбек-хану с предложением принять католичество, а в 1332 г. он поздравляет царевича Абускана с принятым крещением [Хаутала Р., 2019, с. 76]. Есть сведения о том, что христианство приняли три сына хана Тохты — Кутуган, Абуста (Абускан), Георгий [DeWeese, 2009, с. 129].

Отметим, что деятельность миссий францисканцев и доминиканцев на территории Золотой Орды была прервана опустошительным вторжением войск Тимурленга в 1395 г. По сведениям источников, Тимурленг увел в Хорасан более 100 тыс. пленных христиан из Азака и всех сожженных крымских городов [Шараф ад-Дин Йезди, 1723, с. 235, 237, 309].

Подведем итоги. Проповедническая деятельность орденов францисканцев и доминиканцев не привела к распространению христианства среди населения Золотой Орды. Христианство пользовалось успехом лишь у отдельных представителей знати и в иноэтнической среде. Рядовые кочевники не выбирали христианство для своих духовных нужд. Успехи Папских миссий в проповеди христианства ограничивались узким слоем оппозиционной знати. В связи с этим возникает вопрос: какие шансы были у христианства в борьбе за души и умы кочевников степей в противостоянии с исламом? Выясняется, что шансы эти были минимальные.

Все те случаи принятия христианства, о которых рапортовали в Папскую курию миссионеры, не говорят нам о массовости, а ввести его «сверху» указом правителя или каким-либо общегосударственным актом не было необходимости ни с точки зрения политической, ни с точки зрения военной, ни с точки зрения духовной или экономической.

Литература / References

Васильев Д. В. *Ислам в Золотой Орде*. Астрахань, 2007 [Vasiliev D. V. *Islam in the Golden Horde*. Astrakhan, 2007 (in Russian)].

Воскресенская летопись. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ)*. Т. VII. М., 2001 [The Voskresenskaya Chronicle. Continuation of the chronicle according to the Voskresensky Record. *Full Collection of Russian Chronicles*. Vol. VII. Moscow, 2001 (in Russian)].

Голден П. Религия кыпчаков средневековой Евразии. *Степи Европы в эпоху средневековья*. Донецк, 2008. Т. 6. С. 309–340 [Golden P. Religion of the Kipchaks of medieval Eurasia. *Steppes of Europe in the Middle Ages*. Donetsk, 2008. Vol. 6. Pp. 309–340 (in Russian)].

Иванов В. А. *Кочевники Золотой Орды*. Уфа, 2015 [Ivanov V. A. *Nomads of the Golden Horde*. Ufa, 2015 (in Russian)].

Измайлов И. Л. Ислам в Улусе Джучи (Золотой Орде). *Ислам и мусульманская культура в среднем Поволжье*. Казань, 2006. С. 41–56 [Izmailov I. L. Islam in the Ulus of Jochi (Golden Horde). *Islam and Muslim culture in the Middle Volga region*. Kazan, 2006. Pp. 41–56 (in Russian)].

Картлис Цховреба (История Грузии). Т. 1. Под ред. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1955 (на груз. яз) [Kartlis Tskhovreba (*History of Georgia*). Т. 1. Ed. by S. Kauhchishvili. Tbilisi, 1955 (in Georgian)].

Малышев А. Б. Сообщение анонимного минорита о миссионерских пунктах францисканцев в Золотой Орде в XIV в. *Археология Восточно-Европейской степи*. Саратов, 2006. № 4. С. 183–189 [Malyshv A. B. The message of an anonymous minority about the mission stations of the Franciscans in the Golden Horde in the XIV century. *Archeology of the East European Steppe*. Saratov, 2006. Vol. 4. Pp. 183–189 (in Russian)].

Никоновская летопись. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. *Полное собрание русских летописей (ПСРЛ)*. Т. X. М., 2000 [The Nikon Chronicle. The chronicle collection called the Patriarchal or Nikon Chronicle. *Full Collection of Russian Chronicles*. Vol. X. Moscow, 2000 (in Russian)].

Садр ад-Дин ал-Хусайни. *Ахбар ад-Даулат ас-Селджукийя*. Изд. текста, перев., введ., примеч. и прилож. З. М. Буниятова. Ред. В. М. Бейлис. М., 1980 [Sadr al-Din al-Husaini. *Akhbar al-Daulat as-Seljukiya*. Ed. of the text, transl., introduced, notes and the appendix by Z. M. Buniyatov. Edited by V. M. Beylis. Moscow, 1980 (in Russian)].

Утемиш-хаджи. *Чингиз-наме*. Перев. и коммент. В. П. Юдина, указатели М. Х. Абусаитовой. Алма-Ата, 1992 [Utemish-hajji. *Genghis-nameh*. Perv. and comment by V. P. Yudin, indexes by M. H. Abuseitova. Alma-Ata, 1992 (in Russian)].

Хаутала Р. Францисканцы и доминиканцы в Золотой Орде: развитие миссионерской деятельности до середины XIV века. *Золотоордынское наследие. Вып. 3*. Казань, 2019. С. 69–86 [Hautala R. Franciscans and Dominicans in the Golden Horde: the development of missionary activity until the middle of the XIV century. *Golden Horde Heritage*. Issue.3. Kazan, 2019. Pp. 69–86 (in Russian)].

DeWeese D. A. Islamization in the Mongol Empire. *The Cambridge History of Inner Asia*. Ed. Di Cosmo N., Allen F. J., Golden P. B. Cambridge-New York: Cambridge University Press, 2009. Pp. 120–134.

Osipian A. Baptised Mongol rulers Prester John and the Magi Armenian image of the Mongol produced for the Western Readers in the mid-Thirteenth-early Fourteenth centuries. *Caucasus during the Mongol Period-Der Kaukasus in der Mongolenzeit*. Wiesbaden, 2012. Pp. 153–168.

Sharaf al-Din Yazdi. *The History of Timur-Bec, known by the name of Tamerlan the Great, emperor of the Mongol and Tatars*. Translated by J. Darby. Vol. I–II. London, 1723.

The Saljuknama of Zahir al-Din Nishapuri. Ed. A. H. Morton. London, 2004.

НОРМАННЫ И ТЮРКИ-СЕЛЬДЖУКИ НА ВОСТОКЕ В XI–XII вв.

© 2024

В. В. Прудников¹

В статье рассматриваются сведения средневековых авторов (армянских, византийских, латинских), которые могут пролить свет на результаты взаимодействия норманнов и тюрок-сельджуков. По мнению историков, именно представителям этих двух социально-этнических сообществ довелось сыграть огромную роль в исторических событиях, которые происходили на Востоке в XI–XII вв. В качестве примера можно привести первый крестовый поход, который, как известно, был вызван в том числе и активными завоеваниями тюрок-сельджуков.

Ключевые слова: Норманны, тюрки-сельджуки, первый крестовый поход

Для цитирования: Прудников В. В. Норманны и тюрки-сельджуки на Востоке в XI–XII вв. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 209–214. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-209-214

NORMANS AND SELJUK TURKS IN THE EAST, THE ELEVENTH — TWELFTH CENTURY

Vitaly V. Prudnikov

The article provides information from medieval authors (Armenian, Byzantine, Latin), which can shed light on the results of the interaction between the Normans and the Seljuk Turks. According to historians, it was the supporters of these two socio-ethnic communities who played an important role in the historical events that led to expeditions in the East in the eleventh-twelfth century. In this case, it is possible to carry out the first crusade, which, as is known, was caused, among other things, by the active conquests of the Seljuk Turks.

Keywords: Normans, Seljuk Turks, first crusade

For citation: Prudnikov V. V. Normans and Seljuk Turks in the East, Eleventh — Twelfth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 2. Pp. 209–214. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-209-214

В XI в. цивилизация средневекового Запада перешла от обороны к территориальной экспансии, которая развернулась уже за границами католических государств. Авангардом и наиболее активными проводниками этого движения выступили норманны. Воспитанная в духе завоевательных традиций первых норманнских герцогов, норманнская аристократия искала возможности для агрессии по всей Европе. В 1016 г. норманны впервые появились на юге Италии и в течение нескольких десятилетий превратились в доминирующую политическую, военную и социальную силу. В 1040 г. пошли в наступление на владения византийцев в Апулии. А в 1071 г. они захватили последний оплот византийцев в Южной Италии — город Бари.

¹ Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; gviskar@mail.ru

Vitaly V. Prudnikov, PhD (Hist.), Senior Research Fellow of Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; gviskar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0355-2324

Оттуда норманны продолжают осуществлять завоевательные походы в восточном направлении: в 1081–1085 гг. была сделана неудачная для норманнов попытка завоевания Балканских провинций Византии, также норманнам удалось создать в северной Сирии Антиохийское княжество в эпоху первого крестового похода. В западном Средиземноморье норманны установили своё господство над островом Сицилия, а также на время закрепились в Северной Африке.

На фоне столь блестящих завоеваний особый интерес представляют попытки норманнов утвердиться в Малой Азии, где они появляются за десятки лет до объявления первого крестового похода в качестве наёмников на службе византийской империи. В этот исторический период регион становится объектом притязаний других завоевателей, вышедших из глубин Средней Азии, — тюрков-сельджуков.

Согласно данным армянских источников, впервые тюрки-сельджуки проникают в Малую Азию в 1016 г. Как рассказывает Матфей Эдесский, против появившегося в Васпуракане тюркского отряда выступил царевич Давид, но вынужден был отступить [Armenia, 1993, p. 43]. В частности, он говорит, что жители Малой Азии «до этого никогда не видели тюркскую конницу. Когда же увидели, то были поражены их внешним видом. Ведь это были лучники с распущенными, как у женщин, волосами» [Armenia, 1993, p. 40–43]. Однако полномасштабное нашествие сельджуков на Малую Азию началось в 1047/48 г. К этому времени огузские племена уже представляли собой значительную силу. Во главе стояли Тогрул-бек Мухаммад и Чагры-бек Давуд — внуки Сельджука, а также их дядя Ибрахим Янал и Кутулмыш. Они нанесли поражение династии Газневидов. В августе 1038 г. тюрки заняли Нишапур, и с тех пор имя Тогрул-бека произносилось в городе во время пятничной молитвы.

22 мая 1040 г. последний Газневид Масуд в битве при Данданакане потерпел поражение от сельджуков. Значительные массы огузов двинулись к Азербайджану, вторглись в Армению и Верхнюю Месопотамию. Со временем это нашествие перешло в иное качество — в 1071 г. после поражения византийского войска в битве при Манцикерте. Это сражение послужило основой легитимации новых владений участников сражения сельджукских эмиров, которые заложили основы многих династий в Малой Азии: Данышмендидов, Салтукидов, Менгучаков и др.

Автор эпохи крестовых походов Вильгельм Тирский сообщает следующее о ранних этапах экспансии тюрков-сельджуков: «Нация турок или туркоманов (ибо все они имеют общее происхождение) была, в общем-то, скопищем совершенно варварских северных народов без определенного пристанища. Бродяги-турки скитались здесь и там в поисках хороших пастбищ, не имея при этом ни городов, ни поселений, ни постоянной столицы. Когда они хотели отправиться в путь, то вместе собиралось все племя, поставив у себя во главе самого известного среди них человека, который был у них чем-то вроде князя, так как он разбирал все споры и разногласия, возникающие в племени, и обе стороны, обратившись к нему, подчинялись его решению, и никто из них не мог безнаказанно нарушить этот приговор. Во время своих переездов они везли с собой все их богатство, их табуны, все самое необходимое, а также скот и рабов, мужчин и женщин: все это и составляло их имущество. К тому же они никогда не занимались земледелием; ибо они полностью отрицали операции купли и продажи и добывали все насущное для существования путем обмена. Когда они намеревались установить свои шатры в стране с хорошими пастбищами, то тогда они посылали нескольких наиболее мудрых людей из их племени к князю той страны, куда они пришли; они заключали договор на взаимовыгодных условиях, обязуясь платить князю некоторую оговоренную сумму, а затем оставались там на этих условиях, живя посреди пастбищ и лесов» [Guillaumus Tyrensus Archiepiscopus, 1855, т. I, p. 220].

Далее он рассказывает, как сельджуки нашли «полностью подходящую для них страну» «Персию», в которой после некоторого времени осознали, «что не уступают ни в числе, ни в силе ни Персии, ни какой-либо другой державе и что для того, чтобы захватить соседние страны, им не хватает только лишь короля, которого имели все остальные народы». С помощью жребия они выбрали себе правителя по имени Сельджук, который «был очень уважаемым человеком, знатным и известным в своем племени, уже пожилым, но сохранявшим все еще всю свою силу; у него был большой военный опыт, и благодаря своей прекрасной наружности он имел величие князя». И уже после этого «презренный и гнусный народ так быстро достиг самой высокой степени могущества и владычествовал на всем Востоке» [Guillaumus Tyrensis Archiepiscopus, 1855, т. I, р. 222].

Вполне возможно, что первая встреча норманнских рыцарей с тюрками-сельджуками произошла именно в Малой Азии. Как известно, первые отряды норманнских наёмников появляются в Византии после 1038 г. — их привёл с собой из Южной Италии византийский полководец Георгий Маниак после военной кампании на Сицилии.

Как же складывались отношения норманнских наемников и тюрков-сельджуков в Малой Азии? Попробуем разобраться на примере норманнского предводителя Жерве Франкопулоса и тюркского вождя Самуха, который приводится в византийских источниках. Итак, Жерве Франкопулос, «добившись разрешения от императора отправиться домой, переправился на Восток и отправился в Дабарам провинции Армениак, где находился его дом. Договорившись с некими франками, размещёнными на зимовку, из трёхсот своих приверженцев составил отряд в Мидии и тогда же заключил союз для ведения войны против ромеев с Самухом. Этот союз просуществовал бы дольше, если бы между турками и франками не началась вражда, поскольку эти два народа строили друг против друга козни. Так, Самух делал вид, что придерживается союза, а Жерве, будучи всегда подозрительным, ожидал внезапного нападения со стороны турок. Поэтому и своих всегда побуждал не расслабляться, но спать вооружёнными. Между тем, сколько бы Самух ни скрывал своих намерений, его коварство вскоре обнаружилось. Однажды со всеми своими вооружёнными турками на завтракавших франков напал, но поскольку те что-то подобное ожидали, тотчас на коней, которых их предводитель приказывал держать наготове, вскочили и навстречу туркам выехали. И случилась жестокая битва с турками, самая жестокая из всех бывших, в которой турки были разбиты. Большая часть их была перебита, а оставшиеся пешими и беззащитными в Хлеат бегством спаслись. Жерве, возвратившись из погони за врагами, уговаривал своих в лагерь отступить. Они же настаивали на том, чтобы в город войти, (ибо тамошний эмир был с ними в союзе и мире), в бане силы восстановить и смыть с себя кровь после битвы. Жерве страстно их от этого отговаривал и настойчиво умолял их отложить своё желание, чтобы слишком не доверяли клятве людей чужой веры и народа. И так уговаривая, сам искренне мучился тем, что множество христиан погибнет. Но когда убедился, что поёт песни глухим, стал часто их предупреждать, чтобы, войдя в город, хранили бдительность и всегда держали оружие под рукой. Но франки, войдя в Хлеат, увещаниями Жерве пренебрегли и омовениям, попойкам и пиршествам предались. Между тем эмир города Афонасар, дело с Самухом и соплеменниками обсудив, приказал, чтобы по данному им сигналу чужеземных гостей схватить, а если это не удастся, то перебить. После того, как франки, пресытившись наслаждениями, легли спать, по данному сигналу одни из них были перебиты, другие схвачены, некоторые, которым удалось спрыгнуть со стены, убежали. Жерве был схвачен и связан. Лишь только это случилось, эмир императору через послов сообщил о своём к нему расположении и что сам, такие коварные дела совершив, готов их умертвить, а предводителя их держать в плену» [Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae, 1839, р. 616–619].

Авторство этого отрывка предположительно принадлежит Иоанну Скилице [Ioannis Scylitzae, 1973, p. 484–486]. Он описывает раздоры между врагами империи — норманнами и тюрками, но симпатизирует не «коварным» тюркам, а норманнам-христианам. Будучи византийским чиновником, он ясно видел противоречия между враждебно настроенными друг против друга норманнами и тюрками, поэтому неприкрыто занял сторону норманнов как единоверцев.

Исключительная вера в своё превосходство заставляет воскликнуть анонимного норманнского хрониста первого крестового похода: «Кто настолько умён и образован, чтобы описать мудрость, воинственность и могущество тюрков? Они думали утратить племя франков своими стрелами, как до этого запугали арабов, сарацин и армян, сирийцев и греков. Более того, если Бог позволит, никогда они в силе с нами не сравнятся» [Histoire anonyme, 1924, p. 50–51].

Далее Аноним говорит об общем происхождении норманнов и тюрков! «Однако они утверждали, что ведут свой род от франков и что не существует другого такого человека, который по-настоящему являлся бы рыцарем, кроме франков и тюрков» [Histoire anonyme, *ibid.*]. Наивысшая похвала из уст норманна. Никого из вышеперечисленных народов — арабов, сарацин и армян, сирийцев и греков он не поставил бы рядом с собой, кроме тюрков-сельджуков!

Конечно, Аноним сомневается в том, что тюрки происходят от норманнов, но в одном он уверен точно: «Истину говорю, и кто бы ни услышал меня, не смог бы возразить, что если бы (тюрки) всегда были тверды в верности Христу и святому христианству... ..никто не смог бы превзойти их ни в могуществе, ни в силе, ни в воинской доблести» [Histoire anonyme, 1924, *ibid.*].

Таким образом, безымянный норманнский рыцарь видит в тюрках-сельджуках равных себе по социальному положению и доблестям воинов, но считает себя выше их, потому что он является христианином. Вслед за Анонимом ряд хронистов первого крестового похода наперебой говорят о благоразумии, воинственности, храбрости и могуществе тюрков; отмечают превосходство сельджуков в обращении с луком и стрелами и намекают на общее с франками происхождение [Tudebod, 1866, p. 27–28; Guiberti, 1869, p. 162; Baldrici, 1869, p. 35–36]. Также вслед за Анонимом единственным недостатком тюрков считают только принадлежность сельджуков к иной религии.

Другой норманнский автор — Гауфред Малатерра вкладывает следующие слова в уста сицилийского графа Рожера: «Не бойтесь многочисленности тех, кто однажды уже были вами побеждены. Ибо если правитель сменится, то не только его же народа, качеств, но даже его религии все прочие станут придерживаться. Наш Бог неизменный есть, и если его ожиданий в безупречной верности нашей не обманем, то и его желание даровать нам победы останется неизменным» [Malaterra, 1928, p. 50].

Этот отрывок очень важен для понимания религиозных представлений норманнов. В представлении Малатерры существует концепция Бога-творца, благодаря которому существует всё сущее. Бога-правителя, “всемогущего Бога Богов”, который распределяет власть среди своих “верных”. Также Бог у Малатерры “неизменный есть”, т. е. неизменный в стремлении и впредь даровать норманнам победы над их врагами, если они будут хранить ему “верность”.

В данной концепции мусульмане — тюрки-сельджуки и сицилийские арабы — являются «неверными», нарушившими клятву верности, данную «сеньору Богу». Соответственно, по мнению норманнских авторов, чтобы стать «своими» для норманнов в полном смысле этого слова, мусульманам необходимо было перейти в христианство, что являлось для норманнов самым лучшим свидетельством их лояльности.

Аноним передаёт, что после взятия Антиохии тюркский военачальник «заключил соглашение с сеньором Боэмундом, по которому язычники, желающие принять христианство, останутся вместе с ним, а те, которые хотят уйти, могут [это сделать] целыми и невредимыми. Боэмунд

согласился со всем, что просил эмир, и тотчас направил своих воинов в крепость. Несколько дней спустя эмир был окрещен вместе с теми, кто предпочел признать веру христову. Тех же, которые хотели жить по своему закону [вере], сеньор Боэмунд приказал выпроводить в сарацинскую землю» [Histoire anonyme, 1924, p. 158].

Подобная концепция «обращения» присутствует у норманнского хрониста, освещавшего завоевание Сицилии. У Малатерры данный процесс описан следующим образом: «Беседуя с князем Кастроджовани Хамудом, граф Рожер в различных словах об одном говорил: добивался от того сдачи замка и обращения к Христу, дабы через принятие крещения вновь возродился. Вскоре Хамуд, проведая от тех, кто с графом уже сталкивался, что тому фортуна благоволит, а значит совершенно напрасно пытаться его обмануть, стал склоняться к перемене веры. Наконец решился и передал графу, чтобы тот со своим войском к замку явился и его со всеми домашними встретил. Ибо боялся, если станет известно о его намерении замок передать или в католическую веру перейти, то его свои же убьют» [Gaufredus Malaterra, 1928, p. 88].

После обращения мусульман в христианство меняется и отношение Малатерры к арабам, это наглядно видно на примере некоего Элиаса, который «...был новообращённым из сарацинской веры в христианскую и был впоследствии жестоко убит своими собственными людьми в Кастроджовани. Так как он отказался отречься от этой веры и стать отступником, то он, таким образом, окончил свою жизнь наиболее превосходным образом, как мученик» [Gaufredus Malaterra, 1928, p. 90].

По утверждению С. И. Лучицкой, «проблема *conversio*, даже вопреки прямым свидетельствам хроник, занимала свое место в сознании хронистов Первого крестового похода» [Лучицкая, 2001, с. 143]. К этому можно добавить, что подобное утверждение справедливо в отношении норманнского хрониста, повествующего о завоевании норманнами Сицилии. Что касается «реальности *conversio*», существования подобной практики обращения мусульман в католицизм, то приходится признать, что хроники не позволяют дать однозначный ответ. Можно предположить, что ясность поможет внести исследование мусульманских источников.

На основании рассмотренных данных источников можно сделать некоторые выводы. Норманнские предводители в Малой Азии, не имея достаточных сил, вынуждены были заключать союзы с тюрками-сельджуками против Византии. Однако продолжительность такого рода союзов была крайне недолговечна. Другими словами, долговременные союзы между норманнами и тюрками-сельджуками в представлении современников были невозможны. Норманнов и тюрков-сельджуков многое разделяло, но многое и сближало. Они были очень похожи по своей сути: и те, и другие были завоевателями на территориях, принадлежавших Византии, а следовательно, конкурентами и никогда не смогли бы стать партнёрами.

Первоначально норманны приходили в Малую Азию в качестве наёмников Византийской империи. Но оставаться наёмниками честолюбивые предводители норманнов не желали. Зачастую они имели огромный опыт завоевательных кампаний в Испании, Южной Италии и Сицилии, где их соплеменники добились внушительных успехов. Они могли безбедно жить за счёт приобретённых ими в Европе владений. Но высокоразвитая экономически и культурно Византийская империя привлекала их гораздо больше.

Война была их единственным ремеслом, с помощью которого они надеялись приобрести богатства на службе империи, а если повезёт, то и обзавестись обширными владениями за счёт Византии. Последнее становилось возможным вследствие условий, сложившихся в Малой Азии во второй половине XI в.: ослабление Византии и экспансия тюрков-сельджуков.

Столкновение норманнов с тюрками-сельджуками произошло впервые в Малой Азии. Норманнские авторы рассматривали это столкновение как часть «священной войны», которую вели

норманны против мусульман-арабов в Испании и на Сицилии. Однако тюрки-сельджуки разительно отличались от мавров и сицилийских арабов: они приняли мусульманство в XI в. и тогда же приступили к крупномасштабным завоеваниям на Востоке. Норманны недооценили потенциал тюрок-сельджуков, считая своим главным противником на Востоке Византию.

Литература / References

Луцицкая С. И. Образ *другого*: мусульмане в хрониках крестовых походов. М., 2001 [Luchitskaya S. I. *The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades*. Moscow, 2001].

Armenia and the Crusades: tenth to twelfth centuries: the Chronicle of Matthew of Edessa / translated from the original Armenian with a commentary and introduction by Ara Edmond Dostourian; foreword by Krikor H. Maksoudian. Lanham, 1993.

Baldrici Episcopi Dolensis. *Historia Jerosolimitana. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. Paris, 1869.

Gaufredus Malaterra. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius. Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. T. 5. Bologna, 1928.

Georgius Cedrenus, Ioannis Scylitzae. *Оре [Compendium historiarum]* ab C. F. Niebuhrii, I. Bekkero suppl. et emen. T. II. Bonn, 1839.

Guillaumus Tyrenus Archiepiscopus. *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. Patrologiae Cursum Completus. Series Latina*. Ed. by J. P. Migne. T. 201. Paris, 1855. Pp. 209–892.

Guiberti abbate monasterii Sanctae Mariae Novigenti. *Historia quae dicitur Gesta Dei per Francos. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. Paris, 1869. Pp. 113–221.

Ioannis Scylitzae. *Synopsis historiarum*. Ed. by J. Thurn. Berlin, 1973.

Histoire anonyme de la première croisade, texte établi et traduit par L. Brehier. Paris, 1924.

Peter Tudebod. *Historia de Hierosolymitano Itinere. Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome troisième. Paris, 1866.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-215-219

БРИТАНСКАЯ ЭКСПАНСИОНИСТСКАЯ ПОЛИТИКА В ИНДИИ И ЕЕ МЕСТО ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ ЛОНДОНА В СЕРЕДИНЕ XVIII в.

© 2024

В. С. Гребенюк¹

Представленная статья является попыткой проанализировать уровень поддержки британских правящих кругов экспансионистской политики в Индии и ее место во внешнеполитическом курсе Лондона в середине XVIII в. Особое внимание уделяется степени экономической заинтересованности в проведении подобной политики представителей различных уровней управления в структуре Ост-Индской компании.

Ключевые слова: Великобритания, Индия, Ост-Индская компания, колониализм, Империя Великих Моголов, заминдар, наваб

Для цитирования: Гребенюк В. С. Британская экспансионистская политика в Индии и ее место во внешнеполитическом курсе Лондона в середине XVIII в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 215–219. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-215-219

BRITISH EXPANSIONIST POLICY IN INDIA AND ITS PLACE IN LONDON'S FOREIGN POLICY IN MID-EIGHTEENTH CENTURY

Valery S. Grebenyuk

The present article is an attempt to analyze the level of support of the British ruling circles for the expansionist policy in India and its place in the foreign policy of London in the middle of the eighteenth century. Particular attention is paid to the degree of economic interest in the implementation of such a policy by representatives of various levels of government in the structure of the East India Company.

Keywords: Great Britain, India, East India Company, colonialism, Mughal Empire, zamindar, nawab

For citation: Grebenyuk V. S. British Expansionist Policy in India and its Place in London's Foreign Policy in the Middle of the Eighteenth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 2. Pp. 215–219. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-215-219

Распространение британского влияния в Индии вплоть до середины XVIII в. не имело системного характера, поскольку выработка и реализация внешнеполитического курса в отношении этого субконтинента находились в руках директоров коммерческой по своей сути Ост-Индской компании (далее — ОИК). Однако торговая конкуренция с другими

¹ Гребенюк Валерий Станиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного права и историко-правовых дисциплин Юридического института ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. Владимира Даля», Луганск; grebenyuk2606@yandex.ru

Valeriy S. Grebenyuk, PhD (Hist.), Associate Professor of the Department of Constitutional Law and historical and legal disciplines of the Law Institute, FSBEI HE «Vladimir Dahl Lugansk State University», Lugansk; grebenyuk2606@yandex.ru

европейцами, в особенности французами, и ослабление административной системы внутри империи Великих Моголов в результате междоусобных войн местных феодалов и претендентов на престол изменили статус присутствия ОИК в регионе. В этих условиях борьба за собственные интересы приобрела формы военно-политического противостояния с французами и положила начало британской экспансионистской политике в Индии.

Изучение подобного опыта представляет большой интерес и сегодня, так как в процессе установления доминирующего положения на рынке деятельность крупных международных коммерческих компаний, как правило, выходит за рамки получения максимальной прибыли и распространяется на иные, не связанные с коммерцией, сферы жизнедеятельности государств.

В отношении проблемы становления Британской империи в Индии в исторической литературе появилось большое количество исследований, в которых делаются попытки с различных сторон подойти к ее изучению. На фоне многообразия зарубежной, в особенности английской, историографии, в которой сформировались целые школы и направления, изучающие историю британского господства в Индии, не менее важными являются работы отечественных ученых. Следует отметить, что больших успехов в этом достигли исследователи советского периода, которые занимались изучением понятия колониализма как примера империалистического порабощения буржуазным Западом слабо развитых народов мира. Несмотря на присущую большинству работ тенденциозность, значение исследований таких классиков, как Е. В. Тарле [Тарле, 1965], К. А. Антонова [Антонова, 1958], Н. А. Ерофеев [Ерофеев, 1964], А. Б. Каплан [Каплан, 1979] и по сей день не ослабевает. В то же время работы российских историков постсоветского периода оказались не менее важными в раскрытии новых пластов ранее слабоизученных проблем колониальной истории. Среди таковых можно отметить К. А. Фурсова [Фурсов, 2006], А. М. Хазанова [Хазанов, 2010], А. Б. Соколова [Соколов, 1996]. Свой вклад внесли и представители луганской школы ученых, такие как М. С. Бурьян [Бурьян, 1994], К. А. Русаков [Русаков, 2003], В. В. Савенков [Савенков, 2005] и М. В. Ширяев [Ширяев, 2006], которые в своих работах смогли по-новому рассмотреть, казалось бы, уже исследованные проблемы британского колониализма.

Тем не менее при всем обилии опубликованных исследований по-прежнему остается слабо изученным вопрос уровня поддержки британских правящих кругов экспансионистской политики в Индии и ее места во внешнеполитическом курсе Лондона в середине XVIII в., что и стало целью настоящей статьи.

Поскольку в обозначенный период эскалация продолжавшегося в течение всего XVIII в. англо-французского противостояния в различных частях света привела к началу очередного военного конфликта 1756–1763 гг., Индия стала одним из театров боевых действий. Приоритеты в заокеанской политике Сент-Джеймского двора в то время основывались на вполне прагматических соображениях и пользовались поддержкой большинства коммерческих кругов страны. Индийская торговля хоть и являлась одним из важнейших факторов экономического и финансового состояния страны, но именно вест-индская и североамериканская были наиболее прибыльными. К тому же они были настолько переплетены, что по сути выступали как единая торговая сеть и вместе с западноафриканским регионом составляли «треугольную торговлю». Поэтому неудивительно, что вест-индское и североамериканское лобби в парламенте было мощнее ост-индского [Фурсов, 2006, с. 70]. Соответственно в проведении колониальной политики именно эти регионы имели приоритет. Как верно заметил немецкий исследователь Л. Дехийо: «В глазах британских государственных деятелей ценность колонии обычно измерялась торговым балансом» [Дехийо, 2005, с. 121].

Как следствие, англо-французские противоречия в Индии продолжали оставаться в рамках взаимоотношений коммерческих компаний, но никак не государств, которые, несомненно, оказывали им свою протекцию. Поэтому британский историк Корбетт считал, что в Лондоне «на тот момент не было никаких мечтаний об империи (в Индии — *В.Г.*), а противостояние там не рассматривалось как театр войны подобно Северной Америке или даже Вест-Индии» [Corbett, 1907, vol. II, p. 337].

В связи с этим показательным является распределение государственного бюджета 1758 г. для ведения боевых действий в последовавшем 1759 г., ставшем в итоге наиболее успешным в рамках текущего конфликта. Так, на открытии новой сессии парламента 23 ноября 1758 г. король Георг II зачитал речь, составленную первым министром Уильямом Питтом (Старшим). Главным вопросом, вынесенным на обсуждение, было увеличение расходов на армию и флот. По сравнению с прошлогодними 10 471 007 ф. ст. бюджетные растраты предполагалось увеличить до 12 705 339 ф. ст., из них на военно-морские силы — 3 568 491 ф. ст., а также 1 000 000 ф. ст. — военно-морской долг; на сухопутную армию — 5 137 221 ф. ст.; помощь североамериканским колониям для военных экспедиций — 200 000 ф. ст.; ОИК — 20 000 ф. ст. [Ruville, 1907, vol. II, p. 217–218]. Это было наибольшее бюджетное ассигнование военных действий из всех, принимавшихся в Великобритании ранее. Заседание Палаты общин прошло в довольно тихой и мирной обстановке, и планы премьеры в целом были одобрены.

Как видно, доля расходов для индийского региона составляла лишь 10% от тех, что предназначались для североамериканского континента. Хотя успехи британских вооруженных сил в Индии не раз становились поводом для пламенных речей Питта перед Палатой общин в поддержку экспансионистской политики за океаном. В частности, после полученных известий о победе Р. Клайва под Плесси Питт выступил в декабре 1757 г. в парламенте с хвалебной речью в адрес генерала, отвечавшего истинным стремлениям действующего правительства: «Мы потеряли свою славу, честь и репутацию повсюду, но не в Индии: там у страны есть небом рожденный генерал, никогда не изучавший искусство войны, его имя не было зарегистрировано в больших списках офицеров, которые в течение многих лет жили за счет государственных отчислений; и он не побоялся напасть на многочисленную армию с пригоршней солдат» [Correspondence of William Pitt, earl of Chatham, 1838, vol. I, p. 387].

Однако эта речь носила скорее назидательный характер для тех британских генералов, что терпели поражения в других частях света, и в первую очередь в Америке. Это позволяет отметить важную особенность взглядов Питта на проведение колониальной политики. Как сторонник заокеанской экспансии, главной ее целью он считал именно американские колонии. И даже успешные операции в Индии не смогли повлиять на это. Хотя впоследствии, вступив в переписку с Питтом, Клайв пытался объяснить, насколько важен успех британцев в Индии по отношению к другим заокеанским владениям и что успеха этого можно было бы добиться, получив лишь 2 000 европейских солдат. «Это стоит того, — писал Клайв, — поскольку это предприятие может быть не столь убыточным для метрополии, как в большинстве случаев с нашими владениями в Америке» [Ibid, p. 391].

Обратиться за помощью к первому министру Клайва вынудила еще одна немаловажная причина, напрямую влиявшая на отсутствие активной поддержки экспансионистской политики в Индии подобно той, что оказывалась для североамериканского континента. Возросшие противоречия внутри самой ОИК, а именно несоответствие финансовых интересов директоров Компании на Леденхолл-стрит и так называемых «людей на местах» в Индии.

Ярким примером подобных расхождений стали события, последовавшие за победой Клайва под Плесси, по результатам которой навабом (правителем) Бенгалии был провозглашен ставленник

британцев Мир Джафар. Сразу же по восшествии на престол он вознаградил своих союзников за оказанную помощь. Так, он выделил ОИК в *заминдарство* территорию южнее Калькутты, известную впоследствии как «24 паргана», выплатил необходимую по договору сумму в 17 700 000 ф. ст. [Антонова, 1958, с. 88, 90]. Также новый наваб одарил высшее британское командование достаточно щедрыми подарками, в частности, губернатор Калькутты Дрейк и победитель при Плесси Клайв получили по 280 000 рупий, английский резидент в Муршидабаде Уоттс и майор Киллпатрик — по 240 000 [Mill, 1840, vol. III, p. 187]. В общей сложности сумма даров служащим ОИК, армии и флота составила около 1 250 000 ф. ст. [Синха, Банерджи, 1954, с. 307].

Столь стремительное обогащение служащих Компании обеспокоило ее руководство в Лондоне, посчитавшее, что такая большая коррупция сможет подорвать интерес к развитию торговли. А изменение самого характера деятельности организации на Востоке может привести к губительным для торговли последствиям. Как отмечалось позже: «Ряд революций, плохо организованное управление грабили туземцев, но компания не богатела, каждое судно привозило счастливых авантюристов, которые могли покупать имения и строить замечательные особняки, но также привозили с собой тревожные известия о финансовых кризисах правления, войне на границе, недовольстве в армии» [РГВИА, л. 66]. Поэтому в своем письме к властям Калькутты от 3 августа 1757 г. совет директоров подчеркивал: «Мирная деятельность должна быть, по возможности, основой, на которую вы опираетесь как на лучшее средство для продвижения коммерческих интересов Компании, а также уклонение от обременительных затрат, которые государство в состоянии войны вынуждено нести и к которым Компания на данный момент не расположена» [Memoir on the affairs of the East-India Company, 1830, p. 16].

Таким образом, отсутствие во властных структурах Лондона в обозначенный период влиятельной политической группировки, отстаивающей экспансионистскую политику в Индии, отразилось на малой заинтересованности кабинета министров Его Величества в увеличении военной помощи служащим ОИК в том регионе. В то же время новости об успехах британских вооруженных сил во главе с генералом Р. Клайвом на субконтиненте способствовали популяризации в метрополии идеи экспансионизма за океаном, чем и поспешил воспользоваться первый министр У. Питт. Однако главным препятствием для более активного продвижения подобной политики являлась сама суть сложившейся системы взаимоотношений британцев, представленных в лице ОИК, с индийскими правителями. Совет директоров на Леденхолл-стрит был заинтересован лишь в защите коммерческих интересов Компании, потому отправка ограниченного контингента войск из метрополии вполне их устраивала. Но служащие Компании «на местах» в результате успешного противостояния своим главным конкурентам — французам осознали выгоду перехода к завоевательной политике на собственном примере. Поэтому стремление отстоять идею экспансионизма с их стороны являлось попыткой закрепить изменившийся статус своего присутствия в Индии и заручиться поддержкой Сент-Джеймского двора.

Литература / References

Антонова К. А. *Английское завоевание Индии в XVIII веке*. М., 1958 [Antonova K. A. *English conquest of India in the 18th century*. Moscow, 1958 (in Russian)].

Бурьян М. С. *Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX века*. Луганск, 1994 [Buryan M. S. *Egypt in the foreign and colonial policy of Great Britain in the 20s XX cent*. Lugansk, 1994 (in Russian)].

Дехийо Л. *Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе*. М., 2005 [Dehiyo L. *A fragile balance: four centuries of struggle for dominance in Europe*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Ерофеев Н. А. *Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в.* М., 1964 [Erofeev N. A. *The Empire was created like this... English colonialism in the 18th century.* Moscow, 1964 (in Russian)].

Каплан А. Б. *Путешествие в историю. Французы в Индии.* М., 1979 [Kaplan A. B. *Journey into history. French in India.* Moscow, 1979 (in Russian)].

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 431. Оп. 1. 1706–1912 гг. Д. 6 [Russian State Military Historical Archive (RSMHA). F. 431. Inv. 1. 1706–1912 File 6 (in Russian)].

Русаков К. А. *Проблема Чорноморських проток у зовнішній політиці Великобританії, 1892–1920 рр.* Луганськ, 2003 [Rusakov K. A. *The problem of the Black Sea Straits in the foreign policy of Great Britain, 1892–1920.* Luhansk, 2003 (in Ukrainian)].

Савенков В. В. *Великобританія та проблема будівництва Суецького каналу.* Луганськ, 2005 [Savenkov V. V. *Great Britain and the problem of building the Suez Canal.* Luhansk, 2005 (in Ukrainian)].

Синха Н. К., Банерджи А. Ч. *История Индии.* М.: Изд. иностр. лит., 1954 [Sinha N. K., Banerjee A. C. *History of India.* Moscow: Publishing house foreign lit., 1954 (in Russian)].

Соколов А. Б. «Правь, Британия, морями?» *Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке.* Ярославль, 1996 [Sokolov A. B. “Rule, Britain, the seas?” *Political discussions in England on foreign and colonial policy in the 18th century.* Yaroslavl, 1996 (in Russian)].

Тарле Е. В. *Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX века).* М.; Л.: Наука, 1965 [Tarle E. V. *Essays on the history of the colonial policy of Western European states (late 15th — early 19th centuries).* Moscow, Leningrad: Nauka, 1965 (in Russian)].

Фурсов К. А. *Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями.* М., 2006 [Fursov K. A. *Merchant Power: Relations of the English East India Company with the English State and the Indian Patrimonies.* Moscow, 2006 (in Russian)].

Хазанов А. М. *Очерки по истории Индийского океана (XVI–XIX вв.)* М.: Институт востоковедения РАН, 2010 [Khazanov A. M. *Essays on the history of the Indian Ocean (XVI–XIX centuries)* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010 (in Russian)].

Ширяев М. В. *Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр.* Луганськ, 2006 [Shiryayev M. V. *Anglo-Russian confrontation in Central Asia and Afghanistan in 1907–1922.* Luhansk, 2006 (in Ukrainian)].

Corbett J. S. *England in the seven years' war a study in combined strategy.* Vol. 1. L., N-Y, Bombay, and Calcutta: Longmans, Green, and co, 1907.

Correspondence of William Pitt, earl of Chatham. Ed. By W. S. Taylor and J. H. Pringle. Vol. 1. L.: John Murray, 1838.

Ruville A. *William Pitt, Earl of Chatham.* Vol. 2. L.: W. Heinemann; N-Y: G. P. Putnam's Sons, 1907.

Memoir on the affairs of the East-India Company. Ed. by East India Company. L.: pr. by J. L. Cox, Great Queen Street, 1830.

Mill J. *The History of British India.* Vol. 3. L.: J. Madden, 1840.

КОНЦЕПЦИЯ «ЕВРОАФРИКИ» КАК ОСНОВА ИСПАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ XX в.

© 2024

В. М. Шелюто¹

Статья посвящена исследованию идеологических основ формирования испанской колониальной доктрины в отношении стран Африки, сформированных преимущественно в период правления Ф. Франко. В ней подчёркивается место и роль концепции «Евроафрики» в процессе формирования колониальной доктрины, рассматриваются основные положения данной концепции: принципы нейтралитета, паниспанства, ассимиляции, тезис о двух формах колониализма и др., проводится сравнение испанского и французского понимания «Евроафрики», показано различие между концепциями Евразии и Евроафрики в геополитических доктринах разных государств. Также рассматривается процесс формирования и развития концепции «Евроафрики» начиная со времён, когда Испания владела значительными территориями на африканском континенте, и по настоящее время, когда она сохранила под своей властью только Сеуту и Мелилью; анализируются публикации испанских авторов, работавших в Институте исследования Африки — учреждении, формировавшем испанскую колониальную доктрину.

Ключевые слова: Евроафрика, нейтралитет, паниспанство, колониальная политика, колониальная доктрина, Институт исследования Африки

Для цитирования: Шелюто В. М. Концепция «Евроафрики» как основа испанской колониальной доктрины XX в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 220–230. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-220-230

THE CONCEPT OF “EUROAFRICA” AS THE BASIS OF SPANISH COLONIAL DOCTRINE OF THE TWENTIETH CENTURY

Vladimir M. Shelyuto

The article discusses the ideological foundations of the Spanish colonial doctrine formation in relation to African countries, formed mainly during the F. Franco’s reign. This article points the place and role of the concept of “Euroafrica” in the forming of the colonial doctrine process, analyzes the main provisions of that concept: the neutrality principles, pan-Hispanism, assimilation, the two forms of colonialism thesis, etc. The article compares the Spanish and French interpretations of “Euroafrica”, and also shows the differences between the Eurasia and “Euroafrica” concepts in the different states’ geopolitical doctrines. The article examines the formation and development process of the “Euroafrica” concept from the time when Spain owned significant territories on the African continent to the present time, when it retained only Ceuta and Melilla under its rule. The article analyzes

¹ Шелюто Владимир Михайлович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет им. Владимира Даля», Луганск; svm_1871@mail.ru
Vladimir M. Shelyuto, doctor of philosophical sciences, PhD (Hist.), professor of the Department of the philosophy of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Lugansk State University named of Vladimir Dal», Lugansk; svm_1871@mail.ru

the Spanish authors who worked at the Institute for African Studies publications, because that Institute formed the Spanish colonial doctrine.

Keywords: Euroafrica, neutralism, pan-Hispanism, colonial policy, colonial doctrine, Institute of African Studies

For citation: Shelyuto V. M. The Concept of “Euroafrica” as the Basis of Spanish Colonial Doctrine of the Twentieth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 220–230. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-220-230

Анализ геополитики Испании на африканском континенте, выявление её задач, целей, форм и методов приобретает особую актуальность в период формирования в настоящее время многополярного мира, в котором, как свидетельствуют события последних лет, странам Африки уготована исключительно важная роль. До настоящего времени исследователями не была воссоздана целостная картина геополитических притязаний франкистской Испании в 1939–1975 гг. на своё исключительное влияние на африканском континенте. Частичному восполнению этого недостатка в исследовательской работе и служит данная статья.

В условиях современного политического и экономического противостояния России и Запада геополитическая концепция «Евроафрики» обнаруживает некоторое сходство с евразийской концепцией, сформировавшейся в российской общественно-политической мысли в XX в. и приобретшей особую актуальность в наше время. Формирование современной идеологии «Русского мира» предполагает обращение к евразийским взглядам, высказанным в различные периоды истории П. Савицким, Г. Вернадским, Н. Трубецким, Л. Гумилёвым и другими теоретиками этого направления. Можно провести некоторые параллели между евразийством и доктриной «Евроафрики», которую разрабатывали не только испанские, но и французские теоретики колониальной политики. Однако необходимо в то же время подчеркнуть и существенную разницу, содержащуюся между позициями евразийцев и приверженцами доктрины «Евроафрики». Во всяком случае, евразийство сыграло значительную роль в укреплении и выработке глубоких и всесторонних экономических, политических и культурных связей европейской и азиатской части нашей страны. Евразийская идея является одной из скреп, объединяющих народы современной России. Евразийство в России не было связано с колониальной политикой. Его задача состояла в создании особого симбиоза русского народа и других народов, возможности их совместного проживания на определённой территории, взаимного обогащения культур. В то же время концепция «Евроафрики» вырабатывалась в рамках колониальной доктрины и была по своей сути модифицированной идеологией неоколониализма. В отличие от Турции, которая, как и современная Россия, также в настоящее время является «евразийской» страной, поскольку включает в себя территории Европы и Азии и владеет Константинополем, Испании и Франции не удалось обосновать своё право на средиземноморское побережье Африки. Коренное население африканских стран резко отрицательно восприняло новые модификации колониальной идеологии. Все попытки Франции удержать прибрежную территорию Алжира с помощью подавления национально-освободительного движения способствовали лишь его усилению. Национально-освободительная борьба за независимость арабского и берберского населения Алжира была направлена против политики колониализма и неоколониализма. С другой стороны, неудачные действия Франции в Алжире привели к небезопасной ситуации для самой Франции и способствовали открытому мятежу ОАС в 1961 г., который, вспыхнув в колонии, стал распространяться на территорию самой метрополии. Таким образом, реализация концепции «Евроафрики» в её французском варианте на территории Алжира способствовала глубокому политическому кризису Французской республики, однако в конечном счёте

привела не к смене политического режима в самой Франции, а наоборот, к утверждению власти президента Ш. де Голля.

Формирование исторического пространства «Евроафрики» применительно к испанской колониальной доктрине начинается с колонизации испанцами территорий африканского континента в конце XV в. Ещё в 1470 г. испанцы захватили город Мелилья, ставший первым территориальным владением Испании на африканском континенте. Окончательно крепость Мелилья оказывается под властью «католических королей» в 1497 г.

В 1476 г. испанский конкистадор Диего де Герера отвоевал у марокканцев небольшой участок побережья Атлантического океана в районе мыса Юба и основал факторию Санта-Крус-де-Мар-Пекенья. В эти же годы испанцы присоединили к своим владениям в Африке небольшой остров Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера.

В 1479–1481 гг. Португалия и Кастилия осуществили раздел сфер экспансии в Атлантическом океане, в результате которого за Кастилией были сохранены Канарские острова, имеющие в настоящее время статус автономной области Испании.

Вытеснив мусульман с Пиренейского полуострова к 1492 г., Испания и Португалия перенесут Реконкисту на «Варварский берег» — южный берег Средиземного моря. В подчинении Испании оказываются такие стратегически важные прибрежные крепости, как Оран, Алжир и Танжер.

В 1481 г. папской буллой «Aeterniregis» все земли к югу от Канарских островов были предоставлены Португалии. Испания закрепила за собой архипелаг Канарские острова и небольшие поселения городского типа на побережье Средиземноморья. По испано-португальскому договору, заключенному в 1494 г. в Тордесильясе, за Испанией были «закреплены» все «моря и земли» к западу от 50° западной долготы, что временно способствовало прекращению испанского продвижения на африканском континенте. Несмотря на данный договор, «католические короли» Фердинанд и Изабелла поддержали идею расширения испанских владений в Северной Африке. В 1535 г. Карл I ненадолго установил протекторат над Тунисом. Однако уже в 1574 г. Тунис отошел к Османской империи. В состав испанских колониальных владений в XVI столетии вошли следующие североафриканские территории: Ифни, известный долгое время под испанским наименованием крепости Санта-Крус-де-ла-Мар-Пекенья; Мелилья, завоеванный испанцами в 1497 г.; основанный в 1502 г. на территории Западной Сахары Вилья-Сиснерос, а также Мерс-эль-Кебир (1505) и остров Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера (1508). В ходе многовековой борьбы испанских и марокканских монархов за суверенитет над факторией Санта-Крус-де-ла-Мар-Пекенья испанцам удалось не только удержать ее за собой, но и несколько расширить ее территорию, впоследствии получившую название Ифни. В период наибольшего расширения испанских колониальных владений в Африке в XVI столетии на некоторое время в зависимость от объединённого Испанского Государства попали такие города Северной Африки, как Оран (1509–1790), Алжир (1510–1529), Беджая (1510–1554), Триполи (1511–1551), и Тунис (1535–1569). Таким образом, начиная с эпохи Реконкисты, испанские короли смогли подчинить и долгое время удерживать сравнительно большие территории в Северной Африке. Однако в дальнейшем большинство этих территорий были утрачены испанцами в силу различных причин.

Планам «католических королей» по расширению колониального присутствия на африканском континенте суждено было осуществиться после гибели в битве при Алкасар-Кебуре (1578) португальского короля Себастьяна I и присоединения Португалии к Испании в 1580 г. на основе личной унии. В результате испано-португальской унии (1580–1640) Испания получила возможность осуществлять управление крупными португальскими колониями на территории «черной Африки» — Анголой и Мозамбиком.

Ещё в 1415 г. во время правления Жуана I Сеута была захвачена португальцами. После того, как Португалия на некоторое время утратила свою независимость в 1580 г., на территории Сеуты селились испанцы, приехавшие сюда из метрополии. К 1640 г., когда Португалия вернула себе государственную независимость, разорвав унию, испанцы были уже большинством населения Сеуты. Это явилось причиной того, что данный город оказался единственной территорией, принадлежавшей Португальской колониальной империи, которая осталась в числе «заморских территорий» Испании. Когда Португалия восстановила свою независимость от испанской короны в 1640 г., Испания потеряла практически все португальские колонии, кроме Сеуты. Город Сеута, который формально был окончательно уступлен Португалией Испании в 1668 г., остаётся и в настоящее время владением Испании.

Борьба против европейских колонизаторов велась при сменявшихся друг друга марокканских династиях Ваттасидов, Саадидов и Филалидов (Алауитов). При султанах династии Алауитов Исмаиле (правил 1672–1727) и Мухаммеде III ибн Абдаллахе (1757–1790) на некоторое время была прекращена испанская колониальная экспансия в районе Марокко. Испанские колонизаторы в этот период обратили внимание на пустынную и малонаселённую территорию Западной Сахары, на которую одновременно претендовали и марокканские султаны.

В XIX в. испанцы, изгнав англичан, укрепились на территории Рио-Муни и Фернандо-По в экваториальной Африке, а в 1848 г. они сделали полностью подконтрольными метрополии небольшие острова Чафаринас в Средиземном море. Однако по мере ослабления Испании интерес правящих кругов к расширению колониальных владений в Африке постепенно угасал. Показательно, что испанская королева Изабелла II не проявляла серьёзной заинтересованности в расширении испанской колониальной экспансии в Африке. В конце XIX в., когда Северное Марокко ещё не было испанским, но испанские интересы здесь становились очевидными, процесс колонизации этих территорий со стороны Испании шёл вяло и неэффективно по сравнению с соседней Францией. Однако после поражения Испании в испано-американской войне 1898 г. и утраты Испанией своих последних колониальных владений в Азии (Филиппины) и Вест-Индии (Куба) колониальная политика в Марокко и Западной Сахаре стала проводиться более активно. В начале XX в. был подписан ряд франко-испанских соглашений, разграничивающих колониальные владения этих стран в указанном регионе. Так, соглашение 1900 г. определило южные границы Западной Сахары с территорией Мавритании, подвластной французам. Одним из важных моментов в испано-французских отношениях, связанных с колониальным разделом Африки, стало подписание в 1904 г. соглашения между Испанией и Францией, согласно которому обе страны отказались от взаимных претензий. По этому «сердечному соглашению» Испания формально закрепила за собой обширную, но пустынную и малонаселённую территорию Сегиет-эль-Хамра.

Из-за противостояния кочевых племен во главе с шейхом Ма эль-Айнином Испания с большим трудом могла контролировать внутренние районы Западной Сахары — Сегиет-эль Хамра и Рио-де-Оро до 1934 г. Колонизация территории Западной Сахары проходила слишком медленно, хотя Испании в этом никто не препятствовал. Отсутствие активности в проведении колониальной политики объясняется не только неблагоприятными климатическими условиями пустыни и сопротивлением кочевых племен, но также и тем, что испанские чиновники, военные и предприниматели, вплоть до самого открытия на указанной территории больших месторождений фосфоритов не обращали серьёзного внимания на установление колониального порядка в стране, оставленной без внимания ведущими колониальными государствами. Лишь в начале 50-х годов в Западной Сахаре колониальный режим утвердился как всеобъемлющая система отношений.

После обретения независимости в 1956 г. Марокко сразу же предъявило претензии на Испанскую Сахару как на территорию, принадлежащую Марокко в доколониальный период.

Сплошную полосу своих владений испанцы сумели создать в Северной Африке только после 1912 г. Фесский мирный договор 1912 г. разделил Марокко между Испанией и Францией, причём Франция получила большую часть. При этом города Сеута и Мелилья не были включены в испанскую зону Марокко, поскольку уже в это время считались неотъемлемой частью территории Королевства Испании.

Кроме указанных территорий, Испании в первой половине XX столетия принадлежали: Ифни, сектор Тарфая (Мыс Хуби), Западная Сахара и Канарские острова на севере Африки, а также территория Рио-Муни и Фернандо-По в экваториальном регионе. Во всех североафриканских владениях Испании проживало преимущественно мусульманское население. Для того, чтобы избежать конфликтов с местным населением на территории испанских колоний на севере Африки, исламская система управления была в целом сохранена при испанской колониальной администрации. Большинство мусульман в северном регионе Марокко составляли не арабы, а берберы племени Риф. Стремление области Риф выйти из колониального подчинения европейских стран было связано с попытками создания республики Риф во главе с Абд аль-Керимом во второй половине 20-х годов прошлого столетия. Хотя эта попытка была подавлена объединёнными франко-испанскими силами, стремление берберов области Риф к достижению независимости вовсе не означало их желания войти в состав Марокко. Поэтому между испанцами и местным населением наметилось некоторое сближение позиций, что особенно проявилось во время мятежа военных против Испанской Республики, когда марокканцы поддержали Ф. Франко.

Сравнительно многочисленным народом в североафриканских колониях Испании были евреи, в основном потомки марранов, высланных из Испании после окончания Реконкисты. Население испанских территорий в Северной Африке, как правило, не могло быть подвергнуто ассимиляции. Вследствие замкнутости мусульманок немногочисленные местные колонисты и военные не могли заключать смешанные браки. В целом даже в годы правления Ф. Франко, провозгласившего себя «другом арабов», Испанское Марокко сохранило свой чисто мусульманский характер, хотя испано-арабское двуязычие получило некоторое распространение в городах, особенно в административном центре Северного Марокко — Тетуане.

После получения независимости Марокко большинство евреев и христиан эмигрировали, но и в наши дни 20 тыс. человек в регионе Северного Марокко продолжают владеть испанским языком, хотя основным вторым языком в Марокко является в настоящее время французский.

Акцентирование геополитики испанских властей на идее «Евроафрики» в период диктатуры Ф. Франко было связано в первую очередь с тем, что фашистский мятеж против Испанской Республики вспыхнул именно на территории африканской колонии Испании — Северного Марокко. На начальной стадии этого мятежа одной из главных движущих сил были марокканские стрелки. Некоторое первоначальное сходство по целям мятежа Ф. Франко 1936 г. в Северном Марокко и мятежа ОАС 1961 г. в Алжире, активизировавшего крайне правые силы в самой Франции, обернулось в конечном счёте существенным различием в результатах этих мятежей. Если мятеж генерала Ф. Франко предполагал участие в нём военных частей из числа коренных жителей африканской колонии, то практически никто из алжирцев не поддержал мятежников ОАС, которые презрительно, с чувством расового превосходства относились к коренному населению этой страны. Вследствие понимания бесперспективности мятежа приверженцы ОАС утратили даже поддержку правых сил в самой Франции, подавляющее большинство населения которой поддержало Ш. де Голля, предложившего эффективный план урегулирования франко-алжирского конфликта.

ОАС потерпел сокрушительное поражение в военном и политическом смысле, буржуазная демократия была спасена, а алжирский народ получил свободу и независимость в результате подписания Эвианских соглашений 1962 г.

Как уже было отмечено ранее, в силу того, что мятеж испанских военных начался на территории Африки после прихода к власти Ф. Франко-и-Баамонде (1939–1975), концепция «Евроафрики» стала важнейшей составляющей частью испанской колониальной и геополитической доктрины. Эта доктрина предполагала существование в дальнейшем симбиоза Испании и зависимых от неё африканских территорий, в первую очередь Испанского Марокко и Западной Сахары. Концепция «Евроафрики» предполагала статус Испании как невоюющей страны в годы Второй мировой войны, а после неё признание испанским руководством принципа нейтрализма, заключающегося в неучастии страны в военно-политических блоках. Другим важнейшим принципом осуществления доктрины «Евроафрики» являлся паниспанизм как основа внутренней и внешней политики франкистской Испании. В многочисленных статьях журналистов и политологов периода франкистской «органической демократии», посвящённых геополитике, Испания рассматривалась как «материнская цивилизация» по отношению к своим колониям. Испанское руководство периода правления Ф. Франко всячески подчёркивало важность проведения культурной ассимиляции коренного населения. Значительную роль в осуществлении культурной ассимиляции африканских колоний Испании играли католические миссионеры, испанский генералитет, чиновники колониальной администрации. Культурная ассимиляция заключалась прежде всего в распространении католической религии в африканских владениях Испании. Однако это было возможным применительно только к территории Испанской Гвинеи. Испанские власти даже ставили задачу превращения Испанской Гвинеи в «островок цивилизации» на африканском континенте. Но реализация политики культурной ассимиляции не могла принести каких-либо серьёзных результатов в отношении арабо-мусульманского населения Марокко и Западной Сахары, которое подчинялось традиционному укладу и исповедовало исламские ценности.

Чтобы манипулировать сознанием коренного населения этой части колоний, власти Испании пытались играть роль защитников и покровителей национально-освободительного движения. До 1956 г., когда произошла деколонизация Северного Марокко, испанские правящие круги не препятствовали деятельности тех лидеров марокканского национально-освободительного движения, которые проживали в испанской зоне и оттуда координировали действия своих сторонников во французской зоне Марокко. Глава государства Ф. Франко в своих выступлениях пытался изобразить себя «другом арабов». Он критически относился к действиям французских властей, связанным с вооружённым подавлением национально-освободительного движения в Алжире и Марокко. В одной из своих речей он даже обвинил французские власти в использовании «пагубных методов неорганической демократии» в отношении народа Марокко [Le Monde, 1955].

В марокканско-французском противостоянии середины 50-х годов XX в. франкистская Испания поддержала сторонников независимости Марокко, поскольку считала, что данный конфликт должен завершиться каким-либо компромиссным решением, которое привело бы к значительному ослаблению позиций Франции и укреплению позиций Испании [Манасерян, 1969, с. 341]. В таком решении были заинтересованы и США, от которых Испания в это время зависела экономически и политически. Одним из важных факторов, которые должны были учесть испанские правящие круги в осуществлении своей колониальной политики в послевоенный период, было испано-французское соперничество на территории Северной Африки, обострившееся в начале 50-х годов. Принимая те или иные меры, испанцы и французы должны были учитывать ситуацию, которая сложилась на сопредельных территориях подчиненного им Марокко. Как известно, в начале 50-х годов во французской

зоне Марокко активизировалось национально-освободительное движение, которое французские власти пытались сдерживать силовыми методами. После низложения 20 августа 1953 г. султана Марокко Мухаммеда бен Юсефа французская колониальная администрация начала преследование членов партии «Истикляль» и других организаций, ориентированных на достижение Марокко государственной независимости. Этими действиями Франция фактически нарушила франко-испанское соглашение о протекторате 1912 г. В результате испанские власти должны были каким-то образом реагировать на происходящее. Они предоставили возможности некоторым преследуемым французскими властями приверженцам независимости Марокко переехать в испанскую зону и фактически не препятствовали их политической деятельности.

В процессе политической реализации концепции «Евроафрики» франкистское руководство Испании дистанцировалось от европейского колониализма, заняв выжидательную позицию по отношению к процессу послевоенной деколонизации стран Африки, иногда даже поддерживало некоторые национально-освободительные движения этих стран, в первую очередь направленные против Франции. Заявив в годы Второй мировой войны о статусе «невоюющей державы» и фактически отказавшись участвовать в гитлеровских авантюрах на африканском континенте, режим Ф. Франко сумел сохраниться на долгое время и после войны. В эти годы он обрёл себе нового покровителя в лице США и в известной степени солидаризировался с позицией американцев относительно процесса деколонизации территорий африканского континента.

Тезис о двух формах колониализма, взятый на вооружение испанским руководством, разграничивал политику европейских колониальных империй, направленную на безжалостное ограбление африканских территорий, и политику «христианской» Испании. Данная политика, по мнению руководства этой страны, заключалась в том, чтобы нести свет истинной веры отсталым народам, развивать их экономику, культуру, образование, здравоохранение.

Испанская пресса периода режима Ф. Франко стремилась показать Испанию своеобразным «благодетелем» по отношению к странам «Третьего мира». В официальной периодике Испании времени правления каудильо всячески подчёркивалось значение многочисленных гуманитарных проектов, адресованных испанским колониям, целью которых являлось выравнивание экономического, социального и культурного уровня населения зависимых от Испании африканских стран по отношению к метрополии.

В период деколонизации Африки испанские власти и сторонники режима Ф. Франко в общении с учёными и журналистами всячески подчёркивали, что задачей испанского колониального руководства была подготовка африканских колоний Испании к независимому существованию. В доктрине «Евроафрики» определённая параллель проводилась по отношению к политике Испании в странах Латинской Америки. В отличие от английских колонизаторов, которые просто физически уничтожали коренное население американских территорий, испанские власти способствовали его приобщению к благам европейской цивилизации. Испанское королевское правительство и католическая церковь проводили более гуманную политику среди индейского населения «Нового света». Они искореняли некоторые варварские обычаи, связанные с человеческими жертвоприношениями, тем самым приобщая население Латинской Америки к католической обрядности и христианским ценностям. В испанской литературе всячески подчёркивается значение епископа Бартоломео Лас Касаса, который выступал защитником индейцев в период завоевания испанцами территории нового континента. Подобные взгляды в своё время были выражены в господствовавшей доктрине Испанской Америки. Испания якобы не препятствовала латиноамериканским странам, достигшим определённого уровня развития экономики и культуры, в достижении ими политической независимости. Конечно, такой тезис может быть принят со множеством

оговорок. Ведь история колониальной политики Испании и антиколониальной борьбы народов Латинской Америки хорошо известна. Тем не менее концепция «Евроафрики» в значительной степени формировалась по образцу геополитической доктрины Испании по отношению к странам Латинской Америки.

Большинство работ, связанных с концепцией «Евроафрики», были написаны колониальными чиновниками и офицерами. Как подчёркивал французский исследователь Р. Пелисье, в Испании изучением колониальной политики в Африке никто не занимался, кроме «офицеров, служащих в колониях» [Pelissier R., 1980, p. 103].

Поскольку франкистский режим не допускал какой-либо оппозиции в стране, не могло быть и речи об объективном, всестороннем анализе испанской историографией концепции «Евроафрики».

В испанской историографии периода диктатуры Ф. Франко доминирует апологетическое направление, которое оценивает деятельность Испании в Африке как неустанную работу по развитию африканских территорий, направленную на достижение всяческих благ для коренного населения. Представители апологетического направления вынуждены считаться с историческими реалиями, поэтому они подводят основание для предоставления независимости Испанской Гвинеи в 1968 г. тем, что Испания полностью выполнила свою миссию по отношению к этой стране. Сторонники апологетического направления отрицают право Западной Сахары на самоопределение и считают эту территорию неотъемлемой частью Испании. Что касается критического направления, то оно сформировалось лишь на завершающем этапе правления Ф. Франко и представлено сравнительно небольшим количеством работ, большая часть которых носит не столько научный, сколько чисто публицистический характер. Представители этого направления особое внимание уделяют анализу испанской колониальной политики в Западной Сахаре и выступают за предоставление народу этой страны права на самоопределение.

Испанская историография апологетического направления представлена работами, написанными сотрудниками Института африканских исследований (ИДЕА), основанного в 1945 г. под руководством Генерального управления Марокко и колоний. На протяжении всего своего существования ИДЕА был не столько научным, сколько политическим учреждением, которое имело целью оправдывать в глазах испанской и мировой общественности колониальную политику властей и разрабатывать ее основные направления.

Прославление «мудрой политики» каудильо, подчеркивание своевременности и необходимости проведения очередной реформы, приукрашивание деятельности испанских колонизаторов в Африке характерно для всех работ авторов, работавших в ИДЕА.

Институт африканских исследований занимался изучением не только истории африканских стран, но и экономики, географии, этнографии, искусства, естественных наук и права. Среди ведущих сотрудников данного института следует отметить историка Х. М. Кордеро Торреса, этнографа Х. Каро Бароха, юриста Х. Табернеро Хакобо, экономиста Т. Гарсиа Фигуераса. Среди множества авторов статей и заметок, посвящённых концепции «Евроафрики» и опубликованных в испанских журналах, особо следует отметить Э. Гонсалеса Руиса (геополитика), Х. Р. Альвареса Гарсиа (культурная и социальная политика в Испанской Гвинеи), Х. Альвареса Корругедо (экономическая политика в Экваториальной Гвинеи), Х. Гомеса Дурана (экономико-правовые проблемы испанских колоний) [Alvarez Garcia, Africa, II, 1951, No. 110, p. 69–71; Gomes Duran J., IV, 1964, No. 268, p. 264–267; Gonzales Ruiz, VII, 1966, No. 295, p. 466–447; Alvarez Corrugedo, III, 1967, No. 303, p. 124–126.].

На страницах журнала «Африка» в 50-е — 60-е годы XX столетия было опубликовано множество статей испанских журналистов и политологов, касающихся обоснования концепции

«Евроафрики». Среди них следует особенно подчеркнуть статьи и заметки Т. Борраса-и-Бермехо, Р. Сантамария Кесада, Х. Янгаса Миравете, Л. Рубио Гарсиа, Х. Гомеса Тельо. Указанные авторы восхваляли политику Ф. Франко на африканском континенте и поддерживали основные положения доктрины «Евроафрики». Их работы были посвящены различным аспектам деятельности испанской колониальной администрации в Африке с перспективой на будущее колоний, которые, по мнению указанных авторов, должны сохранить свои экономические, политические и культурные связи с «Матерью-Испанией».

Т. Боррас-и-Бермехо уделяет особое внимание проблеме испано-марокканских отношений. Он утверждает, что территория Западной Сахары является своеобразным мостом между Испанией и арабским миром. Общность стратегических интересов Испании и Марокко в Северной Африке состоит, по его мнению, в том, чтобы не допустить распространения коммунистического влияния в этом регионе [Borras-y-Bermejo, Africa, IV, 1957, No. 184, p. 146–148]. Т. Боррас-и-Бермехо считал, что экономические интересы Испании и Марокко могли бы быть реализованы в рамках действующего статуса Западной Сахары путем заключения соглашений о совместной эксплуатации природных богатств этой территории. Благодаря установлению дружеских отношений с Марокко в Западной Сахаре должен быть установлен «испанский мир» — «*раx Espanica*» [Gomes Duran J., Africa, IV, 1964, No. 268, p. 193–196].

Статьи Р. Сантамария Кесада вызывают интерес многочисленными сведениями по экономике и социальной политике Испании в Западной Сахаре [Santamaria Quesada, Africa, VIII–IX, 1959, No. 200–201, p. 367–371]. В статьях Х. Янгаса Миравете особое внимание уделяется вопросам организации системы местного самоуправления, проведению муниципальных выборов, а также отдельным аспектам испанской политики в области образования, здравоохранения, сельского хозяйства и других сфер деятельности.

Л. Рубио Гарсиа в своих статьях касается особенностей африканской политики СССР и США и роли Испании в их борьбе за гегемонию в мире. По его мнению, Испания и ее колонии должны служить барьером, разделяющим две сверхдержавы в Африке [Rubio Garcia, Africa, XI, 1962, No. 242, p. 62–66].

Испанский историк Х. М. Кордеро Торрес является автором обобщающих работ по колониальной политике. В них также затрагивается концепция «Евроафрики». Его основной тезис состоит в том, что Испания никогда не была колониальной державой в том понимании, в каком ею были Англия и Франция. Напротив, сама Испания стала объектом колониальной экспансии со стороны Англии, аннексировавшей Гибралтар. Что касается отношений между Испанией и ее африканскими территориями, то они, по мнению Х. М. Кордеро Торреса, строятся исключительно на основе общности исторических судеб, уходящих вглубь веков. Свои утверждения Х. М. Кордеро Торрес доказывает, ссылаясь на существование в эпоху средневековья Кордовского Халифата и воинственных арабо-испанских империй Альморавидов и Альмохадов. В объемной работе Х. М. Кордеро Торреса «Деколонизация: испанский критерий» исследуются проблемы колониального управления Западной Сахарой, дается анализ испанского законодательства в отношении колоний, изучается проблема деколонизации в контексте международных отношений [Cordero Torres J. M., 1967, p. 819].

К наиболее выдающимся работам сотрудников ИДЕА относится монография Л. Саеса де Ховантеса «Испанский африканизм». Эта работа была отмечена в 1971 г. премией IDEА. Однако столь высокая оценка объясняется не научными достижениями автора, а идеологической направленностью его работы. Л. Саес де Ховантес считает колониализм необходимым этапом развития как европейских, так и африканских народов [Saez de Govantes, 1971, p. 62]. При этом он

противопоставляет Испании ведущим колониальным государствам, подчеркивая, что если те руководствовались в отношении африканских народов исключительно эгоистическими соображениями, то испанская колониальная политика базировалась не на ограблении подвластных территорий, а на особой миссии Испании по отношению к африканским территориям. Более того, Испания якобы взяла на себя бремя заботы об африканских народах [Saez de Govantes, 1971, p. 70]. По мнению Л. Саеса де Ховантеса, франкистский мятеж положил начало новому этапу истории испанской политики на африканском континенте в плане реализации доктрины «Евроафрики». На этом этапе, считает он, руководство Испании во главе с Ф. Франко ставило перед собой цель подготовить народ Африки к самоуправлению и независимости, что было наглядно продемонстрировано на примере Испанской Гвинеи. В то же время Л. Саес де Ховантес отрицал право на самоопределение народа Западной Сахары, считал, что уход испанцев оттуда приведет к аннексии этой страны Марокко. Серьезным недостатком работы Л. Саеса де Ховантеса является то, что в ней нет даже намека на существование национально-освободительного движения в испанских колониях. Отношения Испании с её африканскими территориями представляются практически бесконфликтными, причём данный автор уверен, что и в будущем Испания и её африканские территории сохранят свои экономические, политические и культурные связи и будут выступать единым фронтом в борьбе против экспансии мирового коммунизма.

Испанская колониальная империя прекратила своё существование. Последний этап деколонизации заключался в отторжении от Испании её африканских владений. В процессе деколонизации были разрушены экономические, политические и культурные связи Испании с её африканскими владениями. Концепция «Евроафрики», которой придавали большое значение политики и исследователи периода правления Ф. Франко, фактически ушла в прошлое.

В настоящее время Испания владеет в Северной Африке небольшой территорией. Общая территория нынешних африканских владений Испании, не считая Канарских островов, составляет 31,61 км².

Население африканских владений Испании в настоящее время не превышает 170 тыс. человек. Большая часть его проживает преимущественно в двух больших анклавах — Сеута и Мелилья (исп. *plazasmayores*). Незначительная часть населения проживает на островах Чафаринас, островах Алусемас, полуострове Пеньон-де-Велес-де-ла-Гомера, острове Перехиль и острове Альборан (исп. *plazasmenores*).

Небольшие столкновения между испанцами и марокканцами периодически происходят и в начале XXI в. Так, о. Перехиль, небольшой необитаемый остров рядом с Сеутой, стал причиной конфронтации Испании с Марокко в 2002 г. Он был занят 11 июля 2002 г. королевской марокканской жандармерией. Однако марокканские солдаты были выдворены без кровопролития испанскими вооружёнными силами через неделю. В настоящее время статус данного острова определяется испанским законодательством как «дополнительная суверенная территория».

Примерно в 50 км к северу от марокканского побережья и в 90 км к югу от Испании находится другой остров — Альборан. Этот небольшой остров в административном отношении является частью территории муниципалитета Альмерии в автономной области Андалусия.

Сеута и Мелилья остаются по-прежнему составными частями Испанского Королевства с полным распространением на них всех прав и свобод Европейского Союза. В этом статусе их правовое положение практически ничем не отличается от обеих провинций Канарского архипелага. На этих территориях проживает хоть и значительное мусульманское население, однако оно составляет менее 40 процентов при 99%-ном владении населения испанским языком как родным. Когда Испания отказалась от своего протектората над Северным Марокко и признала независимость

Марокко в 1956 г., она не уступила территории Сеуты и Мелильи, поскольку они никогда официально не входили в состав протектората. Хотя и в настоящее время эти территории рассматриваются современным руководством Марокко как часть страны. Сходной позиции относительно указанных городов придерживаются Африканский союз, Исламская конференция, Лига арабских государств и Союз арабского Магриба. Крупные территории городов Сеуты и Мелильи в настоящее время являются автономными округами, которые пользуются большей автономией в составе Королевства, чем обычные муниципалитеты, но меньшей, чем автономные общины Каталонии и Страны Басков.

В основе испанской геополитической доктрины периода правления Ф. Франко лежала концепция «Евроафрики». Основными принципами, на которых основывалась данная доктрина, провозглашались принципы нейтралитета, паниспанизма, ассимиляции. Испания противопоставлялась другим европейским колониальным державам. Исходя из тезиса о двух формах колониализма, власти франкистской Испании стремились выстроить отношения с африканскими государствами. В испанской прессе политика европейских держав в странах Африки часто рассматривалась как грабительская, имеющая целью получение исключительно экономических выгод. Испанский же колониализм, с точки зрения официальных средств массовой информации, стремился распространить блага цивилизации на африканские страны, приобщить эти страны к христианским ценностям.

С середины 70-х годов прошлого века по настоящее время концепция «Евроафрики» в Испании находится в глубоком упадке. Это связано с переходом Испании к демократии и деколонизацией её зависимых территорий. Поскольку Испания в значительной степени потеряла свои территории в Африке, изучение недавнего прошлого колониальной державы уже идёт не на основе утилитарного подхода. Испанская историография на данном этапе приобрела в целом критическое направление по отношению к концепции «Евроафрики» как нереализованной возможности. Правда, в некоторых публикациях ощущается ностальгия по «лучшим временам», хотя невозможность вернуть их воспринимается как реальность.

Литература / References

- Манасерян Л. П. *Марокко в борьбе за независимость*. Ереван, 1969 [Manaseryan L. P. *Morocco in the struggle for independence*. Yerevan, 1969 (in Russian)].
- Africa*. Madrid, 1947–1970.
- Cordero Torres J. M. *La descolonizacion. Un criteriobispanico*. Madrid: Instituto de estudios politicos, 1967.
- Le Monde*. 17.X.1955.
- Pelissier R. *Africana*. Paris, 1980.
- Saez de Govantes L. El. *Africanismo espanol*. Madrid, 1971.

DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-231-238

**ФЕНОМЕН ЧОСЕЙРЕКУ (ЧОСЕЙРЕОКУ).
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КООРДИНАЦИОННЫХ
СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СТРАНАХ ВОСТОКА
(НА ПРИМЕРЕ ЯПОНИИ)**

© 2024

Т. Е. Лопатина, Н. А. Лопатина, О. А. Васильева¹

В нынешний исторический период радикального изменения мирового порядка школьные практики воспитания физически и духовно сильных граждан не просто испытывают колоссальную потребность в возрождении традиций воспитания и образования человека, но и, как никогда, ждут преломления традиций в новых, современных идеях. Необходимо, однако, не забывать о нарастающем массиве дидактических поисков общемировой педагогической мысли. Именно разрозненность, языковая и политическая, зачастую делает результаты серьезных национальных исследований малоизвестными даже для узкоспециализированной аудитории. Изучаемые опыт, практика и инновационные находки стран азиатского региона нашей планеты зачастую теряются в навязанном западным мышлением ориентализме, оплетающем псевдовосточными, религиозноподобными алгоритмами научные изыскания систем воспитания, отличающихся как от западного, так и от российского взглядов на образовательно-воспитательные процессы. Как спорт, так и физическая культура в Азии вообще и в Японии в частности имеют богатую историю, связанную не только с традиционными, национальными видами спорта (такими как боевые искусства), многие из которых уже получили всемирную известность и распространились практически по всей планете. Однако сейчас в азиатских странах наблюдается процесс заимствования западных видов спорта. Подобное сближение не только в практике физкультуры и спорта, но и в науках, изучающих различные аспекты физического воспитания, образования, совершенствования также набирают обороты, что особенно важно в вопросах теоретико-прикладного осмысления сложных тем и направлений. Тем более интересен опыт национального понимания феномена развития двигательной активности у человека (начиная с самого

¹ Лопатина Татьяна Евгеньевна, педагог-исследователь, магистр пед. образования, член Русского географического общества, руководитель театра народного танца «Тактиб» МБУК «Городской дворец культуры», Армавир; levberdon@mail.ru
Tatyana E. Lopatina, head specialist MAU «Armavir Municipal Herald», teacher and researcher, head of the «Takhtib» Folk Dance Theatre, City Palace of Culture, Member, Russian Geographic Society, Armavir; levberdon@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8964-4966

Лопатина Надежда Александровна, магистр пед. образования, член Русского географического общества, руководитель арт-студии «Ассель» МБУК «Городской дворец культуры», Армавир; ART-STUDIO_SVT_ASSEL@mail.ru
Nadezhda A. Lopatina, Linguist, M. A. (Pedagogy), head of «Assel» Art Studio, Member of Russian Geographic Society, Armavir; ART-STUDIO_SVT_ASSEL@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5514-0196

Васильева Ольга Александровна, специалист по учебно-методической работе кафедры философии, культуроведения и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»; lev.berdon@mail.ru

Olga A. Vasilieva, Teaching Methodology Specialist, Department of Philosophy, Culture Studies and Social Communication, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Krasnodar; lev.berdon@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7192-8445

юного возраста) как через общепринятые, так и через национальные феномены развития координации, одним из которых, безусловно, является феномен чосейреку.

Ключевые слова: чосейреку, координационные способности, навыки, младшие школьники, развитие, двигательные действия, спорт, танцы, ориентализм

Для цитирования: Лопатина Т. Е., Лопатина Н. А., Васильева О. А. Феномен чосейреку (чосейреоку). Актуальные проблемы развития координационных способностей младших школьников в странах Востока (на примере Японии). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2024. № 2. С. 231–238. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-231-238

THE PHENOMENON OF CHOSEYREKU (CHOSEYREOKU). TOPICAL PROBLEMS OF DEVELOPING YOUNGER SCHOOLCHILDREN'S COORDINATION ABILITIES IN THE COUNTRIES OF THE EAST (THE CASE OF JAPAN)

Tatyana E. Lopatina, Nadezhda A. Lopatina, Olga A. Vasilyeva

In the current historical period of radical changes in the world order, school practices of educating physically and spiritually strong citizens not only experience a colossal need to revive the traditions of human upbringing and education, but also, more than ever, await the refraction of traditions in new, modern ideas. It is necessary, however, not to forget about the growing array of didactic searches for global pedagogical thought. It is precisely this fragmentation, linguistic and political, that often makes the results of serious national studies little known even to a highly specialized audience. The studied experience, practice and innovative findings of the countries of the Asian region of our planet are often lost in the orientalism imposed by Western thinking, entwining pseudo-eastern, religious-like algorithms with scientific research into educational systems that differ from both Western and Russian views on educational processes. Both sport and physical culture in Asia in general, and in Japan in particular, have a rich history associated not only with traditional, national sports (such as martial arts), many of which have already gained worldwide fame and have spread almost throughout the world. the whole planet. However, now in Asian countries there is a process of borrowing Western sports. Such a rapprochement not only in the practice of physical education and sports, but also in the sciences that study various aspects of physical education, education, and improvement is also gaining momentum, which is especially important in matters of theoretical and applied understanding of complex topics and directions. All the more interesting is the experience of national understanding of the phenomenon of development of motor activity in humans (starting from a very young age) through both generally accepted and national phenomena of the development of coordination, one of which, of course, is the phenomenon of Choseireku.

Keywords: choseireku, coordination abilities, skills, primary schoolchildren, development, motor actions, sports, dancing, orientalism

For citation: Lopatina T. E., Lopatina N. A., Vasilyeva O. A. The Phenomenon of Choseyreku (Choseyreoku). Topical Problems of Developing Younger Schoolchildren's Coordination Abilities in the Countries of the East (the Case of Japan). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 231–238. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-231-238

Введение

Вынешний исторический период радикального изменения мирового порядка школьные практики воспитания физически и духовно сильных граждан не просто испытывают колоссальную потребность в возрождении традиций воспитания и образования человека, но и, как никогда, ждут преломления традиций в новых, современных идеях. Необходимо, однако, не забывать о нарастающем массиве дидактических поисков общемировой педагогической мысли. Именно разрозненность, языковая и политическая, зачастую делает результаты серьезных национальных исследований малоизвестными даже для узкоспециализированной аудитории. Что же касается практиков-педагогов — для них сталкиваться с фрагментированным информационным полем зарубежных педагогических новаций и традиций стало распространенной практикой. Кроме того, проводимые учёными разных стран сравнительные исследования в большинстве случаев ограничиваются лишь констатацией формальных составляющих живого процесса физического и духовного воспитания подрастающих граждан своей страны, будь то описание национальных учебных планов или трактовка конкретных, отдельно взятых положений программно-образовательной структуры воспитания. При этом практически не исследуются качественные параметры эффективности их реализации. Изучаемые опыт, практика и инновационные находки стран азиатского региона нашей планеты зачастую теряются в навязанном западным мышлением ориентализме, оплетающем псевдостоличными, религиозноподобными алгоритмами научные изыскания систем воспитания, отличающихся как от западного, так и от российского взглядов на образовательно-воспитательные процессы.

Сейчас идет не просто пересмотр базовых целевых установок, постановка новых задач, построение принципов и идей оптимизации содержания воспитательно-образовательного процесса — сегодня проходит интенсификация самих технологий педагогики, ее методического и методологического обеспечения, а также включение этих процессов в канву национальных идеалов самосохранения народов и наций на планете.

В постпандемийное время к проблемам развития физического воспитания в общеобразовательной школе добавилась проблема затруднения развития координационных способностей (КС) у школьников, в том числе у учащихся младших классов. Напомним, что «Понятие «координационные способности» включает в себя комплекс физических качеств, состоящих из целого ряда двигательных способностей» [Баландин, 2019, с. 3–11]. Само слово «координация» происходит от лат. *Coordination* — приведение в порядок, согласование. Координационные способности включают в себя целую совокупность человеческих свойств, выявляющихся в течение процесса разрешения нескольких двигательных задач разнообразной координационной сложности, а также обеспечивающих успешность и управления, и регуляции многочисленными двигательными взаимодействиями.

Анализируя литературный массив по теме, мы обратили внимание на стремление исследователей и Запада, и Востока, и Российской Федерации не просто изучать средства и методы развития координационных способностей в сфере теории и методики спорта — многие специалисты, ученые-практики, побуждаемые причинами прикладного характера, настойчиво продолжают искать собственные стратегии развития КС, рожденные педагогической интуицией тренерского состава. Видимо, масштабный, крупный проект по изучению КС еще впереди. Главный итог анализа литературы — проблема развития координационных способностей в раннем школьном возрасте — остается по-прежнему актуальной. К сожалению, обобщение качественной оценки и метода наблюдения за координационными способностями для тренеров и учителей в практике еще до конца не определено. Это необходимая и неотложная задача в области диагностики координационных способностей

[Yosiro Izukhara, 2005]. Поскольку в будущем при биомеханическом анализе движений будет применяться все больше и больше передовых технологий, синтез объективных и субъективных данных будет тем более необходим [Yutaka Siraisi, 2005]. Так, японский автор Сираиси (Шираиси) в своей исследовательской работе указывает, что в последние годы исследования биомеханики и двигательных навыков в основном сосредоточены на количественной стороне, однако слишком мало внимания уделяется стороне качественной. Количественный анализ и качественное понимание движений необходимы для накопления полезных данных для практики тренировок. И только когда и количественный, и качественный анализ будут успешно выполнены, мы сможем извлечь полезные данные для практики обучения, что очень важно при работе со школьниками, особенно младшей возрастной категории.

«Феномен чосейреку»

Если же брать рассмотрение состояния исследования координационных способностей в азиатском регионе планеты, то в первую очередь можно выделить работы японских авторов, отражающие как фундаментальность, так и инновационность в сфере физического воспитания. В Японии для разработки концепции чосейреку (чосейреоку) как формата национального определения совокупных характеристик понятия координационных способностей (КС) в широком смысле с 1964 г. Министерство образования ежегодно организует обследования в рамках спортивных тестов для оценки состояния физической подготовки учащихся. Эволюция спортивного тестирования в Японии вызывала неоднократное изменение значения термина чосейреку (чосейреоку), его научного наполнения в контексте использования всеобъемлющего понятия физической подготовки. В новом лексиконе спортивной науки японского общества чосейреку (чосейреоку) классифицируется как элемент физического аспекта подготовки. Японский исследователь — теоретик спорта Мичио Инукай (Икаи) разделил термин «физическая подготовка» на две основные группы, а именно способность действовать и способность защищаться [Michio Ikai, 1972]. Здесь возникает ключевое отличие, например, от европейской, в частности, немецкой концепции координационных способностей. В рамках концепции способностей чосейреку (чосейреоку) рассматривается в Японии как компонент физических способностей в энергетической сфере, и, таким образом, он стоит рядом с физической силой, скоростью, выносливостью и ловкостью. Определение чосейреку (чосейреоку) в Японии имеет свои проблемы. Одна из них — определение чосейреку (чосейреоку) в японской учебной программе. Чуть более полувека назад, в 1968 г., японская учебная программа претерпела серьезные изменения, а спустя несколько лет слово чосейреку (чосейреоку) было впервые официально введено в нее Министерством образования Японии (1975 г.). Необходимо понимать, что в японской начальной школе (первый-шестой классы, возраст — 6–12 лет) в неделю предусмотрено не менее чем трёхчасовое занятие спортом и физической культурой по программе: общая физическая подготовка, гимнастика, лёгкая атлетика, плавание, игры с мячом, танцы, формирование навыков здорового образа жизни [Кремнева, 2019, с. 92–96]. Что же касается развития координации в младшей школе, то в учебной программе начальной школы основной целью было обозначено обучение координационным навыкам с помощью различных упражнений. Только с 4-го и 5-го классов предписывалось также тренировать выносливость и физическую силу.

Таким образом, обучение чосейреку (чосейреоку) (координационным способностям, формированию координационного навыка), по мнению японских ученых — теоретиков и практиков-преподавателей, должно с самого начала играть важную роль в учебной программе. Например,

цели в области тренировки КС в школьном спорте Японии с первого по шестой классы (6–12 лет) к началу второго десятилетия XXI в. выглядят следующим образом:

1-й класс — тренировка координационных способностей, формирование координационных навыков с помощью различных упражнений, воспитание индивидуальной и групповой поведенческой дисциплины;

2-й класс — тренировка координационных способностей, формирование координационных навыков с помощью различных упражнений, воспитание индивидуальной и групповой поведенческой дисциплины с помощью правил упражнений;

3-й класс — тренировка координационных способностей, формирование координационных навыков с помощью различных упражнений, воспитание индивидуальной и групповой поведенческой дисциплины с помощью правил упражнений и распределения ролей, обучение базовым навыкам гимнастики, легкой атлетики, плавания, танца (спортивного бального), поощрение амбиций и настойчивости посредством соревнований и игр;

4-й класс — тренировка силовых и координационных способностей с помощью различных упражнений, обучение базовым навыкам гимнастики, легкой атлетики, плавания, танца (спортивного бального), обучение дисциплине и групповому поведению с помощью правил упражнений и распределения ролей, воспитание амбиций и настойчивости посредством соревнований и игр;

5-й класс — обучение навыкам силового и координационного мастерства с помощью различных упражнений, обучение дисциплине и групповому поведению с помощью правил упражнений и распределения ролей, воспитание амбиций и настойчивости посредством соревнований и игр;

6-й класс — тренировка силы и выносливости, навыков игры в мяч, и, соответственно, координационных способностей с помощью различных упражнений, закрепление навыков гимнастики, легкой атлетики, плавания, спортивных бальных танцев, привитие дисциплины и группового поведения с помощью правил упражнений и распределения ролей в команде, сознательное отношение к ролям и умение работать в команде, поощрение амбиций и настойчивости посредством соревнований и игр, повышение осведомленности о здоровье и профилактика травм и болезней.

Даже если формирование чосейреку (чосейреоку) уже было названо важной целью тренировки в рамках начальной школы с первого по шестой классы, впоследствии учителя физкультуры и ученые, занимающиеся вопросами физического воспитания, неоднозначно отнеслись к термину чосейреку (чосейреоку) и его определению. Так, в семидесятых годах два специальных номера журнала «Наука физического воспитания» были посвящены исключительно вопросу «Что такое Чосейреку». Впервые по теме Чосейреку это было в журнале «Наука физического воспитания» (1972). В ходе этого процесса семь ученых рассмотрели различные аспекты чосейреку (чосейреоку). Например, Исао Канехара писал о регулировании и перспективе увеличения мощности усилий в школьном спорте [Isamu Kanekhara, 1972]. Однако при обсуждении дискуссия сосредоточилась на практике школьного обучения, что особенно важно для японцев. В отношении соревновательных видов спорта и чосейреку (чосейреоку) в подробности определения термина дискуссия не углублялась. И тем не менее в основном на практике учителя физкультуры не знали, что именно понимать под чосейреку (чосейреоку). Именно поэтому «Комитет по Чосейреку» был создан как исследовательский проект Центра спортивных наук. Комитет определил, что чосейреку (координационные способности) обеспечивает физический ресурс для формирования движений в контексте психологической обработки. Еще в 1972 г. «Комитетом по Чосейреку» были поставлены следующие вопросы: 1. Что такое чосейреку? (Определение термина); 2. Как изучать чосейреку? (Диагностика, пути и возможности); 3. Как обучить чосейреку на практике? (Методология, принципы и понятия). В 1976 г. вышел второй специальный номер, посвященный обзору чосейреку (чосейреоку). В нем

Тошихиро Исикава — глава «Комитета по Чосейреку» написал следующее: «Я, как руководитель комитета, дал определение чосейреку (чосейреоку). Это не было определением в научном смысле, но основывалось оно на общем понимании членов комитета. Научный подход пока проблематичен. Таким образом, например, моделирование движений в контексте психологической обработки означает, что на движения человека всегда влияют психологические побуждения. Понятие «физический ресурс» часто приравнивается к производительности, и это заблуждение. Понятие «физический ресурс» почти не используется в английском языке, и, кроме того, сомнительно, является ли потенциал чосейреку (чосейреоку) синонимом этого ресурса или нет» [Tosikhiro Isikava, 1976]. В споре вокруг термина «чосейреку» участвовали многие ученые-физкультурники, изучающие физические упражнения, — Нориоси Такада, Исаму Канехара, Мичио Инукай (Икай) и Тоширо Исикава [Noriyosi Takada, 1976; 1968; Isamu Kanekhara, 1968; Toshikhiro Isikava, 1987]. Комитет заявил, что после того, как термин будет достаточно прояснен, можно будет разработать диагностический и методологический подходы.

Из вышесказанного становится ясно, что определение чосейреку (чосейреоку) с самого начала было проблематичным. Дальнейшая разработка и оформление концепции чосейреку (чосейреоку) была затруднена. Тем не менее его эволюция под руководством «Комитета по Чосейреку» получила дальнейшее развитие, как видно из публикаций журнала «Наука физического воспитания»² с 1972 по 1998 г. В XXI в. в Японии была опубликована книга Петера Шрайнера «Координационный тренинг по футболу» [Shrauner, 2002]. Затем были представлены несколько книг по координационному обучению авторов Адзумане, Хираи [Khirai Khiroshi, 2002], вышедшие в национальном издательстве и в Лейпцигской школе. Кроме того, Японская спортивная ассоциация разработала теорию и практику развития КС. Координационные навыки введены в качестве обязательного предмета в рамках подготовки тренеров. В Министерстве образования Японии обсуждался вопрос о том, как совершенствовать систему координационной подготовки в рамках физического воспитания в школе.

Заключение

Как спорт, так и физическая культура в Азии вообще и в Японии в частности имеют богатую историю, связанную не только с традиционными, национальными видами спорта (такими как боевые искусства), многие из которых уже получили всемирную известность и распространились практически по всей планете. Однако сейчас в азиатских странах наблюдается процесс заимствования западных видов спорта (баскетбол, бейсбол, крикет, футбол), которые стали популярными для отдыха и зрелищ в странах азиатского региона по всему Югу, Востоку и Юго-Восточной Азии, включая Гонконг, Индию, Китай, Сингапур, Тайвань, Южную Корею и Японию [Иванов В. Д., 2017, т. 2, № 1, с. 32–34]. Подобное сближение не только в практике физкультуры и спорта, но и в науках, изучающих различные аспекты физического воспитания, образования, совершенствования также набирает обороты, что особенно важно, в вопросах теоретико-прикладного осмысления сложных тем и направлений. Тем более интересен опыт национального понимания феномена развития двигательной активности у человека (начиная с самого юного возраста) как через общепринятые, так и через национальные феномены развития координации, одним из которых, безусловно, является феномен чосейреку.

² 体育の科学: 保健と体育の平易な総合雑誌 [The science of physical education: A simple comprehensive history of health and physical education] [Электронный ресурс] // 日本体育学会 [Japan Physical Education Association (in Japanese)]. URL: <https://ci.nii.ac.jp/ncid/AN00135823?l=ja> (дата обращения: 18.01.2023).

Японцы уделяют большое внимание здоровью и физическому воспитанию нации, считая это одним из основных направлений развития страны. Здоровое население — базис хорошо развитого государства, что подтвердило исследование Global Burden of Disease Study (GBD) 2010³, где Япония признана мировым лидером по показателям ожидаемой продолжительности здоровой жизни [Талызов, 2016, т. 1, № 4, с. 104–106], а потому ее опыт и подход к вопросам физического и духовного совершенствования человека достоин внимательного рассмотрения. Тем не менее необходимо понимать: то, что может показаться оправданным с точки зрения выбора спортивных практик учителями и тренерами, не может быть удовлетворительным с научной точки зрения [Mechling, 2003]. Однако концепции координационных способностей, разработанные в Японии [Blume, 1978; Hirtz, 1985], подтверждаются их использованием в спортивной практике, даже несмотря на недостатки теоретической системы отсчета и ее эмпирического обоснования.

Литература / References

Баландин В. А., Ахметов С. М., Чернышенко Ю. К., Кузнецов А. О., Величко А. И. Классификация и состав тестов, характеризующих координационные способности детей и подростков 7–12 лет. *Физическая культура, спорт — наука и практика*. 2019. № 4. С. 3–11 [Balandin V. A., Akhmetov S. M., Chernyshenko Yu. K., Kuznetsov A. O., Velichko A. I. Classification and composition of tests characterizing the coordination abilities of children and adolescents 7–12 years old. *Physical culture, sport — science and practice*. 2019. No. 4. Pp. 3–11 (in Russian)].

Иванов В. Д., Салькова Н. А. Особенности физической культуры и спорта в странах Азии. *Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация*. 2017. Т. 2. № 1. С. 32–34 [Ivanov, V. D., Salkova N. A. Features of physical culture and sports in Asian. *Physical culture. Sport. Tourism. Motional recreation*. 2017. Vol. 2. No. 1. Pp. 32–34 (in Russian)].

Кремнева В. Н., Солодовник Е. М. Сравнение систем образования в области физической культуры в школах России и Японии. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 8–1. С. 92–96 [Kremneva V. N., Solodovnik E. M. A Comparison of education systems in the field of physical culture in schools in Russia and Japan. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019. No. 8–1. Pp. 92–96 (in Russian)].

Талызов С. Н. Японская модель управления физической культурой и спортом. *Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация*. 2016. Т. 1. № 4. С. 104–106 [Talyzov S. N. The Japanese model of physical culture and sports management. *Physical culture. Sport. Tourism. Motional recreation*. 2016. Vol. 1. No. 4. Pp. 104–106 (in Russian)].

Blume D. D. Zu einigen wesentlichen theoretischen Grundpositionen für die Untersuchung der koordinativen Fähigkeiten. *Theorie und Praxis der Körperkultur*. 1978. Vol. 27. Pp. 29–36.

Hirtz, P. *Koordinative Fähigkeiten im Schulsport: vielseitig, variationsreich, ungewohnt*. Berlin, 1985.

Mechling H. Von koordinativen Fähigkeiten zum Strategie-Adaptations-Ansatz. H. Mechling & J. Munzert, *Handbuch Bewegungswissenschaft — Bewegungslehre*. Schorndorf: Hofmann, 2003.

猪飼道夫. 調整力~その整理学的考察. *体育の科学*, 1972. Vol. 22. No. 1 [Michio Ikai Coordination Force: Its Systematic Analysis. *The Science of Physical Education*. 1972. Vol. 22. No. 1 (in Japanese)].

石川利寛. 調整力を科学する. *体育の科学*, 1976. Vol. 26. No. 9. Pp. 632–633 [Tosikhiro Isikava (1976). The Science of Coordination. *The Science of Physical Education*. Vol. 26. No. 9. Pp. 632–633 (in Japanese)].

石川利寛. 調整力に関する研究成果のまとめ. *体育科学*, 1987. Vol. 15 [Toshikhiro Isikava A Brief review of the Results of the Study of Coordination Abilities. *The Science of Physical Education*. 1987. Vol. 15 (in Japanese)].

³ Japan profile. Institute for Health Metrics and Evaluation [Электронный ресурс] // Institute for Health Metrics and Evaluation. URL: <http://www.healthdata.org/japan> (дата обращения: 21.02.2023).

泉原嘉郎. サッカー競技におけるコーディネーショントレーニングプログラムの年代別体系化に関する基礎研究. 福島大学修士論文2005 [Yosiro Izukhara. *Fundamental Studies on the Systematization of the Program of Training Coordination Age Group-Wise In Football Competitions. A Master's Degree Thesis.* Fukushima University, 2005 (in Japanese)].

金原勇夫 調整力と調整力の高め方. 体育の科学, 1968. Vol. 18. No. 1 [Isamu Kanekhara Coordination and Means to Improve Coordination. *The Science of Physical Education.* Vol. 18. No. 1 (in Japanese)].

金原勇 私は調整力をこう考える. 体育の科学, 1972. Vol. 22. No. 1 [Isamu Kanekhara. What Do I Think About Coordination Abilities? 1972. Vol. 22. No. 1 (in Japanese)].

白石豊. スポーツの得意な子に育つ親子遊び 2005 [Yutaka Siraisi. *A Parents and Children Game Helping Children to Gain Success in Sports.* 2005 (in Japanese)].

高田典衛. 調整力これまでとこれから私見. 体育の科学 1976. Vol. 26. No. 6(9) [Noriyosi Takada. Coordination Abilities. Past and Present. A Personal Opinion. *The Science of Physical Education.* Vol. 26. No. 6(9) (in Japanese)].

高田典衛 学習指導要領における調整力について. 体育の科, 1968. Vol. 18. No. 1 [Noriyosi Takada. On the Possibility to Correct Education Programs. *Department of Physical Education.* 1968. Vol. 18. No. 1 (in Japanese)].

ペーター・シュライナー著. 白石豊 & 泉原嘉郎共訳 サッカーのコーディネーショントレーニング 2002 [Peter Shrayner. Joint Translation by Yutaki Siraisi and Yosiro Idzukhary. *Coordination Training in Football.* 2002 (in Japanese)].

東根明人, 平井博史キンダーコーディネーション. 全国書籍出版. 2002 [Khigasine Akikhito, Khirai Khiroshi. *Children`s Coordination.* National Book Publication, 2002 (in Japanese)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Japan profile. Institute for Health Metrics and Evaluation [Электронный ресурс] // Institute for Health Metrics and Evaluation. URL: <http://www.healthdata.org/japan> (дата обращения: 21.02.2023).

体育の科学: 保健と体育の平易な総合雑誌 [The science of physical education: A simple comprehensive history of health and physical education] [Электронный ресурс] // 日本体育学会 [Japan Physical Education Association (in Japanese)]. URL: <https://ci.nii.ac.jp/ncid/AN00135823?l=ja> (дата обращения: 18.01.2023).

ЮЖНАЯ КОРЕЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ?

© 2024

С. В. Назаров¹

В статье исследуется влияние модернизации и вестернизации на развитие современного корейского общества. Отмечается, что визуальными признаками ускоряющейся модернизации и вестернизации в Корее являются рост в последнее десятилетие количества заведений европейской кухни и доминирование западной одежды в повседневной практике. Культурная вестернизация, успешно проходящая в верхних слоях культуры, становится всё более трудной на промежуточном уровне (мышление) и является самой сложной на низком уровне (ценности, нормы и принципы), представляющем собой ядро всякой национальной культуры.

Делается вывод, что в условиях ускоренной модернизации второй половины XX — начала XXI вв. корейское общество оказалось перед проблемой сохранения своей культурной идентичности, решение которой непосредственно связано с определением допустимого уровня культурной вестернизации, не затрагивающей глубинных основ национальной культуры.

Ключевые слова: модернизация, вестернизация; Южная Корея; аккультурация, инкультурация, массовое сознание

Для цитирования: Назаров С.В. Южная Корея между Западом и Востоком: модернизация или вестернизация? *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 239–242. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-239-242

SOUTH KOREA BETWEEN WEST AND EAST: MODERNIZATION OR WESTERNIZATION

Sergey V. Nazarov

The article examines the influence of modernization and westernization on the development of modern Korean society. It is noted that visible signs of accelerating modernization and Westernization in Korea are the growth in the last decade in the number of European cuisine establishments and the dominance of Western clothing in everyday practice. Cultural Westernization, which is successful in the upper layers of culture, becomes increasingly difficult at the intermediate level (thinking), and is most difficult at the low level (values, norms and principles), which is the core of any national culture.

It is concluded that in conditions of accelerated modernization of the second half of the twentieth — early twenty-first centuries. Korean society faced the problem of preserving its cultural identity, the solution of which is

¹ Назаров Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Армавир; senaza@yandex.ru

Sergey Nazarov, PhD (Hist.), Associate Professor Department of General and National History Armavir State Pedagogical University, Armavir; senaza@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-1967-9020

directly related to determining the acceptable level of cultural Westernization, which does not affect the deep foundations of national culture.

Keywords: modernization, westernization, South Korea, acculturation, inculturation, mass consciousness

For citation: Nazarov S. V. South Korea Between West and East: Modernization or Westernization? *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2024. No. 2. Pp. 239–242. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-239-242

Двадцатый век, и особенно его вторая половина стали бифуркационной точкой в развитии Южной Кореи. Модернизация общества на основе цивилизационных составляющих западной цивилизации актуализировала проблему сохранения своей культурной идентичности. В настоящее время западная и корейская культура смешались, и корейцы испытывают большое влияние от столкновения культур. Для того чтобы справиться с этим, корейцы должны понимать и осознать, что заимствование экономической и политической составляющих западной цивилизации закономерно вызывает и культурную трансформацию. В связи с чем современная Корея оказалась на перепутье между Западом и Востоком, в состоянии цивилизационного дуализма. Фундаментом основных культурных принципов западной цивилизации являются индивидуализм, свобода и равенство, рационализм и уверенность в господстве человека над природой. Доминантами корейской традиционной культуры, уходящей корнями в шаманизм и конфуцианство, являются коллективизм, патернализм, стремление к гармоничному развитию общества и природы. В связи с чем и возникает вопрос: какое начало возобладает в корейском обществе?

Ответ на этот вопрос зависит от реакции корейцев на вызовы, рождённые модернизацией на основе структурных элементов западной цивилизации и степени их готовности принять европейские ценности и стандарты, что во многом и определит степень вестернизации корейского общества. Обращаясь к реалиям современного корейского общества, можно отметить, что вестернизация в нём тесно связана с аккультурацией и инкультурацией.

По мнению Пак Санга, «Структура культуры сравнима со строением Земли: она так же, как и Земля, состоит из нескольких слоев: ритм жизни, характер поведения, способы мышления и, наконец, ценности, нормы и принципы. Когда две разные культуры вступают в контакт, верхний слой (кора) прокалывает первый, и постепенно они проникают в низшие слои»². Соглашаясь с этой точкой зрения, мы можем предположить, что вестернизация Кореи в настоящее время затронула преимущественно два верхних слоя (ритм жизни, характер поведения), которые наиболее тесно связаны с материальной культурой. Именно на этом уровне активно происходит процесс аккультурации, в ходе которой корейское общество активно заимствовало и заимствует на уровне повседневности западные модели поведения, одежду, формы досуга, «гамбургеру культуру» и европейские представления о красоте тела. При этом степень вестернизации этих уровней культуры ускоряется, и каждое новое поколение всё дальше отходит от своих традиционных культурных начал, что и является одной из причин культурного непонимания «отцов и детей».

Визуальными признаками ускоряющейся модернизации и вестернизации в Корее можно назвать, например, рост в последнее десятилетие количества заведений европейской кухни — всевозможных Мак, Сабвей, Данкин Донатс, КФС и т. д., которые представляют собой ярких агентов вестернизации. Конечно, корейца, который пьёт кока-колу и ест гамбургеры, европейцем считать ещё рано и смешно, как и европейца, который ест кимчи и пьёт соджу, сложно назвать корейцем. Интернационализация гастрономических предпочтений — это реалии подавляющего большинства современных обществ, и сама по себе угрозу культурной идентичности она не несёт. В то же

² Park Sang-seek. Clash of Western civilization and Korean culture. URL: <http://www.koreaherald.com/index.php>. (дата обращения: 12.01.2023).

время, как показывает японский и китайский опыт, такие заведения становятся привлекательными для той части молодёжи, которая желает быть похожей на европейцев. Для этой части корейского общества фастфудовские заведения — это уже не только место, где можно покушать, но «островок западной свободы» со своей субкультурой (или контркультурой), фиксирующей демонстративный отказ от национальной культуры. Анализ корейских сайтов и социальных сетей демонстрирует изменение и в характере поведения молодёжи, которая, в отличие от своих родителей, уже не стыдится публично демонстрировать свои чувства страстными поцелуями и объятиями. Поэтому образ жителей Кореи как людей не очень эмоциональных («... при встрече у них не принято обниматься или целоваться, и воспитанные корейцы не позволят себе такого в местах большого скопления людей») [Баранов, 2010, с. 47] постепенно уходит в прошлое.

Было бы справедливо сказать, что мода в Корее — это одна из областей, которая ощутила влияние западной культуры. Это видно по тому факту, что традиционная одежда корейского народа «ханбок» стала одеждой, предназначенной только для особых случаев, таких как свадьбы, местные фестивали. С появлением рубашек, джинсов, брюк и другой более простой западной одежды ханбок стал редкой одеждой в Корее в повседневной практике.

Еще одним неоспоримым влиянием западной культуры на Корею является английский язык. В настоящее время уровень занятости иностранных преподавателей английского языка в Корее увеличился. Аналогичным образом растет все больше и больше число англоязычных хагвонов, создавая условия для обучения корейских студентов, которые хотят знать английский язык [Ильин В. И., 2012, с. 100]. Английский язык настолько глубоко проник в общество, что на большинстве вывесок на улицах, в метро и даже в ресторанах присутствуют английские интерпретации или латинизированные версии корейских слов.

Вестернизация, успешно проходящая в верхних слоях культуры, становится всё более трудной на промежуточном уровне (мышление) и является самой сложной на низком уровне (ценности, нормы и принципы), представляющем собой ядро всякой национальной культуры. Поэтому проникновение вестернизации на этот уровень грозит корейцам потерей их культурной идентичности. Осознание этого приводит к тому, что как на уровне государственной политики, так и на уровне отдельных представителей культурной элиты происходит усиление процесса инкультурации, следствием которого стало развитие современного корейского национализма, «корейской волны» (халлю) и т. д.

Посредством идей национализма корейские идеологи стремятся не только показать свою исключительность, но и отстоять цивилизационные ценности Кореи от тлетворного влияния вестернизации. Пропаганда эта ведётся весьма агрессивно и примитивно. Характерные примеры — цитата из рекламной листовки, представляющей иностранцам коллекцию современной корейской керамики: «Как известно, наша великая керамика имеет 1000-летние традиции. Поэтому с нашей коллекцией ни в какое сравнение не идет известная французская (sic!) картина «Мона Лиза», имеющая всего лишь 400-летнюю историю» [Асмолов, с. 314]. В то же время все упоминания об иностранном влиянии тщательно удаляются из националистической корейской истории, им не уделяется должного внимания в СМИ и литературе. Наоборот, в националистическом дискурсе Корея неизменно предстает источником влияния на соседей. На современном этапе своеобразным подтверждением этого «влияния» служит Халлю — понятие, относящееся к распространению современной культуры Южной Кореи по всему миру. Термин был введен в обиход в Китае в середине 1990-х. Его авторами стали пекинские журналисты, поражённые быстрорастущей популярностью в стране южнокорейской индустрии развлечений. За чисто коммерческой стороной этого явления

можно рассмотреть и желание Кореи транслировать на весь мир свои культурные шедевры, большинство из которых имеет корейскую оболочку, но европейское ядро.

Серьезной причиной, по которой нельзя получить однозначного ответа на вопрос, насколько вестернизирована Корея, является столкновение между двумя разными культурами. Хотя Корея успешно переняла практики демократии и модернизации из западной культуры, её ценность коллективизма контрастирует с индивидуализмом Запада. Корея охотно приняла идеологию модернизации для построения своей нации, но она неустанно стремилась сохранить принципы, на которых основана. Это объясняет, почему «переваривание» западного образа жизни не завершено, поскольку корейцы пытаются сохранить свой традиционный образ жизни и коренную самобытность.

Таким образом, западная культура с её богатым набором различных философий и идеологий оказала значительное влияние на Корею и продолжает оказывать это влияние. Здесь присутствует отпечаток западного образа жизни, от еды до одежды, праздников и т. д. Интересно, что в этом заимствовании западных практик есть одна примечательная вещь: Корея прилагает большие усилия, чтобы сохранить самобытность своих традиций и обычаев. В то же время вестернизация часто рассматривается как часть продолжающегося процесса глобализации на культурном фундаменте западной цивилизации. В этих условиях Корея сталкивается с дилеммой. Если она хочет стать современным государством, то ей ничего не остаётся, как принять вестернизацию в качестве исторической действительности и приспособить свою культурную идентичность к западной культуре, к западным ценностям, которые по-прежнему под влиянием европоцентризма воспринимаются как общечеловеческие ценности. Вопрос заключается только в том, насколько далеко готово пойти корейское общество по пути модернизация на основе вестернизации.

Литература / References

Асмолов К. В. *Корейская политическая культура: традиции и трансформации*. М., 2008 [Asmolov K. V. *Korean political culture: traditions and transformations*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Баранов Е. П. *Корейские зарисовки*. М.: Восток-Запад, 2010 [Baranov E. P. *Korean sketches*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Симбирцева Т. М. *Корея на перекрестке эпох*. М., 2000 [Simbirtseva T. M. *Korea at the crossroads of eras*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Ильин В. И. Модернизация повседневности в Корее. Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 4. С. 90–106 [Ilyin V. I. Modernization of everyday life in Korea. Journal of Sociology and Social Anthropology. 2012. No. 4. Pp. 90–106 (in Russian)].

Park Sang-seek. Clash of Western civilization and Korean culture. URL: <http://www.koreaherald.com/index.php>. (дата обращения: 12.01.2023).

АНАЛИЗ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

© 2024

В. В. Назарова¹

В статье поднимаются проблемы трансформации японской семьи во второй половине XX в. Особое внимание уделяется межпоколенным связям. Выявляются причины, способствующие разрушению традиционных семейных ценностей в японском обществе. Раскрывается прежде всего взгляд японских исследователей на поднимаемые в работе проблемы. Старение нации рассматривается как комплексная проблема, как результат нарушения традиционных межпоколенных связей. Делается вывод о том, что для современной японской семейной системы характерны как старые ценности, так и новые тенденции, приближающие японскую семью к характеристикам современной европейской нуклеарной семьи.

Ключевые слова: японская семья, межпоколенные связи, «отцовский принцип», «материнский принцип», старение нации, традиционные семейные ценности

Для цитирования: Назарова В. В. Анализ межпоколенных отношений в японском обществе второй половины XX в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2024. № 2. С. 243–247. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-243-247

ANALYSIS OF INTERGENERATION RELATIONS IN JAPANESE SOCIETY IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Veronika V. Nazarova

The article raises the problems of transformation of the Japanese family in the second half of the twentieth century. Particular attention is paid to intergenerational connections. The reasons contributing to the destruction of traditional family values in Japanese society are identified. First, the view of Japanese researchers on the problems raised in the work is revealed. The aging of a nation is seen as a complex problem, as a result of the breakdown of traditional intergenerational ties. It is concluded that the modern Japanese family system is characterized by both old values and new trends that bring the Japanese family closer to the characteristics of the modern European nuclear family.

Keywords: Japanese family, intergenerational connections, “fatherly principle”, “maternal principle”, aging of the nation, traditional family values

For citation: Nazarova V. V. Analysis of the Intergenerational Relations in Japanese Society in the Second Half of the Twentieth Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2024. No. 2. Pp. 243–247. DOI: 10.31696/2618-7302-2024-2-243-247

¹ Назарова Вероника Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, Армавир; senaza@yandex.ru

Veronika V. Nazarova, PhD (Hist.), Associate Professor Department of General and National History Armavir State Pedagogical University, Armavir; senaza@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8473-2115

В современной России особое внимание уделяется семье и традиционным семейным ценностям. Институт семьи переживает нелёгкие времена: растёт количества разводов, неполных и бездетных семей. В этих условиях особый интерес для исследователей представляют семейные отношения восточных обществ, где, как принято считать, сохраняются семейные традиции из поколения в поколение. Но с какими трудностями семья столкнулась даже в этих странах? Какие тенденции характеризуют её развитие? Постараемся ответить на данные вопросы, проанализировав межпоколенные отношения в японском обществе второй половины XX в.

В современных исследованиях огромное внимание уделяется проблеме взаимоотношений родителей и детей. Это, с одной стороны, позволяет выявить процесс формирования полоролевых установок у ребёнка, а с другой — проследить изменения в межпоколенных связях.

Во второй половине XX в. японки неуклонно приобретали всё больше «прав» над детьми (при условии, что они были «безупречными» матерями и полностью посвящали свою жизнь семье). Японское общество столкнулось с проблемой кризиса «отцовских прав», когда отец «вытеснялся» из «семейного пространства», отдаляясь от детей, их воспитания. Падал и авторитет отца в семье. Основной причиной ослабления маскулинного фактора при выполнении репродуктивной функции семьи можно выделить изменение статуса детей. Многие феминистские авторы, такие как Энн Оукли, Кэрол Смарт и др., обратили внимание на то, что ответственность за воспитание детей переместилась на женщин тогда, когда дети стали скорее экономическим пассивом, чем экономическим активом, что совпало с распространением идеологии женской хозяйственности и женственности. Данный процесс (увеличение «материнского права» и уменьшение «отцовского») можно назвать не просто эмансипацией «японской семьи», но даже её феминизацией.

Как отмечает Отиаи Эмико, с переходом от аграрного к индустриальному обществу меняется роль детей и их место в системе социально-экономических ценностей. В аграрном обществе дети выступали в роли «производственных товаров» (*producer goods*), и на них смотрели как на маленьких взрослых, участников производственного процесса, коллективного семейного труда. В таком обществе отец брал полную ответственность за воспитание сына и его обучение семейному делу. К тому же в таких семьях в большей мере ощущалась отцовская власть. В индустриальном обществе дети становятся «потребительским товаром» (*consumer goods*), в них чаще всего видят горячо любимых баловней на протяжении всего детства. В индустриальном и постиндустриальном обществах детей принимают и любят в семье независимо от их участия в трудовой деятельности. Одна из причин этого явления — то, что в современной Японии мало кто наследует семейное дело: в основном не только дочери, но и сыновья уходят работать в чужие компании или корпорации и зарабатывают деньги для себя лично, а не для своих родителей [Ochiai Emiko, 1997, p. 46]. В связи с тем, что отпадает необходимость непосредственного участия отца в обучении сына, ослабляется их взаимосвязь, в то время как влияние матерей заполняет этот вакуум. Обозначенная тенденция межпоколенных отношений ещё больше стала очевидной в условиях развития постиндустриального общества.

Известный японский психиатр Каваи Хаяо рассматривает усиление власти матери в связи с рядом проблем, которые обрушились на послевоенную японскую семью:

- агрессия;
- нервозность;
- эгоистичность детей.

Он отмечает, что поведение японцев связано с доминированием в их культуре «материнского принципа», в отличие от европейцев и американцев, у которых господствует «отцовский принцип». «Материнский принцип» подразумевает поведение матери, позволяющей своему ребёнку делать всё, что ему хочется. «Отцовский принцип» моделируется по типичному поведению отца,

ориентированному на разделение и классификацию всего как субъективного и объективного, хорошего и плохого и т. д. В отличие от матери, заявляющей: «мой ребёнок — хороший ребёнок», отец чаще говорит: «только хороший ребёнок мой». Полное нарушение баланса «материнского» и «отцовского» принципов (реализуемого в довоенные годы часто при помощи традиционной общественной среды) в условиях процветания страны превратил процесс становления ребёнка как личности в воспитание искусственных «хороших детей», чрезмерно опекаемых их матерями [Kawai Naoya, 1986, p. 303]. Нельзя не отметить, что японское общество само порождало эту проблему, ожидая от отца выполнения функции «добытчика» (что предполагало его отсутствие дома и проведение основного времени на работе; он возвращается домой, когда дети чаще всего уже спят, и уходит на работу, когда они, возможно, ещё не проснулись, он практически никогда не берёт больничный по уходу за ребёнком, в связи с чем постепенно превращается в постороннего «человека», можно сказать, что само общество «вытесняло» отца из семьи), в свою очередь понятие «хорошей матери» включало посвящение себя дому и детям, что не могло не приводить к чрезмерной опеке детей (в современной Японии многие молодые люди не стремятся покинуть родительский дом, так как мама готовит еду, убирает, стирает и полностью создаёт комфортные условия жизни, в то время как самостоятельная жизнь может лишить их всех привычных благ. С одной стороны, это приводит к усилению роли «матери» в семье, к росту её авторитета, с другой — порождает зачастую потребительское отношение детей к ней).

Стоит отметить, что нарушение традиционных гендерных позиций отца и матери при выполнении репродуктивной функции семьи тесно связано с процессом феминизации самой японской семьи. И если японские консерваторы делают акцент только на негативные последствия, особенно обвиняя матерей в агрессивном поведении ребёнка, который посредством своей агрессии стремится освободиться от опеки матери, то японские гендеристы и исследователи по женскому вопросу указывают и на другие моменты, связанные с тем, что власть женщин в семье ведёт к изменению самой семьи и уменьшению дискриминации японок [Lock, 1990, p. 42]. Именно в таких семьях воспитывалось новое поколение японок и японцев, которые были уже менее «полотипизированны», чем предшествующее им поколение.

Внутри семьи дети получают свою первоначальную социализацию, которая влияет на представление ребёнка о самом себе, так что дети приобретают все характерные черты, которые считаются «соответствующими их полу». Учитывая, что мужские и женские черты в большей степени являются приобретёнными, чем врождёнными, можно сказать, что от воспитания матери зависит, вырастут ли дочь и сын в атмосфере равноправия полноценными личностями или девочка научится подчиняться, а мальчик командовать. В начале 1990-х годов в Японии проводились очередные опросы общественного мнения по проблеме равенства полов. Было выявлено, что в современных семьях существует небольшая разница в помощи по дому матерям их дочками и сыновьями. Так, уборкой квартиры и стиркой занимаются девочки — 1,3%, мальчики — 1,2%; ходят в магазин за покупками дочка — 2,2%, сыновья — 2%; помогают готовить пищу практически одинаково представители обоих полов — 1,5% и 1,4%; аналогичная ситуация с уборкой и мытьём посуды — 3,1% и 3,2% (интересно, что такую традиционную женскую работу, как мытьё посуды, мальчики выполняют даже чаще, чем их сёстры). Отметим и то, что уход за младенцами больше ложится на плечи девочек (1,6% и 1,3%), в то время как за престарелыми бабушками и дедушками внуки смотрят чаще, чем внучки (1,4% и 2,6%) [Фудзин хакусё, 1998, p. 65]. Исходя из результатов опросов, можно говорить о двух тенденциях в воспитании детей:

- во-первых, подход к девочкам и мальчикам становится менее полусимметричным (чем раньше), что повышает вероятность во взрослой жизни помощи мужа жене в домашнем хозяйстве;
- во-вторых, наблюдается общее снижение занятости детей в семейном хозяйстве, что приводит к нежеланию в будущем быстро менять свою комфортабельную жизнь, обзаводясь семьёй (прежде всего это относится к девушкам, так как они пользуются услугами матерей

и не спешат оказаться на их месте, хотя молодые люди также не спешат нести ответственность за жену и детей).

Нельзя не отметить и то, что японские женщины — преданные матери и домохозяйки, но в послевоенной Японии постепенно подрастало поколение, которое по-новому стало относиться к месту женщины и мужчины в семье, а, следовательно, стало искать новые формы совместной жизни и воспитания детей. Во второй половине XX в. появился и стал распространённым новый тип жены («работающей матери»). Менялось и отношение японцев к работающим женщинам (замена негативного отношения к работающей жене на одобрение её занятости). Так, уже в начале 1990-х годов 83,9% японских женщин и 87,7% мужчин считали вполне нормальным для женщины наниматься на оплачиваемую работу, но при этом не забывать и о семейных обязанностях [Фудзин хакусэ, 1998, р. 65–66]. На смену устойчивой и прочной «современной семье» с женой в роли домохозяйки, двумя-тремя детьми и мужем, занятым в сфере общественного производства, пришли малодетные семьи. Нуклеарная семья становилась новой реальностью Японии.

С 1975 г. в японском обществе всё чаще стали слышны обвинения современной молодёжи в её неспособности быть хорошими родителями из-за отсутствия у девушек «материнских качеств» («*босэй*»), а у молодёжи вообще — «родительских качеств» («*оясэй*»). Это было неслучайно, так как с середины 1970-х годов начала снижаться рождаемость в стране. В 1990 г. всю Японию охватил так называемый «шок 1,57», вызванный тем, что в том году японская статистика отметила самое сильное падение рождаемости (после Второй мировой войны). В дальнейшем тенденция падения сохранялась: в 1991 г. — 1,53 ребёнка, в 1993 г. — 1,46, в 1994 г. — 1,50 [About Japan Series 19, 1994, р. 32–35]. То есть даже при незначительном повышении в 1994 г. рождаемость по-прежнему оставалась значительно ниже цифры 2,1, необходимой для ослабления тенденции старения японского общества. Многие исследователи делали прогноз на начало XX в. М. Лок, Каваи Хаяо и др. отмечали, что при сохранении тенденции старения населения в 2008 г. в Японии число занятых полное рабочее время женщин и больных стариков будет практически одинаковым. Время подтвердило данные демографические прогнозы и опасения по поводу старения нации. Современная Япония расширяет программы по решению этой проблемы. Проводится популяризация самой семьи и семейных ценностей; политика «возвращения отца в семью», предусматривающая поощрение и даже обязанность брать отпуск по уходу за детьми, отчитываться на работе о мероприятиях, совместно проведённых с ребёнком, за что мужчина может получить премию и даже повышение по службе. Предусматриваются и другие льготы.

В конце 1990-х годов каждая двадцатая супружеская пара не имела детей [Тихоцкая, 2000, с. 270]. Главными причинами снижения рождаемости были трудности совмещения воспитания детей с работой вне дома, откладывание вступления в брак и беспокойство относительно будущего детей в мире, где качество природной среды постоянно снижается [Iwao Sumiko, 1995, р. 349]. Исследователи проблем, связанных с народонаселением, — Р. Резерфорд, С. Сакамото и Н. Огава указывают, что изменения представлений об идеальном размере семьи в японском обществе связано со снижением «ценности детей», то есть ожидаемой от них поддержки в престарелом возрасте. На вопрос: «Планируете ли вы зависеть от детей в старости?» положительно отвечали в среднем 65% респондентов в 1950 г. и лишь 17% — в 1994 г. [Retherford, Ogawa Nao, Sakamoto Satomi, 1996, р. 18].

Параллельно с уменьшением «ценности детей» в качестве опоры в конце жизни в изучаемый период повышалась «стоимость» воспитания и обучения подрастающего поколения, что также не способствовало демографическому росту. По оценкам японского правительства, средняя «стоимость» ребёнка от рождения до окончания университета составляла в середине 1990-х годов около 20 млн иен (около 241 тыс. ам. долл.) [Retherford R. D., 1996, р. 24].

Изменение традиционных семейных установок было выявлено и в результате обследования, проведённого газетой «Майнити» и университетом Нихон в разных районах Японии в начале 1990-х годов.

Так, отвечая на вопрос: «С кем бы предпочли жить в старости?», 36% японок в возрасте 60 лет и старше назвали своего супруга, 21% — собственную дочь и зятя, 32% — старшего сына и невестку. Причём чем моложе женщины, тем чаще они предпочтение отдавали дочерям [Martin L. G., 1991, p. 300]. Если при системе *из* (традиционная большая патриархальная семья) с дочерью доживали век только не имеющие сына супруги, то в послевоенной Японии проживание в семье сына или дочери стало менее всего зависеть от традиционных установок и определялось сочетанием демографических и социоэкономических факторов. Отход от традиционной схемы межпоколенных отношений стал очевиден в сокращении совместного проживания с родителями семьи старшего сына: так, если в начале 1960-х годов количество таких семей составляло 58%, то уже в 1980–1982 гг. — 41% [Нихон кокусай дзукэй, 1988, с. 29].

Л. Г. Мартин (сотрудница Джорджтаунского университета) и Н. О. Цуя (сотрудник Института изучения проблем населения при университете Нихон) отмечают, что, «изучая изменения в традиционных межпоколенных семейных отношениях в Японии, прежде всего надо учитывать следующие факторы: порядок рождения (старшие дети любого пола чаще живут с родителями) и семейное положение родителей (одиноким предпочитают стареть в семье своего ребёнка). Помимо двух демографических факторов, огромное значение имеет социоэкономическое положение родителей и детей. Так, проживание в сельской местности и занятость в сельском хозяйстве повышают вероятность совместного проживания. Отрицательно на совместное проживание влияют уровень образования детей и родителей и городское место жительства» [Martin L. G., 1991, p. 301–311], последнее часто зависит не только от желания или нежелания детей и родителей жить вместе, но и от жилищных условий. При этом надо брать во внимание, что вследствие развития системы социального обеспечения, а также «заботы» предприятий и создания личных накоплений престарелые родители стали гораздо более самостоятельны в финансовом плане и способны сами помочь детям.

Таким образом, можно говорить, что в Японии второй половины XX в. некоторые семьи переходят от чисто традиционных взаимоотношений родителей и детей к принятой на Западе модели «близость на расстоянии». Выделенные и проанализированные нами основные изменения, а также проблемы японской семейной системы не могли не изменить саму сущность семьи и те функции, которые она призвана выполнять.

Литература / References

Тихоцкая И. С. Роль традиций в современной японской семье. *Япония-2000: консерватизм и традиционализм*. М., 2000. С. 252–272 [Tikhotskaya I. S. The role of traditions in the modern Japanese family. *Japan-2000: conservatism and traditionalism*. Moscow, 2000. Pp. 252–272 (in Russian)].

About Japan Series 19. Japanese Families. Tokyo, 1994.

Iwao Sumiko. The Evolving Role of Women. *Japan Review of International Affairs*. Tokyo, 1995. Vol. 9. № 4. Pp. 342–363.

Kawai Hayao. Violence in the Home: Conflict Between Two Principles — Maternal and paternal. *Japanese Culture and Behavior*. Honolulu, 1986. Pp. 297–306.

Lock M. Restoring Order to the House of Japan. *Wilson quarterly*. Washington, 1990. Vol. 14. № 4. Pp. 42–49.

Martin L. G. Interactions of Middle — Aged Japanese With Their Parents. *Population Studies*. London, 1991. Vol. 45. № 2. Pp. 299–311.

Ochiai Emiko. *The Japanese Family System in Transition: A Sociological Analysis of Family Changes in Postwar Japan*. Tokyo, 1997.

Retherford R. D. *Values and Fertility Change in Japan* / R. D. Retherford, Ogawa Nao, Sakamoto Satomi. *Population Studies*. London, 1996. Vol. 50. № 1. Pp. 5–26.

Нихон кокусай дзукэй. Токио, 1988 [Statistical Reference Book on Japan. Tokyo, 1988 (in Japanese)].

Фудзин хакусэ. Токио, 1998 [White Book on Women. Tokyo, 1998 (in Japanese)].

Подписано в печать 20.05.2024. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 20,0
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром А. О. Захаров

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Белый Ветер»
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56
<https://wwprint.ru/>